Том 17 № 4 2021

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2021. Т. 17. № 4

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
# of ANCIENT TECHNOLOGIES

2021. Vol. 17. No. 4

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2021

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2021. Т. 17. № 4

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П. А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
Зам. гл. редактора – Харинский А. В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)
Базаров Б. В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)
Вебер А. В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)
Ганин А. В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)
Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)
Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)
Дацышен В. Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)
Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)
Иванов А. А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)
Константинов М. В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)
Крадин Н. Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)
Кузнецов С. И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)
Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)
Наумов И. В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
Номоконова Т. Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)
Олейников А. В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)
Петрушин Ю. А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)
Пученков А. С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
Сирина А. А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)
Тетенькин А. В., кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
Тишкин А. А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)
Эрдэнээбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
Подписной индекс в каталоге Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»
«Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы» – 41510 (ОК+ЭК)
Адрес Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2021

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2021. Vol. 17. No. 4

Editorial board

Editor-in-Chief – Novikov P. A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Kharinskiy A. V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B. V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A. W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A. V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V. G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A. A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M. V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia)
Kradin N. N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S. I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I. V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T. Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A. V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu. A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchenkov A. S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A. A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Teten'kin A. V., Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A. A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Irkutsk National Research Technical University”

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru
© FSBEIHE «INRTU», 2021

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2021. Т. 17. № 4

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Ташак В. И. Перспективы исследований древнейших этапов заселения человеком территории Окинского плоскогорья (Восточный Саян) 9

Артёмкин Р. А., Вострецов Ю. Е., Федорец Ю. В. Рыболовство ранних земледельцев зайсановской культурной традиции на побережье залива Петра Великого около 4600 лет назад (по материалам памятника Клерк-5) 20

Лапшина З. С. Археология Нижнеамурского региона: отражение дуального мировидения оседлых рыболовов в парных рисунках петроглифов 35

Улзийбаяр Сондомын. Некоторые вопросы структуры кочевого общества на примере понятия «bùluò/bűl» 47

Филиппова В. В., Дьяконов В. М. Географо-информационная система «Археологические памятники Анабарского улуса (района)»: содержание, структура и возможности пространственного анализа 62

ЭТНОЛОГИЯ

Сирина А. А. Эвенки и Баргузинский заповедник: история взаимоотношений в контексте современных тенденций развития ООПТ 78

ИСТОРИЯ

Шафоростов А. И. История фундаментальных идей: материя 92

Багрин Е. А. Полк О. Степанова: к вопросу о составе и численности Амурского войска 1653–1658 гг. 103

Лохов А. Ю., Трухин В. И., Зайцев И. В. Нерчинский острог 1689 года 119

Козлова С. А., Иванов В. В. Хозяйственная деятельность старообрядцев (семейских) в Забайкалье в XIX – первой четверти XX в. (по документам Государственного архива Иркутской области) 132

Петров И. В. От межконфессиональных конфликтов к поиску мира: рецепты таврического духовенства и прессы в 1860–1890-е гг. 141

Федоров Д. А. Дмитрий Иванович Пихно – редактор-издатель газеты «Киевлянин» (1879–1913 гг.) 157

Авилов Р. С. Военно-врачебные заведения Иркутской губернии в 1899 г. (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) 168

Олейников А. В. 12-й гренадерский Астраханский полк в майском и июньском контрударах 1915 г. 179

Шаламов В. А. Челябинские госпитали Красного Креста в Иркутске в годы Гражданской войны 189

Петрушин Ю. А., Воронцов Д. В. Боевые действия в Восточной Сибири и Куйтунское соглашение 7 февраля 1920 г. 199

Горощенова О. А. Институт-завод № 172 НКЦМ в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 208

Тигунцев С. А. История развития силовых видов спорта в Иркутской области в 1945–1960 гг. 219

Троякова Ю. К., Артамонова Н. Я. Культурная миссия творческой интеллигенции Тувы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. 231

РЕЦЕНЗИЯ

Пученков А. С., Смирнов Н. Н. Важный материал по истории Русской Православной Церкви 240

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А. Б. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2021. Vol. 17. No. 4

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Tashak V. I. Prospects of researching the oldest stages of human settlement on the Oka plateau territory (Eastern Sayan) 9

Artemkin R. A., Vostretsov Yu. E., Fedorets Yu. V. Fishing of the early farmers of the Zaisanovsky cultural tradition on the coast of the Peter the Great Bay about 4600 years ago. (Based on materials from the Klerk-5 site) 20

Lapshina Z. S. Archaeology of the Lower Amur region: reflection of the dualistic worldview of sedentary fishermen in paired petroglyph drawings 35

Ulziibayar Sondom. Several issues on the ancient nomadic society structure in the example of “bùluò/bűl” 47

Filippova V. V., Dyakonov V. M. Geographical Information System “Archaeological sites of Anabar ulus (district)”: content, structure and possible of spatial analysis 62

ETHNOLOGY

Sirina A. A. Evenki and Barguzin natural reserve: history of relations in the context of modern trends in the development of Specially Protected Natural Areas 78

HISTORY

Shaforostov A. I. The history of fundamental ideas: matter 92

Bagrin E. A. O. Stepanov's regiment: composition and number of Amur army in 1653-1658 103

Lokhov A. Yu., Trukhin V. I., Zaytsev I. V. The Nerchinskiy fortress 1689 119

Kozlova S. A., Ivanov V. V. The economic activity of the Old Believers (Semeyskye) in Zabaykalye (XIXth - first quarter of the XXth century): documents from the State Archive of the Irkutsk Region 132

Petrov I. V. From interfaith conflicts to the search for peace: recipes of the Tauride clergy and the press in the 1860s-1890s 141

Fedorov D. A. Dmitry Ivanovich Pikhno - editor-publisher of the newspaper “Kievlyanin” (1879-1913) 157

Avilov R. S. The military-medical institution of Irkutsk province in 1899 (based on material of the visit of Aleksey N. Kuropatkin) 168

Oleynikov A. V. The 12th Grenadier Astrakhan Regiment in the May and June counterattacks of 1915 179

Shalamov V. A. Chelyabinsk hospitals of the Red Cross in Irkutsk in the years of the Civil War 189

Petrushin Yu. A., Vorontsov D. V. Fighting in Eastern Siberia and the Kuitun Agreement on February 7, 1920 199

Goroshchenova O. A. Institute-plant No. 172 PCNFM in the Great Patriotic War (1941-1945) 208

Tiguntsev S. A. Development of combat sports in Irkutsk Oblast in 1945-1960 219

Troyakova Ju. K., Artamonova N. Ya. The cultural mission of the creative intelligentsia of Tuva in the late 1980s - early 1990s 231

REVIEW

Puchenkov A. S., Smirnov N. N. Important material by the history of the Russian Orthodox church 240

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A. B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2021. Т. 17. № 4

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2021. Vol. 17. No. 4

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:
– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья
УДК 902.2
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-9-19

Перспективы исследований древнейших этапов заселения человеком территории Окинского плоскогорья (Восточный Саян)

Василий Иванович Ташак

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия,
tvi1960@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1891-9915

Аннотация. Об археологических объектах на территории Окинского плоскогорья, входящего в горную систему Восточного Саяна, было известно ещё во второй половине XIX в., но до настоящего времени археология этой территории остается изученной крайне слабо. Одним из актуальных вопросов археологических исследований Окинского плоскогорья остается вопрос о заселении этих мест человеком в эпоху палеолита. Вопрос вызван тем, что в позднем плейстоцене Саянская горная система была местом формирования и развития ледников, заполнявших почти все горные долины, что в свою очередь препятствовало освоению территории в палеолите и приводило бы к разрушению культурных горизонтов, если они могли сформироваться в относительно благоприятные промежутки времени. Кроме этого, до начала 2000-х гг. здесь не производились исследования стоянок с применением раскопок. Активные и планомерные исследования древних стоянок на территории Окинского плоскогорья начинаются с 2018 г. С этого времени в долинах рек Ока (Аха) – главная водная артерия Окинского плоскогорья и её притоков – Сенца и Жомболок, выявлена серия новых археологических местонахождений, определяемых как стоянки. Большинство новых стоянок предварительно датируется эпохой неолита. Наряду с этим получены археологические и палеонтологические данные, датируемые поздним плейстоценом. Кроме этого, на некоторых стоянках установлено наличие, как минимум, двух культурных горизонтов эпохи каменного века. Время формирования нижних культурных горизонтов на этих стоянках приходится на финал плейстоцена или самое начало голоцена. В статье приведены некоторые результаты новейших исследований, на основании которых может быть дан положительный ответ на вопрос об обитании человека в эпоху плейстоцена на территории Окинского плоскогорья.

Ключевые слова: каменный век, палеолит, неолит, плейстоцен, каменные орудия, палеонтология, лавовые поля, карстовые пещеры, пещерная гиена, Окинское плоскогорье, Восточный Саян

Благодарности: работа выполнена в рамках НИР ИМБТ СО РАН (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» № 121031000241-1).

Для цитирования: Ташак В. И. Перспективы исследований древнейших этапов заселения человеком территории Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 9–19. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-9-19.

Original article

Prospects of researching the oldest stages of human settlement on the Oka plateau territory (Eastern Sayan)

Vasily I. Tashak

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia,
tvi1960@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1891-9915

Abstract. In the Late Pleistocene extensive glaciers which were formed along the river valleys, are reconstructed for the territory of the Oka plateau located in the center of the Sayan mountain system. In this regard, the question was raised about

© Ташак В. И., 2021

the possibility of finding buried cultural layers of the Paleolithic era in this territory. Doubts about the prospects of such searches arise in connection with the activity of glaciers, which destroyed the covering deposits in the river valleys. Until the early 2000s, there was no any data on the Paleolithic of the Oka Plateau. As a result of the latest research over the past ten years, the data have been obtained that allow us to positively answer the question of human habitation here in the Pleistocene epoch. Some of this data is indirect, for example, the discovery of an almost complete skeleton of a cave hyena with the remains of mummified soft tissues, dated to the Late Pleistocene. The good preservation of the skeleton with soft tissues was facilitated by the preservation of a stable temperature situation in the cave over the past 30,000 years. The existence of large predators was ensured by a sufficient number of herbivores that could provide food resources for humans. Direct evidences of the presence of a man of the Pleistocene epoch on the territory of the Okinsky plateau are the finds of artifacts. One of the artifacts found beneath the solidified lava in the mouth of a small River Sailag. According to geologists' investigations, the formation of the lava layer under which the stone tool is buried falls on the end of the Pleistocene. Also on the high bank of the Oka River, a stone scraper was found. The surfaces of both tools underwent severe deflation as a result of wind erosion, which suggests their close age within at least the Final Pleistocene. In the whole, the new data allows us to reasonably assert that the territory of the Oka plateau was settled by human in the Late Pleistocene. In addition, investigations have shown the prospects of searching for cultural layers dating back to the Paleolithic.

Keywords: Stone Age, Paleolithic, Neolithic, Pleistocene, stone tools, paleontology, lava fields, karst caves, cave hyena, Oka plateau, Eastern Sayan

Acknowledgements: this article was carried out within the framework of the state task (project "Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states", № 121031000241-1).

For citation: Tashak V. I. (2021) Prospects of researching the oldest stages of human settlement on the Oka plateau territory (Eastern Sayan). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 9-19. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-9-19.

Введение

Началом археологических исследований на территории Окинского плоскогорья, входящего в Саянскую горную систему, стала экспедиция П. А. Кропоткина в 1865 г., проводившего географические и геологические исследования, но попутно велись этнографические и археологические наблюдения. В ходе работ П. А. Кропоткиным было дано краткое описание двух археологических объектов на территории Окинского плоскогорья: наскальных рисунков в долине реки Жомболок и каменных кладок в районе современного с. Саяны в долине реки Оки (Кропоткин, 1867. С. 56, 57). С тех пор территория современного Окинского района Бурятии, в целом, и Окинское плоскогорье, в частности, редко посещалась археологами, в связи с чем для этой территории актуальными остаются наиболее общие вопросы, затрагивающие все хронологические этапы. Например, не ясны время и культурная принадлежность каменных курганов и плоских каменных кладок возле с. Саяны. Незначительное число находок обуславливает очень слабую изученность железного века и средневековья. В подъёмных археологических материалах, которые и служат до настоящего времени основными источниками сведений о далёком прошлом Окинского плоскогорья, превалируют находки, характерные для эпохи неолита соседнего Приангарья. Вместе с тем находки Окинского района разрознены и малочисленны и их недостаточно для однозначного ответа на вопрос, например, об одновременности приангарских материалов с материалами Окинского плоскогорья.

В число актуальных вопросов археологии Окинского плоскогорья входит и вопрос о палеолите данного региона. В упрощённой форме вопрос может звучать следующим образом: обитали ли люди на территории Окинского плоскогорья в эпоху палеолита? Если обитали, то где искать следы такого обитания? В статье предлагаются к рассмотрению некоторые новейшие данные, позволяющие положительно ответить на общий вопрос и наметить пути поиска мест обитания человека в Окинском плоскогорье в эпоху плейстоцена.

Новые данные и их обсуждение

В немногочисленной справочной литературе по археологии Окинского района Бурятии есть определение одного местонахождения стояночного типа как палеолитического (Свод объектов…, 2011. С. 262; Лбова, Хамзина, 1999. С. 141). Часть находок этого местонахождения с поверхностным

залеганием археологических материалов, названного Булаг-Шэбэй, в отчёте Б. Б. Дашибалова была отнесена к палеолиту[1]. Основанием для таких выводов послужили крупные размеры отщепов, солевой налёт на поверхности некоторых артефактов, оббитые гальки. В сопроводительных записях к некоторым подъёмным материалам различного происхождения из долины реки Оки в Окинском районе фигурировали определения типа: «отщеп палеолитического облика». Указанные определения отщепов означали только их крупные размеры.

Ни один из этих признаков не может служить обоснованным доказательством для датирования материалов эпохой палеолита, поскольку оббитые гальки и крупные отщепы нередки для неолитических стоянок не только на территориях сопредельных с Окинским плоскогорьем, но и непосредственно здесь. Кроме этого, среди находок отмечаются и фрагменты керамики с солевым налётом. Весь комплекс археологических материалов этой стоянки, описанный в отчёте, содержит не только оббитые гальки и крупные отщепы, но и мелкие пластинки и микропластинки, мелкие орудия типа скребков и пр., что встречается в других местонахождениях в совокупности с неолитической керамикой. Поэтому, на данном этапе изучения каменного века Окинского плоскогорья, нет оснований датировать даже часть материалов стоянки Булаг-Шэбэй палеолитическим временем.

Вместе с тем постановка вопроса об обитании палеолитического человека в Окинском плоскогорье не случайна и вопрос вызван не только отсутствием палеолитических материалов. В рассматриваемом географическом районе (рис. 1), как и в окружающих его горных хребтах, основными местами обитания человека были и остаются долины рек и примыкающие к ним распадки, значительная часть которых, согласно ряду исследований, в позднем плейстоцене была скрыта ледниками. Ледники заполняли долины крупнейших притоков Оки на участке плоскогорья, таких как Тиса, Сенца, Жомболок (Аржанников, Броше, Жоливе, Аржанникова, 2015). В целом на рассматриваемом участке зафиксировано присутствие ледников, как минимум, с периода кислородно-изотопной стадии 4 (КИС 4) (71–57 тыс. л. н.). На сопредельных территориях мощные и обширные ледники уже существовали в предшествующее время, что не исключает наличия более древних оледенений и в долинах Окинского плоскогорья (Там же. С. 1928, 1929; Уфимцев, Перевалов, Резанов и др., 2003). Согласно опубликованным данным по вопросам об оледенении Саянских гор вообще и, в частности Окинского плоскогорья в период с 57 до 24 тыс. л. н. (КИС 3), нет единого мнения, но ряд данных указывает на деградацию ледников Окинского плоскогорья в это время (Аржанников, Броше, Жоливе, Аржанникова, 2015). В эпоху последнего усиления похолодания: 24–11 тыс. л. н. оледенение Окинского плоскогорья усиливается, хотя, по всей видимости, ледники не достигают масштабов периода 71–57 тыс. л. н., когда мощность ледниковых языков в долинах основных притоков Оки – Тиссы, Сенцы, Жомболока, достигала 450–750 м (Олюнин, 1965. С. 50–53). Реконструкция обширных долинных ледников в позднем плейстоцене Окинского плоскогорья позволила ряду исследователей прийти к выводу, что здесь не сохранилось следов пребывания человека в это время (Аржанников, Инешин, Аржанникова, Снопков, 2010. С. 295, 301). Исключение сделано для фрагмента непосредственно долины Оки от улуса Сорок до улуса Мольто, который можно рассматривать как перспективный для поиска свидетельств пребывания здесь палеолитического человека (Там же).

В период с 2010 по 2020 годы были получены новые данные и материалы, позволяющие говорить о возможности обитания человека в позднем плейстоцене на территории Окинского плоскогорья не только умозрительно, но и опираясь на некоторые факты. К таким данным относится находка скелета пещерной гиены (Crocuta crocuta spelaea) с фрагментами мумифицированных мягких тканей (рис. 2.2). Скелет обнаружен в крупной пещере карстового происхождения, получившей наименование Горомэ (рис. 1.1; 2.1), расположенной по правому борту долины реки Забит – это южная часть Окинского плоскогорья (Ташак, Кобылкин, 2015). Кроме почти полного скелета костей пещер-

[1] Дашибалов Б. Б. Археологические памятники Окинского района Республики Бурятии: отчёт // Архив научно-производственного центра Охраны памятников, инв. № 64. Улан-Удэ, 1994. 67 с.

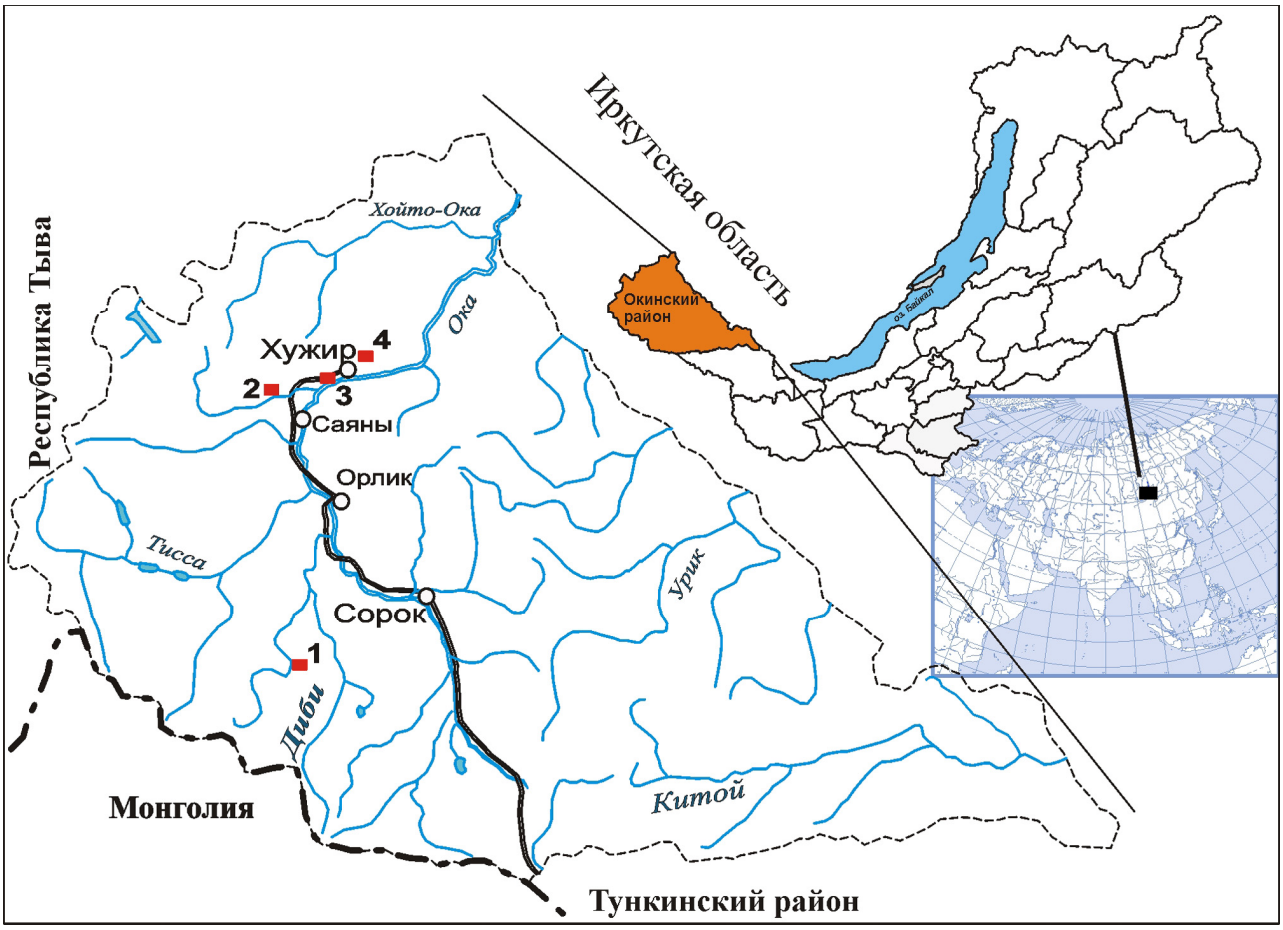


Рис. 1. Схема Окинского района Республики Бурятия. Цифрами обозначены: *1 – пещера Горомэ; 2 – древние стоянки (Тропа Кропоткина 1–3); 3 – устье Сайлага; 4 – высокий берег Оки возле речки Мынгарга*

Fig. 1. Scheme of the Oka district in Buriatia Republic. Numbers indicate: *1 - Gorome cave; 2 - ancient settlements (Tropa Kropotkina 1-3); 3 - Sailag River mouth; 4 - high bank of the Oka River near the Myngarga tributary*

Рис. 2. Пещера Горомэ: *1 – Вход в пещеру Горомэ; 2 – череп пещерной гиены, найденной в пещере Горомэ*

Fig. 2. Gorome cave. *1 - Gorome cave entrance; 2 - cave hyena cranium found in Gorome cave*

ной гиены здесь были найдены отдельные кости пещерного льва (Ташак, Кобылкин, 2015). Радиоуглеродное датирование костей пещерной гиены показало возраст 26180 ± 810 лет (ЛУ-7588) (Ташак, Кобылкин, 2015. С. 18; Калмыков, Кобылкин, 2017. С. 57). Калиброванный возраст, полученной даты: 32137–28760 л. н. с вероятностью 95,4 % (Bronk Ramsey, 2009; Reimer et al., 2020), указывает на то, что в конце каргинского интерстадиала, который соответствует КИС 3 (57–24 тыс. л. н.), на территории Окинского плоскогорья обитали крупные хищники, существование которых должно было обеспечиваться достаточным количеством травоядных. Высота входа в пещеру над поймой Забита немногим более 100 м и, следовательно, в эпоху каргинского интерстадиала здесь не могло быть ледника толщиной, достаточной для того чтобы перекрыть вход в пещеру. По данным В. Н. Олюнина, Забитский ледник в максимум последнего оледенения заканчивался у устья речки Саган-Гол, правого притока Забита (Олюнин, 1965. С. 60), что выше по долине от местоположения пещеры. Таким образом, следует полагать, что во время каргинского интерстадиала долина Забита была свободной ото льда, а в период с 24 по 11 тыс. л. н. (последнее плейстоценовое оледенение) ледник сформировался только в верховьях реки. Нижняя и средняя части долины были доступны для обитания здесь как животных, так и людей в больших временных интервалах позднего плейстоцена. Хорошая сохранность скелета пещерной гиены с фрагментарно сохранившимися (мумифицированными) мягкими тканями указывает на то, что в пещере сохранялся стабильный температурный режим (сухой и прохладный) и не было влияния талых вод, которые могли образоваться в результате таяния ледника (Ташак, Кобылкин, 2015. С. 18).

Следующие данные получены из долины реки Жомболок (рис. 3), для которой реконструируются позднеплейстоценовые ледники с максимальной мощностью не менее 400 м. Следует заметить, что долина Жомболока специфична в сравнении с долинами других крупных притоков Оки в зоне Окинского плоскогорья. Эта специфика заключается в том, что на формирование рельефа долины оказывал влияние не только ледник, но и вулканическая деятельность – дно долины на всем протяжении покрыто застывшими лавовыми потоками. Вполне вероятно, что вулканическая деятельность в финале плейстоцена оказала влияние и на более быст-

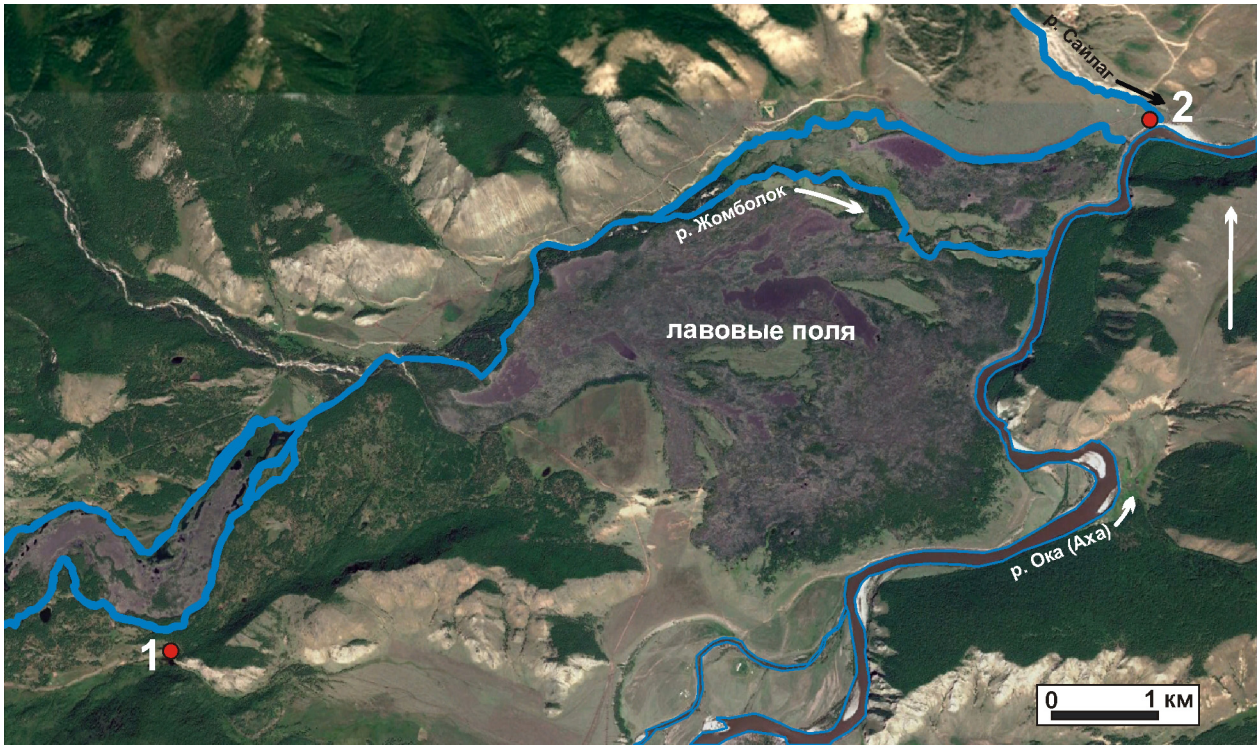


Рис. 3. Долина реки Жомболок: *1 – местоположение стоянок Тропа Кропоткина 1–3; 2 – устье Сайлага*
Fig. 3. Jombolok River valley. *1 - location of the settlements Tropa Kropotkina 1-3; 2 - Sailag River mouth*

рую деградацию Жомболокского ледника. Возраст поверхности конечной морены на выходе из долины Жомболока определён в пределах 22 тыс. лет (Аржанников, Броше, Жоливе, Аржанникова, 2015. С. 1928), что несколько древнее, чем установленный возраст для конечных морен в ближайших долинах – Сайлага и Сенцы (Там же). Протяжённость конечной морены Жомболока около 10 км (Там же. С. 1922), её внешний край расположен на удалении около 4-х км от левого берега Оки, а тыловая часть в урочище Шарза. В средней части протяжённости морены, по правому борту долины Жомболока, расположена крайняя западная оконечность гористого мелового массива, внедрившегося между хребтом Кропоткина и Окинским плоскогорьем. Весь фрагмент гористого массива имеет протяжённость около 5 км, а его западная оконечность называется утёсом Монгольжин. Между утёсом и основным массивом Окинского плоскогорья находится узкий проход между скалами утёса и противоположным склоном. Проход ведёт из долины Жомболока в постепенно расширяющуюся падь, устьем примыкающую к левому берегу Оки. Судя по тому, что к скалистой оконечности Монгольжина примыкают моренные отложения, весь участок с проходом был перекрыт в период активного формирования морены. В дальнейшем эти отложения были размыты и здесь сформировалось временное русло. В настоящее время при обильных осадках в понижениях между мореной и склонами гор образуются озёра, а по проходу течёт ручей. Проход с водотоком мог образоваться при активизации вулканической деятельности, начавшейся, по некоторым данным, немногим более 13 тыс. л. н., с допущением ранней активности в 14–16 тыс. л. н. (Аржанников, Иванов, Аржанникова и др., 2017. С. 41–45) или, начиная, как минимум, с 14300 л. н., в результате которой русло Жомболока стало наполняться лавой (Щетников, Безрукова, Кербер и др., 2019. С. 339). Впоследствии воды Жомболока сформировали русло в лавовых полях, а горный проход освободился, образовавшиеся перед проходом озёра иссякли, а пространство между мореной и склонами гор заполнилось песчаными отложениями. Мощность рыхлых отложений, перекрывающих поверхность морены в её верхней части, варьирует в пределах 30–80 см. На берегу временного водоёма у начала горного прохода, что на 20 м ниже поверхности морены на максимальных высотах отложений, шурфами глубиной около 3-х метров не удалось достичь отложений морены. На всех исследованных участка в данной местности верхние литологические слои покровных отложений формировались в голоценовое время. Об этом можно судить по наличию археологических материалов в слое бледно-красных с рыжеватым оттенком супесей (2-й литологический слой), залегающем на глубине от 10 до 25 см. Участки с археологическими материалами, расположенные рядом с утёсом Монгольжин, определены как стоянки эпохи неолита (рис. 3.1) с наименованиями Тропа Кропоткина-1, -2, -3 (Ташак, 2019). Представленные в стоянках археологические материалы типичны для развитого неолита в Приангарье и в Забайкалье. В соседнем Тункинском районе Бурятии (Тункинский рифтовый разлом) подобные артефакты фиксируются в аналогичных отложениях, например, внешне идентичный слой с неолитическими материалами Полого Холма датируется 5250 ± 90 радиоуглеродных л. н. (ЛУ-7969) (Ташак, Антонова, Кобылкин, 2017). В одном из шурфов, поставленном ближе к горному проходу у подножия утёса Монгольжин, зафиксирована пара отщепов, залегающих на 50 см ниже культурного горизонта с материалами развитого неолита. Количество и качество находок из этого уровня не позволяют делать какие-либо выводы об их культурной или хронологической принадлежности, но залегают они в песчаных карбонатизированных отложениях, отличающихся от супесчаных слоёв верхнего уровня. Это позволяет сделать предположение о том, что люди посещали эти места при других природно-климатических условиях, предшествовавших голоценовому оптимуму, – в финале плейстоцена, или в самом начале голоцена. В целом, это первое свидетельство залегания археологических материалов на территории Окинского плоскогорья в слоях, расположенных ниже указанного красноватого слоя супеси.

Ещё одна находка уникальна как для района Окинского плоскогорья, так и для сопредельных территорий. Уникальность заключается не в самой находке, а в условиях её расположения. Эта находка сделана на левобережье Оки (рис. 3.2), в

правом борту устья каньона речки Сайлаг – левого притока Оки (рис. 4А). Характер залегания находки обусловлен вулканической деятельностью в долине Хи-Гол (47 км прямо на запад от места находки). Лавовые потоки, излитые из расположенных здесь вулканов, сформировали лавовое поле в долине реки Жомболок. В устьевой части Жомболока разлив лавы, вышедшей из долины, достигает 9 км в ширину и пересекает долину Оки. На момент разлива лавы образовалась плотина, перекрывшая долину Оки. Впоследствии воды реки «пропилили» в лавовых отложениях глубокий каньон (на рассматриваемом участке 30–35 м), к которому примыкают каньоны левобережных притоков Оки. На углу между каньонами Сайлага и Оки, под слоем застывшей лавы (базальт) мощностью около 15-ти метров обнаружен каменный артефакт. Найден артефакт в 10 см ниже дна лавовой толщи, в сильно смятом супесчано-суглинистом слое мощностью 20–30 см, залегающем между толщей базальта и валунно-галечно-песчаной толщей (рис. 4В). Толща образовалась в результате формирования флювиальной приледниковой равнины по периферии Жомболокской конечной морены (Аржанников, Иванов, Аржанникова и др., 2017. С. 31). Находка представляет собой массивное скребловидное изделие с элементом аккомодации – «рукоятью», оформленное на крупной продолговатой и уплощённой гальке (рис. 5.2). Лезвие орудия оформлено на одном из продольных краёв в несколько этапов – крупная подтёска, затем крупная ретушь и по самой кромке – средняя и мелкая ретушь. Элемент аккомодации оформлен на естественно зауженном конце продолговатой гальки. Оформление «рукояти» осуществлялось несколькими сколами от ребра, направленными на разные широкие поверхности гальки. Выпуклая спинка орудия слегка уплощалась широкими стелющимися сколами. Все грани и рёбра изделия сильно затёрты, но хорошо различимы.

Время создания орудия определить сложно, но приблизительное время его попадания на место, где оно было обнаружено, установить вполне возможно, обращаясь к исследованиям вулканической активности в долине Хи-Гол. Изучение вулканов в верховьях Жомболока на научной основе начинается с экспедиции 1865 года, возглавляемой П. А. Кропоткиным (Кропоткин, 1867), с тех пор вулканы изучались многими исследователями (Адамович, Гросвальд, Зоненшайн, 1959; Обручев, 1973; Обручев, Лурье, 1954), пришедшими к выводу о голоценовом возрасте их активности (Гросвальд, 1965. С. 86). Согласно новейшим исследованиям вулканическая активность в верховьях Жомболока с формированием Жомболокского лавового поля начинается в финале плейстоцена (Аржанников, Иванов, Аржанникова и др., 2017). Радиоуглеродный возраст остатков органики из слоя, погребенного между лавой и галечно-валунной толщей, в юго-западном крыле разлившихся лавовых отложений, составил 11460 ± 45 л. н. (Там же. С. 35). Можно предполагать близкий указанному возраст погребения артефакта под лавой. Такое предположение основано на том, что в северо-восточной части лавового поля, где обнаружен артефакт, положение погребённого слоя с артефактом аналогично месту отбора проб на датирование.

Вместе с тем сильная дефляция рёбер и граней фасеток подтёски и ретуши указывает на то, что орудие было изготовлено задолго до того как оказалось погребённым под лавой. Во всяком случае, дефляция поверхности изделия связана с его долгим нахождением на поверхности.

Ещё один артефакт найден на высоком левом берегу Оки, в 1700 м на запад от устья речки Мынгарга. Предмет обнаружен в одной из небольших карьерных выработок, разбросанных на склоне высокого берега: высота местонахождения 50 м над уровнем реки. Артефакт представляет собой крупное плоско-выпуклое в сечении скребло, изготовленное на массивном куске каменного сырья (рис. 5.1). Спинка орудия почти полностью обработана радиальными сколами, округлое лезвие фасетировано. Наиболее примечательно в этом орудии – сильная коррадированность его поверхности. О ветровом генезисе корразии говорит обилие мелких каверн на заглаженной до блеска поверхности орудия. Участок высокого левого берега Оки, где сделана находка каменного орудия, прилегает непосредственно к южным склонам хребта Кропоткина, между выходами к Оке долин её притоков, по которым развивались ледники.

Рис. 4. Устье Сайлага: *А – вид на устье каньона реки Сайлаг; В – вид на участок находки артефакта под толщей лавы. Стрелками указано место находки артефакта*

Fig. 4. Sailag River mouth. *A - view toward the mouth of the Sailag River canyon; B - view toward the place of the artifact found under the lava depth. The arrow indicates the location of the artifact*

Рис. 5. Каменные артефакты: *1 – скребло с высокого берега Оки вблизи устья Мынгарги; 2 – артефакт, найденный под толщей лавы в устье Сайлага*

Fig. 5. Stone artifacts. *1 - side scraper from the high bank of the Oka River near the Myngarga tributary; 2 - artifact found under the lava depth in the Sailag River mouth*

Заключение

Наличие большого числа карстовых гротов и пещер в меловых скалах, по бортам глубоко врезанных долин рек Окинского плоскогорья, потенциально могло использоваться людьми как временные убежища в эпоху плейстоцена. В упомянутой пещере Горомэ, помимо костей гиены и льва, обнаружены следы пребывания человека, вероятно, в новое время (XVII–XIX вв.) и, возможно, в эпоху позднего средневековья. Данные следы обитания представлены в виде погребённых в рыхлых отложениях обломков костей животных, мясо которых использовалось в пищу, а также культовых предметов, связываемых с шаманизмом (Ташак, Кобылкин, 2015). Если скелет пещерной гиены и другие находки в пещере Горомэ, только косвенно могут свидетельствовать о возможности обитания человека позднего плейстоцена в некоторых долинах Окинского плоскогорья, то остальные данные, рассмотренные в настоящей статье, напрямую указывают на освоение человеком данной местности в эпоху плейстоцена.

Безусловным свидетельством пребывания человека эпохи плейстоцена на территории Окинского плоскогорья является находка артефакта в устье Сайлага, погребённого под толщей базальта в конце плейстоцена. Погребённый под застывшей лавой артефакт значительно древнее момента перехода его в погребённое состояние, о чём свидетельствует значительная степень дефляции его поверхности. Вероятнее всего, время создания артефакта следует связать с каргинским интерстадиалом (КИС 3 – от 57 до 24 тыс. л. н.). Предположительно, к этому же времени относится и массивное скребло, найденное на высоком правом берегу Оки. Судя по интенсивной корразии поверхности скребла, вызванной ветровым воздействием, оно может быть значительно древнее артефакта из-под лавы. При этом условия их постдепозиционного положения были разными: как минимум, последние 13 тыс. лет (с учётом калиброванного возраста формирования лавовой толщи) артефакт из устья Сайлага находился в стабильном погребённом состоянии. Исходя из этого, на данный момент исследований следует ограничиться предположением об указанном возрасте артефактов. Обе находки происходят из долины Оки, что подтверждает предположение о перспективности поиска следов пребывания человека эпохи плейстоцена в этой части плоскогорья (Аржанников, Инешин, Аржанникова, Снопков, 2010. С. 295). Кроме этого, в научной литературе имеется ещё одно упоминание о находках в устьевой части долины Жомболока «карродированного материала, … среди которого можно выделить и артефакты» (Лбова, Липнина, Медведев и др., 2005. С. 155).

Наряду с находками в долине Оки обнаружены артефакты в долине р. Жомболок, в стратиграфическом слое, залегающем на 50 см ниже неолитического культурного горизонта. Как указывалось, литологически культуросодержащий горизонт с неолитическими артефактами и подстилающий его супесчанистый слой отличаются от нижнего культуросодержащего слоя мелкозернистого карбонтизированного песка, что указывает на разные природно-климатические условия их формирования. Такие данные позволяют предполагать, что возвращение людей в долину Жомболока после деградации ледников последнего оледенения произошло не позже финала плейстоцена или в самом начале голоцена. Находка артефакта под лавой в устье Сайлага (это в непосредственной близи от устьевой части долины Жомболока) указывает на освоение этих мест людьми задолго до финала плейстоцена.

Список источников

Адамович А. Ф., Гросвальд М. Г., Зоненшайн Л. П. Новые данные о вулканах Кропоткина и Перетолчина // Материалы по региональной геологии. М. : Госгеолтехиздат, 1959. Вып. 5. С. 79–90.

Аржанников С. Г., Броше Р., Жоливе М., Аржанникова А. В. К вопросу о позднеплейстоценовом оледенении юга Восточного Саяна и выделении конечных морен MIS 2 на основе бериллиевого датирования (^{10}Be) ледлавы.

References

Adamovich A. F., Grosval'd M. G, Zonenshain L. P. (1959) New data on Kropotkin and Peretolchin volcanoes. *Materialy po regional'noi geologii = Materials on regional geology.* Moscow: Gosgeoltechisdat. Iss. 5. P. 79-90. (In Russ.).

Arzhannikov S. G., Broshe R., Zholive M., Arzhannikova A. V. (2015) Late Pleistocene glaciations in southern East Sayan and detection of MIS 2 terminal moraines based on beryllium (Be10) dating of glacier complexes. *Geologiya I*

никовых комплексов // Геология и геофизика. 2015. Т. 56. № 11. С. 1917–1933.

Аржанников С. Г., Иванов А. В., Аржанникова А. В., Демонтерова Е. И., Жоливе М., Воронин В. И., Буянтуев В. А., Осколков В. А. Возраст Жомболокского лавового поля (Восточный Саян) по дендрохронологическим и радиоуглеродным данным // Геология и геофизика. 2017. Т. 58. № 1. С. 27–47.

Аржанников С. Г., Инешин Е. М., Аржанникова А. В., Снопков С. В. Палеогеографическая обстановка обитания человека в долинах рек Окинского плоскогорья в Восточном Саяне (на примере долины р. Сенца) // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. Вып. 8. С. 291–302.

Гросвальд М. Г. Развитие рельефа Саяно-Тувинского нагорья. М. : Наука, 1965. 167 с.

Калмыков Н. П., Кобылкин Д. В. Первая находка пещерной гиены (Crocuta crocuta spelaea) на Окинском плоскогорье (Восточный Саян) // Доклады Академии наук. 2017. Т. 477. № 1. С. 57–60.

Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Типография Окружного штаба, 1867. Книжки IX и X. С. 1–94.

Лбова Л. В., Липнина Е. А., Медведев Г. И., Новосельцева В. М., Постнов А. В., Федоренко А. Б. Предварительное археологическое зонирование территорий Восточного Саяна, проблемы и перспективы поиска объектов каменного века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и Сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 150–156.

Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии: карта археологических памятников. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского научного центра, 1999. 222 с.

Обручев С. В. Таинственные истории. М. : Мысль, 1973. 57 с.

Обручев С. В., Лурье М. Л. Вулканы Кропоткина и Перетолчина в Восточном Саяне // Труды лаборатории вулканологии. М. : Изд-во АН СССР, 1954. Вып. 8. С. 210–225.

Олюнин В. Н. Неотектоника и оледенение Восточного Саяна. М. : Наука, 1965. 127 с.

Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. Памятники археологии / сост. Б. А. Базаров, Д. В. Намсараев Улан-Удэ : НоваПринт, 2011. Т. 2. 392 с.

Ташак В. И. Каменный век Окинского района Республики Бурятия: изученность и перспективы // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 3 (35). С. 28–34.

geofizika = Geology and Geophysics. Vol. 56. No. 11. P. 1917-1933. (In Russ.).

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Voronin V. I., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A. (2017) Age of the Jombolok lava field (East Sayan Mts.): evidence from dendrochronology and radiocarbon dating. *Geologiya i geofizika = Geology and Geophysics*. Vol. 58. No. 1. P. 27-47. (In Russ.).

Arzhannikov S. G., Ineshin E. M., Arzhannikova A. V., Snopkov S. V. (2010) Paleogeographic situation of human habitation in the river valleys of the Okinsky plateau in the Eastern Sayan (on the example of the Sentsa River Valley). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Iss. 8. P. 291-302. (In Russ.).

Grosval'd M. G. (1965) Development of relief in the Sayan-Tuva highland. Moscow: Nauka. 167 p. (In Russ.).

Kalmykov N. P., Kobylkin D. V. (2017) The first discovery of a cave hyena (Crocuta crocuta spelaea) on the Okinsky Plateau (Eastern Sayan). *Doklady Akademii nauk = Reports of the Academy of Sciences*. Vol. 477. No. 1. P. 57-60. (In Russ.).

Kropotkin P. A. (1867) The journey to the Oka Warding station. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = The notes of the Siberian branch of the Imperial Russian geogpaphical society*. Irkutsk: Tip. Okruzhnogo shtaba. Books IX, X. P. 1-94. (In Russ.).

Lbova L. V., Lipnina E. A., Medvedev G. I., Novosel'tseva V. M., Postnov A. V., Fedorenko A. B. (2005) Preliminary archaeological zoning of the territories of the Eastern Sayan, problems and prospects of searching for objects of the Stone Age. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i Sopredel'nykh territorii = Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. Vol. XI. Pt. I. P. 150-156. (In Russ.).

Lbova L. V., Khamzina E. A. (1999) Ancient Buryatia: map of archaeological sites. Ulan-Ude: Buryatskii nauchnyi tsentr. 222 p. (In Russ.).

Obruchev S. V. (1973) Mysterious stories. Moscow: Mysl'. 57 p. (In Russ.).

Obruchev S. V., Lur'e M. L. (1954) Kropotkin and Peretolchin volcanoes in Eastern Sayan. *Trudy Laboratorii vulkanologii = Transactions of the Laboratory of volcanology*. Moscow: AN SSSR. Iss. 8. P. 210-225. (In Russ.).

Olyunin V. N. (1965) Neotectonics and Glaciation of the Eastern Sayan. Moscow: Nauka. 127 p. (In Russ.).

(2011) Archaeological sites. Catalog of the objects of a cultural heritage of the Republic of Buryatia. Ulan-Ude: NovaPrint. Vol. 2. 392 p. (In Russ.).

Tashak V. I. (2019) Stone Age of the Okinsky area of the Republic of Buryatia: study and prospects. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN = The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS*. No. 3 (35). P. 28-34. (In Russ.).

Ташак В. И., Антонова Ю. Е., Кобылкин Д. В. Исследования неолита в Торской котловине Тункинской рифтовой долины // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 19. С. 82–102.

Ташак В. И., Кобылкин Д. В. Исследование пещеры Горомэ на Окинском плато // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 4 (20). С. 11–19.

Уфимцев Г. Ф., Перевалов А. В., Резанов В. П., Кулагина Н. В., Мащук И. М., Щетников А. А., Резанов И. Н., Шибанова И. В. Радиотермолюминесцентное датирование четвертичных отложений Тункинского рифта // Геология и геофизика. 2003. Т. 44 (3). С. 226–232.

Щетников А. А., Безрукова Е. В., Кербер Е. В., Белозерова О. Ю., Кузьмин М. И., Иванов Е. В., Крайнов М. А., Филинов И. А., Нечаев И. О. Первые результаты тефрохронологических исследований позднеплейстоцен-голоценовых вулканических извержений в долине р. Жом-Болок (Восточный Саян) // Доклады Академии наук. 2019. Т. 486. № 3. С. 336–340.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, 2009, № 51(1), p. 337–360.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., … Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, 2020, № 62 (4), p. 725–757. doi:10.1017/RDC.2020.41.

Tashak V. I., Antonova Yu. E., Kobylkin D. V. (2017) Research of the Neolithic in Tory Depression of the Tunka Rift Valley. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk state university. Ser. Geoarchaeology, ethnology, and anthropolog.* Vol. 19. P. 82-102. (In Russ.).

Tashak V. I., Kobylkin D. V. (2015) Exploring the Gorome Cave on the Oka Plateau. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN = The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS.* No. 4 (20). P. 11-19. (In Russ.).

Ufimtsev G. F., Perevalov A. V., Rezanova V. P., Kulagina N. V., Mashchuk I. M., Shchetnikov A. A., Rezanov I. N., Shibanova I. V. (2003). Radio thermo luminescence dating of Tunka rift Quaternary sediments. *Geologiya i geofizika = Geology and Geophysics.* Vol. 44. No. 3. P. 226-232. (In Russ.).

Shchetnikov A. A., Bezrukova E. V., Kerber E. V., Belozerova O. Yu., Kuz`min M. I., Ivanov E. V., Krainov M. A., Filinov I. A., Nechaev I. O. (2019) The first results of tephrochronological investigations of the late pleistocene-holocene volcanic explosions in the valley of the Zhom-Bolok river (Eastern Sayan). *Doklady Akademii nauk = Reports of the Academy of Sciences.* Vol. 486. No. 3. P. 336-340. (In Russ.).

Bronk Ramsey C. (2009) Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*. No. 51(1). P. 337-360.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., … Talamo S. (2020) The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0-55 cal kBP). *Radiocarbon*. No. 62(4). P. 725-757. doi:10.1017/RDC.2020.41.

Информация об авторе

В. И. Ташак – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия.

Information about the author

V. I. Tashak – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russia.

Вклад автора

Ташак В. И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Tashak V. I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2021 г.; одобрена после рецензирования 28 ноября 2021 г.; принята к публикации 6 декабря 2021 г.

Article info

The article was submitted November 1, 2021; approved after reviewing November 28, 2021; accepted for publication December 6, 2021.

Научная статья
УДК 903’12(571.63)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-20-34

Рыболовство ранних земледельцев зайсановской культурной традиции на побережье залива Петра Великого около 4600 лет назад (по материалам памятника Клерк-5)

Роман Александрович Артёмкин[1], Юрий Евгеньевич Вострецов[2], Юлия Владимировна Федорец[3]

[1, 2] Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия
[1] artemkinra@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5787-0301
[2] vost54@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3717-4528
[3] Тихоокеанский океанологический институт им. В. И. Ильичева Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, lulya81@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2785-4033

Аннотация. В статье предлагается реконструкция рыболовства на многослойном памятнике Клерк-5, расположенном на юге Приморского края, в западной части залива Петра Великого. Одним из главных аспектов данной работы является изучение адаптации древнего населения к условиям морских побережий, а также выяснение характеристики и сезонности вылова рыбы. Реконструкция была проведена на основе ландшафтно-климатической характеристики окружающего района, технологических индикаторов и костных остатков прибрежной ихтиофауны, а также экологических особенностей идентифицированных видов рыб. В рамках статьи рассмотрен горизонт обитания ранних земледельцев, состоящий из слоя коричневого суглинка и лежащей над ним нижней части неолитической раковинной кучи, датированной по углероду 4585 л. н. Эти отложения ассоциированы с одной из первых волн расселения ранних земледельцев зайсановской культурной традиции, начавших свою миграцию на морское побережье из глубины материка, примерно, 4600 лет назад на фазе похолодания климата и регрессии уровня Японского моря. Анализ их видового состава показал, что древнее население ранней волны заселения памятника Клерк-5 освоило рыболовство в трех типах водоемов: на морском побережье, в реке и в озере/лагуне. Идентифицирован 3371 фрагмент костей рыб, принадлежащих как минимум к 11 видам, относящимся к 13 родам, 12 семействам и 10 отрядам. На основании постулатов теории оптимального собирательства смоделирован сезонный цикл рыболовства. Исходя из сезонного поведения идентифицированных видов, можно заключить, что лов рыбы велся на протяжении всего года. Однако наиболее активный промысел приходился на весенний и летний периоды. Также опираясь на экологию некоторых видов, можно сделать вывод об использовании широкого спектра инструментов лова.

Ключевые слова: археозоология, неолит, зайсановская культурная традиция, раковинные кучи, рыболовство, система жизнеобеспечения, Приморье, памятник Клерк-5, Японское море, экология рыб, Восточная Азия

Благодарности: авторы статьи приносят глубокую благодарность А. В. Санниковой за первичное определение костных остатков рыб.

Для цитирования: Артёмкин Р. А., Вострецов Ю. Е., Федорец Ю. В. Рыболовство ранних земледельцев зайсановской культурной традиции на побережье залива Петра Великого около 4600 лет назад (по материалам памятника Клерк-5) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 20–34. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-20-34.

© Артёмкин Р. А., Вострецов Ю. Е., Федорец Ю. В., 2021

Original article

Fishing of the early farmers of the Zaisanovsky Cultural Tradition on the coast of the Peter the Great Bay about 4600 years ago (on materials from the Klerk-5 site)

Roman A. Artemkin[1], Yuri E. Vostretsov[2], Yuly V. Fedorets[3]

[1, 2] Institute of the History, Arhaeology and Ethnology of the people of Far East of Eastern Branch of Russian Academy of sciences, Vladivostok, Russia
[1] artemkinra@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5787-0301
[2] vost54@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3717-4528
[3] Pacific Oceanological Institute of Eastern Branch of Russian Academy of sciences, Vladivostok, Russia, lulya81@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2785-4033

Abstract. This article proposes reconstruction of fishing on multi-layer site Klerk-5 located in south of Primorsky Krai, in west part of Peter the Great Bay. One of main aspects in the article is research of adaptation ancient population to conditions of coastal ecosystems and characterize seasonality of fishing. Reconstruction was provided on basis of landscape-climatic characteristic of surrounding area, technological indicators, bone remains and ecological characteristics of identified species of fish. There were considered horizon of habitat of earlier cultivators, consisted of layer brown loam, and laying above lower part of Neolithic shell middens, dated 4585 b.p. This middens associated with one of first waves of settlement of early cultivators Zaisanovsky Cultural Tradition, began their migration to the sea coast from the interior of mainland about 4600 years ago at the phase of climate cooling and regression of Japanese Sea level. Analysis of the species had shown that ancient population of early wave of settlement of site Klerk-5 used the fishing in 3 types of water bodies: seacoast, river and lake/lagoon. There were identified 3371 fragments of fish bones, belonging to 11 species belong to 13 genera, 12 families and 10 orders. Based on Theory of Optimal Foraging annual circle of fishing was modeled. On the strength of seasonal behavior identified species it became possible to assume that fishing was during almost entire year. However, the most active fishery was in spring and summer periods. Also based on ecology of some species of fish it became possible to make a conclusion about using of range fishing tools.

Keywords: archaeozoology, Neolithic, Zaisanovsky Cultural Tradition, shell middens, fishing, subsistence system, Primorye, Klerk-5 site, Sea of Japan, ecology of fish, East Asia

Acknowledgements: the authors of the article are deeply grateful to A. V. Sannikova for the primary identification of fish bone remains.

For citation: Artemkin R. A., Vostretsov Yu. E., Fedorets Yu. V. (2021) Fishing of the early farmers of the Zaisanovsky cultural tradition on the coast of the Peter the Great Bay about 4600 years ago. (Based on materials from the Klerk-5 site). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 20-34. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-20-34.

Введение

Приморские зоны и морские побережья всегда были привлекательны для человека благодаря сосредоточию разнообразных ресурсов. До сих пор в приморских зонах мира обитает большая часть человечества. Среди массы морских ресурсов рыба является наиболее привлекательным. Это обусловлено как разнообразием и доступностью рыбных ресурсов для большей части года, так и относительной простотой добычи. Однако на данный момент количество исследований древнего рыболовства незначительно. Главным образом это связано с отсутствием остатков костей рыб в большинстве видов археологических отложений. Лучшую сохранность остатков костей рыб демонстрируют памятники типа «раковинных куч», содержащие отложения раковин моллюсков, оставшихся в результате хозяйственной деятельности человека. Раковины способствуют химическому и физическому сохранению органических остатков. Подобные остатки представляют большой интерес, так как позволяют отследить используемые древним человеком природные ресурсы (Stain, 1992). Одним из таких памятников в западной части зал. Петра Великого является многослойный памятник Клерк-5, расположенный в северо-западной возвышенной части полуострова Клерк, обращенной к бухте Бойсмана, на стыке с песчаной косой, соединяющей полуостров с материком (Klerk 5 Site, 2007).

Стратиграфия памятника включает отложения, содержащие раковины моллюсков, относящиеся к обширному временному интервалу среднего голо-

цена (около 4800–2400 лет назад), от неолита до раннего железного века. Такая протяженность позволяет нам проследить возможные изменения ресурсной базы и системы жизнеобеспечения древнего населения, вызванные изменением ландшафтно-климатических условий (Раков, Вострецов, 2010).

В течение среднего голоцена памятник Клерк-5 неоднократно заселялся различными культурными группами населения рыболовов-собирателей-земледельцев. Часть отложений отражают заселение нескольких культурных групп ранних земледельцев, ассоциируемых с зайсановской культурной традицией. Первая, самая ранняя группа отложений, связанна со слоем *светло-коричневого суглинка* (СКС), в котором была обнаружена керамика с веревочным орнаментом типа Кроуновка-1. Данный слой был датирован, уголь из нижней части слоя дал дату 4635 л. н. (ТКа-14080), а из средней части 4575 л. н. (ТКа-14077), что совпадает с фазой похолодания климата и падением уровня Японского моря (Раков, Вострецов, 2010). Археологические остатки этого слоя отражают первую волну миграции ранних земледельцев из континентальных районов Приморья на морское побережье (Krounovka 1 Site, 2004; Вострецов, 2018). Рыболовство населения первой волны миграции ранних земледельцев на памятнике Клерк-5 было реконструировано в предыдущем исследовании (Санникова, Беседнов, Вострецов, 2015). Вторая группа отложений аналогичной культурной принадлежности связана с вышележащими слоями *коричневого суглинка* (КС) и *нижней частью неолитической раковинной кучи* (РК), сформировавшихся непосредственно над слоем *светло-коричневого суглинка*. Нижняя часть неолитической раковинной кучи была датирована по углю 4585 л. н. (ТКа-14076) (Раков, Вострецов, 2010).

Одним из интересных вопросов, связанных с изучением этих отложений, является реконструкция системы жизнеобеспечения ранних земледельцев, пришедших из глубины материка и то, каким образом они перестроили свое хозяйство в иных экологических условиях с новой ресурсной базой. С этим вопросом связана оценка способности освоения морского рыболовства населением с вероятным опытом речного.

Палеогеографическая ситуация

На протяжении времени существования памятника структуры наземных и морских ландшафтов постоянно менялись под действием изменения климата и уровня моря. Так, в конце атлантического периода голоцена уровень моря был на три метра выше современного, перешейка не существовало, а памятник находился на северо-западной оконечности палеоострова Клерк. Позже, во время перехода от атлантического периода голоцена к суббореальному (4700–4200 лет назад), происходило долговременное похолодание климата, сопряженное с падением уровня Японского моря до трех-четырех метров ниже современного (Короткий, Вострецов, 1998). В начале фазы регрессии между палеоостровом Клерк и континентом начинается формирование сначала мелководья, а потом и аккумулятивных песчаных кос, внутри которых образовалась палеолагуна. Вероятно, при приближении к пику регрессии моря, примерно, 4500 лет назад, лагуна практически полностью исчезает, а перешеек достигает максимальной ширины. После достижения пика регрессии происходило потепление и подъем уровня моря, сужение перешейка и восстановление палеолагуны. Таким образом, изучаемые отложения формировались около 4600 л. н. то есть на фазе, близкой к пику регрессии Японского моря, когда уровень моря был на 4 метра ниже современного. Это значит, что палеолагуна в центре песчаной косы, образовавшей перешеек полуострова Клерк с континентом, практически полностью исчезла и, вероятно, превратилась в болото или торфяник.

В данной статье рассматриваются отложения, ассоциируемые с первыми волнами заселения памятника ранними земледельцами зайсановской культурной традиции около 4585 лет назад. Конкретным предметом исследования являются костные остатки рыб. Главным образом в отложениях сохранялись позвонки и кости черепа, общий вид которых являлся главным диагностическим признаком во время идентификации. Также для определения использовались найденные в небольшом количестве отолиты.

Целью работы является определение таксономического состава промысловой ихтиофауны и реконструкция сезонного поведения древнего че-

ловека, связанного с добычей рыбы, по материалам *слоя коричневого суглинка* и сформированной на нем *нижней части неолитической раковинной кучи*, которые представляют собой единый горизонт обитания древнего населения на многослойном памятнике Клерк-5.

Предыдущие исследования материалов нижележащего *слоя светло-коричневого суглинка* показали, что промысел велся в основном в период с ранней весны до поздней осени в трех типах водоемов. Преимущественно лов велся на морских побережьях, однако также активно использовались речные и озерные экосистемы. Вылавливалось 12 видов рыб. Основными объектами лова были такие виды как тихоокеанская сельдь, японская скумбрия и краснопёрки (Санникова, Беседнов, Вострецов, 2015).

Слой коричневого суглинка мощностью 2–3 см представляет собой горизонт обитания, вероятно, связанный с первой волной миграции раннеземледельческого населения зайсановской культурной традиции, продолжавшего селиться на этом месте. Этот горизонт обитания сформировался сразу над *слоем светло-коричневого суглинка* мощностью 1–3 см, в котором наблюдаются аналогичные культурные отложения очень близкие по времени. Со слоем коричневого суглинка органично связан *слой нижней части неолитической раковинной кучи (РК),* которую оставило население, непосредственно обитавшее на этом слое.

Нижняя часть РК мощностью 3–10 см содержит 14 единиц отложений, образованных в результате единовременной деятельности, направленной на добычу пищи. В слое было обнаружено большое количество хорошо сохранившихся костей рыб. Такая сохранность может быть объяснена наличием многочисленных раковин двухстворчатых моллюсков, нейтрализующих почвенные кислоты и защищающих остатки от физического разрушения. Анализ малакофауны из данного слоя показал, что основная доля фрагментов раковин представлена морскими видами, а именно: мидией Грея и устрицей. Примечательно, что в соседних шурфах на пластах, стратиграфически соответствующих рассматриваемым отложениям, были обнаружены многочисленные грузила и крупные скопления костей рыб, что подтверждает ведение древним населением активного промысла рыбы с использованием, в том числе, и сетевых снастей.

Материалы

В *слое коричневого суглинка* было обнаружено 549 фрагментов, пригодных для идентификации (табл.). Анализ показал принадлежность остатков к 6 видам, относящимся к 6 родам, 7 семействам и 6 отрядам. В нем основную долю находок составляет тихоокеанская сельдь (74,86 %). Второстепенную роль также играют краснопёрка и камбала (9,47 % и 11,48 % соответственно). Все остальные виды встречались в виде единичных находок.

В отложениях *нижней части неолитической раковинной кучи* было обнаружено 2822 фрагмента костей рыб, пригодных для идентификации. Анализ показал, что костные остатки принадлежали, как минимум, 11 видам, относящимся к 13 родам, 12 семействам и 10 отрядам.

Основу улова составила тихоокеанская сельдь, доля которой в находках составила 75,90 %. Второстепенную роль играли краснопёрка и камбаловые (7,65 % и 8,72 % соответственно). Также немаловажную роль играли керчаковые (2,90 %). Остальные виды были представлены единичными находками.

Стоит отметить, что в *слое коричневого суглинка* было обнаружено гораздо меньше находок по сравнению с *нижней частью неолитической раковинной кучи*. Подобный результат может быть связан с отсутствием раковин моллюсков в *слое коричневого суглинка,* из-за чего значительная часть остатков могла быть разрушена. Это может быть связанно так же с тем, что в отличие от *слоя коричневого суглинка*, сформировавшегося за длительный срок горизонта обитания, нижняя часть неолитической РК является событием одного сезона сбора пищевых ресурсов.

Краткая характеристика некоторых основных видов рыб

Тихоокеанская сельдь (*Clupea pallasii*)

Наиболее распространенный среди находок вид. Наблюдается в обоих слоях. В *слое коричневого суглинка* наблюдается 411 шт. что составляет 74,86 % от всех находок. В *нижней части неолитической раковинной кучи* наблюдается 2142 шт. или

Таблица. **Памятник Клерк-5. Костные остатки рыб из отложений зайсановской культурной традиции**
Table. **Klerk-5 site. Fish bones from deposits of the Zaisanovsky Cultural Tradition**

Отряд, семейство, род, вид	Слой светло-коричневого суглинка (4635 b.p.)		Слой коричневого суглинка		Нижняя часть неолитической раковинной кучи (4585 b.p.)	
	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%
Отр. Myliobatiformes – Хвостоколобразные **Сем. Dasyatidae – Скаты-хвостоколы**						
Dasyatis akajei – Красный хвостокол	–	–	–	–	1	0,04 %
Отр. Clupeiformes – Сельдеобразные **Сем. Clupeidae – Сельдевые**						
Clupea pallasii – Тихоокеанская сельдь	929	67,57 %	411	74,86 %	2142	75,90 %
Sardinops melanostictus – Дальневосточная сардина, Иваси	–	–	–	–	–	–
Отр.Osmeriformes – Корюшкообразные **Сем. Osmeridae – Корюшковые**						
Hypomesus spp. – Морская малоротая корюшка	–	–	–	–	–	–
Osmerus mordax dentex – Азиатская зубатая корюшка	–	–	–	–	5	0,18 %
Отр. Salmoniformes – Лососеобразные **Сем. Salmonidae – Лососевые**						
Oncorhynchus spp. – Тихоок. лосось	5	0,36 %	–	–	7	0,25 %
Отр. Cypriniformes – Карпообразные **Сем. Cyprinidae – Карповые**						
Carassius auratus gibelio – Серебряный карась	1	0,07 %	–	–	5	0,18 %
Tribolodon spp. – Дальневосточная красноперка	204	14,84 %	52	9,47 %	216	7,65 %
Gen. spp.	–	–	–	–	9	0,32 %
Отр. Gadiformes – Трескообразные **Сем. Gadidae – Тресковые**						
Gadus macrocephalus – Тихоокеанская треска	–	–	–	–	9	0,32 %
Eleginus gracilis – Дальневосточная навага	21	1,53 %	2	0,36 %	16	0,57 %
Theragra chalcogramma – Минтай	–	–	–	–	–	–
Отряд Beloniformes – Сарганообразные **Семейство Belonidae – Сарганы**						
Strongylura anastomella – Дальневосточный сарган	–	–	–	–	–	–
Отр.Scorpaeniformes – Скорпенообразные **Сем. Scorpaenidae – Скорпеновые**						
Sebastes schlegelii – Темный окунь	–	–	6	1,09 %	8	0,28 %
Sebastes. spp. – Морские окуни	7	0,51 %	1	0,18 %	29	1,03 %
Сем. Cottidae – Керчаковые, Рогатковые						
Gymnocanthus herzensteini – Шлемоносец Герценштейна	–	–	–	–	2	0,07 %
Gymnocanthus spp. – Гимнаканты	9	0,65 %				
Myoxocephalus spp. – Керчаки	5	0,36 %	–	–	10	0,35 %
Alcichtys elongatus – Продолговатый альцихт	–	–	–	–	70	2,48 %
Gen. spp.	–	–	4	0,73 %	–	–

Отр. Mugiliformes – Кефалеобразные Сем. Mugilidae – Кефалевые						
Mugil spp.– Кефали	3	0,22 %	–	–	–	–
Planiliza haematocheilus – Пиленгас	–	–	–	–	14	0,50 %
Отр. Perciformes – Окунеобразные Сем. Scombridae – Скумбриевые						
Scomber japonicus – Японская скумбрия	145	10,55 %	10	1,82 %	29	1,03 %
Отр. Pleuronectiformes –Камбалообразные Сем. Pleuronectidae – Камбаловые						
Limanda aspera – Желтоперая камбала	–	–	–	–	–	–
Pseudopleuronectes obscurus – Темная камбала	–	–	–	–	–	–
Gen. spp.	45	3,27 %	63	11,48 %	246	8,72 %
Отр. Tetraodontiformes – Иглобрюхообразные Сем. Tetraodontidae – Четырехзубые						
Takifugu spp. – Собака-рыба	1	0,07 %	–	–	4	0,14 %
Итого	1375	100 %	549	100 %	2822	100 %

75,90 % (табл.). Исходя из того, что данный вид доминирует среди находок, можно говорить о том, что именно сельдь была одним из главных объектов промысла. Это один из наиболее распространенных видов в заливе Петра Великого, который является очень пластичным по своей экологии и системообразующим для многих побережий. Сельдь может не только заходить, но и обитать в солоноватых водах, соленостью не более 10–12 %, в том числе и в опресненных лагунах, а также заходить в реки на несколько километров. Большую часть времени обитает в морской толще вдали от побережий. К берегам сельдь подходит только в весенний период (Амброз, 1931).

Нерестовый сезон у сельди делится на три подхода. Первый длится с первой половины февраля и достигает пика в середине марта. Как правило, в первом ходе участвуют наиболее крупные особи. Второй продолжается с конца марта до середины апреля. Третий, наиболее массовый ход, приходится на конец апреля – начало мая. Примерно, с середины июня сельдь начинает отходить обратно в открытые воды для нагула (Новиков, Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2002. С. 48–50; Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2009. С. 54–55).

Дальневосточная краснопёрка *(Tribolodon* spp.*)*

Остатки, относящиеся к данному роду, также прослеживаются в обоих слоях в относительно больших количествах. В *слое коричневого суглинка* наблюдается 52 шт. или 9,47 %. В *нижней части неолитической раковинной кучи* было обнаружено 216 шт. или 7,65 % (табл.). Исходя из доли от общего количества находок можно говорить, что данный род мог быть следующим по значимости объектом промысла.

Из-за плохой сохранности останки не удалось определить до вида. Однако мы предполагаем, что они относились к одному из двух видов, представленных в заливе Петра Великого:

1. Tribolodon brandti. Данный вид распространен в водах Приморья повсеместно. Он способен обитать в мелких бухтах и заливах на глубине не более 50 метров, однако на нерест заходит в реки. Особенность нереста заключается в его растянутости по времени. Основной ход проходит на протяжении мая, но при этом особей со зрелыми половыми продуктами можно наблюдать вплоть до октября. В конце августа – начале сентября молодь уходит из рек на прибрежное мелководье для нагула и возвращается в ноябре на зимовку (Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2009; Линдберг, Лагеза, 1965).

2. Tribolodon hakonensis. Жизненный цикл этого вида делится на два периода: морской и пресноводный. Морской период связан с нагулом в прибрежной полосе и эстуариях и состоит из двух этапов. Первый длится с конца марта до конца мая. Второй этап проходит в промежутке между нерестом и зимовкой, примерно, со второй половины

июня по конец октября. Во время нагула держится на мелководье вблизи берегов на глубине не более 20 метров. Второй период включает в себя зимовку, которая длится с ноября по март, а также нерест, длящийся с апреля по июнь. Этот период полностью проходит в реках, но высоко по ним краснопёрка не поднимается. Также почти весь год в речных низовьях и в приустьевых пространствах могут встречаться неполовозрелые особи (Новиков, Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2002. С. 100–103; Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2009. С. 81–82; Линдберг, Лагеза, 1965).

Серебряный карась *(Carassius auratus gibelio)*

Был обнаружен только в нижней части неолитической раковиной кучи, где он представлен единичными находками в количестве 5 экз. или 0,18 % от общего числа находок (табл.).

Исключительно пресноводный, придонный вид. Чаще всего распространён в озерах с илистым грунтом. В зимний период образует скопления в глубоких местах водоема, а также способен закапываться в ил, что помогает ему выжить даже в условиях полного промерзания водоема. В весенне-летний период карась начинает встречаться по всему водоему, в особенности на мелких, хорошо прогреваемых участках (Новиков, Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2002. С. 96–97).

Азиатская зубастая корюшка *(Osmerus mordax dentex)*

Обнаружена только *в нижней части неолитической раковинной кучи* в виде единичных находок. Всего обнаружено 5 экз. или 0,18 % от общего числа находок (табл.).

Вид повсеместно распространен в прибрежных водах Приморья. На нерест заходит в крупные и мелкие реки примерно с марта до середины апреля. Нерестится в ночное время на каменно-галечных перекатах на глубине примерно 0,2–0,6 м. После нереста корюшка уходит в море, распределяясь по прибрежному мелководью на глубине не более 100 м. (Новиков, Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2002. С. 82–83; Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2009. С. 61–62).

Тихоокеанский лосось (*Oncorhynchus spp.)*

Остатки, относящиеся к этому роду, были обнаружены только в *нижней части неолитической раковинной кучи.* Было обнаружено всего 7 экз. или 0,25 % (табл.). В сравнении с другими памятниками, относящимися к зайсановской культурной традиции, это весьма представительные сборы.

По причине плохой сохранности остатки удалось определить только до рода. Однако мы полагаем, что, вероятнее всего, добывались наиболее распространенные в заливе Петра Великого виды:

Горбуша *(Oncorhynchus gorbuscha)*

Большую часть морского периода жизни горбуша проводит в юго-западной части Японского моря, где активно питается. В апреле начинается нерестовая миграция на север. В начале июня начинает подходить в прибрежные воды вблизи устьев рек по всему Приморью. Ход в реки начинается с середины июня и до конца августа, после чего до конца сентября длится нерест. Как правило горбуша нерестится на перекатах, состоящих из гальки и песка. В дальнейшем отнерестившиеся особи относятся течением и погибают. Личинки остаются в реках до весны, после чего скатываются вниз по течению на прибрежные мелководья, где усиленно питаются в течение месяца. Затем молодь уходит в открытые воды Японского моря к постоянному месту обитания (Новиков, Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2002. С. 72–74; Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2009. С. 74–75; Шмидт, 1948).

Сима *(Oncorhynchus masou)*

Данный вид повсеместно встречается в водах Приморья. Является наиболее теплолюбивым видом среди тихоокеанских лососей. Так же как и у других представителей данного рода жизненный цикл симы разделен на морской и пресноводный периоды. Однако в отличии от других лососей данный вид может проживать в реках от 1–3 лет, образуя пресноводные формы. В Южном Приморье нерестовый ход длится со второй половины августа до конца сентября. Нерестилища располагаются в верховьях рек. В ходе нереста самки погибают, в то время как часть самцов выживает и способна участвовать в нересте на следующий год. Мальки не скатываются в море, а развиваются полностью в реке. Подобные формы также известны под такими названиями как «пеструшка», «каменка», «подкаменка». Молодь скатывается в море на втором-третьем году жизни, постепенно отходя от берега в открытое море. Через два года возвращается в

родные реки для нереста. (Новиков, Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2002. С. 64–65; Линдберг, Лагеза, 1965).

Тихоокеанская треска *(Gadus macrocepalus)*

Остатки происходят только из *нижней части неолитической раковинной кучи*. Было обнаружено 9 экз. или 0,32 % (табл.).

Морской холодолюбивый вид, повсеместно встречающийся в водах Приморья. Большую часть времени обитает на верхней кромке материкового склона. В залив Петра Великого заходит на нерест в феврале – апреле над глубинами 100–150 м. После нереста на недолгое время подходит к мелководьям, где усиленно питается. По мере прогрева прибрежных вод треска начинает отходить обратно на глубины 80–120 м, где держится весь летний сезон. Также время от времени выходит на мелкие глубины в зимний период (Новиков, Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2002. С. 175–177; Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2009. 82–83; Световидов, 1948).

Дальневосточная навага *(Eleginus gracilis)*

Остатки наблюдаются в обоих слоях. *В слое коричневого суглинка* собрано 2 экз. или 0,36 %. В *нижней части неолитической раковинной кучи* обнаружено 16 экз. или 0,57 % (табл.).

Данный вид широко распространен на побережьях по всему Приморью. Обитает вблизи берегов на глубинах от 2 до 60 метров. В отдельных случаях встречается и на меньших глубинах. Также способен заходить в опресненные воды. Сезонные перемещения главным образом связаны с изменением температуры. Ход на нерест проходит зимой и в начале весны примерно с января по март. Нерестится на глубинах от 2 до 15 м в водах с отрицательной температурой. Отнерестившаяся навага остается на месте нереста, где усиленно питается. По мере потепления навага отходит из прибрежных вод и возвращается с наступлением зимы (Новиков, Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2002. С. 177–179; Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2009. С. 83–84; Солдатов, Линдберг, 1930).

Темный окунь *(Sebastes schlegelii)*

Наблюдается в обоих слоях. В слое коричневого суглинка идентифицировано 6 экз. или 1,09 %. В нижней части неолитической раковинной кучи обнаружено всего 8 экз. или 0,28 % (табл.).

Крупный прибрежный вид, достигающий стандартной длинны около 50 см. Обычно встречается в прибрежной зоне на глубине от 5 до 50 метров на участках с каменистым дном. Часто мальков окуня можно встретить среди зарослей водорослей и морской травы (Новиков, Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2002. С. 177–179; Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2009. С. 108–109; Солдатов, Линдберг, 1930).

Японская скумбрия *(Scomber japonicus)*

Остатки были обнаружены в обоих слоях. В *слое коричневого суглинка* идентифицировано 10 экз. или 1,82 %. В *нижней части неолитической раковинной кучи* было идентифицировано 29 экз. или 1,03 % (табл.).

Вид представлен теплолюбивыми пелагическими рыбами. У берегов Приморья встречаются только в летнее время. Для них характерны протяженные массовые миграции. Нерест проходит на юге Японского моря в апреле – мае, однако часть мигрирующих косяков может заходить на нерест в залив Петра Великого в июне – июле. Также остается на протяжении всего летнего периода в пределах побережий для нагула. Миграция из вод Приморья начинается ранней осенью с похолоданием вод. Окончательно скумбрия уходит к концу октября (Новиков, Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2002. С. 304–306; Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2009. С. 293–294; Веденский, 1954; Токарев, 1948).

Семейство камбаловые *(Pleuronectidae)*

Остатки, относящиеся к рассматриваемому семейству, обнаружены в относительно больших количествах в обоих слоях. В слое коричневого суглинка наблюдается 63 экз. или 11,48 %. В *нижней части неолитической раковинной кучи* было идентифицировано 246 экз. или 8,72 % (табл.). Исходя из доли от общего количества находок, мы можем предполагать, что представители данного семейства могли быть еще одним важным объектом промысла наравне с краснопёркой.

К сожалению, из-за плохой сохранности образцов, костные остатки удалось идентифицировать только до семейства. Однако мы можем предполагать, что они могли принадлежать наиболее распространенному в заливе Петра Великого виду камбаловых.

Желтоперая камбала *(Limanda asper)*

Данный вид является одним из наиболее широко распространенных видов камбалы в дальневосточных морях. Способна переносить значительные колебания температур от -1,5 ºС до +15º С. Хорошо выражены сезонные миграции. В осенний период концентрируется у шельфа на глубине до 500 метров, где образует зимовальные скопления. Весной, примерно в апреле – мае, камбала начинает подходить к мелководьям для нереста и откорма, иногда подходя к самым берегам. Нерест проходит вблизи берега почти весь летний период, с конца мая и до августа (Новиков, Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2002. С. 444–446; Соколовский, Соколовская, Яковлев, 2009. С. 302–303).

Реконструкция сезонности

При реконструкции рыболовства неолитического населения мы опираемся на постулаты теории оптимального собирательства (optimal foraging theory) (Bettinger, 1991; Evolutionary ecology…, 1992; Kelly, 1995). Мы исходим из предположения, что обитатели памятника Клерк-5 добывали те или иные виды рыб в то время, когда они образовывали значительные скопления вблизи побережья, что обеспечивало минимизацию трудовых затрат и времени на добычу, увеличивая предсказуемость и уменьшение рисков. В таких условиях добыча рыбы могла быть наиболее эффективной.

В находках из обоих слоев доминировала тихоокеанская сельдь (*Clupea pallasii*). Это может говорить о том, что данный вид являлся главным объектом промысла. Учитывая факт, что сельдь является океаническим видом, подходящим к побережью только во время нереста весной, можно говорить о том, что основной промысел велся примерно с марта и по конец мая (рис. 1). Именно в это время сельдь образует крупные нерестовые скопления в зарослях морской травы вблизи берега, что делает ее удобным объектом промысла любыми орудиями, в том числе и голыми руками (рис. 2.2). Также, вероятно, мог вестись промысел икры, так как она является удобным продуктом для относительно долгосрочного хранения. Скорее всего, добыча велась с помощью специально заготовленных веток хвойных деревьев или других предметов, на которые сельдь могла откладывать икру (Stewart, 1977. P. 127).

Следующая по значимости для промысла – красноперка, могла добываться на протяжении практически всего года. Однако основным сезоном добычи был, вероятно, конец весны, примерно с апреля по май (рис. 1). В это время красноперка образует нерестовые скопления в реках (рис. 2.2). Также она могла быть объектом речного рыболовства во время зимовки с ноября по март (рис. 2.1). Для этого рыба могла вспугиваться в зимовальных ямах острогами и в дальнейшем добываться специальными сачками.

С начала сентября по октябрь краснопёрка скатывается на мелководное побережье, где она могла добываться в течение практически всей осени (рис. 2.4). Вероятно, для промысла как в реках, так и на мелководье, использовались сетевые снасти.

Особый интерес вызывают находки остатков серебряного карася, обитающего в основном в стоячих пресных водоемах. Эти находки могут быть доказательством того, что промысел производился не только в море, но и в пресных водоемах (рис. 2.2; 2.3).

В весенний период в реках могла добываться корюшка, заходящая на нерест в марте – апреле (рис. 1). Ввиду особенностей мест нереста (предпочитает мелкие плесы) эта рыба могла добываться при помощи остроги или просто голыми руками (рис. 2.2).

В устье реки на протяжении лета мог добываться заходящий в это время для нереста лосось (рис. 2.2). Скорее всего, он мог быть одним из основных объектов промысла. Вероятно, добыча велась с помощью специальных запоров в период нереста. Однако данный вывод может противоречить небольшому количеству остатков. Это может быть связанно как с плохой сохранностью костных остатков лосося в почве, так и с возможной разделкой пойманной рыбы недалеко от места вылова.

Тресковые могли добываться в весенний период во время их наиболее близкого подхода к берегам, где они могли быть выловлены с помощью крючковой снасти (рис. 2.2).

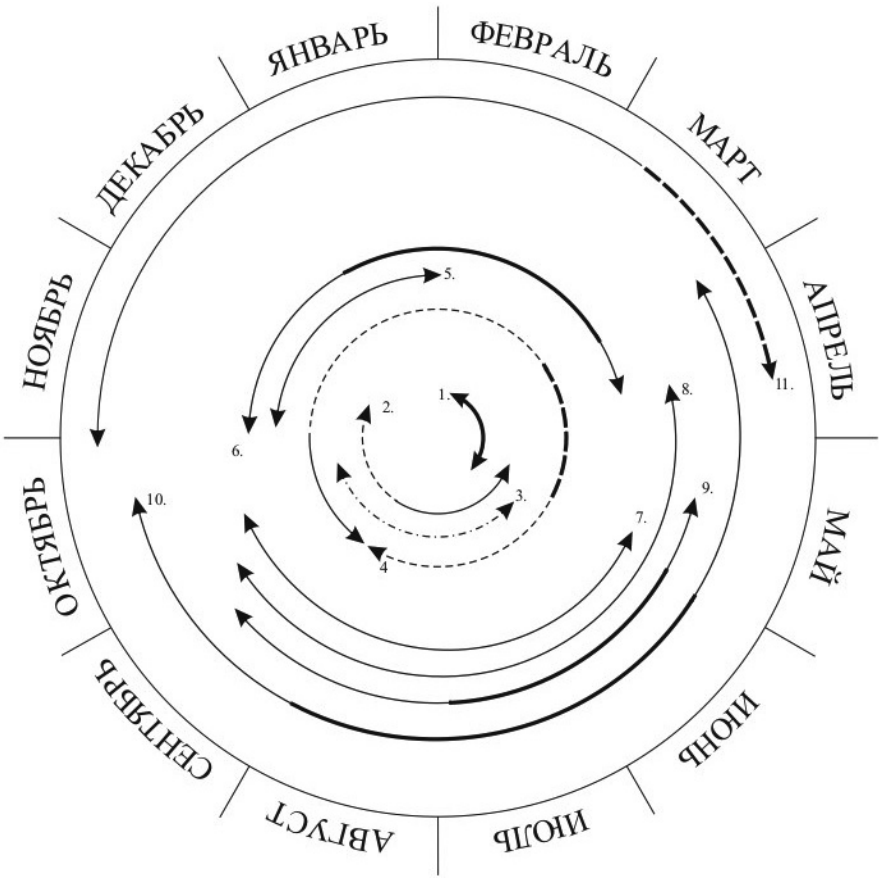


Рис. 1. Возможное время лова рыбы: *1 – Clupea pallasi (Тихоокеанская сельдь); 2 – Oncorhynchus spp. (Тихоокеанский лосось); 3 – Carassius auratus (Серебряный карась); 4 – Tribolodon spp. (Дальневосточная краснопёрка); 5 – Gadus macrocephalus (Тихоокеанская треска); 6 – Eleginus gracilis (Дальневосточная навага); 7 – Sebastes shlegeli (Темный окунь); 8 – Mugil sp. (Кефаль); 9 – Scomber japonicus (Японская скумбрия); 10 – Limanda asper (Желтоперая камбала); 11 – Osmerus mordax dentex (Азиатская зубатая корюшка)*

Fig. 1. Possible time of fishing: *1 - Clupea pallasi (Pacific herring); 2 - Oncorhynchus spp. (Pacific salmon); 3 - Carassius auratus (Crucian carp); 4 - Tribolodon spp. (Far Eastern dace); 5 - Gadus macrocephalus (Pacific cod); 6 - Eleginus gracilis (Saffron cod); 7 - Sebastes shlegeli (Jacopewer); 8 - Mugil sp. (Haarder); 9 - Scomber japonicus (Chub mackerel); 10 - Limanda asper (Yellowfin sole); 11 - Osmerus mordax dentex (Rainbow smelt)*

Условные обозначения:

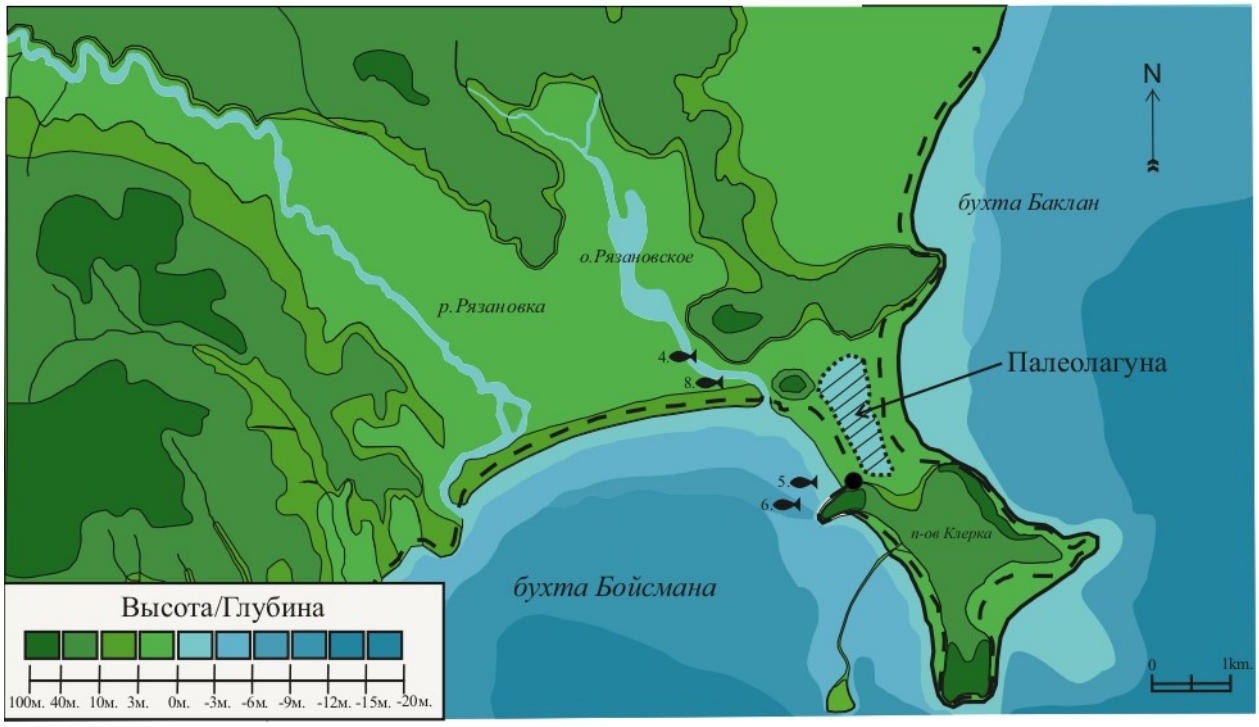
Море; Sea ***Речной нерест; River spawning***

Река; River ***Прибрежный нерест; Seacoast spawning*** ***Озеро; Lake***

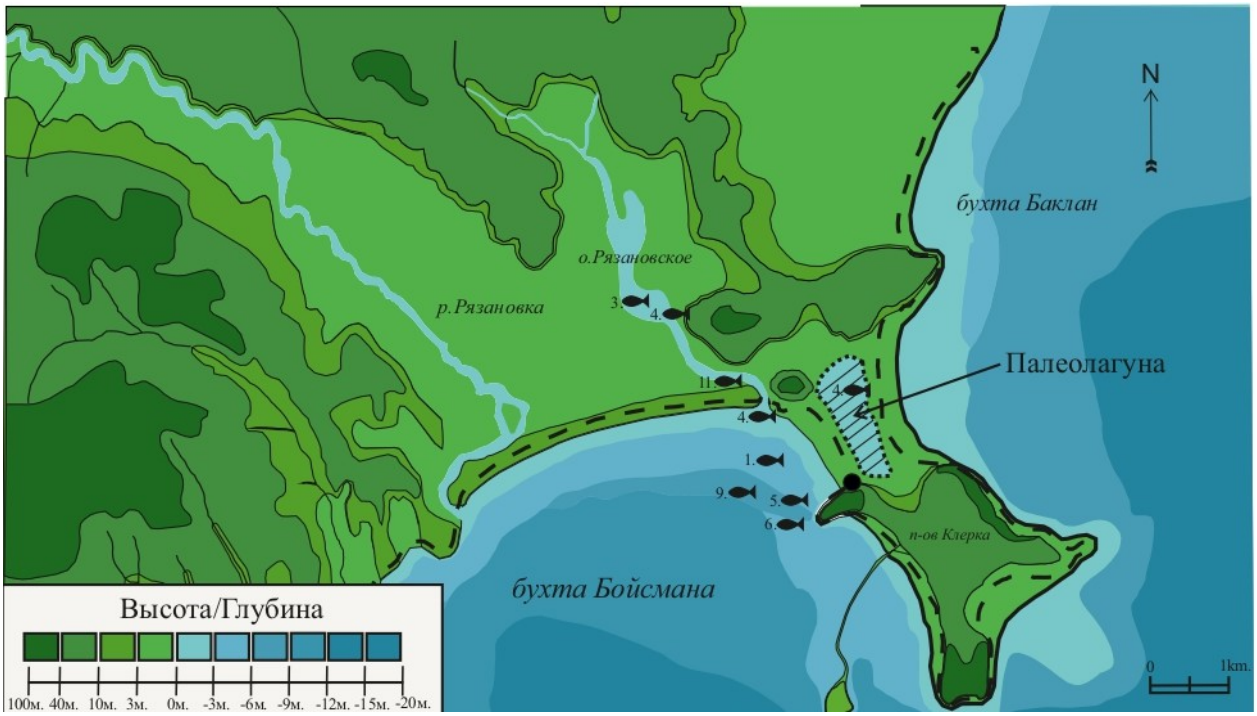
Подобным же образом в летний период мог быть организован лов керчаковых и морских окуней, держащихся на участках с каменистым дном вблизи берега (рис. 2.3).

Скумбрия образует хорошо различимые скопления (косяки) на мелководье в весенне-летний период. Этот вид мог быть одним из важных объектов промысла, уступая лишь красноперке и, вероятно, тихоокеанскому лососю (рис. 2.2; рис. 2.3). Промысел, по-видимому, мог вестись преимущественно сетевыми снастями.

Одним из наиболее доступных объектов промысла была камбала, держащаяся на мелководье с конца весны вплоть до ранней осени (рис. 1). Из-за того, что она подходит на относительно небольшие глубины, до 2 метров и менее, её было легко добыть как при ловле крючковыми снастями, так и острогой (рис. 2.3).



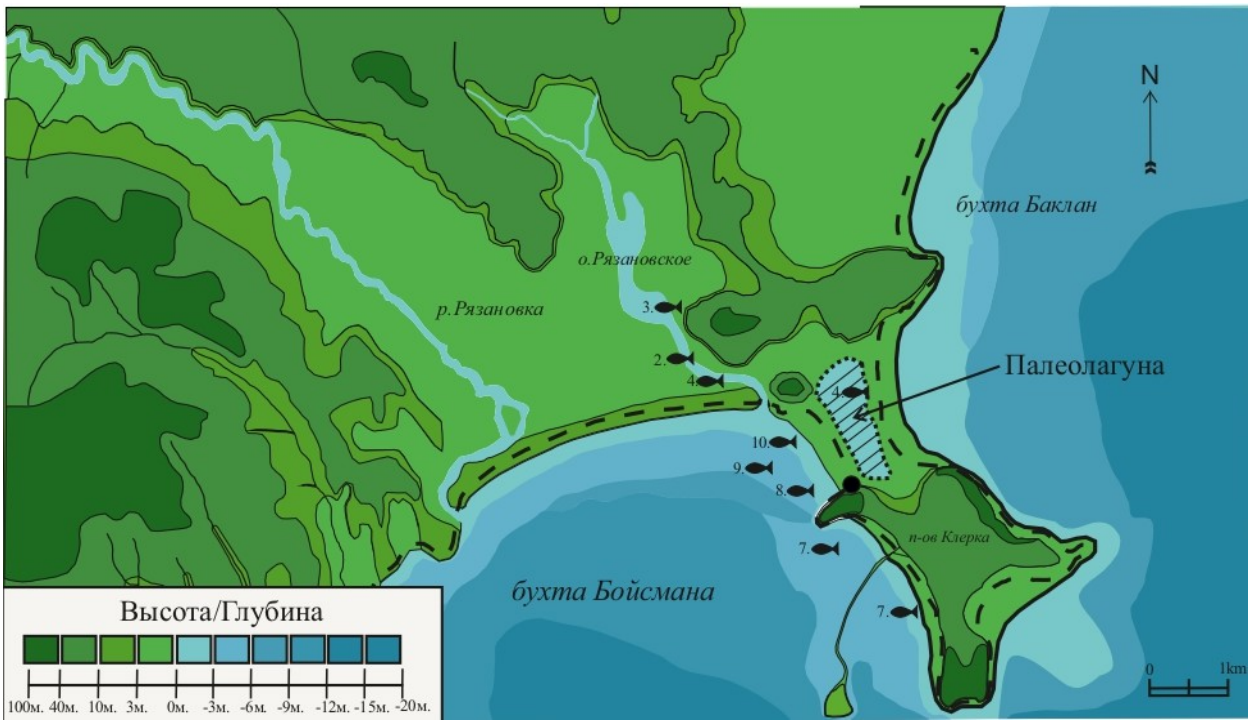
1



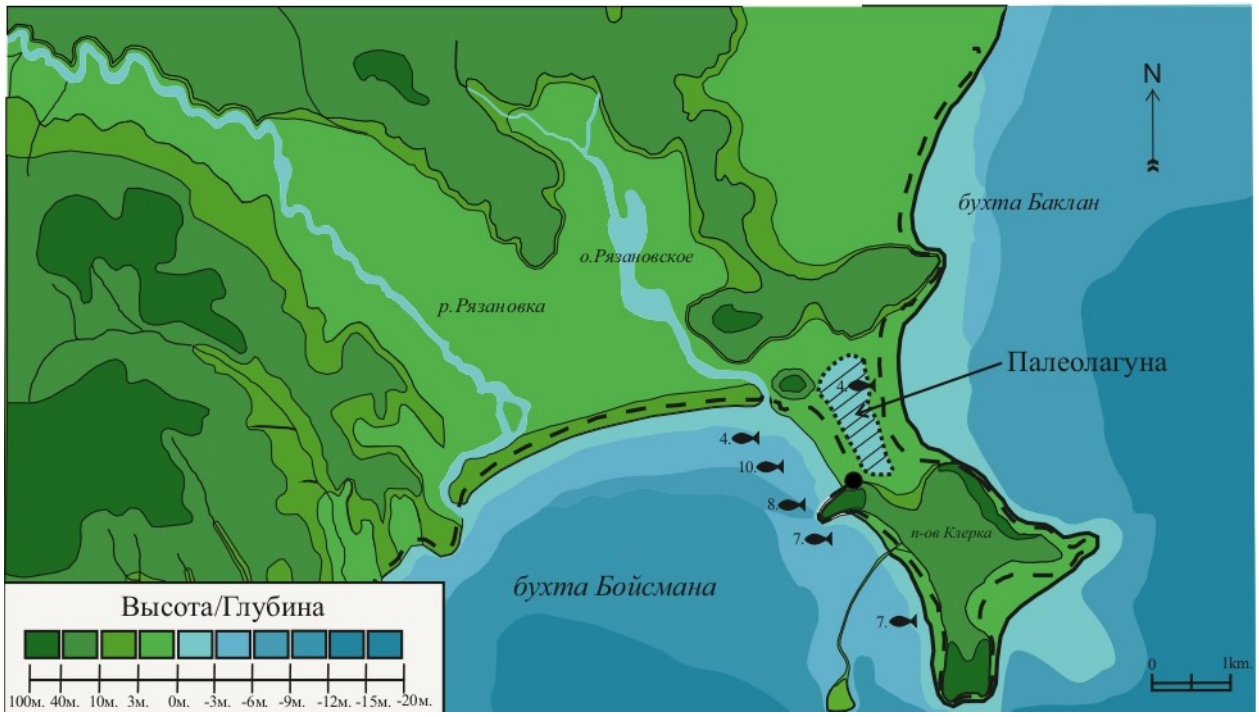
2

Рис. 2. Поселение Клерк-5. Карта сезонного присутствия рыб в
Fig. 2. Klerk-5 site. Map of the seasonal migration of fish in the

Условные
– современная береговая
– виды рыб согласно рис. 1;
– памятник



3



4

бухте Бойсмана 4575 л. н.: *1 – зима; 2 – весна; 3 – лето; 4 – осень*
Boisman bay, 4575 BP: *1 - winter; 2 - spring; 3 - summer; 4 - autumn*

обозначения:
граница; modern coastline
species of fish, according to fig. 1
Клерк-5; Klerk-5 site

Выводы

Полученные результаты изучения остатков рыб в культурных слоях позволяют сделать вывод о том, что население ранних земледельцев, подобно их предшественникам, освоило рыболовство во всех доступных типах водоемов: на морском побережье, в реке и озере/лагуне.

Основной промысел рыбы происходил, по-видимому, в весенне-летний период. Главными объектами промысла были виды, постоянно образующие крупные скопления на мелководье, для добычи которых требуется минимум энергетических затрат. Такими видами являлись тихоокеанская сельдь, красноперка, камбаловые и, в меньшей степени, скумбрия. Можно говорить также о том, что древнее население промышляло рыбу и в осенне-зимний период. Об этом свидетельствует наличие в находках остатков холодолюбивых рыб, таких как корюшка, навага и треска, промысел которых мог проходить со льда. Основной промысел велся, вероятно, на мелководье. Однако некоторая часть улова определенно происходила из реки и озера, существовавшего на месте палеолагуны, о чем свидетельствуют находки остатков видов, способных обитать в пресной воде. К ним относятся красноперка, корюшка, кефалевые и типично пресноводный обитатель – серебряный карась.

Основываясь на сходстве таксономического состава остатков промысловых рыб, происходящих из слоя *коричневого суглинка* и из *нижней части неолитической раковинной кучи,* мы можем говорить о том, что оба этих слоя были образованы в процессе хозяйственной деятельности одной группы населения, относящейся к ранним земледельцам зайсановской культурной традиции типа Крауновка-1. Предполагается, что до их миграции на побережье они могли иметь навыки речного рыболовства, которые впоследствии были адаптированы к новым, прибрежно-морским условиям. Это служит еще одним аргументом в пользу наличия промысла в устье реки. Применение крючковых снастей представляется весьма вероятным, поскольку доля рыб, которых наиболее удобно добывать таким способом (керчаковые и морские окуни), довольно велика.

Сравнение полученных результатов с полученными ранее данными по рыбам, происходящим из нижележащего *слоя светло-коричневого суглинка,* свидетельствует о том, что характер рыболовства не подвергался кардинальным изменениям, поскольку видовой состав уловов не изменился. Однако отмечается разница в количественных соотношениях основных промысловых видов. Так, например, как в *слое коричневого суглинка*, так и в *нижней части неолитической РК* наблюдается небольшое снижение доли красноперки. Наиболее резким изменением является снижение числа остатков скумбрии, которые стали единичными. В то же время происходит рост доли остатков камбаловых рыб. Возможно, указанные изменения связаны с развитием адаптации ранних земледельцев к условиям морских побережий. Вероятно, наряду с сетями, стали чаще использоваться остроги и крючковые снасти. Это отчасти может подтверждаться увеличением доли остатков морских окуней в *нижней части неолитической РК.*

Таким образом, 4585 лет назад населением памятника Клерк-5 рыболовство практиковалось преимущественно в весенне-летний период. Рыба вылавливалась в основном на мелководье, а кроме того, в устье реки и в озере вблизи поселения. Вероятно, для промысла в основном использовались сети. В то же время, роль острог и крючковых снастей увеличилась в сравнении с предыдущим периодом.

Список источников

Амброз А. И. Сельдь (Clupea harengus pallasi C. V.) залива Петра Великого // Известия Тихоокеанского научно-исследовательского института морского, рыбного хозяйства и океанографии. 1931. Т. 6. 313 с.

Веденский А. П. Биология дальневосточной скумбрии в Японском море // Известия ТИНРО. 1954. Т. 42. С. 3–94.

References

Ambroz A. I. (1931) Herring (Clupea harengus pallasi S. V.) of Peter the Great Bay. *Izvestiya Tihookeanskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta morskogo, rybnogo khozyaistva i okeanografii = Bulletin of the Pacific Research Institute of Marine, Fisheries and Oceanography.* Vol. 6. 313 p. (In Russ.).

Vedenskii A. P. (1954) Biology of Far Eastern mackerel in the Japan Sea. *Izvestiya TINRO = Pacific branch of "VNIRO" News*. Vol. 42. P. 3-94. (In Russ.).

Вострецов Ю. Е. Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в Приморье в контексте природных изменений // Труды института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2018. Т. 20. С. 40–65.

Короткий А. М., Вострецов Ю. Е. Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого // Первые рыболовы залива Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток : ДВО РАН, 1998. С. 9–29.

Линдберг Г. У., Лагеза М. С. Рыбы Японского моря и сопредельных частей Охотского и Желтого морей. М.; Л., Наука, 1965. Ч. 2. 206 с.

Новиков Н. П., Соколовский А. С., Соколовская Т. Г., Яковлев Ю. М. Рыбы Приморья. Владивосток : Дальрыбвтуз, 2002. 552 с.

Раков В. А., Вострецов Ю. Е. Стратиграфия и малакофауна многослойного поселения Клерк-5 в Хасанском районе Приморского Края // Приоткрывая завесу тысячелетий. К 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток : Рея, 2010. С. 315–342.

Санникова А. В., Беседнов Л. Н., Вострецов Ю. Е. Памятник Клерк-5: Рыболовство населения зайсановской культурной традиции (типа Кроуновка-1) // Лев Николаевич Беседнов – исследователь древнего рыболовства. Владивосток : Дальнаука, 2015. С. 236–241.

Световидов А. Н. Фауна СССР. Рыбы. Трескообразные. М.-Л. : АН СССР. 1948. Т. 9. Вып. 4. 224 с.

Соколовский А. С., Соколовская Т. Г., Яковлев Ю. М. Рыбы залива Петра Великого. Владивосток : Дальнаука, 2009. 376 с.

Солдатов В. К., Линдберг Г. У. Обзор рыб дальневосточных морей // Известия ТИНРО. 1930. Т. 5. 576 с.

Токарев А. К. Скумбрия Японского моря // Рыбное хозяйство. 1948. № 6. С. 43–47.

Шмидт П. Ю. Рыбы Тихого океана. М. : Пищепромиздат. 1948. 124 с.

Bettinger R. L. Hunter-gatherers: archaeological and evolutionary theory. New York: Premium Press, 1991. 291 p.

Evolutionary ecology and human behavior. New York: Walter de Gruyter, 1992. 470 p.

Kelly R. L. The foraging spectrum: Diversity in hunter-gatherer lifeways. Washington-London: Smithsonian institution press, 1995. 306 p.

Klerk 5 Site in Primorye, Russia. Prelimenary results of Excavation in 2005. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2007. 54 p.

Vostretsov Yu. E. (2018) Chronology and spatial distribution of sites of the Zaisanovsky Cultural Tradition in Primorye in the context of natural changes. *Trudy Instituta istorii, arheologii I etnografii DVO RAN =Proceedings of Institute of History, Archeology and Ethnology FEB RAS.* Vladivostok: IHAE FEB RAS. P. Vol. 20. 40-65. (In Russ.).

Korotkii A. M., Vostretsov Yu. E. (1998) Geographic, Environment and Cultural Dynamics in the Middle Holocene in the Peter the Great Bay. *Pervye rybolovy zaliva Petra Velikogo. Priroda i drevnii chelovek v bukhte Boismana = The first fishers of the Peter the Great Bay. Nature and ancient man in Boisman Bay*. Vladivostok: FEB RAS. P. 9-29. (In Russ.).

Lindberg G. U., Lageza M. S. (1965) Fish of the Sea of Japan and adjacent parts of the Okhotsk and Yellow Seas. Moscow - Leningrad: Nauka. Pt. 2. 206 p. (In Russ.).

Novikov N. P., Sokolovskii A. S., Sokolovskaya T. G., Yakovlev Yu. M. (2002) Fishes of Primorye. Vladivostok: Dal'rybvtuz. 552 p. (In Russ.).

Rakov V. A., Vostretsov Yu. E. (2010) Stratigraphy and malacofauna of the multilayer Klerk-5 site in the Khasansky district of the Primorsky Territory. *Priotkryvaya zavesu tysyacheletii. K 80-letiyu Zhanny Vasil'evny Andreevoi = Opening the veil of millennia. On the occasion of the 80th birthday of Zhanna Vasilievna Andreeva*. Vladivostok: Reya. P. 315-342. (In Russ.).

Sannikova A. V., Besednov L. N., Vostretsov Yu. E. (2015) Klerk-5 site: Fishing of the population of the Zaisanovsky Cultural Tradition (Kronovka-1 type). *Lev Nikolaevich Besednov - issledovatel' drevnego rybolovstva = Lev Nikolaevich Besednov - a researcher of ancient fishing*. Vladivostok: Dal'nauka. P. 236-241. (In Russ.).

Svetovidov A. N. (1948) Fauna of the USSR. Fishes. Cod-like. Moscow - Leningrad: AN SSSR. Vol. 9. Iss. 4. 224 p. (In Russ).

Sokolovskii A. S., Sokolovskaya T. G., Yakovlev Yu. M. 2009. Fishes of the Peter the Great Bay. Vladivostok: Dal'nauka. 376 p. (In Russ.).

Soldatov V. K., Lindberg G. U. (1930) Review of fish of the Far Eastern seas. *Izvestiya TINRO = Pacific branch of "VNIRO" News*. Vol. 5. 576 p. (In Russ.).

Tokarev A. K. (1948) Mackerel of the Sea of Japan. *Rybnoe khozyaistvo = Fisheries.* No. 6. P.43-47. (In Russ).

Shmidt P. Yu. (1948) Fishes of the Pacific Ocean. Moscow: Pishchepromizdat. 124 p. (In Russ).

Bettinger R. L. (1991) Hunter-gatherers: archaeological and evolutionary theory. New York: Premium Press. 291 p.

Evolutionary ecology and human behavior. New York: Walter de Gruyter, 1992. 470 p.

Kelly R. L. The foraging spectrum: Diversity in hunter-gatherer lifeways. Washington-London: Smithsonian institution press, 1995. 306p.

Klerk 5 Site in Primorye, Russia. Prelimenary results of Excavation in 2005. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2007. 54 p.

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia. Report of excavation in 2002 and 2003. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2004. 58 p.

Stain J. K. Deciphering a Shell Midden. New York: Academic Press. N. Y. 1992. 375 p.

Stewart H. Indian fishing. Early Methods on the North-West Coast. Seattle: The University of Washington Press, 1977. 192 p.

Информация об авторах

Р. А. Артёмкин – старший лаборант сектора первобытной археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия.

Ю. Е. Вострецов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора первобытной археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия.

Ю. В. Федорец – кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории морской экотоксикологии,
Тихоокеанский океанологический институт им. В. И. Ильичева ДВО РАН,
690041, г. Владивосток, ул. Балтийская, 43, Россия.

Вклад авторов

Артёмкин Р. А. предложил сезонную и экологическую реконструкцию рыболовства, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Вострецов Ю. Е. выполнил исследования отложений памятника и выделил стратифицированные остатки костей рыб и артефактов, обобщил полученные результаты.

Федорец Ю. В. систематизировала первичные определения костных остатков рыб.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 21 октября 2021 г.; одобрена после рецензирования 25 ноября 2021 г.; принята к публикации 6 декабря 2021 г.

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia. Report of excavation in 2002 and 2003. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2004. 58 p.

Stain J. K. Deciphering a Shell Midden. New York: Academic Press. N. Y. 1992. 375 p.

Stewart H. (1977) Indian fishing. Early Methods on the North-West Coast. Seattle: The University of Washington Press. 192 p.

Information about the authors

R. A. Artemkin – assistant of Primitive Archeology department,
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East Far Eastern Branch of Russian academy of Sciences,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia.

Yu. E. Vostretsov – Dr. Sci (History), leading researcher of Primitive Archaeology department,
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East Far Eastern Branch of Russian academy of Sciences,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia.

Yu. V. Fedorets – Cand. Sci. (Biology), Researcher of Marine Ecotoxicology Laboratory,
Pacific Oceanological Institute Eastern Branch of Russian academy of Sciences,
43, Baltiiskaya St., Vladivostok 690041, Russia.

Contribution of the authors

Artemkin R. A. suggested seasonal and ecological reconstruction fishing, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Vostretsov Yu. E. investigated deposits of the site and the divided stratified remains of fish bones and artifacts, made the generalization of results.

Fedorets Y. V. systematized the primary definitions fish bones.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 21, 2021; approved after reviewing November 25, 2021; accepted for publication December 6, 2021.

Научная статья
УДК 930.126(571.26)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-35-46

Археология Нижнеамурского региона: отражение дуального мировидения оседлых рыболовов в парных рисунках петроглифов

Зоя Степановна Лапшина

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия,
Lapshinazoy@gmail.com

Аннотация. В Нижнеамурском регионе расположено несколько памятников наскального искусства. Наибольшее количество рисунков сохранилось в памятниках возле старинного нанайского села Сикачи-Алян и русского селения Малышево, а также возле пограничного села Шереметьево. Ранние рисунки относятся к концу каменного века, а более поздние – к раннему Средневековью. Изучением памятников наскального искусства низовьев Амура занимался археолог академик А. П. Окладников и его ученики. Ими подготовлена научно-исследовательская база и культурно-историческая основа интерпретации содержания рисунков, обоснована необходимость бережного отношения к петроглифам как объектам культурного наследия древности. Современные исследования во многом опираются на созданный ими источниковый фонд. Памятники петроглифов содержат более сотни изображений личин-масок. Научные интересы автора статьи состоят в изучении семантического содержания антропоморфных и зоо-антропоморфных изображений личин. Статья посвящена изучению символики парных рисунков личин петроглифов Амура и Уссури, созданных культурами оседлых рыболовов и охотников. В качестве методов автор использует иконографический и типологический анализ рисунков с привлечением теоретических и практических материалов из области этнографии и антропологии. Заключение по итогам исследований: рисунки на камнях и скалах служили атрибутами ритуально-обрядовых праздников, в ходе которых шло повествование о рождении мира и родоначальников, о нормах жизни общины. Парность изображений объясняется дуальным разделением социума и коллективным мифологическим сознанием с бинарным восприятием мира. Дуализм, как структура социума, отражённая в коллективном сознании и проецированная посредством мифологии на все сферы жизни, нашёл своё отражение и в изобразительном искусстве, в частности в петроглифах. Научные представления о дуализме как системе созданы отечественными и зарубежными учёными. Среди них Э. Дюркгейм, А. М. Золотарёв, А. Р. Радклиф-Браун, В. В. Иванов и другие.

Ключевые слова: археология, Амур, Нижнеамурский регион, древние петроглифы, парные рисунки, Сикачи-Алян и Малышево, Шереметьево, маски, дуальное мировосприятие, мифология

Для цитирования: Лапшина З. С. Археология Нижнеамурского региона: отражение дуального мировидения оседлых рыболовов в парных рисунках петроглифов // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 35–46. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-35-46.

Original article

Archaeology of the Lower Amur region: reflection of the dualistic worldview of sedentary fishermen in paired petroglyph drawings

Zoya S. Lapshina

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia,
Lapshinazoy@gmail.com

Abstract. There are several sites of rock art in the lower Amur region. The largest number of drawings has been preserved in the sites near to Nanai village Sikachi-Alyan, Russian village Malyshevo, and border settlement Sheremetyevo. Studying the sites of rock art in the lower reaches of the Amur was engaged by A. P. Okladnikov and his students. They performed the scientific database and cultural-historical approach to explain the semantics of drawings, and substantiated the need to attitude to petroglyphs as ancient objects of cultural heritage. Sites of petroglyphs have preserved more than a hundred images of masks. The author studies anthropomorphic and zoo-anthropomorphic masks of petroglyphs. The author is engaged in a systematic

© Лапшина З. С., 2021

analysis of masks and the interpretation of signs on them. The article presents the results of the study of the paired faces of petroglyphs of Amur and Ussuri Rivers made by the cultures of sedentary fishers and hunters. The methods used in this research are iconographic and typological analyses of drawings made under the theoretical and practical knowledge from the field of anthropology. The dual structure ensures the sustainability of traditional culture. Finally authors come to conclusion that drawings on stones and rocks served as attributes of ritual and ceremonial holidays, during which there was a story about the birth of the world and the ancestors as well as the story about the norms of life of the community. The paired drawings are explained as the result of dual splitting of community and collective consciousness with the binary perception of the world. Such dualism as the structure of society reflected in collective consciousness and impressed by the mythology on the all aspects of the life including the art and petroglyphs, in particular. Masks represent binary mythology. Mythology and rituals reinforce the dual-clan structure in the collective consciousness. Disguises were used as illustrations of myths during rituals at the holidays. The theory of dualism was created by anthropologists E. Durkheim, A. M. Zolotarev, A. R. Radcliffe-Brown, A. M. Hockart, V. V. Ivanov. The article is devoted to the study of the symbolism of the faces of the Amur and Ussuri petroglyphs. It was created under the influence of the dual structure of society.

Keywords: archeology, Amur, Lower Amur region, ancient petroglyphs, paired drawings, Sikachi-Alyan and Malyshevo, Sheremetyevo, masks, dual world perception, mythology

For citation: Lapshina Z. S. (2021) Archaeology of the Lower Amur region: reflection of the dualistic worldview of sedentary fishermen in paired petroglyph drawings. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 35-46. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-35-46.

Введение

В бассейне нижнего течения Амура ещё в XIX веке были известны памятники наскального искусства: один возле сёл Сикачи-Алян и Малышево на амурской протоке, а другой возле пограничной казачьей станицы Шереметьевской (ныне село Шереметьево) по правому берегу реки Уссури. Первый памятник представляет собой шесть скоплений каменных глыб на небольшом расстоянии друг от друга вдоль береговой полосы. На втором памятнике рисунки нанесены на трёх участках отвесных крутых скал правого берега Уссури. В настоящее время обнаружены рисунки и на отдельных камнях, лежащих на береговом пляже. В 60–70 годах XX в. петроглифы были исследованы группой археологов ИИАиЭ СО АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Его перу принадлежат публикации книг и серии статей по проблемам амуро-уссурийских петроглифов. Он поднимал вопросы об автохтонности рисунков, периодизации их возникновения, культурно-исторических связях с коренным населением территории, а также о связях с культурами бассейна Тихого океана. Неповторимой особенностью наскального искусства этих памятников является доминирование изображений личин. Они разнообразны по внешнему облику и по символическим знакам, которые нанесены на их внутреннюю поверхность, а иногда и за пределами контурной обрисовки. Помимо этого, при изучении всей совокупности рисунков проявляется ещё одна черта этой изобразительной традиции – среди них выделяются парные личины. А. П. Окладников обращал внимание на парность группы личин-масок среди петроглифов Сикачи-Аляна – Малышева и Шереметьева, но ограничился лишь фиксацией явления (Окладников, 1971. С. 80). Интерпретацией символического содержания отдельных рисунков петроглифов и корреляцией их с предметами искусства из культурных слоёв археологических памятников занимается В. Е. Медведев (Медведев, 2001). Важен вклад Е. А. Окладниковой в изучение семантического содержания петроглифов Амура. В процессе исследования наскального искусства западного побережья Северной Америки, ею проведены корреляции типов личин и символов северо-американских петроглифов и группы нижнеамурских. Среди них трактовка рисунков птиц, разноглазых личин, а также она отмечала очень важное сходство знаков амурских личин с изображениями на камне и другом материале североамериканских индейских духов-каннибалов (Окладникова, 1989; Окладникова, 1995). Но целенаправленного изучения семантики всей совокупности нижнеамурских личин, включая парных, ею не проводилось. Тема парных личин и их семантического содержания до настоящего времени не изучалась.

Теоретическая часть

В мировой культурной антропологии накапливались сведения о механизмах устойчивости социальной структуры традиционных обществ, её отра-

жении в мифологии. Опыт изучения культур этносов привёл к пониманию дуальной сущности их социальных форм. Зарубежные антропологи Э. Дюркгейм, А. Р. Радклифф-Браун обращали внимание на бинарный характер отношений героев мифов и парность символики (Дюркгейм, 1998; Радклифф-Браун, 1960). В начале XX в. о двойственности мира писал русский богослов отец Павел (Флоренский): «По первым словам летописи бытия, Бог «сотворил небо и землю» (Быт 1: 1), и это деление всего сотворённого надвое всегда признавалось основным. Так и в исповедании веры мы именуем Бога «Творцом видимых и невидимых»... эти два мира – мир видимый и мир невидимый – соприкасаются» (Флоренский, 2000. С. 1). К дуальности античного культа близнецов обращался советский этнограф Л. Я. Штернберг в лекциях по первобытной религии (Штернберг, 1936). А. Хокарт, изучал традиционные общества, сравнивал различные системы, обладавшие признаками двоичности. Он наблюдал как дуализм семейно-брачных отношений находил продолжение в ритуальной обрядности, где получал статус архетипа (Hocart, 1970). В советской науке максимально полное изучение эта проблема получила в исследованиях А. М. Золотарёва (Золотарёв, 1964). В монографии «Родовой строй и мифология» представлена его аргументация по существу дуально-родовой организации, её проявлениях в разных сферах жизни племён всех частей света. Автор пришёл к заключению о первичности дуальной организации жизни перед другими социальными формами. Будучи первой упорядоченной формой общества, она стала неким трафаретом для упорядочения явлений внешнего мира. Появление дуальной формы организации древних коллективов связано с «основополагающим» мифом (Золотарёв, 1964. С. 285). Учёный отмечал: «…первым и, видимо, древнейшим из известных нам мифов был миф о введении дуальной организации», он «был обусловлен социальными потребностями» (Золотарёв, 1964. С. 95). Изучение антропологом А. Р. Радклиф-Брауном социальных структур в традиционных обществах подвели его к выводу о том, что в социальной структуре экзогамных фратрий в Австралии, Меланезии или в Америке они мыслятся как находящиеся в оппозиции друг к другу (Радклифф-Браун, 1960). Его выводы согласуются с концепцией А. М. Золотарёва. Отечественным центром исследований символов архаической картины мира, проявляющихся в бинарных оппозициях, стала Московско-Тартусская семиотическая школа. Один из её основателей, В. В. Иванов, привнес в теорию дуализма аргументацию о бинарных оппозициях в древних культах, мифологии и первобытном искусстве, в структуре языка (Иванов В. В., 1969).

Исследования археологических артефактов позволили утвердительно ответить на вопрос о начале формирования явлений бинарности в культуре человечества. Б. А. Фролов проследил в предметах первобытного искусства реальную значимость цифровой символики и ритмов в искусстве позднего палеолита. Двоичная символика на этом этапе закрепляется, став врождённым элементом логических структур. Исследователь приводит примеры двоичной ритмики в изобразительном творчестве охотников палеолита (Фролов, 1965). Миропонимание представителя традиционного коллектива с сознанием, опиравшимся на двоичные противопоставления, охватывало всю целостность окружающего мира и выражалось в стереотипах поведения как в материальной, так и в духовной сферах жизни. Оно отражено и в творческом преображении действительности, частично дошедшем до современности в мифологии и в искусстве.

Этнограф А. Ф. Анисимов продолжил эту тему по материалам культур коренных народностей Сибири. В шаманских камланиях звучит обращение к паре родовых духов – хозяек тайги и зверей, у которых просят добычу для сородичей. Нередко их вместилищами были скалы или необычные по размерам и форме деревья (Анисимов, 1959). Дуальность мировосприятия амуро-сахалинских обитателей описана этнографами и в повседневной жизни, и в ритуально-обрядовой сфере. По данным Е. А. Крейновича, во время медвежьего праздника строго выполнялось правило, по которому убить выкормленного медведя имел право специально приглашённый человек из рода зятя или рода тестя, который имел статус чужого человека (Крейнович, 1973. С. 181). Строго соблюдалась древняя традиция разделения общины на две части. А. М. Золотарёв отмечал, что нивхи и ульчи во время медвежьего праздника размещались по две стороны ритуальной площадки, т. к. одни представляли людей «таёжного

пути» (охотников), а другие – людей «водного пути» (рыболовов). Проявлялось это и в быту: ульчи издревле сооружали в доме два очага: «таёжный огонь» и «огонь воды». На каждом из них готовили соответствующую пищу из тайги или из реки. У них был развит культ близнецов, детей сразу после рождения разделяли на «таёжного человека» и «водного человека» (Золотарёв, 1964. С. 250–251).

Дуальность мира прослеживается и в космологии Амура. К древнейшим дуальным мифам относится нивхский о двух братьях-синицах, создателях земли и устроителях мира, записанный Е. А. Крейновичем вначале XX в. (Крейнович, 1929. С. 83). В мифологии айнов Сахалина и Амура можно увидеть парность змей – устроителей земли и биполярность образа змея. В верхней сфере космоса, по данным А. Б. Спеваковского, солнечному женскому божеству «тюп-камуй» соответствует «бог грома», дракон «канна-камуй» (Спеваковский, 1988. С. 79). Н. А. Невский в айнском фольклоре показал парные божества, имеющие статус супругов: «пе ранке куру» и «пе ранке мат» – воду роняющие супруги, духи водопада, «ко циририке куру» и «ко циририке мат» – медленно текущие муж и жена, духи ответственные за реку, «ноццу санке куру и ноццу санке мат» – «звезды выпускающие муж и жена» – супруги небожители, ответственные за погоду (Невский, 1972. С. 154–156).

Признаки дуалистического подхода к пониманию мира органично включены в изобразительное искусство обитателей Амура. Парность в орнаментальной ритмичности прослежена этнографом И. А. Лопатиным в культуре нанайцев бассейна рек Уссури, Сунгари, низовьев Амура в начале XX в. (Лопатин, 1922. С. 342). С. В. Иванов в орнаментах амурских народов по коллекциям XIX – нач. XX в. выявил парность в вышивках и узорах на берестяной посуде: узор состоял из парных драконов, рыб, оленей и птиц (Иванов С. В., 1963). Двоичность всех компонентов присуща изображению родового древа на свадебных халатах народностей Амура. У корней, как правило, вышиты фигуры звериных или орнитоморфных предков (олени, коршуны и т. д.). Ветки дерева симметричны и на них вышито одинаковое число птиц, символизирующих будущее потомство (Мельникова, 2005; Мельникова, 2008).

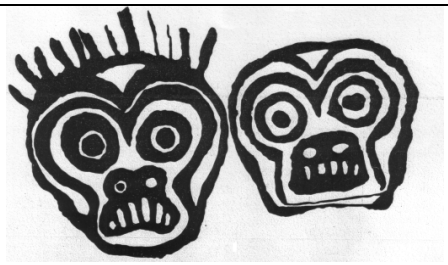
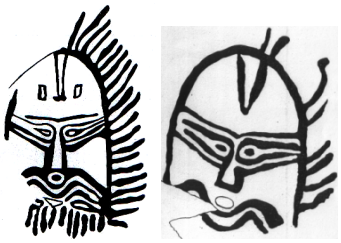
Итак, дуальность и бинарность как некий «скелет» традиционного социума Нижнеамурского региона выражена в космологическом секторе мифопоэтических представлений о мире, в семейно-родовой социальной структуре, в мифологической, празднично-ритуальной и повседневной жизни, а также в декоративно-прикладном творчестве. Из этой живой, постоянно развивающейся, активной и напряжённой жизнедеятельности, неизменно повторяющейся из века в век, нельзя исключить петроглифы. Изображения на скалах и камнях закономерно должны отражать бинарность восприятия мира оседлыми рыболовами. Позиция автора заключается в том, что дуализм социальной структуры и бинарность культурных героев мифов как определяющий мировоззренческий стержень нашли своё отражение в петроглифах, став причиной появления рисунков парных личин.

Описание и анализ артефактов

Системное описание парных рисунков Сикачи-Аляна – Малышева и Шереметьева позволяет выделить общие черты каждой пары и всей группы подобных изображений для создания концепции семантики их содержания. Автором ранее проводилось первичное изучение парных рисунков Шереметьево (Лапшина, 2012). Все парные личины шереметьевского комплекса расположены на скале второго пункта (Шереметьево II).

Парные личины Шереметьево II (табл. 1). Итоги иконографического и типологического анализов показали, что при планировании нанесения изображений на участки скалы древние мастера соблюдали определённые правила, они проявлялись и в локализации рисунков, и в их структуре, и в символическом содержании. Парность иконографическая имеет свою особенность: рисунки не повторяют полностью друг друга, в них нельзя увидеть копии. Очевидно, это изображения двух персонажей единого мифа или мифологического цикла, отношения персонажей друг к другу в мифе могут быть бинарными. Они могут быть связаны с конкретной исторической эпохой, передают характерные для своего времени художественные образы. В этом причина стилистического единства каждой пары. Обращает на себя внимание принцип парной локализации рисунков II,

Таблица 1. **Парные личины Шереметьева II (прорисовка по: Окладников, 1971, фото А. Ласкина)**
Table 1. **Paired faces of Sheremetyeva II (drawing after Okladnikov, 1971; photo by A. Laskin)**

I	№ 20 № 3
II	 № 6а № 6б
III	№21 №22
IV	№ 7а 7б
V	№8а № 8б
VI	 № 14 №13

III, IV, V пар: каждая пара занимает свою, изолированную от других рисунков, плоскость скалы. Нельзя исключать возможность поведения ритуально-обрядовых действ для отдельной пары, их обрядовые предназначения различны. Пары I и VI размещены на разных плоскостях и на некотором расстоянии друг от друга. Личины пары I (№ 3 и № 20), иконографически составляют пару, но расположены в противоположных частях скалы, что имеет свою знаково-символическую нагрузку. Личины пары V являются художественными образами мужских, очевидно, воинских персонажей или вождей. Отличительные черты в паре могут означать мужские и женские признаки, более высокий статус одного из персонажей, бинарность позиций героев мифа. В плане общесодержательной характеристики рисунки разделены на две части. Для каждой из частей прослежена своя содержательная ниша.

Первая пара состоит из рисунков фантастических с зооморфными признаками змей-драконов, обладающих космологическим содержанием. Обе личины пары I (№ 3 и № 20) выполнены в мотиве волнистой «линии-змеи». Этот мотив напрямую связан с изображениями персонажей солярной мифологии (Лапшина, 2011a; Лапшина, 2011b). На рисунке № 3 деталями, маркирующими художественный образ, стали голова змеи надо лбом, драконьи ноздри кружками-ямками и усы с завитками. По этим признакам его можно считать одним из вариантов образа змея-дракона в ряду других изображений амуро-уссурийского комплекса. В рисунке № 20, помимо мотива «линии-змеи», значимой деталью стала боковая фигура с усатой головой. Драконов в народном искусстве нередко изображали в виде рептилий с висячими усами. В сопоставлении с рисунком № 3, вторая личина-маска обладает большей мягкостью черт, что присуще женской персоне, она отнесена к категории женских персонажей. С парой змей-драконов связаны космогонические мифы аборигенов Амура и островного мира, в частности айнов Сахалина. В одном из них повествуется о богине огня в образе змеи, которой было велено спуститься на землю. Об этом узнал бог грома в образе змея и он последовал за своей возлюбленной. Так два небесных огненных змея стали обустраивать земной мир (Штернберг, 1929. С. 245).

Вторая часть состоит из пяти пар масок: прародители (пара V), череповидные танцевальные обрядовые личины-маски (пары II, III), орнаментированные шаманские маски (пара IV), образы правителей-воинов=вождей (пара VI). Эти маски передают художественные образы персонажей земной части мироздания.

В структуре пары II (рис. № 6а, № 6б) одинаково выведен двойной контур и сочетание углубленно-рельефных кривых линий, кругов и выпуклорельефных фигур. Внутренний контур на обоих рисунках передаёт черты черепа. Его усиливают круглые глазницы, крутые скулы, торчащие зубы. Один из персонажей (№ 6а) наделён плюмажем, он выглядит вызывающим страх и ужас. Рисунок № 6б представляется персонажем с менее высоким статусом, он может быть помощником в ритуалах главного героя № 6а. Автором эта пара рассматривается как изображение ритуальных танцевальных масок, предназначенных для обрядов тайных мужских союзов с посвящением и каннибализмом. Личина № 6а является маской верховного духа-каннибала, а личина № 6б – его помощником Они составляют основу идеограммы «столб людоеда». Этой теме посвящена монография автора «Модель космоса в содержании череповидных личин петроглифов Амура и Уссури» (Лапшина, 2015).

Аналогичные по содержанию маски представлены личинами пары III (№ 21 и № 22). Они плотно соединены в паре, рисунок № 21 (в табл. 1 показан справа) обладает сиянием, что указывает на первостепенное значение. Его отличает также борода, соединение человеческих и зооморфных (широкий нос) признаков. В этой личине превалируют признаки первопредка и небожителя. Второй персонаж (№ 22) также имеет череповидные черты. Они составляют основу идеограммы «столб людоеда».

Пара IV (№ 7а, № 7б). Мужская и женская расписанные маски, отнесённые к шаманским. Внимание зрителя концентрируется на волнистых линиях, подчинённых вертикали; круглых череповидных глазах. Это могут быть росписи или татуировка в виде извивающихся змей, на лбах – символы углов, часто встречающиеся на личинах. К ним применимо понятие расписная шаманская маска. Более крупный и выразительный рисунок № 7а выступает ведущим в паре, это твёрдый и решительный персонаж. Рисунок № 7б меньшего размера, упрощён в деталях, занимает подчинённую позицию, он определён как женская половина пары. В шаманской практике неизвестны случаи, когда шаманами становились оба супруга в семье, но их духи-покровители могли быть парой. По материалам А. В. Смоляк, духи-близнецы *адо дуэнтэ*, таёжные покровители шамана, изображаются антропоморфной парой. Но и другие духи-помощники, например, *маси* и *бучу* амурских шаманов были парными (Смоляк, 1991. С. 81, 86, 150). Они трактованы как расписные маски духов – помощников шамана.

Пара V (№ 8а, № 8б). Рисунки выполнены тонкой углубленно-рельефной линией, они лаконичны. Ведущей в паре выглядит крупная женская личина, переданная как властный самодостаточный персонаж. Форма личины с куполовидным верхом указывает на причастность к власти. Начертание глаз передает жёсткость и строгость. Аккуратность рта, носа и овал лица передают женский образ. Над этой личиной сверху на скале выбит женский знак. Личина № 8б овально-четырехугольная, голова выполнена высоким куполом, подбородок подчеркнуто тяжелый. Это мужской образ, над личиной выбит мужской знак. Глаза маленькие и невыразительные, тонкий нос, широкие ноздри придают мягкость образу. Это второй по локализации и явно подчинённый персонаж. Пара IV, очевидно, передаёт образ первопредков, в ней очевиден примат женского начала. Но факт размещения рядом с праматерью праотца указывает на обновление культа, происходящее в эпоху повышения социальной значимости мужчин, переходную от эпохи камня к ранним металлам. Это случай, когда гендерный аспект обозначает социально-хронологическую стадиальность.

Пара VI (№ 13, № 14). Эти личины более всего напоминают портреты конкретных исторических деятелей, скорее всего в военной сфере. Изобразительный мотив одинаков: тонкие прямые линии и геометрические фигуры. Превалирование прямой линии может быть связано с более поздним временем их создания, нежели все другие изучаемые рисунки памятника. Во внутреннем заполнении личин одинаково показаны брови и глаза, нос, усы и рот, личина № 14 с бородой, на другой личине этот элемент утрачен с отвалившимся куском скалы. Это не супружеская пара, оба изображения мужские. Раз-

мещены на разных плоскостях скалы, но стилистически они относятся к одной эпохе. Создан подчёркнуто воинский облик культурных героев мифов эпохи патриархата и ранних государственных объединений. Удлиненно-купольная форма личин, усы, борода принадлежат мужским персонажам с высоким социальным статусом; в этом убеждают также и их головные уборы с плюмажем. Обе личины лишены признаков черепа, то есть связи с архаическими первопредками, но имеются головные уборы со знаком сияющего солнца как небесного божества. Имеет смысл предполагать мотив сакрализации власти и связи с сияющими небожителями, представителями небесной сферы. Это символическое содержание подтверждает сложный геометрический знак на лбу личины № 14. Он состоит из центральной вертикальной фигуры и двух прямоугольников слева и справа. В эпоху раннего Средневековья выдающиеся воины=вожди племени пребывали в статусе сакральных лиц и ассоциировались среди соплеменников с первопредками от начала мира. Знак на лбу в виде удлинённой фигуры, окружённой по флангам двумя одинаковыми прямоугольниками, относится к мотиву мировой горы или мирового древа. В знаковой системе древних сообществ так могли обозначить центр мира, мировую ось и сопряжённую с ними персону. У второй маски на лбу знак треугольника вершиной вниз, возможно, знак рода или фратрии. Пара VI по своему облику может относиться к военной сфере. Выше они связывались с конкретными историческими деятелями, по второй версии, это могут быть художественные образы духов – покровителей войны и воинов стадии военно-племенных объединений.

Позиции расположения на скале парных масок имеют свое символическое завершение в личинах-масках пары I, когда один змей-дракон расположен перед началом изобразительного ряда, а второй его завершает. Мифологический смысл локализации шереметьевских парных личин, очевидно, означает, что посланники небесной сферы (змеи-драконы), являясь персонажами солярной мифологии, а значит, первого ранга, окружают пантеон из персонажей второго ранга и тем самым сотворяют мир: разделяют небо и землю.

В этнографии низовьев Амура на шаманской картине мира, которую можно увидеть на бубнах, их чехлах, на спинке кофты шамана, как правило, нарисованы фигуры двух змей или драконов, окружающих земную сферу вселенной. Так обозначается небесная сфера, которую маркируют два змея-дракона, и средний мир, в который помещены люди и звери, в нашем сюжете – это герои воины, духи-покровители, прародители и др. мифологические персонажи.

Что касается бинарности и дуальных принципов архаического социума, они отражены в признаках различия внешне сходных пар рисунков. На лбу пары II двойные сердцевидные очертания черепо-видного внутреннего контура. На лбах масок пары IV разные по количеству, но одинаковые по начертанию знаки углов вершиной вниз. Пара V: на женском персонаже знак короткого угла вершиной вниз, а мужской без знака, он, очевидно, пребывает в границах чужого рода и мастер не показал знак покровителя его рода. Очевидно, рисунки наносились для обрядов рода со знаком короткого угла вершиной вниз. На масках персонажей пары VI второй персонаж (№ 13) относится к роду или фратрии со знаком длинного угла вершиной вниз, а его парный персонаж преодолел некий социальный уровень, стал властной фигурой, поэтому на его лоб нанесли знаки более высокого уровня, возможно, общеплеменные сакральные знаки. Семантическое содержание пар I–IV и стиль рисунков позволяет их отнести к концу каменного века – началу эпохи металлов. Рисунки V и VI пар нанесены на скалу, возможно, в раннем Средневековье.

Парные изображения петроглифов Сикачи-Аляна и Малышева (табл. 2). Здесь иная ситуация расположения рисунков. В Шереметьево скала воспринимается как массив с отдельными изобразительными плоскостями, которая объединяла все рисунки, несмотря на разновременность их появления. В Сикачи-Аляне каменные глыбы с рисунками рассредоточены на большом расстоянии береговой полосы и нередко перемещаются во время ледоходов. В этом смысле топографическая нумерация А. П. Окладникова, которая использована в работе, условна. Есть основания предполагать, что некоторые из парных изображений могли находиться рядом и составлять некий ритуальный комплекс. Исходя из специфики условий локализации рисунков, в нашем аналитическом процессе главным критерием

Таблица 2. **Парные личины Сикачи-Аляна – Малышева (прорисовки по: Окладников, 1971)**
Table 2. **Paired faces of Sikachi-Alyan – Malysheva (drawing after Okladnikov, 1971)**

I	№ 68: 1	№ 13: 2
II	№ 103: 2	№ 41: 1
III	№ 74: 1	№ 103: 11
IV	№ 102: 1	№ 99
V	№ 56: 2	№ 85: 2

отбора стало стилистическое единство и безусловное внешнее сходство артефактов.

Пара I (№ 68: 1 и № 13: 2). Они имеют несомненное сходство, обусловленное функциональным назначением. Обе маски предназначены для проведения особого рода ритуалов для посвящённых. Очевидно, они создавались в одно время, когда был выработан художественный образ верховного духа устрашающего облика, с выраженными череповидными признаками. Это выражено в прорисовке глазниц двумя-тремя эллипсоидными линиями, выделение тяжёлого подбородка (в одном случае – округлого, в другом – квадратного), ему соответствует прорисовка рта овалом у первой маски и квадратом в ободке, и с высунутым языком (овальный бугорок, окружённый желобком) – у маски № 13: 2. Отличие состоит в том, что в рисунке № 13: 2 контур выполнен прямой линией с углами, а личина № 68: 1 исполнена гибкими линиями-желобками. Каждая маска наделена признаком, сакральным знаком верховного духа: на правой щеке личины № 68: 1 нанесён знак точки в овале, на личине № 13: 2 – это высунутый язык во рту: выпуклый бугорок, окружённый овальным желобком. Аналоги обнаруживаем в более поздних наскальных рисунках северо-западного побережья Северной Америки. Е. А. Окладникова описывает наиболее важные знаки на изображениях верховных духов-людоедов, танцоров зимних праздников северо-американских индейцев: «В правом ухе идола висит круглая серьга с точкой или кругом в центре… такие серьги украшают обычно только одно ухо у всех перечисленных антропоморфных изображений» (Окладникова, 1989. С. 33). Устрашающим элементом облика маски людоеда бывает высунутый изо рта язык или торчащие зубы (Окладникова, 1989. С. 36–42). Таким образом, обе личины передают художественный образ центрального персонажа идеограммы «столб людоеда»: верховного духа, танцора-каннибала.

Пара II (№ 41: 1, № 103: 2). Рисунок № 103: 2 из утраченных (возможно, затянутых илом) в пределах пункта 6. Они также стилистически едины: в структуре рисунка преобладает кривая линия, сходны контуры и их внутреннее заполнение. Контуры рисунков яйцевидные: округло очерчена верхняя часть личин и чуть заужен в нижней части подбородок.

Внутреннее заполнение также однотипно: извилистыми линиями нанесены брови и удлинённые узкие азиатские глаза, рот у обеих личин выведен полусферой. Нос первой маски включён в извилистую линию от рта до макушки, у второй показан маленькой точкой, но эта деталь вовсе не различает их зрительно. На щеках обоих рисунков одинаковые треугольники, которые воспринимаются как стилизованное начертание скул и являются череповидным признаком. На лбах одинаковая полоса по центру, у второй личины она отходит от бровей, у неё также есть линия по центру подбородка. Зрительно обе личины разделены по центру на две части. На голове второй личины – султан из двух изогнутых линий, расходящихся в стороны. Он имеет знаково-ритуальное содержание и указывает на высокий статус персонажа, только верховные духи-танцоры имели право на особые знаки в виде серёг или головной убор с плюмажем или султаном, как в этом случае. Эта пара отнесена к идеограмме «столб людоеда», где маска с султаном – верховный дух-каннибал, а вторая имеет статус его помощника.

Пара III (рис. № 74: 1 и № 103: 11). Несмотря на значительное расстояние между ними, визуально они рассматриваются парой. Эти два рисунка аналогичны по контурной обрисовке и композиционному построению внутреннего заполнения. Одинаково показаны брови, глаза, нос и в целом создан одинаковый художественный образ. Первая маска выполнена в мотиве кривой линии, а вторая – в мотиве прямой линии. Различаются они по второстепенным признакам: на первой – рот овальный, на второй – его нет вовсе, но выбиты по сторонам у подбородка острые углы, имитирующие очертания скул черепа. На первой личине череповидных признаков нет. Знаки на лбу также различны: у личины № 74: 1 жертвенный знак завитка, у № 203: 11 – маленький острый угол. Семантически они разведены: первый отнесён к погребальным маскам, а второй – к шаманским. Очевидно, они изготовлены в одну эпоху и сохранили художественный образ персонажей мифа о духе – покровителе шамана и персонаже, перемещённом в подземный мир, к первопредкам.

Пара IV (№ 102: 1 и № 99). Эти две круглые личины соединены в пару благодаря сходным чертам лица, хотя исполнены они в разных мотивах: № 102: 1– в силуэтном, с гибкими фигурами, № 99 – в мотиве тенденции к прямой линии. Обе личины череповидные: детали черепа показаны условно углами и дугами на щеках. Глаза одинаково узкие и раскосые, показаны брови. Однотипны носы с выделенными ноздрями. Знаки на лбу: у первой – вогнутая дуга: то ли брови, то ли знак, а у второй – сложный знак с перекрещивающимися линиями, ассоциируется со скрещёнными саблями. У них одинаково круглые щёки. В художественном образе масок превалирует лаконизм, стилизованность и симметрия. Азиатские признаки усиливают твердость и внутреннюю закрытость персонажей. Внутреннее заполнение симметрично. Знак на лбу рисунка № 99: 1 передаёт ощущение боевитости и усиливает впечатление особого статуса персонажа. Это образы азиатских воинов=вождей, решительных и жестких по характеру. Ведущим персонажем в паре выглядит № 99, что подтверждается и одиноким расположением его на плоскости камня.

Пара V (№ 56: 2 и № 85: 2). Две контурные овальные личины расположены на большом расстоянии друг от друга (в 1 и 2 пунктах), но визуально сходны. Рисунки обладают криволинейной структурой, очевидно сходство во внутреннем заполнении контура. Одинаковые глаза, короткие носы, хотя у одного полоской, а у другого п-образный. Обе личины относятся к стилизованным череповидным: линии скул черепа переданы дугами и волнистыми линиями на щеках. У них одинаково маленькие рты, но у первой маски – треугольником, у второй – кружком, этот признак может быть гендерным. Различны знаки на лбу: на одном – линия, на другом – полукруг и угол. Возможно, показана принадлежность к разным родам (фратриям). В этой паре передан художественный образ духов – покровителей двух разных социальных групп в едином стиле, то есть возданных в одну историческую эпоху.

Описанные изображения соединены стилистическим сходством, в преобладающем большинстве они – череповидные. Сходны монголоидные раскосые глаза. В контексте нашего исследования важны лобные знаки: угол вершиной вниз (4 ед.), вертикальная полоса (4 ед.), в одном случае знак угла совмещён со знаком полудуги (№ 85: 2), в другом случае, полудуга совмещена с вертикальной полоской (№ 99). Есть основания предполагать в них символы фратрии или мужские (женские) родовые зна-

ки, совмещённые знаки могут означать соединение родов либо по браку, либо по малочисленности одного из них.

Выводы

Тема дуальности мира широко представлена не только в мифологии, декоративно-прикладном искусстве, но и в монументальном жанре – петроглифах, в изображении персонажей мифов. Дуальность социального устройства и бинарность мифологических героев древнего коллектива оседлых рыбаков и охотников проявились в изображении парности личин с общими и отдельными признаками и знаками каждой пары. Пять пар Шереметьевских рисунков, локализованные на едином скальном массиве, дали упорядоченную информацию. Ключом к интерпретации этой совокупности личин стала пара I, маски драконов: обладая сходными чертами, они локализованы по флангам изобразительного ряда. Общее композиционное построение парных личин трактуется нами как вариант модели мира, в которой основное место отведено создателю мира=первопредку змею-дракону в парной ипостаси. Два зооморфных змея-дракона обрисовывают внешний мир. Внутри ограниченного ими пространства располагаются парные личины, символизирующие средний (земной) мир и его мифо-ритуальное содержание с предметными знаками дуально-родовой организации. Среди знаков на лбу есть отличные от сикачи-алянских (сердцевидные очертания) и общий знак – угол с вершиной вниз. Знак на лбу маски № 14 имеет более высокий и сакральный уровень: символ столпа или мирового древа. Мужской персонаж пары V без знака на лбу, возможно, отражает положение мужчин, пришедших по браку в род жены и ограниченных в почитании своих родовых покровителей.

Сикачи-алянско – малышевские знаки на масках имеют и сходство с шереметьевскими (угол с вершиной вниз), и отличие (вертикальная полоска и полудуга). Среди них выявлены совмещённые знаки (угол – полудуга, вертикальная линия – полудуга). Они могут означать соединение двух родов, подобно тому как на свадебном халате народов Амура у корней родового древа изображают мифических звериных первопредков разных видов (оленя – тигра, оленя – коршуна и др.). Среди сикачи-алянско – малышевских парных личин выделены сходные художественные образы верховных духов-людоедов и помощников (I и II пары), погребальные и шаманские (III пара), а также с обликом воинов-вождей (IV пара) и, предположительно, маски, передающие образ духов – покровителей рода (V пара). Петроглифы с парными личинами могли служить иллюстрациями мифологических повествований о происхождении окружающего мира и предков конкретных родов во время регулярно проводимых ритуальных праздников. Рисунки могли появиться во временном отрезке, примерно, от рубежа каменного века и эпохи палеометаллов, а также в раннем Средневековье.

Список источников

Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М.-Л., 1959. 106 с.

Дюркгейм Э. Мистика. Религия. Наука // Классики мирового религиоведения. Антология / пер. с фр. сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М. : Канон+, 1998. 432 с.

Золотарёв А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. 328 с.

Иванов В. В. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // Народы Азии и Африки. 1969. № 5. С. 105–115.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.-Л., 1963. 500 с.

Крейнович Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М. : Наука, 1973. 495 с.

References

Anisimov A. F. (1959) Cosmological representations of the peoples of the North. Moscow - Leningrad. 106 p. (In Russ.).

Dyurkgeim E. (1098) Mysticism. Religion. Science. *Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya = Classics of World Religious Studies. Anthology.* Moscow: Kanon+. 432 p. (In Russ.).

Zolotarev A. M. (1964) Ancestral structure and primitive mythology. Moscow. 328 p. (In Russ.).

Ivanov V. V. (1969) Binary symbolic classification in African and Asian traditions. *Narody Azii i Afriki = Peoples of Asia and Africa.* No. 5. P. 105-115. (In Russ.).

Ivanov S. V. (1963) Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials from the 19th - early 20th century). Moscow - Leningrad. 500 p. (In Russ.).

Kreinovich E. A. (1973) Nivkhgu. Mysterious inhabitants of Sakhalin and Amur. Moscow: Nauka. 495 p. (In Russ.).

Крейнович Е. А. Очерк космологических представлений гиляк о. Сахалина // Этнография. 1929. № 1. Кн. 7. С. 78–102.

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы Межд. научн. конф. 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011a. Т. 2. С. 64–68.

Лапшина З. С. Модель мира в семантическом содержании череповидных личин Амура и Уссури. Хабаровск : Хабаровскиий государственный институт искусств и культуры, 2015. 236 с.

Лапшина З. С. Орнаменты неолитической керамики Амура как символы солярного культа // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2011b. № 1. С. 45–51.

Лапшина З. С. Явление парности в личинах Амуро-Уссурийского петроглифического комплекса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 95–107.

Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования // ЗОИАК. Влад. отдел приамур. отд. РГО. Владивосток, 1922. Т. XVII. 370 с.

Медведев В. Е. Проблемы истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4 (8). С. 76–94.

Мельникова Т. В. Традиционная одежда нанайцев. Хабаровск : Хаб. краевой краевед. музей им. Н. И. Гродекова, 2005. 240 с.

Мельникова Т. В. Традиционная одежда ульчей (XIX – нач. XX в.). Хабаровск, 2008. 108 с.

Невский Н. А. Айнский фольклор. М. : Наука. Главная ред. восточной литературы, 1972. 175 с.

Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л. : Наука, 1971. 335 с.

Окладникова Е. А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск : Наука, 1989. 168 с.

Окладникова Е. А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства тихоокеанского побережья Северной Америки. СПб., 1995. 320 с.

Радклифф-Браун А. Р. Сравнительный метод в социальной антропологии / пер. с англ. В. Г. Николаева. Бомбей, 1960. С. 89–105. URL: http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html (дата обращения 12.02.2010).

Kreinovich E. A. (1929) Essay on the cosmological concepts of Gilyak Fr. Sakhalin. *Etnografiya = Ethnography.* No. 1. Book. 7. P.78-102. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2011a) The faces of the petroglyphs of the Amur-Ussuri complex: the structure of the drawing and the artistic image. *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi pisanitsy. Mat. Mezhd. nauchn. konf. 22-26 avgusta 2011 g. Kemerovo = Rock art in modern society. To the 290th anniversary of the scientific discovery of the Tomsk Pisanitsa. Proceedings of the scientific conference. August 22-26, 2011 Kemerovo.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. Vol. 2. P. 64-68. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2015) The model of the world in the semantic content of the cranial faces of the Amur and Ussuri. Khabarovsk: Khabarovsk State Institute of Arts and Culture. 236 p. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2011b) Ornaments of the Neolithic ceramics of the Amur River as symbols of the solar cult. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya = Scientific Review: Humanities Research.* No. 1. P. 45-51. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2012) The phenomenon of pairing in the faces of the Amur-Ussuri petroglyphic complex. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki = News of the Ural Federal University. Ser. 2. Humanitarian sciences.* No. 1 (99). P. 95-107. (In Russ.).

Lopatin I. A. (1922) Golds Amur, Ussuri and Sungari. Experience of ethnographic research. *ZOIAK. Vlad. otdel priamur. otd. RGO = ZOIAC. Vlad. department priamur. dep. Russian Geographical Society*. Vladivostok. Vol. XVII. 370 p. (In Russ.).

Medvedev V. E. (2001) Problems of the origins of some sculptural and rock formations in the primitive art of the south of the Far East and finds related to the Osipov culture on the Amur. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archeology, Ethnograpfy and Anthropology of Eurasia.* No. 4. P. 76-94. (In Russ.).

Mel'nikova T. V. (2005) Traditional clothing of the Nanai. Khabarovsk: Khabarovsk Local Lore Museum named after N. I. Grodekov. 240 p. (In Russ.).

Mel'nikova T. V. (2008) Traditional Ulchi clothes (19th - early 20th century). Khabarovsk. 108 p. (In Russ.).

Nevskii N. A. (1972) Ainu folklore. Moscow: Science. Main ed. oriental literature. 175 p. (In Russ.).

Okladnikov A. P. (1971) Petroglyphs of the Lower Amur. Leningrad: Science. 335 p. (In Russ.).

Okladnikova E. A. (1989) Mysterious faces of Asia and America. Novosibirsk: Nauka. 168 p. (In Russ.).

Okladnikova E. A. (1995) Model of the Universe in the system of rock art images of the Pacific coast of North America. St. Petersburg. 320 p. (In Russ.).

Radkliff-Braun A. R. (1960) Comparative method in social anthropology. Bombay. P. 89-105. (In Russ.). Available from: http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html (Accessed 12.02.2010).

Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М. : Наука, 1991. 280 с.

Спеваковский А. Б. Духи, оборотни и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе). М., 1988. 205 с.

Флоренский П. А. Иконостас. М. : Библиотека «Вехи», 2000. 70 с.

Фролов Б. А. Примеры счёта в палеолите и вопрос об истоках математики // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. Обществ. науки. 1965. Вып. 3. № 9. С. 9–12.

Штернберг Л. Я. Айнская проблема // Сборник МАЭ АН СССР. Л. : Изд-во АН СССР, 1929. № 8. 280 с.

Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л. : Изд-во Института народов Севера, 1936. 571 с.

Hocart A. M. Kings and Councillors : an essay in the comparative anatomy of human society. Cairo, 1936; 2 ed. Chicago: University Of Chicago Press, 1970. 318 p. / пер. В. Г. Николаева. Available from: http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html. Электронная библиотека. (Accessed 19.03.2014).

Smolyak A. V. (1991) Shaman: personality, functions, worldview (peoples of the Lower Amur). Moscow: Nauka. 280 p. (In Russ.).

Spevakovskii A. B. (1988) Spirits, werewolves and deities of the Ainu (religious beliefs in the traditional Ainu society). Moscow. 205 p. (In Russ.).

Florenskii P. A. (2000) Iconostasis. Moscow: Library “Vekhi”. 70 p. (In Russ.).

Frolov B. A. (1965) Examples of counting in the Paleolithic and the question of the origins of mathematics. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Ser. Obshchestv. nauki = Bulletin of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Ser. Social Sciences.* Iss. 3. No. 9. P. 9-12. (In Russ.).

Shternberg L. Ya. (1929) Ainu problem. *Sb. MAE AN SSSR = Sat. MAE of the USSR Academy of Sciences.* Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. No. 8. 280 p. (In Russ.).

Shternberg L. Ya. (1936) Primitive religion in the light of ethnography. Leningrad: Publishing house of the Institute of the Peoples of the North. 571 p. (In Russ.).

Hocart A. M. Kings and Councillors. Cairo, 1936; 2 ed. Chicago, 1970. / Translated by V. G. Nikolaev. http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html. Digital library.

Информация об авторе

З. С. Лапшина – кандидат исторических наук,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия.

Information about the author

Z. S. Lapshina – Cand. Sci. (History),
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia.

Вклад автора

Лапшина З. С. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Lapshina Z. S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29 сентября 2021 г.; одобрена после рецензирования 27 октября 2021 г.; принята к публикации 8 ноября 2021 г.

Article info

The article was submitted September 29, 2021; approved after reviewing October 27, 2021; accepted for publication November 8, 2021.

Original article
УДК 93
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-47-61

Several issues on the ancient nomadic society structure in the example of “bùluò/bűl”

Sodnom Ulziibayar

National Museum of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, ulziibayars@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0001-7781-6276

Abstract. It is incorrect to translate *部落 bùluò*, the nomadic society unit written in the Chinese sources as “род, племя” in Russian. *Bùluò* can be the word *“bül”* that names the relatives of the mother lineage who are the blood carriers. *Bùluò* existed for a long time being a common society form until the *“obog/tribe* formation”, the patrimony that appreciates father lineage as the bone carriers in the X-XI centuries. As the social relations of Uhuani people, real blood relatives of the mother lineage had existed for long time. In addition to it, genetic research on the burial ground in Burkhan Tolgoi in the Eg River valley confirms that establishing the “bul” according to the mother`s lineage was among the Hunnu people. Despite the common form of the patrimony being formed completely, Chinese authors of sources continued to use the word *“bül”* with its original meaning. Therefore, we have to consider that the first nomadic society structure had two main stages as a period of *“bűl”* and a period of *“obog/tribe”.* Nevertheless, Chinese authors named these fundamentally different units with a single word 部落 *bùluò*. The word 邑落 (yiluo) has meaning in Mongolian language (ayil), in Turkic languages as ‘summer camp’ (jayla/yaylo) and these are the families that were moved away from the main family group depending on the pasture condition (yalic cattle breeding). Moreover, the descendants who stand out of their tribe in their influence and in number of livestock and property were called as 邑落 (yiluo). Khuree/khureni (circle) that has meaning of leaving the livestock in the center of the circled space by yurts built around it. The khuree began to be decreased in the period of establishing patrimony tribe structure. However, it has kept as “khot ail (neighbor)”. Therefore, the khuree that had been inherited until the latest period comes from the nomadic pastoralism being one of a special kind of the labor organization.

Keywords: Wuhuani, luo/urkh (family), yiluo/ayil, buluo/bül (mother lineage), obog/tribe (father lineage), urug/kinship, khот ayil (neighborhood), küreged (camps, circle), küregen (son-in-law), burial place

For citation: Ulziibayar Sondom. (2021) Several issues on the ancient nomadic society structure in the example of “bùluò/bűl”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 47-61. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-47-61.

Научная статья

Некоторые вопросы структуры кочевого общества на примере понятия «bùluò/bűl»

Содномын Улзийбаяр

Монгольский национальный музей, Улан-Батор, Монголия,
ulziibayars@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0001-7781-6276

Аннотация. Перевод в китайских источниках слова «部落 *bùluò»*, которое обозначает одну из форм социальной организации кочевников, на русский язык как «род, племя» является неправильным. Можно считать слово «*було»* вариантом термина «бул», который объединяет кровных родственников по линии матери. Данная форма была основной социальной структурой древних кочевников до тех пор, пока родство не стало считаться в X–XI веках по линии отца. Как показывает социальное отношение ухуанцев, реальная кровная родственная связь по линии матери существовала в течение долгих лет. Кроме того, генетические исследования на могильнике Бурхан толгой, в долине реки Эг подтверждают, что наличие «бул» по линии матери было и среди хуннов. Несмотря на формирование в дальнейшем «родства» по отцовской линии, создатели китайских летописей использовали для обозначения этой структуру по-прежнему термин «бул». Следовательно, первая социальная структура кочевников прошла через два основных этапа «бул» и «род/овог». Однако китайцы называли эти две принципиально разные единицы одним словом «部落 *bùluò»*. Термин

© Ulziibayar S., 2021

«邑落 (*yiluo*)» обозначает в монгольском языке «*айл* (ayil)», в тюркских языках «летнее кочевье' (jayla/yaylo)». Он включает семьи, которые откочовывают от основной группы скотоводов на отдельные пастбища (Яйлажное скотоводство). Кроме того, некоторые семьи, выделившиеся из рода, с учетом их влияния, количества скота и собственности, также называли «邑落 (yiluo)». Термин «хурээ/курень (круг)» связан с особенностями организации хозяйственного и жилого пространства древними скотоводами. Он восходит к практике размещения стад скота на ночь внутри жилого пространства, по периметру которого размещались юрты. Со времени распространения родства по отцовской линии его значение стало уменьшаться. Однако эта социально-хозяйственная форма сохранилась в виде термина «хот айл (соседство)». Следовательно, происхождение термина «хурээ», который используется и поныне, восходит к особенностям кочевого скотоводства, существовавшим в древности, и является одной из особенностей организации хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: Ухуань, семья, юрт, род по материнской линии, род по отцовской линии, фамилия, курень, зять, могильник

Для цитирования: Улзийбаяр Сондомын. Некоторые вопросы структуры кочевого общества на примере понятия «bùluò/bűl» // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 47–61. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-47-61.

Introduction

There is information in the Chinese resources that can give a definite understanding of the ancient nomadic society structure. For example, in "Hou Han Shu"' by Fan Yea it was written about Wuhuan society as *"the intelligent one who can straighten out was elected as a senior superior (dajeni-literally, big man) but he cannot inherit the governor`s position. Every yiluò has a junior superior and hundreds of luò (together) form bù"* (Taskin, 1984. P. 63).

V. S. Taskin noted that the among the *khitan* and *kumoxi* the word "yiluo" was changed by the word 氏族*shitszu* or族 *tszu* but the *Wuhuan`s* society structure is same to the structure in the period from the XI to the XIII centuries that was determined by B. Ya. Vladimirtsov as family *(ayil)*, kinship *(obog, obox),* tribe *(irgen)*, state, region *(ulus)* and *luò* is family, *yiluò* - kinship but *bù* is a tribe or a moving *khuree* (Taskin, 1984. P. 17).

As we consider, the "Hou Han Shu" information about the society structure of Wuhuan people who belonged to the Mongolian genesis and who lived in the territory with dense grass pasture, more humidity, comparatively pleasant weather and definite cultivation could show the feature of the ancient nomads` society structure. The basic units as部落 bùluò, the big society unit and as hundreds and thousands of 落luò, also as 邑落yiluo, the special group were mentioned here. For example, the units were expressed with three hieroglyphs: 1. 落*luò*, 2. 邑*yi* and 3. 部*bù* and 2 and 1 form together *yiluò*, 3 and 1 *bùluò* but 1 lonely expresses *luò*, the smallest unit. Therefore, the chief title of the *bùluò* was not inherited because it was appointed. *Yiluò* had a low rank chief (it means there is another high rank chief) that shows the determined structure of the *yiluò*. In addition to it, *bù* consists of several *luò* (not *yiluò*). The basic social unit *bù* has a senior chief (*yiluò* means junior chief) because it has many *luò.* These two words together formed *bùluò* that was written in the sources many times. Therefore, *bù* and *bùluò* have the same meaning. The main thing is that the *yiluò* with the junior chief was not mentioned as the unit that forms a *bùluò*. Therefore, the *yiluò* was not the Wuhuan`s main social structure, it was a temporary camp organization.

FanYe noted furtherly, "大人有所召呼，則刻木為信，雖無文字，而部眾不敢違犯。氏姓無常，以大人健者名字為姓。大人以下，各自畜牧營產，不相傜役… *when the senior chief wanted to call somebody, he noted this on the wood by slash on the wood instead of letters, and nobody of the bùluò members violated the rule. The urug/kinship is called by its chief`s name therefore yiluò did not have a fixed structure. The senior chief and all people below his title had livestock breeding*

without disturbance for each other" (HHS 90:2979)[1].

Based on this information V. S. Taskin considered it as the confirmation of the private property which was supported by many researchers. Wuhuan people had the possibility to have private property because their homeland had good geography features for pasture livestock breeding and cultivation. They might have private property because they were *included* in the Xiongnu paying tax and they were situated near the Chinese civilization. If the private property relations were in reality then the classes, inequality might be deepened and "tributaries" that looked after the chief`s livestock might have appeared and the administration and properties might be inherited. But the information in the source shows it was conversely. Therefore, considering the separate livestock breeding as the duty before the *bùluò`s* members will not be near to the truth and livestock breeding by the senior chief, people under him cannot be the strict confirmation of the private property existence. Since the senior chief`s duty was not inherited and the *kinship* (氏 shi) of several powerful chiefs existed only temporarily the *bùluò* is completely different from the obog/tribe of Mongols in the XI-XII centuries. For example, L. Bilegt noted that Mongolian *obog* mentioned in the Secret History of the Mongols "…had *turkhag* or the almost constant army, their problems are solved by the tradition-based law and also they had an aristocratic master whose duty was inherited" (Bilegt, 2006. P. 9). There are many examples of title inheritance and establishment of many obogs in the Secret History of the Mongols. The authority of this period was inherited from generation to generation and this is the core difference of the Wuhuans society structure. Thus, identification of the Wuhuans social unit with the later Mongols` "obog" structure is not so proper.

Explaining *lo*, *bùluò* and *yilo* separately in the example of Wuhuan and showing its difference from the Mongolian "obog" in the XI-XII centuries are required.

落luò (lo) is the smallest core unit hundreds and thousands of which composes the *bùluò*. *Luo* is translated by researchers comparatively in the same way as *household, family and house (ayil)*. We consider the unit *luo* as *household* or *family* because *house* has meant integration of several families as we consider. As written in the note by Fan (the *Wuhuan people* wedding interestingly):

> 其嫁娶則先略女通情，或半歲百日，然後送牛馬羊畜，以為娉幣。壻隨妻還家，妻家無尊卑，旦旦拜之，而不拜其父母。為妻家僕役，一二年間，妻家乃厚遣送女，居處財物一皆為辦。"*Firstly a girl is stolen and after a half year of communication with her or after 100 days cows, horses and sheep are given as gifts. After that son-in-law comes with his wife to the family of his wife`s family and bows to all relatives beyond the girl`s father and mother. And the son-in-law works in his wife's family for 1-2 years like a servant. After that, the wife's family (luo) gives to the new family a place to live and enough things*" (HHS 90:2979).

V. S. Taskin considered the word "place to live" as same with the Mongolian word "*nutag*" and "*yurt*" or "place for move" as was explained by B. Ya. Vladimirtsov. Therefore, it is certain that the gift that includes all important life things has the goal to strengthen the new family property" (Taskin, 1984. P. 16). As written in the information mentioned above, the wife`s parents determined the "place to live"' in their area of living for a new family. As Lin Gan, the historian from the PRC considered that the abovementioned information shows the real remaining of the matriarch in the Wuhuan society and said: "*…in that period not women but men went far to be married (just man came to the tribe of woman)*" (Lin Gan, 1997. P. 42-43). He understood the *Wuhuan`s* society structure as *tribe* (bùluò)-*obog/kinship* (yilo)-*neighborhood-family* (luo).

A family included parents, children and sons-in-law in it. For a while the daughter with her husband was separated from the *lo* in a determined "place to

[1] HHS – 後漢書 – Hòu hànshū.

live" may be within the *bùluò`s* territory. In other words, the wife`s parents determine the location of the new *kűregen* (son-in-law)`s house and the livestock within their *nutag* and this was understood by V. S. Taskin as "*nutag*" or "*yurt*". A family left its daughters in its heart place determining the special location within the *bùluò*, but sent its sons to the unknown *bùluò*. On the Tanshihuai who established Xianbei there is an information:

> 年十四五，勇健有智略。異部大人抄取其外家牛羊，檀石槐單騎追擊之，所向無前，悉還得所亡者，由是部落畏服。乃施法禁，平曲直，無敢犯者，遂推以為大人。H*e was big and intelligent boy when he was 14-15 years old. Head of another bu (*部*) took away his parents` cows and sheep. Tanshihuai rode to catch the robber and attacked to them. Nobody could not fight against him and he brought all livestock back. Therefore, all bùluò`s members began to respect him. He thought up rules and nobody did not violate the rule. At the end he was chosen as the bùluò head"* (HHS 90:2989).

As was written in this information there were relatives of his mother (his mother was with her parents) lineage and Tanshihuai did not become a son-in-law in any *bùluò*. It shows that boys could live his own mothers` *bùluò* and take wife for another *bùluò* establishing *urug* (氏 shi) special kinships.

As was written in Mukaddimat al-Adab`s Arabian-Persian-Turkic dictionary that was broadened by Mongolian language in 1492, the Mongolian word "el'' means "human", but "human" in turkic language is "kiši" (Poppe, 1938. P. 152). Among the Inner Mongolian Horchins today, "lo" means large, and numerous (Munhtur, 2018). As was written here 部落 bùluò, 邑落 yiluò and 落 luò, the basic structure units of Wuhuan all can come from 落 luò that means "man", "group of people''.

部落 buluò: All researchers consider the *bùluò* as a big unit that includes many *luo* and *yiluo*. N. Ya. Bichurin, V. S. Taskin and other China researchers explained as *tribe* or *camp in kűreged* (circle), L. I. Duman explained as *"group"* or *"temporary camp"* (Duman, 1977. P. 55). B. Batsuren made hypothesis that word *bùluò* began to be noted in the sources from the period of Xiandei people who spoke Mongolian language and therefore, it can be originally Mongolian word and considered *bölök* in the word combination *bölö kirgen* in §5, 8 and 28, the Secret history of the Mongols as the word "buleg (group)" in the modern Mongolian language and it can have meaning *"group of citizens'' or "camp"* (Batsuren, 2016). P. Delgerjargal translated as *tribe/group* (Delgerjargal, 2017. P. 155). Despite V. S. Taskin criticized that "it is too general and unclear for understanding it as people who integrate with their interest, activity and other common things" (Taskin, 1984. P. 17) researchers are supporting it clearly and definitely recently. The word *group* is not a proper noun and it is gathered people without any definite organization therefore, *"bùluò"* does not have the meaning of such a group. S. Atwood determined the bùluò`s structure and social function in the following way. Of the two characters forming the binome, *bu* 部 was used in the sense of a body of armed men, a military (or bandit) unit under one leader. *Luo* 落 was meant in the sense of a sedentary or semi - sedentary mall village or large camp. (Only later was the term applied to nomads.) The *bùluò* is indeed seen as different from Chinese administrative units, but the ethnographic descriptions associated with the earliest use of these terms highlight not the idea of kinship (vs. territoriality) or common (vs. individual) property, but the fusion of military leadership with civil leadership. Thus, the peacetime village was the wartime band; one man was both peace-time judge and wartime commander. Together, these give *bùluò* the sense of "militia settlement" or "local following (of armed men) (Atwood, 2010).

In this way we are suggesting to consider the category "bùluò", the proper noun of unit with many families since Wuhuan and Xianbei periods among the nomads constantly as relatedness integration in the mother's lineage or the children of sisters and aunts being expressed in Mongolian language with the word "bül, böl" and the Turkic word "böle". L. Budagov and other Turk researchers do

not ignore the introduction of the word “бөле” into the Turkic language from the Mongolian language (Sevortyan, 1978. P. 218).

The word root “*BU*” of the Mongolian word “*bul*” have same meanings with words “bulug (group)”, “*bugd, bult* (all)” that show plural and with the words “*buh bat* (firm)” and *buu* (shaman). And the suffix “L” means “man” and “people” as were mentioned above. Therefore, the word “Bűl” is the word combination that consists of two meaningful parts. BU (all many) + L (“el'' means “human”) = BUL. It is same to the Atwood`s explanation of Bulou. However, as Wuhuan`s social examples, Bulou had clear women`s dominating right and Chinese historian Lin Gan determined the Wuhuan`s society had the matriarchal kinship structure as we mentioned above. Therefore, Bulou has the same structure with Bűl in which Mongolians became relatives of mother`s lineage.

If the big unit that integrates hundreds of houses (Luo) is considered by us as *bül*, the category “obog/kinship” that considered by the researchers of the middle age as *tribe* or *obog/kinship* must be the noun of the period when there was patriarch or authority and property were inherited. However, it is possible to pay attention to the fact that the nature of two units as *bül* and *obog/kinship* differs from the primitive period with the unlimited public property domination in many progressive ways. For example, *氏 (shì) urug* (in *shanyui, mugulyui* and *ashina* etc.) that became the nomadic state basis appeared within the Bűl. This process will be considered later. As was written in the abovementioned Chinese source absence of the definite names of *Bűl* being called by their chiefs` names show indirectly their basis on the matriarch integrity. The name of a *Bül* could not be kept because the duty of the chief was not inherited and a chief was elected newly in the next generation.

Fan Ye wrote on the Wuhuan`s tradition:

貴少而賤老，其性悍塞。怒則殺父兄，而終不害其，以母有族類，父兄無相仇報故也。

Young people are respected but old people (not elder people - S. U.) are omitted. They are brave and bastard, кіллы father or brother (in other yilo (obog/kinship-Taskin) but they do not harm their mother because she has many relatives and no revenge” (HHS 90:2979). Therefore, the son-in-law`s fate here is clear.

The elder men in the Bűl concede their positions for younger men and finally they killed sometimes. The saying “grandson who will kill” in Mongolian language can be connected with the period of *bül* structure. In a work also was written as:

being married to the step-mother, establishing connections with the divorced wife of a brother, coming back to the former husband's family when the new husband died are seen among them. Men listen to the idea of women when they are planning and deciding something despite the army problems… Women braid their hair when they become adults and put on a tired goutsuye that looks like Chinese gobuya… Killing a father or brother is not considered a crime. Striker is caught by ilo head and is exiled to the desert with plenty of snakes. This place is situated in the south-west from Dinling and north-east from Usunie (Taskin, 1984. P. 64-65).

Sons-in-law who came to a Bűl had many wives as was shown in this information. He always asked the opinion of wives in all problems despite the army problems.

The basis of the *bul* were the sisters, their husbands and men who were brought. Mongolians call their daughters` husband “kűregen/son-in-law (with meaning “brought''). This name “kűregen'' seems to be derived from the event that he was brought to the “kűreged”, the gathered families` place. In the § 66, the Secret History of Mongols was written “*…Temüžin-(u)i küreged-to talbižu odču*...(left Temujin and went)” that means Temuujin was left in the Dai Setsen`s *küreged* and his father come back. Leaving the son in his future wife's family or “being taken as son-in-law” is the ancient tradition that the son-in-law comes to his wife`s family to be married. Three words *küreged, küregen* have the same root.

Keeping the livestock in the determined number to have its constant yield for elementary need of living and also increasing its number were urgent during the ancient nomadic period because livestock breeding was the almost only source of living. Having a lot of victims in livestock because of drought and heavy snowfall has become almost common

until now when high technology and technology developed. Keeping the number of cattle in a determined number was almost impossible for ancient nomads who were under full influence of weather and climate. Therefore, accumulation, strengthening the private property, having heritage (not titles and degrees) and other distinguishing in the society was very slow in the society. It became the unchangeable basis of the elementary principle to keep livestock under the regulation of the mother lineage relations, and share the livestock yield equally for the lineage members. Nomadic livestock breeding is the field where the power of many people or *bul* organizations to protect livestock from almost constant robbery and wild animal attack. The livestock breeding technology with the complete structure and obligations that includes keeping livestock in the pasture, gaining fat and increasing its number kept the herdsmen to be in the *"bul"* organization as a society unit that is the best for their livestock breeding from its very beginning. The cooperation was necessary for the several *bùluò* to be integrated or have relations to prevent from the external attack and to protect from the small robbery with their own power. Therefore, 部*bù* or 部落*bùluò*, the biggest society unit in Wuhuan is the *bul* (bül, böl) that Mongolians named the mother lineage relatives.

There is an interesting name in the source that shows that the society structure before the "obog/kinship" establishment among the Mongolian ethnos was called itself *bu* or *bul*. After the establishment of the Khitan dynasty the northern nomads were called "zubu". This name was written in only Liao dynasty sutra and researchers have considered that Mongolian tribes that were called as *dada, tartar* and *shivei* in the sources written before Khitan were called as *"zubu"*. Particularly, the consideration that the name *tartar* in the Turkic and Uigur periods was forgotten in the Khitan period becoming *zubu* and then the name *tartar* restored after the Khitan is very doubtful. T. Osawa, a researcher from Japan considers: "It is called by the Chinese pronunciation as <Zubu>, <djübü> or < djübügü> and it will be <djübür> or < djübügür> if consonant <r> is added. This word is same to the word <djübür> or Khorkhonog jubur in the Secret history of Mongols and "Compendium of Chronicles" in the XIII century that has meaning "valley, steppe"… <Zubu> derived from the Mongolian word <djübür> with the meaning of < valley, steppe>" (Osawa, 2011). His explanation that the word "zubu" derives from the Mongolian word "jubur" is interesting. As was written in the Turkic engravings group of Mongols called "otuz tartar" lived very sparse in the Onon and Kherlen rivers` basins in the Khitan period and there had not yet had definite general name. They were many *bu-s* that were comparatively independent and each had own name therefore *khitan* people could not differ them (there is no need to differ) and could call them as *"zuun bu (hundred bu)"*or *"zubu"*. Mongolians name many things in a group as "zuun mod (hundred trees)", "zuun ail (hundred families)". Therefore, we consider the *zubu* is not a proper name of a single group of people but the word combination *"zuun bu (one hundred bu)"*as collective noun that name many *bùluò* of Mongolian nomads who lived sparse in the steppe. The word "zubu" written in the Liao shi is not precisely connected with the ancient Mongolian word that is named valley or steppe.

Bul (bül, böl), the integration of people in the mother's lineage existed in reality over 2000 years ago as the molecule and genetics analyze of the burial in Burkhan tolgoi, Eg river basin of Bulgan aimag, Mongolia. 49 samples that were chosen among 62 graves in this burial place met the test requirements were involved in the date determination genetic analyze and it was determined that most of the graves belonged to the deceased who were formerly in the mother lineage (Keyser-Tracqui et. al., 2003) (Fig. The relatedness of the deceased in the Xiongnu burial place in Burkhan tolgoi. In section B with many graves there are branches of the deceased who belonged to the mother's lineage). As the source information and archeology items show the unit *"bulo"* or *bul (bül, böl)* existed (also urug that based on the father lineage that inherited noblemen`s title was already appeared - *S. U.*) in reality.

There was a phenomenon to name the nomadic society structure as buzu 部族 in the Chinese state

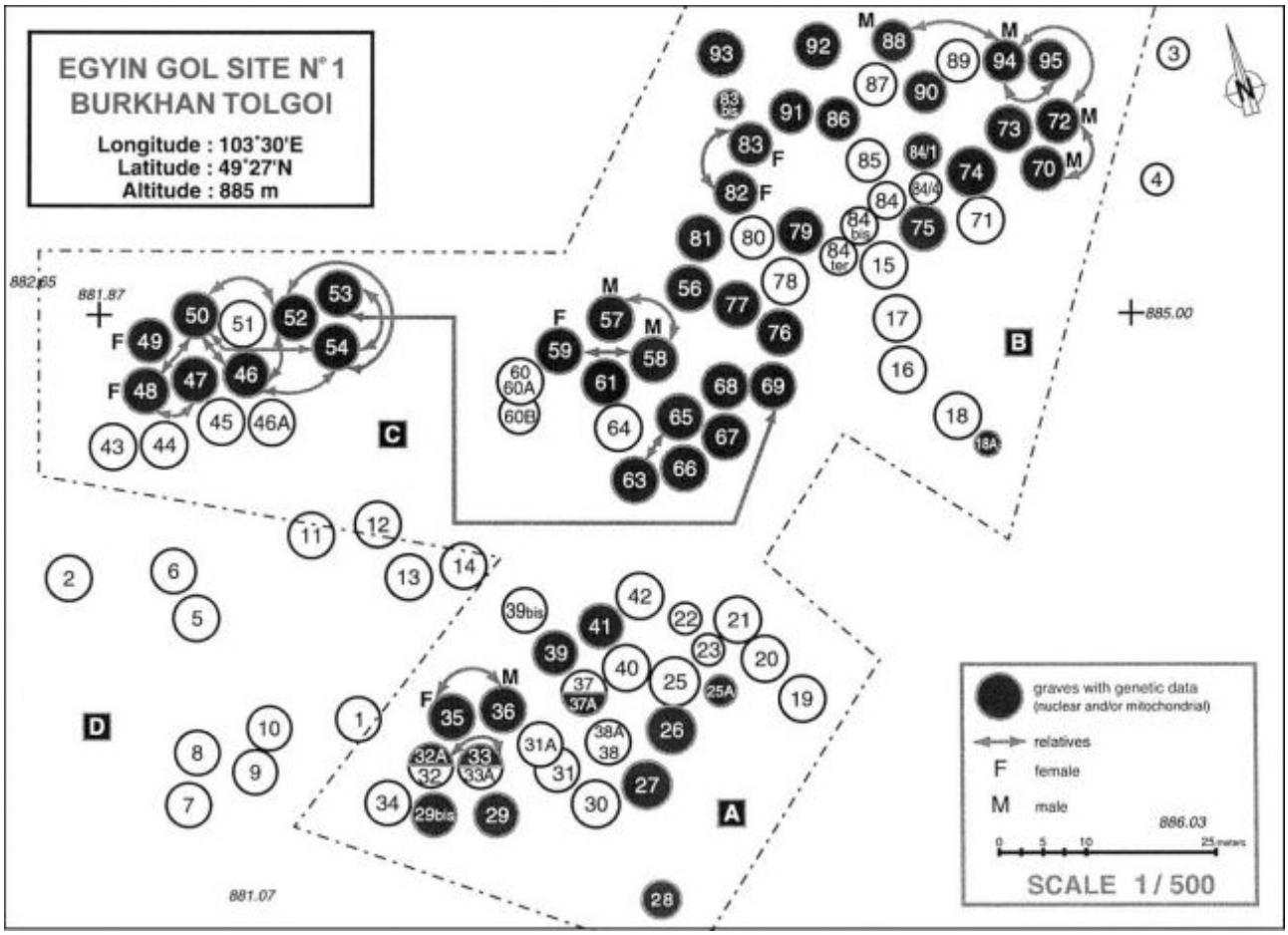


Fig. The map of the burial place that shows the relative bind that was confirmed by the mtDNA parameters (by: Keyser-Tracqui et al, 2003)

Рис. Карта могильника, на которой показаны родственные связи погребенных, подтвержденные анализами мтДНК (по: Кейзер-Тракки и др, 2003)

history works. It was during the Five Dynasties period (907-960), however, a new term came into use reflecting a new conception of barbarian society as based on descent groups: *buzu*. Combining the word *bu* "unit," "division" with *zu* 族 "descent group," this new term, which is still widely used in Chinese today, combined the idea of a "local following" or "militia settlement" with that of a clan or patrilineal descent group. It is thus remarkably close to the nineteenth - twentieth century anthropological meaning of tribe or clan as a unit held together by kin or quasi-kin ties (Atwood, 2010).

The period of *Bùluò* considered here is over as the phenomenon "kinship/obogton" noted in the Secret history of Mongols appeared.

When the (bül) structure based on the mother's lineage was changed by the obog/tribe relation that based on the father`s relation, the livestock owning changed from *bül* to (khoт) ayil (neighborhood) owning. In this way *khuree* that met the requirements of *bül*`s owning form was disintegrated and reorganized as 邑落yiluo, the best organization of the nomadic *obog/tribe* because of the private property.

邑落yiluo/ayil: As we mentioned above in the information on the Wuhuan`s society structure *"yilo"* with the junior chief was not the main unit of the *bùluò* (bül). Therefore, *"yilo"* is the temporary group of relatives based on the livestock pasture and economy depending on the season despite the family belonging to a definite *bül.* As the example of Wuhuan shows, economy that has *bùluò* structure some *luo*-s were integrated to use the pasture under the usage of a *bùluò* in the summer being managed by junior chiefs (the neighbors before the estab-

lishment of the agriculture cooperatives in the socialism period had own chiefs).

It can be considered that 邑落*yiluo*, the Wuhuan`s society structure is the ancient form of *ail* (ayil), a Mongolian word and the plural form of 落luò (lo). The summer in the Modern Turkish language is called yai/jai (jay) and summer camp is named as yailak (tur. *yaylak*), jailau (kaz. *jailau,* tat. *jeilou*), djailoo (kirg. *jailoo*), etc. The word "summer camp" in Persian language is called yeilak (ییلاق). We can consider the 邑落yiluo (ilo) in the Chinese source that consists of the 邑 (yi, jay) with meaning of "summer" in Turkish language as yai/jai and the 落 (*luò*) with meaning of "family" as "summer families" or "summer camp families''. Therefore, our hypothesis is that *khuree* can be divided into many temporary groups of y*ilo/family* to have pasture for their livestock in the summer. In other words, the way that families were divided into several groups in the summer and autumn when livestock intensively gained power and fat was noted in the Chinese sources as "yilo".

Aul (a-ul, Tartarian word) means settlement, village in tartar, Bashkiria, Kavkaz, Kirgizia, Kazakhstan and Kalmyk as was written in the Ephron`s encyclopedia, Brocgaus written from 1890 to 1907. An *aul* consists of at least 2-3 families of relatives but some rich *aul* includes about a hundred families. The abovementioned meaning appeared during the introduction of the settlement style into the nomads' lives during their big nation move. Mongolian word *"ail"* consists of the word root *"ai"* with the meaning *"many''* and the suffix *"lo"* with the meaning *"man, people"*. Nowadays the whole village and a settled area are called "*ail"* in Inner Mongolia (Munhtur, 2018).

Yailag livestock breeding is the bringing away the livestock far from the settled area in the summer and the having cultivation near the settled area when the livestock is absent, in other words, it is the ancient half nomadic type of livestock breeding.

It is the ayil (not urkh) in Mongolian language and it has same origin with the Turkish word yai/jai (summer) and it has form 邑 (yi). For Mongolians this word has another meaning (new family with own dwelling) but ail (ayil) and ilo (yiluo) have identical pronunciation and it seems to keep its first meaning. B. Ya. Vladimirtsov studied traditional Mongolian society structure and made conclusion that Mongolians had moved in the "ayil" and "khuree (*circle*)" ways until XIII century and gradually began to move in the *ail* way (Vladimirtsov, 1934. P. 37). As the research shows the *ail* structure seems to include many families and lately it began to have meaning *"one family"* and have the adjective *"khot"* before forming the word combination *"khot ail"*. Absence of this word combination in the sources shows that it is the late name.

In this way *khuree* that based *bül*`s property form disintegrated making the *ayil/yilo* form based on the private property the examined nomadic structure. Despitethe ayil/yilo in the period of obog/kinship structure became the basic unit of the labor organization, it kept some structure of the former *khuree*. For example, families have located in the circled way and have looked after the livestock in turn so far.

Some researchers consider buluo as "obog (obog/kinship)" and its Great Head (大人dà rén) as *őbőg* (great grandfather) and Mongolian words *őbőg* and *obog* have almost same pronunciations and therefore *obog* is *őbőg* identifying directly (Сэргэлэн С. Овог, Айл, Аймаг, Ил. Нийтлэл 26 // Өнөөдөр сонин. 2018/03/07). However, as Fan Ye informed the Great Head (大人dà rén) of *buluo* did not inherited title but he was elected and therefore basis to consider *buluo* as *"obog"* is weak. Since the time when property began to be inherited by the owners of the heritage that is in Mongolian *öb* therefore "obog" can be formed from this word. And in the process the person who give his heritage called as *öbög (not ebűge)* and the word *obog* began to call both *öbög* and *ebűge* (great grandfather). It is clear that these words appeared when during the obog/kinship structure when property and authority inherited from a father to his son along the father`s lineage. The inheriting made only from a father to a son therefore the nature of *obog* is relativeness relation in the father`s lineage.

Ayil and urug: People tried to have relations with the rich and powerful families and as the result appeared genesis relation *urug*. One of the clear example of it was formation of the shanyui's and the aristocrats who had the permanent relations with them in the Xiongnu society. In the Fan Ye

> *異姓有呼衍氏、須卜氏、丘林氏、蘭氏四姓，為國中名族，常與單于婚姻。呼衍氏為左，蘭氏、須卜氏為右，主斷獄聽訟，當決輕重，口白單于，無文書簿領焉 it was written as the shanyi's were born in the lán shì, foreign hū yǎn shì, xū bo shì, qiū lín shì. These four urug were the honored where the wedding relations were established. The huyan urug situated in the east and lan and xūbo in the west determining truth, lie punishment orally and informing it to shanyui without written form"* (HHS 79:2945).

As was written here the integrations where the shanyuis were born had structures *氏 (shì)* urug.

> *鮮卑者，亦東胡之支也，別依鮮卑山，故因號焉。其言語習俗與烏桓同。唯婚姻先髡頭，以季春月大會於饒樂水上，飲讌畢，然後配合。Language, custom of Xianbei people were analogical with the Wuhuan`s people. They shaved their hair and beard before wedding, gathered in the bank of Jaole River and organized wedding* (HHS 79:2985).

Therefore, features of Wuhuan`s society mentioned above is analogical with the society of Xianbei people that were proved by the indirect information about Tanishuhuai`s. The Tanishuhuai`s genesis began to rule the state after their integration of the random Xianbei bűl's. Moreover, there is an information of that there was fight for the Rouran`s throne and *Venheti* run away and came to Lyu Weicheni who had xiongnu grandfather and xianbei mother and belong to the northern nomadic *tefu* genesis/urug (*氏*) being the third generation of the obog/kinship where the tittle and property were passed from a father to his son or to an uncle.

The aristocratic genesis/urug (*氏*) formation can be seen among the Rouran's bűl. As written in the source there was urug *mugulű* where were born Rourans kings. As written in the Wei shu:

> *Ruru is the dōnghú`s generation and itsgenesis/urug (氏) is yujiulű. Riders (from Wei) who were robberies in the end of the former Shǐ shén yuán (Livei 220-277) king government caught a slave whose hair was on a par with his eyebrows. So that he did not remember his name and genesis/urug (氏) they gave him nickname Mugulű. Mugulű means "mugulen (hornless) head". Mugulű is heard analogically with yujiulű his son and grandson made yujiulű their urug (氏) name. Mugulű became a cavalry as an adult and free of slavery man. During the Ilu Mudi (308-316), the lord of Tabagachi he condemned to death because he could not come the mobilization place on time. He ran away, began to live in the Gobi canyon gathering over 100 escapers under the support of yīhé tū lín bù (健). After death of Mugulű his son Chē lù huìdistinguished among people by his bűl (健) and determination and named people under his regulation Rouran* (WS 103:2289)[2].

As was written in the information above *mugulű* became the *urug* (*氏*) name and his son became the head of the his father`s bűl and began to name his bűl as *Rouran*. The name of bűl was changed but Cheluhui did not established new buluo as was written in the source information. As shows this information by Wuhuan people *Rouran* buluo was established in the same way and buluo`s name had not inherited and it was changed constantly. When the process of the formation of buluo called Rouran is almost same to the process of and the buluo (bűl)`name was changed constantly (yī hé tū línbecame *rouran*) oftenas was written by Fan Ye. As the history event processes show Cheluhui`s buluo (bűl) became very powerful andits head obligation became to be inherited repeating examples about

[2] WS – 魏書 – Wèis.

Xiongnu`s shanyui and *urug* (氏) with Wuhuan`s formation nickname *Tefu*. In this way the category *urug* appeared directly with the inheritance of the titles. The ruling *urug* was not distinguishing among the lineage of relatives, but also among the other *urug* with private property and livestock.

It has to mention that despite the formation of the aristocratic *urug* among the Rourans, the buluo`srelations existed strongly. For example, to make the king`s brother the next king the Doulun (485-491) the official son of Yucheng king was killed with Doulun`s mother. Because Doulun`s mother took part in the state activity very often. Also, king Futu (506-508), the son of Nagai (492-506) had wife who was the relative of *Houyuilin urug* (氏), the divorced wife of Doulun and had six sons such as Chounu, Anagui and others. This womangave an order to kill the shaman Divan and king Chounu, her conspirer and gave king throne to Anagui. The divorced queens took part in the state activities intensively and had a great role in determining their sons as kings (Ulziibayar & Enhbat, 2017).

Therefore, women played the main roles in the kings` *urug* as we see. As written in the source there are no any other materials about other queens despite the queens of Doulun and Futu were from the *Houlyuilin urug* (氏). However, Lin Gan, the historian from PRC compared the wife choice principles of shanyuis in a definite *urug* with the wife choice principles of Rouran`s kings. As he considers, Rouran `s kings choose their queens in the *Houlyuilin urug* (氏) (Lin Gan, 1997). This tradition had continued till XI-XII centuries. As was written in the §61, Secret history of the Mongols:

> *Yesűgei Ba'atur, at the moment when Teműjin was nine years old, having taken Teműjin, betook himself unto the Olqunu'ud people, kindred of Mother Hő'elűn saying* (SHM, 1982. P. 14-15).

It is trace of that aristocrats had had engagement between *urugs*. However, Yesűgei met Dei Sečen of the Unggirad inhis way, believed in his smart words and left his son as a future son-in-law and came back. The Yesűgei Ba'atur followed the old tradition to bring a son as a son-in-law to the uncle lineage bűl. But he did not realized this tradition showing the weak existence of thistradition.

The buluo structure and *urug* formation process were in Turkic people who uncrowned Rouran state. There are several variables of legends in the Chinese sources, for example in thezhōu shū:

> *"訥都六有十妻，所生子皆以母族為姓，阿史那是其小妻之子也。訥都六死，十母子內欲擇立一人，乃相率於大樹下，共為約曰，向樹跳躍，能最高者，即推立之。Nedouliu 10 wives and all hischildren used their mothers` names as surname Ashina was his young wife`s son. Nedouliu was the best among all leaders as people desided"* (ZS 50:908)[3].

As in Wuhuan Turkic people elected the crafty man as the Head and mother`s name became the surname for children despite their father is in presence. Therefore, the buluo structure was there. It is interesting that the title was inherited and Ashina`s next generations became famous. D. Gongor explained the category *urug* in the following way. *Firstly,* the core connection of the *urug* was "pregnancy and bell", in other words, it is the mother, *secondly, urug* is the integration of several groups of people with blood relations that follows the mother`s lineage. If in the period of matriarchy *tribe/obog* and *urug* had same meaning in the patriarchy meanings of these words differed. Therefore, *urug* is has developed three stages as "pregnancy and bell" - mother period in the matriarchy, *urug* derived from the *urug*" - father period in the patriarchy and "son of son" - next generation of father in the feudalism period (Gongor, 1978. P. 47). The facts about *urug* mentioned above by us approves D. Gongor`s explanation fully and separation within the buluo/bűl following the father`s lineage, gradually strengthened the tribe relation principles and finally it became the offspring of state establishment as Xiongnu`s *shanyi* and Rouran`s *yujiulű* urug examples. Generally, all properties and competence of nomads in that period were inherited from obog/tribe to obog/tribe. Therefore, there was no any notions to inherit and own something by whole tribe (Altansukh, 2013).

[3] ZS – 周書 – Zhōu shū.

Such separation of aristocrats within the *bűl* establishing *urug* led to the noticeable property differences and society classes.

The permanency of such situation leads to the increase of *urug/kinship* competence, its role in the society, its influence to other people and to the state formation at the end. Particularly, as the aristocratic *urug/kinship* had big chance to be accepted and to control others it became the basis of the nomadic state. It was considered by us in the examples of *shanyi,yujiulű* and *ashine* urug/kinships. Controversially, if the aristocrats lost their competence and influence, they were brought to the common *bűl* principles. This phenomenon may be more common than the first one and it is connected with the risky livestock breeding. Nomads have more nature and climate risks than half-nomads and half-settlers who have definite size of cultivation and livestock breeding and agriculturists. Therefore, impoverished *urug/kinship* comes to the former condition very easily.

If *"bűl/buluo"* relation was restored after disintegration of the powerful nomadic state Xiongnu in other cases the state status had been passed from an aristocratic *urug*/kinship to another aristocratic *urug*/kinship keeping the society core units *bűl* and *öbög/obog (obog/tribe)`s* nature until Chinggis khan`s period as we consider. The labor organization by *torguud* people (in Mongolian) can show the some kept forms of *bűl*/buluo structure and locating the dwellings in kureged. As anthropologist D. Tangad noted:

> *In the torguuds` khot ail procedure based on the relatives` relations: firstly, the mother lineage families that put their dwellings in a circle dominate in the winter and spring camps, secondly, in the summer camp preference of the mother lineage families is not obligated and it depends on the geography feature and livestock kinds decreases in family numbers and elder people families place on the high place keeping their livestock within the circle, thirdly, there were khot ails that based on their role in the society and their property amount. Many poor families lived in neighborhood and devoted their labor results for the rich people. The too poor people lived within the rich families neighborhood living in the small dwellings"* (Tangad, 2012. P. 218-219).

The relatives have formed a *bűl/buluo* locating their dwellings around the livestock in kureged (circle) in the winter and spring and moved from the kureged to the mountain back slope in *khot ayil* (several families) locating livestock in the center of the dwellings in circled location as in the ancient time. Moreover, devotion of poor people their power for rich men forming *khot ayil* can be identified with the process when the *bűl*`s kureged was unintegrated forming rich *ayil/yilo*. As the *bűl* and *kureged* structure were derived from the deep end of the nomadic herdsman lifestyle and fully fitted to the Central Asian nature and ecology they had kept for so long period.

The strong tradition to respect mother lineage by Mongols that has kept until now is the remaining of the ancient *bűl* structure. For example, in the PRC among the Deed Mongols uncle in the mother lineage has right to confiscate his niece or nephew`s property, in other words he is the "nephew/niece`s master" (Schram, 1954). Among Aga Buriats the uncle in the mother lineage firstly cut some hair when niece/nephew celebrate his/her first haircut and other relatives cut after him. Among the Buriats in Selenge uncles of the bride and groom have to take part in the wedding and appreciating uncle of the new daughter-in-law a lot. Among the buriats in Irkutsk there is tradition to prepare special portion of meat for niece/nephew when he/she take participate in the wedding of the uncle`s son. An uncle in the mother`s lineage always very respected person in a family and niece/nephew cannot touch the uncle`s body when he dies. Moreover, niece/nephew "cannot eat mutton blade in the presence of his/her uncle of the mother`s lineage" according to the taboo (Sayana Namsarayva, 2016. P. 119-140). *Bűl* relativeness has respected until now among the Mongols which is confirmed by the proverb "*bűl in which even louses divided* equally".

Bül and kureged: The bul`s structure and nature has to be considered in connection with *kureged* and *khuree,* the best labor organization that was derived from the nomadic herdsmen life depth. There are many different explanations on the *khuree* (circle)`s structure and function by researchers and

most of them considered it as a society structure unit. Several researchers directly matched it with *khuree*. Among them G. Sukhbaatar explains group of nomads with 3500 people who did not made town or family but it was Chinggis khan`s period khuree (Sukhbaatar, 1980. P. 45). It can be the correct in one side. Rashid-Ad Din explained the khureeas many carts that were connected with each other formatting "circle". Moreover, he explained in other source: Khuree means circle. In the ancient time a tribe let locate its head in the center formatting circle around him. When enemy soldiers come people in circle fought against them in this form to protect their head in the center" (Rashid ad-Din, 1952. P. 86-87). Despite the khuree was labor organization form it developed with the tendency to protect noblemen as the result of the differences and unequal relations in the society. For example, in the Kumo Xi that became powerful in the former Wuhuan`s territory in the V-VI centuries

> 其君長常以五百人持兵衛牙中，餘部散山谷間，無賦入，以射獵為貲。*"the head`s dwelling was protected by 500 soldiers perm anantly and other members located in the mountain valley randomly. They do not pay tax"* (XTS 219:6173)[4].

As this information shows the society differences in *kumo xi* were deeper than among the Wuhuan people. The formation of bodyguards confirms existence of obligation inheritance. This is the reason of the *khuree* establishment that was explained by Rashid-Ad Din. However, the khuree as the nomadic bul integration is completely different from the khuree, the late aristocratic khuree structure explained by Rashid-Ad Din and it is the way to protect livestock as their common existence source. In the process of development this form of khuree inherited in the form of high ranked society members` protection.

As D. Gongor said the khuree had existed in reality in since the Bodonchar period and in the XI-XII centuries the habit to gather together and form khuree in diffenet places kept despite its organization was weak. He wrote that in the period of obog/kinship or: "…when private property did not gained its power the obog/kinship members did not want to leave the obog/kinship because the society and economy condition that form such interest could not developed enough" (Gongor, 1978. P. 76-77) the existence of khuree was possible. The khuree was the best structure during the bul structure in the society and the explanation by D. Gongor can describe this situation correctly. J. Gerelbadrakh mentioned many forms of khuree and he wrote: "nomadic tribes organized their livestock breeding in the khuree way. Every night their livestock spent in the center of the families located in the circle way. They protected livestock from the external attack in this way" (Gerelbadrakh, 2013). This is the innovated explanation of the khuree in the view of its labor organization or its structure and function.

Despite many researchers explained bül/buluo as *tribe* or *khure* it is correct to consider the *khuree* in the period of *bül* structure as an unusual form of labor organization that derived from the nomadic livestock breeding feature. Such khuree that kept their livestock in the center and placed themselves around the livestock was the best way of nomads to protect their livestock from sudden attack. Our understanding that people placed around the khuree`s head or shaman`s dwelling can be correct in one side. However, it is undoubtful that the name "khuree" was appeared as the result of the families` dwellings location in the circle form to protect the livestock, the all family life source. Keeping the livestock within the khuree at night had kept its main feature for centuries. For example, before the agricultural cooperation in Mongolia families with small number of livestock lived in the dwellings located in the circle form (elder people`s dwelling located in the east and west directions) in the center of which were livestock and families guarded the livestock in their turn as the elder people talked. Furthermore, "…this way had kept until the complete victory of the movement to join to the agricultural cooperation and now it became an area where livestock breeders organize livestock production" (Tserenhand, 1985. P. 361-363). The location in the circle way and keeping livestock in the center guarding was inherited by the neighboring families.

It seems the "khuree", the gathered families for usage of winter pasture began being disintegrated

[4] XTS – Xīn táng shū.

since the *obog/tribe* formation being carried by move form that derived from one father. Families that have their own livestock did not have possibility to be integrated in a *khuree* organization and began moving separately using proper pastures and water sources independently. When the (bül) structure that based on the mother`s lineage was changed by the obog/tribe relation that based on the father`s relation, the livestock owning passed from *bül* to (khoт) ayil (neighborhood) owning. In this way *khuree* that met the requirements of *bül*`s owning form was disintegrated and reorganized as 邑落yiluo, the best organization of the nomadic *obog/tribe* because of the private property.

Families in the bül divided as *ayil/yilo*-s in the summer and autumn, but they gathered their livestock together in the winter and spring placing their gers in *khuree (circle)* depending on the livestock number. However, it will be one-sided if consider that one family belonged to only one khuree. It is clear that a family could belong to several khurees depending on the pasture capability and usage. The khuree had administration from very beginning and had more expanded components than *ayil/yilo*-s because there were many people and big number of livestock in same place. For example, each khuree had to have sufficient number of horses as the khuree`s members` meaning of transport, as source of the nutritious meat and one kind of livestock that dig snow to emerge pasture for other kinds of livestock. The khuree organization in which all *family/luo* dwellings around the livestock became its guards. In addition to it the khuree protected livestock from wolves that attacked to the livestock intensively in the winter and spring when the lack of their food is big. Herdsmen fought with wolves in different ways as "stealing the wolves` cubs" and killing them in big numbers. After that the female wolf whose cubs were stolen gave birth their cubs in other places with great obstacles far from human kind. Fight between wolves and people have continued for all history of steppe nomads. Therefore, there is no any reason to respect and worship wolves for Mongolians. Ch. Khishigtogtokh, a researcher of PRC maid conclusion that Mongolians did not have wolf respecting and totem connected with wolf (Khishigtogtokh, 2014. P. 417-419).

The khuree was the best and tested form to join labor and forces for nomadic livestock breeders in the *bül*period but its meaning was extended and it became the political center protecting the noblemen`s dwelling house in the period of centralized obog/kinship structure establishment that consisted of yilo-s/families with private propertythat was formed gradually.

Conclusion: The social structure of the nomads had not been passive and unchangeable after Xiongnu until XI-XII centuries as many researchers consider. Mongols gradually replaced the *bul* (*bül, böl)* blood relations in which the mother's lineage dominated with *obog/tribe* bone relations in which property was inherited by their sons. Despite this noticeable change, moving in *ayils* (several neighboring families) and locating dwellings in kureged because of the livestock breeding style had been kept for a long time. Chinese historians who could not differ two main social structures as *bűl/bùluò* and *obog/tribe* called these two structures with one word *"bùluò"* caused the researchers to be confused. The nature of *bűl*, the social structure can be seen in the example of the *Wuhuan* and this relation was in the period of Xiongnu as the genetic analyzes on the samples taken from the burials show. However, y*ilo*, the move way has been kept in Mongolian language as *ayil* and in Turkic language as *jayla/yaylo* means a group of neighboring families that spend summer to use proper pasture. Moreover, the *urug/kinship* appeared within the *bűl* can be called as y*ilo*. The *kureged* structure that derives from the location of dwellings that keeps livestock in its center has been kept in the *"khot ail"* form. The reason of the long existence of *kureged* through *bűl* and *obog* structures is connected with the nomadic livestock breeders` harmony with their environment that can be shown by the *torguud* people to this day.

References

Altansukh G. Mongolchuudin obog yamar oilgolt

Список источников

Алтансүх Г. Монголчуудын овог-obog ямар ойл-

ilerhiildeg ve? *Acta historica.* T. XIV, Fasc. 14. Ulaanbaatar: Admon press. 2013. p. 115-124. (In Mong.).

Atwood C. P. The Notion of Tribe in Medieval China: Ouyang Xiu and the Shatuo Dynastic Myth. *In D. Aigle, I. Charleux, V. Goossaert, & R. Hamayon (Eds.), Miscellanea Asiatica: Festschrift in Honour of Francoise Aubin* (pp. 593-621). Sankt Augustin: Institute Monumenta Serica, 2010. (In Eng.).

Batsuren B. *Wuhuan (avar) ba Xianbei (serbi).* Ulaanbaatar: Tepe press. 2016. 168 p. (In Mong.).

Bilegt L. Mongol nutag dahi ertnii obog, aimguud. *Ert, dundad uyiin mongolchuudiin aj ahui, soyol*. Ulaanbaatar: Tsomorlig tuv. 2006. p. 5-26. (In Mong.).

Keyser-Tracqui C., Crubézy E., Ludes B., 2003. Nuclear and Mitochondrial DNA Analysis of a 2,000-Year-Old Necropolis in the Egyin Gol Valley of Mongolia. *The American Journal of Human Genetics*. Vol. 73, Issue 2. p. 247-260. (In Eng.).

Delgerjargal P. Xianbei. *Mongolyn ertnii tuukh 5 boti. Ded boti*. Ulaanbaatar: Soyombo press. 2017. 227 p. (In Mong.).

Duman L. I. (1977) Settlement of non-Chinese tribes in the inner regions of China and their social structure in the III-IV centuries AD. *Kitai: istoriy, kulitura I istoriograptiya = China: history, culture and historiography*. Moscow. P. 40-61. (In Russ.).

Gerelbadrakh J. Mongolchuudiin khuree gej yu ve*?. Acta historica.* T. XIV, Fasc. 13. Ulaanbaatar: Admon press. 2013. P. 95-114. (In Mong.).

Gongor D. *Khalh tovchoon II*. Ulaanbaatar: Ulsiin hevleh uildver. 1978. 399 p. (In Mong.)

Khishigtogtokh Ch. Burte chono totem amitani ner bish. *Chinggis khaan ba dayarchlal*. Ulaanbaatar: Bembi san. 2014. P. 417-420. (In Mong.).

Lin Gan. *Donghugyn tuukh*. Huhhot: UMAHH. 1997. 210 p. (In Mong.).

Munhtur Ch. Khorchnin mongol tariachny tosgon dahi utukh ger buliin helber, butez togtolzooni zarim asuudal. *Studia ethnologica*. T. XXVI, Fasc 16. Ulaanbaatar: Admon press 2018. (In Mong.).

Osawa T. On the historical contacts of the Nine Tadar (Zubu) people witch the Yenisei Kirghiz and the Uighur tribes in the Southern in the 8-10 th century AD. *Drevnie I sovremehhie narodi Yujnoi Sibiri: yazik, istoriya, kulitura.* Abakan: 2011. p. 21-53. (In Eng.).

Poppe N. N. (1938) Mongolian dictionary Mukadimamat al-Adab. Pt. I-II. *Trudy instituta vostokovedeniya XIV = Proceedings of the Institute of Oriental Studies XIV*. Moscow - Leningrad. 152 p. (In Russ.).

Rashid ad Din. (1952) *Collection of annals.* Moscow - Leningrad: AN SSSR. Vol. 1. Book II. 315 p. (In Russ.).

Sayana Namsarayva. Suuguul niigem bolon eh nutegtaa bui buriaduudiin avankular nershiliin zuirlesen hereglee. *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*, Vol. 9, № 1 (471). Ulaanbaatar: MUIS press. 2016. p. 119-141. (In Mong.).

голт илэрхийлдэг вэ? // Acta historica. T. XIV, Fasc.14. “Адмон” хэвлэх үйлдвэр. УБ., 2013. т. 115–124.

Atwood C. P. The Notion of Tribe in Medieval China: Ouyang Xiu and the Shatuo Dynastic Myth. In D. Aigle, I. Charleux, V. Goossaert, & R. Hamayon (Eds.), Miscellanea Asiatica: Festschrift in Honour of Francoise Aubin (pp. 593–621). Sankt Augustin: Institute Monumenta Serica, 2010. (In Eng.).

Батсүрэн Б. Ухуань (авар) ба Сяньби (сэрби). “Тэпэ” хэвлэх үйлдвэр. УБ., 2016. 168 т.

Билэгт Л. Монгол нутаг дахь эртний овог, аймгууд // Эрт, дундад үеийн монголчуудын аж ахуй, соёл. “Цоморлиг төв” хэвлэх үйлдвэр. УБ., 2006. т. 5–26.

Keyser-Tracqui C., Eric Crubézy, Bertrand Ludes. 2003. Nuclear and Mitochondrial DNA Analysis of a 2,000-Year-Old Necropolis in the Egyin Gol Valley of Mongolia. The American Journal of Human Genetics. Vol. 73, Issue 2. p. 247–260. (In Eng.)

Дэлгэржаргал П. Монголын эртний түүх 5 боть. Сяньби. Дэд боть. “Соёмбо” хэвлэх үйлдвэр. УБ., 2017. 227 т.

Думан Л. И. Расселение некитайских племен во внутренних районах Китая и их социальное устройство в III–IV вв. н. э. // Китай: история, культура и историография. Москва, 1977. С. 40–61.

Гэрэлбадрах Ж. Монголчуудын хүрээ гэж юу вэ? // Acta historica. T. XIV, Fasc. 13. Ulaanbaatar: Admon press, 2013. т. 95–114.

Гонгор Д. Халх товчоон. II. УХУ. УБ.,1978. 399 т.

Хишигтогтох Ч. (БНХАУ). Бөртэ чоно тотем амьтны нэр биш // Чингис хаан ба даяарчлал. УБ., 2014. т. 417–420.

Лин Ган. Дунхугийн түүх. Хөххот, 1997. 210 т.

Мөнхтөр Ч. Хорчин монгол тариачны тосгон дахь өрх гэр бүлийн хэлбэр, бүтэц тогтолцооны зарим асуудал. Угсаатан судлал. Т. XXVI, Fasc 16. УБ., 2018.

Osawa T. On the historical contacts of the Nine Tadar (Zubu) people witch the Yenisei Kirghiz and the Uighur tribes in the Southern in the 8–10 th century AD. Drevnie I sovremehhie narodi Yujnoi Sibiri: yazik, istoriya, kulitura. Abakan: 2011. p. 21–53. (In Eng)

Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукадимамат ал-Адаб. Ч. I–II // Труды института Востоковедения XIV. Москва – Ленинград, 1938. 152 с.

Рашид ад Дин. Сборник летописей. М.; Л. : АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. II. 315 с.

Саяана Намсараева. Суугуул нийгэм болон эх нутагтаа буй буриадуудын авункулар (нагац талтайгаа онцгой харилцах харилцаа-С. Н.) нэршлийн зүйрлэсэн хэрэглээ // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology, Vol. 9, № 1 (471). УБ., 2016. Т. 119–

Schram, Louis M. J. 1954-61. The Monguors of the Kansu-Tibetan Frontier: Their Origin, History, and Social Organization, vols 1-3 [= Transactions of the American Philosophical Society, New Series 44/1, 47/1, 51/3]. Philadelphia, 1954.

Sevortyan E. V. (1978) Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and inter-Turkic bases with the letter "B". Moscow: Nauka. 950 p. (In Russ.).

SHM - *The Secret History of the Mongols.* Francis Woodman Cleaves. Harvard University press. 1982. 277 p. (In Eng.).

Sukhbaatar G. *Mongolchuudiin ertnii ubug.* Ulaanbaatar: Ulsiin hevleh uildver. 1980. 287 p. (In Mong.).

Tangad D. Torguud: *Mongol ulsiin ugsaatni zui II boti.* Ulaanbaatar: 2012. Bembi san. 235 p. (In Mong.).

Taskin V. S. (1984) Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group. Moscow: Nauka. 485 p. (In Russ.).

Tserenhand G. Khot (khot ail), tuunii huvisal. *Olon ulsiin mongolch erdemtnii IV ikh hural.* III boti. Ulaanbaatar: 1985. P. 361-363. Ulsiin hevleh uildver. (In Mong.).

Ulziibayar S., Enhbat A. Rouran. *Mongolyn ertnii tuukh 5 boti. Gutgaar boti*. Ulaanbaatar: 2017. Soyombo press. 229 p. (In Mong.).

Vladimirtsov B. Ya. (1934) The social system of the Mongols. Leningrad: Nauka. 223 p. (In Russ.).

Information about the author

S. Ulziibayar – Cand. Sci. (History),
National Museum of Mongolia,
1, Tourist St., Ulaanbaatar 14201, Mongolia.

Contribution of the author

Ulziibayar S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 13, 2021; approved after reviewing November 24, 2021; accepted for publication December 6, 2021.

141.

Schram, Louis M. J. 1954–61. The Monguors of the Kansu-Tibetan Frontier: Their Origin, History, and Social Organization, vols 1–3 [= Transactions of the American Philosophical Society, New Series 44/1, 47/1, 51/3]. Philadelphia, 1954.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву “Б”. М. : Наука, 1978. 950 с.

SHM – The Secret History of the Mongols. Francis Woodman Cleaves. Harvard University press. 1982. 277 p. (In Eng)

Сүхбаатар Г. Монголчуудын эртний өвөг. Улсын хэвлэлийн үйлдвэр. УБ., 1980. 287 т.

Тангад Д. Торгууд: Монгол улсын угсаатны зүй II боть. Бэмби сан. УБ., 2012. 235 т.

Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М. : Наука, 1984. 485 с.

Цэрэнханд Г. Хот (хот айл), түүний хувьсал // Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал. III боть. УБ., 1985. Т. 361–363.

Өлзийбаяр С., Энхбат А. Монголын эртний түүх 5 боть. Гутгаар боть. Жужан улс. Соёмбо үйлдвэр. УБ., 2017. 229 т.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй Монголов. Ленинград : Наука, 1934. 223 с.

Информация об авторе

С. Улзийбаяр – кандидат исторических наук,
Монгольский национальный музей,
14201, Улан-Батор, 1, Монголия.

Вклад автора

Улзийбаяр С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 октября 2021 г.; одобрена после рецензирования 24 ноября 2021 г.; принята к публикации 6 декабря 2021 г.

Научная статья
УДК 902.2:004
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-62-77

Географо-информационная система «Археологические памятники Анабарского улуса (района)»: содержание, структура и возможности пространственного анализа

Виктория Викторовна Филиппова[1], Виктор Михайлович Дьяконов[2]

[1] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Якутск, Россия, filippovav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3900-918X
[2] Якутская комплексная лаборатория археологии Крайнего Севера Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия, arkh_muz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4899-6148

Аннотация. В статье в хронологическом порядке рассматриваются результаты археологических исследований, проведенные на территории одного из арктических районов Республики Саха (Якутия) – Анабарского улуса (района), расположенного на крайнем северо-западе территории. На основе изучения опубликованных и неопубликованных источников авторами систематизированы и классифицированы материалы о 28 объектах археологии от каменного века до начала XIX в. На основе проведенной историко-культурной оценки района установлено, что данная территория входит в ареал приленских археологических культур. Впервые выполнены картографирование и уточнение координат всех, учтённых археологических памятников бассейна р. Анабар, на основе которых создана актуальная база геоданных. Анализ собранного авторами материала позволил разработать структуру и содержание ГИС «Археологические памятники Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса (района)», состоящие из 14 тематических слоев: название района (улуса); название муниципального образования (МО), наслега; название территории проживания коренных малочисленных народов Севера; название археологического памятника; местоположение памятника; вид памятника; правоустанавливающий документ; кадастровая принадлежность земельных участков; категория памятника (статус); период; ФИО исследователя; год открытия экспедиции (описания); описание находок; источники и публикации. На основе привязанных объектов археологического наследия составлены карты пространственного размещения археологических памятников бассейна р. Анабар. Возможности комбинации тематических слоев, предоставляемые ГИС, позволили выявить взаимосвязи археологических объектов. Результаты работы авторы предлагают использовать для обеспечения непрерывного обновления баз геоданных и ведения мониторинга за состоянием археологических памятников, расположенных на территории Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: археологические памятники, историко-культурное наследие, база данных, ГИС-технологии, картографирование, пространственный анализ, Анабарский район, Якутия, Арктика

Благодарности: иследование осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-09-00257 «Хатанго-Анабарский регион в XX – начале XXI в.: антропология культурного ландшафта».

Для цитирования: Филиппова В. В., Дьяконов В. М. Географо-информационная система «Археологические памятники Анабарского улуса (района)»: содержание, структура и возможности пространственного анализа // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 62–77. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-62-77.

Original article

Geographical Information System “Archaeological sites of Anabar ulus (district)”: content, structure and possibilities of spatial analysis

Viktoriya V. Filippova[1], Viktor M. Dyakonov[2]

[1] Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, filippovav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3900-918X
[2] Yakutsk Complex Laboratory of Archaeology of the Far North of the Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, arkh_muz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4899-6148

© Филиппова В. В., Дьяконов В. М., 2021

Abstract. The article considers in chronological order the archaeological researches conducted on the territory of one of the Arctic regions of Sakha Republic (Yakutia) – Anabar ulus (district), located in the extreme north-west of the territory. The authors systematized and classified materials from 28 archeology sites of the Stone Age – early XIX century. Based on the conducted historical and cultural assessment of the area, it was established that this territory is included to the area of the Cis-Lena archaeological cultures. For the first time, mapping of all archaeological sites of the Anabar River basin was performed, an GIS database was created. The analysis of the material collected by the authors made it possible to develop the structure and content of the GIS "Archaeological sites of the Anabar national (Dolgan-Evenki) ulus (district)", consisting of 14 thematic layers: district (ulus) title; municipality (nasleg) title; the territory of the indigenous peoples of the North title; archaeological site; location of the site; type of site; legal document; cadastral document; category of the site (status); information about archaeological period; researcher name; year of expedition (description); description of archaeological materials; sources and publications. Based on the linked objects of archaeological heritage, maps of the spatial placement of archaeological sites of the Anabar River basin have been compiled. The possibilities of combining thematic layers provided by GIS made it possible to identify the interrelationships of archaeological locations. The authors propose to use these results to ensure continuous updating of geodata databases and monitoring the state of archaeological sites located on the territory of Sakha Republic (Yakutia).

Keywords: archaeological sites, historical-culture heritage, database, GIS technologies, mapping, spatial analysis, Anabar district, Yakutia, Arctic

Acknowledgements: the research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-09-00257 “Anthropology of Cultural Landscape of Khatanga-Anabar region in the XX and XXI centuries”.

For citation: Filippova V. V., Dyakonov V. M. (2021) Geographical Information System “Archaeological sites of Anabar ulus (district)”: content, structure and possible of spatial analysis. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 62-77. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-62-77.

Введение

Актуальность исследования продиктована необходимостью создания единой базы данных археологических памятников, расположенных на территории Республики Саха (Якутия). Такую базу данных можно составить с использованием ГИС-технологий, позволяющих отображать размещение объектов и проводить их пространственный анализ для выявления закономерностей дислокации в разные эпохи и степени изученности территорий.

Историю становления, оценку современного состояния и обозначения направления будущего развития археологического картографирования в России рассмотрели в своей статье Е. П. Крупочкин и К. А. Боенко. Согласно их мнению, главной задачей археологического картографирования является не просто территориальный анализ археологических памятников посредством карт, но и их всестороннее изучение (Крупочкин, Боенко, 2010). Сегодня на территории России разработаны несколько ГИС-проектов об археологических объектах, среди которых следует выделить «Археолого-географические информационные системы» (АГИС), разработанные под руководством Д. С. Коробова (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004; Афанасьев, Коробов, 2007; Коробов, 2008). Созданные археологические ГИС можно разделить по следующим функциональным целям: для охраны археологического наследия; для моделирования исторической ситуации с применением компьютерной реконструкции; для исследования в ландшафтной археологии.

Учитывая малую изученность пространственного размещения археологических памятников Республики Саха (Якутия) на общем фоне субъектов России, следует накопить материал в виде базы данных с последующей возможностью получения информации. Ведением Реестра объектов культурного наследия на территории Республики Саха (Якутия) занимается Департамент Республики Саха (Якутия) по охране объектов культурного наследия. Согласно Распоряжению Правительства Республики Саха (Якутия) от 24 апреля 2008 года № 402-р «Об утверждении объектов культурного наследия – выявленных недвижимых памятников истории и культуры по разделу "Археология"» количество археологических памятников составляет 1006 единиц. Из них в перечень объектов культурного наследия федерального значения по состоянию на 01.01.2021 г. входят 127 памятников археологии[1]. Следует ука-

[1] Перечень объектов культурного наследия федерального значения по состоянию на 01.01.2021 г. // Сайт Де-

зать, что Реестр объектов культурного наследия характеризуется недостаточностью картографо-геоинформационного обеспечения и отсутствием пространственно-координированной картографической информации.

Однако это не полный список выявленных археологических объектов. Пополнение перечня археологических объектов осуществляется региональными исследователями. Сегодня картографирование археологических памятников проводится как научными учреждениями, так и частными организациями археологического профиля. Так, карты археологических памятников отдельных улусов (районов) и локальных территорий созданы сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в рамках тем НИР Госзаданий, хоздоговоров, изучения объектов историко-культурного наследия (Дьяконов, 2019; Бравина, Соловьева, 2020) и проведения государственных историко-культурных и этнологических экспертиз (Филиппова, 2018; Филиппова, 2020). Создание интерактивной виртуальной карты археологических памятников Центральной Якутии осуществлено специалистами исторического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Археологические памятники Центральной Якутии, 2016)[2] и археологами ЦААПЧ АН РС (Я) (ныне – АНИЦ АН РС (Я))[3] на территории Олекминского, Верхоянского и Нижнеколымского районов (Ягловский, 2021). Составлением карт отдельных районов Якутии занимаются и археологи коммерческих организаций. Так, А. Д. Степановым, С. А. Воробьевым опубликована карта археологических памятников Усть-Янского района (Степанов, Воробьев, 2021). За основу карты в своей статье А. Д. Степанов и С. А. Воробьев использовали карту из отчета по Усть-Янскому району, выполненного в 2018–2019 гг. Т. Б. Симокайтисом[4]. В сведения об объектах по данному району не вошли результаты последних разведок 2018–2019 гг., в ходе которых было открыто еще 7 памятников.

Таким образом, на основе анализа опубликованных работ, мы можем говорить о картах размещения археологических памятников на территориях следующих районов Республики Саха (Якутия): Алданского, Амгинского, Анабарского, Булунского, Вилюйского, Верхневилюйского, Верхоянского, Кобяйского, Ленского, Намского, Нижнеколымского, Нюрбинского, Мирнинского, Момского, Олекминского, Оленекского, Оймяконского, Сунтарского, Таттинского, Томпонского, Усть-Алданского, Усть-Майского, Усть-Янского, Хангаласского и г. Якутска.

Соответственно, на сегодня карты археологических памятников составлены для территорий 25 улусов (районов) из 35 административно-территориальных единиц Якутии. Сложность составления карт размещения археологических памятников состоит в отсутствии точных географических координат объектов, ранее выявленных в ходе археологических исследований.

Отсутствие должного картографического обеспечения культурно-исторических объектов республики стало отправной точкой к выполнению работ по их картографо-

партамента Республики Саха (Якутия) по охране объектов культурного наследия при Министерстве культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия). URL: https://depohran.sakha.gov.ru/informatsija-ob-obektah-kulturnogo-nasledija-na-territorii-respubliki-saha-jakutija (дата обращения 20.08.2021).

[2] Археологические памятники Центральной Якутии. URL: https://www.arcgis.com/home/webmap/viewer.html?webmap=368aa4920670423aafbfabe130954a7a&extent=124.5304,60.7927,138.0216,64.2362 (дата обращения 10.07.2021).

[3] Кирьянов Н. С. Отчет о проведении археологической разведки на территории Олекминского района Республики Саха (Якутия) // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Якутск, 2010. 238 с.; Кирьянов Н. С. Отчет о проведении археологических исследований на территории Верхоянского района Республики Саха (Якутия) в 2010 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 44432. Якутск, 2011. 220 с.

[4] Симокайтис Т. Б. Отчет о результатах разведочных археологических работ АЭ ИГИиПМНС СО РАН в Булунском районе Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2018 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Якутск, 2019a; Симокайтис Т. Б. Отчет о разведочных работах на объекте «Реконструкция и техническое перевооружение комплекса средств УВД, РТОП и электросвязи аэропорта Депутатский» в Усть-Янском улусе (районе) Республики Саха (Якутия) в 2018 г. (Открытый лист № 1686 от 17 августа 2018 г.) // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Якутск, 2019b.

геоинформационному обеспечению. В связи с этим авторами поставлена цель – разработать информационный ресурс, обеспечивающий интерактивный доступ к географической информации об археологических объектах на примере одного из арктических районов Якутии – Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса (района).

Историко-культурная оценка района

Анабарский улус является одним из наиболее слабо изученных в археологическом плане регионов Республики Саха (Якутия). До начала 60-х годов XX в. территория Анабарского района оставалась белым пятном на археологической карте Якутии.

В настоящее время в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России (ЕГРКН) из археологических памятников Анабарского улуса включены только две неолитические стоянки: «Сэмэлдьин» и «Эбэлээх»[5]. А в Распоряжении Правительства Республики Саха (Якутия) от 24 апреля 2008 года № 402-р указаны 6 археологических памятников: Гаврюха, Доруоха, Русский Дом, Средняя, Тебюлях и писаница Тангаралаах. Последняя включена ошибочно, т. к. расположена на левом берегу р. Оленёк, в 1825 км от устья и в 300 км выше по течению от с. Оленёк и находится на территории Кирбейского национального наслега[6]. Соответственно, официально в имеющиеся реестры объектов археологического наследия Анабарского улуса включены 7 памятников. Однако из них только два памятника имеют федеральный статус.

Одной из задач данной статьи является уточнение количества археологических объектов исследуемого района на основании изучения всего объёма научных публикаций и полевых отчетов экспедиций.

Первые сведения о существовании в бассейне р. Анабар следов жизни древнего человека были получены от геологов Научно-исследовательского института геологии Арктики, проводивших в низовьях Анабара разведку алмазоносных пород, в частности от Ф. Ф. Ильина, открывшего там стоянки Тимир-Билир, Юрюнг-Хая (Якутский Тюбелях), Оюн-Юрэгэ, Логу-Салаата, Мукула-Саалата, Сойыгол на реках Анабар, Оюн-Юрэгэ, Илья- Средняя, Средняя; Е. И. Подкопаева, обнаружившего призматический нуклеус на р. Большая Куонамка, и К. С. Забурдина, нашедшего костяной наконечник копья (р. Усумуун). Коллекция анабарских находок была передана ими ленинградскому археологу Л. П. Хлобыстину, который частично опубликовал их (Хлобыстин, 1970). Он датировал найденные геологами памятники преимущественно неолитом, а стоянку Тимир-Билир на водоразделе Анабара и Оленёка отнес к эпохе мезолита или раннего неолит (Хлобыстин, 1973; Хлобыстин, 1975).

Из этих пунктов исключительный интерес вызывает стоянка Юрюнг-Хая. Она расположена на правом берегу Анабара в 75 км от его устья, в 18 км выше современного поселка Юрюнг-Хая, в приустьевой части протоки Якутский Тюбелях в 3–4 км в глубь террасы. Приурочена к поверхности одного из трех возвышающихся над террасой холмов. Собранный Ф. Ф. Ильиным материал стоянки состоит из 4 конических нуклеусов, 329 пластин, 25 отщепов, резца на пластине, пластины с ретушью, долотовидного орудия, 3 микровкладышей и нескольких обломков орудий. Л. П. Хлобыстин отнес данную стоянку к «памятникам ленского неолита» (Хлобыстин, 1970. С. 176). В 1976 г. эта стоянка раскапывалась Северным отрядом ПАЭ под руководством И. В. Константинова, давшего памятнику название Якутский Тюбелях – по одноименной протоке. В ходе раскопок было собрано 573 каменных предмета. Полученный материал свидетельствует об единстве обнаруженного комплекса, «бесспорно относящегося

[5] Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Официальный сайт Минкультуры России. URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/. (дата обращения 12.07.2021).

[6] Приказ Департамента Республики Саха (Якутия) по охране объектов культурного наследия от 26.11.2019 № 321-ОД «Об утверждении границ территории объекта культурного (археологического) наследия "Писаницы "Тангаралаах"». (Зарегистрирован 12.12.2019 № RU140142019942).

к сумнагинской культуре IX–V до н. э.» (Константинов, 1980. С. 40). Материалы стоянок Ойун-Юрэгэ и Илья-Средняя на основании типологических признаков относят к эпохе неолита (Аргунов, 1990. С. 151).

Геологические разведки 1960-х гг. дали некоторые сведения о наличии следов древнего человека в бассейне р. Уэле – второй по величине реки Анабарского района, где археологические памятники до этого не были известны. К сожалению, точное местоположение этих памятников неизвестно.

Стоянка Саппыя открыта Е. А. Ермолаевым в 1966 г. на северном берегу одноименного озера, на поверхности коренного берега озерной котловины найдены 52 каменных предмета. Несмотря на малочисленность изделий В. Г. Аргунов считает возможным датировать стоянку неолитическим временем (Там же. С. 155).

Стоянка Улахан-Кюель-Сээнэ открыта Ф. Ф. Ильиным и Е. А. Ермолаевым в 1966 г. на р. Улахан-Кюель-Сээнэ – правом притоке Уэле. По данным Л. П. Хлобыстина (Хлобыстин, 1998. С. 38; Аргунов, 1990. С. 158) на поверхности I надпойменной террасы собрано 303 каменных предмета, среди них 2 нуклеуса и 55 орудий. Л. П. Хлобыстин определяет возраст стоянки рубежом мезолита – раннего неолита (V–IV тыс. до н. э.).

Местонахождение Байан открыто Ф. Ф. Ильиным в 1966 г. на левом берегу р. Уэле в 600 м ниже устья р. Байан. На поверхности I террасы собраны 6 отщепов, 7 пластин из кремнистого сланца (Аргунов, 1990. С. 160).

Геолог Ф. Ф. Ильин в 1965 г. обнаружил на левом берегу одноименной реки левого притока р. Уэле стоянку Бёрёлёх-Айан, где собрал 3 отщепа, 29 ножевидных пластин и вкладыш из темно-серого сланца. Культурная принадлежность этих предметов в настоящее время не установлена (Там же).

В 1961 г. геологи П. И. Глушинский и В. Н. Васильев открыли стоянку Буолкалаах, находящуюся в бассейне р. Оленёк, на левом берегу левого притока Оленёка – р. Буолкалаах, в 35 км выше ее устья. На стоянке было найдено большое количество каменных изделий и фрагментов керамики ымыяхтахского облика (Там же. С. 19–20).

Планомерное и целенаправленное исследование археологических памятников Анабара связано с деятельностью Приленской археологической экспедиции ЯИЯЛИ СО РАН СССР, перед которой была поставлена задача сплошного археологического изучения Якутии. Для выяснения путей и времени распространения приленских культур в Северной Якутии в 1967 г. был образован Северный отряд ПАЭ под руководством И. В. Константинова (Аргунов, 1990. С. 36). В 1974 г. И. В. Константинов провел археологическую разведку в бассейне Анабара от пос. Делингдэ на Малой Куонамке до Саскылаха. На данном участке было открыто 20 стоянок: Делингдэ I–IV на р. Малая Куонамка, Тас-Арбабыткан I–II, Чуостах-Юрэгэ, Ыаргалах, 366 км, Эбэлээх I–II, Сэмэлдьин, Биллях, Учах-Ытырбат I–II, Ямалаах, Эбэ-Хая I–III, Гаврюха, Доруоха. При продолжении работ в 1976 г. была доисследована стоянка Доруоха, проводились раскопки стоянки Якутский Тюбелях, а также обнаружены новые стоянки Средняя и Русский дом (Константинов, 1980. С. 35).

Наиболее интересной И. В. Константинову представляется стоянка Эбэлэх I, расположенная на правом берегу 361 км от устья Анабара, в 1,5–2 км ниже устья р. Эбэлэх, между двумя безымянными распадками. По развитой пластинчатой технике и другим признакам И. В. Константинов отнёс стоянку к сыалахской или белькачинской культурам (Там же. С. 36). С. А. Федосеева на основании наличия бифасиального ножа пишет о присутствии здесь следов ымыяхтахской культуры (Федосеева, 1980. С. 124).

Стоянка Сэмэлдьин находится на правом берегу Анабара и левой стороне небольшого распадка в 1,5–2 км ниже речки Сэмэлдьин, впадающей в Анабар в 357 км от устья. Материалы сборов свидетельствуют о присутствии сыалахской и ымыяхтахской культур.

Стоянки Эбэ-Хая I, II расположены на правом берегу р. Анабар в 265 км от устья, в 1 км выше горы Эбэ-Хая, стоянка Эбэ-Хая III – на левом берегу р. Анабар, напротив горы Эбэ-Хая. Автор относит их к ымыяхтахской культуре (Константинов, 1980).

Стоянка Ямалах открыта И. В. Константиновым в 1974 г. в 1–1,5 км выше речки Ямалах, на

левом берегу Анабара, в 285 км от устья. Здесь найдено 65 отщепов и пластин из белого кремня. Датировки нет.

Стоянка Гаврюха открыта И. В. Константиновым в ходе разведки 1974 г. Расположена в 1 км ниже пос. Саскылах, на правом берегу р. Анабар, на 205 км от его устья. Найденные 4 отщепа из темно-серого кремнистого сланца автор датировал неолитом (Константинов, 1980. С. 38).

В 1976 г. работы отряда ПАЭ в бассейне Анабара были продолжены. Проведено повторное исследование открытой в 1974 г. стоянки Доруоха, расположенной на правом приустьевом мысу р. Доруоха, левого притока р. Анабар, на 180 км от его устья. Здесь найдено 96 каменных изделий и 1 фрагмент шнуровой керамики. По фрагменту керамики памятник датирован III тыс. до н. э. – белькачинской неолитической культурой (Аргунов, 1990. С. 149).

Стоянка Средняя открыта И. В. Константиновым, расположена в 4 км выше устья р. Средняя правого притока Анабара в 123 км от его устья. Каменные предметы обнаружены на правом берегу р. Средняя между двумя безымянными распадками на останце 35-метровой террасы, найдено 77 отщепов, 18 ножевидных пластин из серого и белого камня. Датировки нет (Там же. С. 155).

Крупным открытием 1976 г. стала находка стоянки Русский Дом, которая находится на левом берегу Анабара в 2 км ниже речки Нууча Дьиэлэх. Она приурочена к 25-метровой надпойменной террасе, возвышающейся над низкой поймой. В сборах представлены 80 каменных предметов. Материалов стоянки недостаточно для точного определения их культурной принадлежности, возможно, они относятся к сыалахской ранненеолитической культуре. По мнению В. Г. Аргунова (Там же. С. 153), использование микропластин в качестве вкладыша, указывает на наличие компонента сумнагинской культуры.

Анализ материалов, полученных в результате исследований бассейна Анабара, позволяет считать, что данная территория входит в ареал приленских археологических культур. Наиболее хорошо представлены остатки сумнагинской палеолитической культуры (стоянка Якутский Тюбелях). Находка сетчатой керамики на стоянке Сэмэлдьин свидетельствует о существовании сыалахской ранненеолитической культуры. Остатки ымыяхтахской культуры позднего неолита обнаружены на стоянках Тас-Арбабыткан I, Эбэлээх I, Эбэ-Хая II (Константинов, 1980. С. 40).

Из памятников более позднего времени на территории Анабарского района известно арангасное погребение, обнаруженное экспедицией И. С. Гурвича в 1940-х годах XX в. возле поселка Халганнах Саскылахского наслега. На основании обнаруженных счетных жетонов автор датировал находки концом XVIII – началом XIX в. (Гурвич, 1977. С. 144). Арангас представлял собой ящик-гроб, помещенный в деревянную раму, укрепленную на четырех врытых в землю столбах, стойки рамы украшали деревянные изображения птиц (Бравина, Попов, 2008. С. 280).

Уникальной для Якутии находкой является русская кольчуга, найденная школьниками А. Николаевым и М. Поповым в 1965 г. в местности Халанча в устье р. Солима. Доспех изготовлен из клепаных колец, плоских в сечении, длина доспеха, вероятно, покрывала владельца до колена. Способ изготовления и длина кольчуги наводят на мысль об ее позднем изготовлении, так делались кольчуги, начиная с XV в., учитывая исторические реалии возраст изделия можно определить концом XVI – первой половиной XVII в. (Строгова, 2008. С. 282).

Уточнение ранее выявленных и описанных археологических объектов Анабарского района позволило установить их в количестве 28 памятников, из них 27 стоянок и 1 древнее захоронение (рис. 1). Анализ памятников Анабарского района позволяет считать, что эта территория входила в ареал приленских культур, но обладает и некоторым своеобразием. В. Г. Аргунов указывает на сохранение пластинчатых технологий наряду с развитием техники отщепов, такой «консерватизм» он объясняет периферийным расположением края, его отдаленностью от центров развития культур (Аргунов, 1990. С. 203).

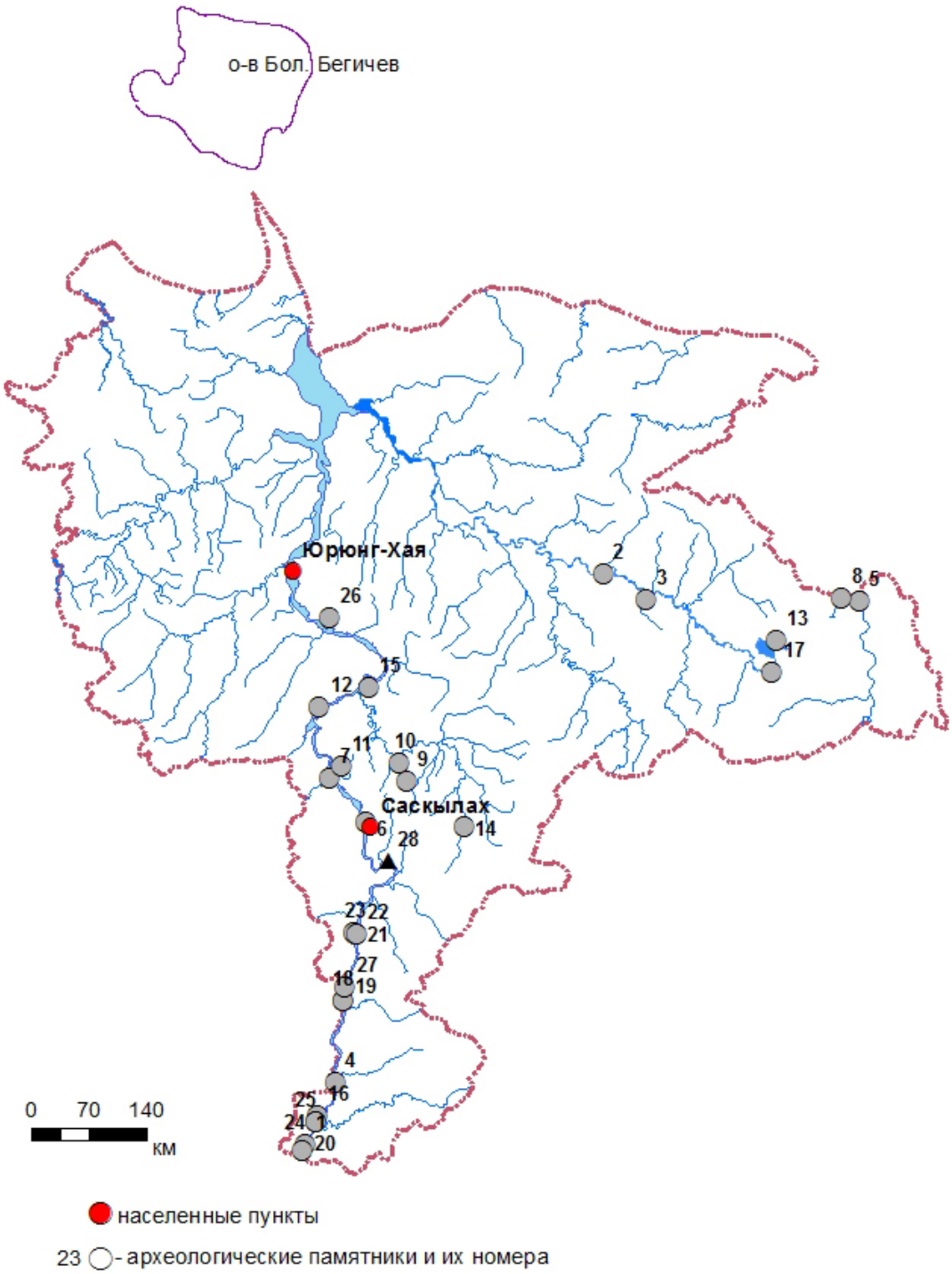


Рис. 1. Археологические памятники Анабарского района и их номера (составлено авторами в ArcGIS Online Масштаб 1:10 000 000): *1 – 366-й км; 2 – Байаан; 3 – Берелях-Айаан; 4 – Биллях; 5 – Буолкалаах; 6 – Гаврюха; 7 – Доруоха; 8 – Кумах-Ангара; 9 – Логу-Салаата; 10 – Мукул-Салаата; 11 – Ойун-Юряге; 12 – Русский Дом; 13 – Саппыя; 14 – Сойыгол; 15 – Средняя; 16 – Сэмэлдьин; 17 – Улахан-Кюель-Сээнэ; 18 – Учах-Ытырбат I; 19 – Учах-Ытырбат II; 20 – Ыаргалаах; 21 – Эбэ-Хая I; 22 – Эбэ-Хая II; 23 – Эбэ-Хая III; 24 – Эбэлээх I; 25 – Эбэлээх II; 26 – Якутский Тебюлях; 27 – Ямалах; 28 – Арангас*

Fig. 1. Archaeological sites of the Anabar district and their numbers (created by the authors in ArcGIS Online. Scale 1:10,000,000): *1 - 366-j km; 2 - Bajaan; 3 - Berelyah-Ajaan; 4 - Billyah; 5 - Buolkalaah; 6 - Gavryuha; 7 - Doruoha; 8 - Kumah-Angara; 9 - Logu-Salaata; 10 - Mukul-Salaata; 11 - Ojun-YUryage; 12 - Russkij Dom; 13 - Sappyya; 14 - Sojygol; 15 - Srednyaya; 16 - Semeld'in; 17 - Ulahan-Kyuel'-Seene; 18 - Uchah-Ytyrbat I; 19 - Uchah-Ytyrbat II; 20 - Yargalaah; 21 - Ebe-Haya I; 22 - Ebe-Haya II; 23 - Ebe-Haya III; 24 - Ebeleekh I; 25 - Ebeleekh II; 26 - YAkutskij Tebyulyah; 27 - YAmalah; 28 - Arangas*

Материалы и методы

Материалом для разработки базы данных археологических памятников Анабарского улуса послужили информация об объектах в государственном реестре, литературные источники и экспедиционные отчёты.

Географическая привязка археологических объектов, наполнение базы данных и картографирование были осуществлены в локальной ГИС на многофункциональной платформе ArcGIS 10.4 и ArcGIS Online от ESRI. Создание и наполнение ГИС проводено в географической системе координат WGS-1984. Объекты археологического наследия должны быть привязаны к топооснове и спутниковым снимкам. Для привязки к топографическим картам нужно знать их номенклатуру и разграфку. На Геопортале Республики Саха (Якутия) предоставлена разграфка и номенклатура топографических листов масштаба от 1:25000 до 1:1000000 на всю территорию республики. Карты масштаба 1:25 000–1:200 000 позволяют проведение археологической рекогносцировки, включающей в себя уточнение координат памятников, изображенных на карте, и нанесение новооткрытых объектов. Для географической привязки мы использовали 70 тополистов масштаба 1:100000 и 23 тополиста масштаба 1:200000, покрывающих всю территории Анабарского улуса. Привязка в ArcGIS Online от ESRI позволяет использовать в качестве подложки базовые карты, предоставляемые картографическими веб-сервисами от Bing, ESRI, Google, Yandex и им подобным. В нашем случае привязка археологических памятников осуществлена с использованием картографической основы Республики Саха (Якутия) вышеупомянутого Геопортала – SakhaGIS, где дается карта местности более крупного масштаба[7]. Информацию о кадастровой принадлежности земельных участков, на которых расположены памятники, предоставляет картографический веб-сервис Росреестра – Публичная кадастровая карта, данные которой доступны для подгрузки в режиме онлайн в ArcGIS через удалённый wms-сервер, что позволяет легко получать информацию при работе с пространственными данными непосредственно в окне ГИС-приложения.

Структура и содержание базы данных

Организация и разработка базы данных археологических памятников Анабарского улуса проведена с учетом создания будущей единой базы данных археологических объектов, расположенных на территории Республики Саха (Якутия).

База данных ГИС состоит из 14 слоёв, представленных в таблице и включающих следующую информацию об объектах археологического наследия. Первые три слоя «Название района (улуса)», «Название муниципального образования (МО), наслега» и «Название территории КМНС» дают общее представление об административно-территориальной принадлежности памятника. Информация для наполнения слоёв «Название», «Местонахождение», «Вид памятника», «Период», «ФИО исследователя», «Год открытия, экспедиции (описания)», «Находки» – информация извлекается из опубликованных и неопубликованных источников, выходные данные которых представлены в слое «Источники и публикации».

Информацию для слоев: «Название территории КМНС», «Правоустанавливающий документ», «Категория памятника (статус)», «Кадастровая принадлежность земельных участков» можно получить из официальных источников: Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации; Реестра объектов историко-культурного наследия субъектов РФ; Реестра территорий традиционного природопользования местного значения Республики Саха (Якутия); нормативно-правовых актов региональных органов государственной власти и т. п.

Результаты и обсуждение

На основе созданной базы данных археологических памятников Анабарского улуса (района) были приняты две классификации. Первая классификация была проведена на основе общих сведений об археологических памятниках

[7] Геопортал Республики Саха (Якутия). URL: https://sakhagis.ru/ (дата обращения 20.08.2021).

Таблица. **Структура тематических слоев для ГИС «Археологические памятники Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса (района)» (составлена авторами, 2021 г.)**
Table. **The structure of thematic layers for the GIS "Archaeological sites of the Anabar national (Dolgan-Evenki) ulus (district)" (compiled by the authors, 2021)**

№ слоя	Наименование слоя	Информация в таблицах атрибутов	Пример
1	Название района (улуса)	Указывается названия района	Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)
2	Название муниципального образования (МО), наслега	Указывается название МО (наслега)	Саскылахский национальный эвенкийский наслег
3	Название территории КМНС	Указывается название территории традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Необходима при проведении этнологических экспертиз	Территория традиционного природопользования (ТТП) местного значения «Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)». Решение о создании ТТП от 19.03.2015 № 44. Учетный номер зоны – 14.05.2.1
4	Название	Название объекта	Сэмэлдьин
5	Местоположение	Описание местоположения	Находится на правом берегу Анабара и левой стороне небольшого распадка, в 1,5–2 км ниже речки Сэмэлдьин, впадающей в Анабар на 357 км от устья.
6	Вид памятника	Указывается вид памятника	Стоянка
7	Правоустанавливающий документ	Номер и дата правовых документов	Постановление Совета Министров ЯАССР от 31.12.1976 г. № 484. Приказ ДепОКН от 08.10.2019 № 164-ОД.
8	Кадастровая принадлежность земельных участков	Описание и номер кадастровой принадлежности земельных участков	Прочие зоны с особыми условиями использования территории – Территория традиционного природопользования местного значения «Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)». ЗОУИТ14:05-6.2
9	Категория памятника (статус)	Характеристика категории памятника и его номер в ЕГРН	Федеральный. Номер ЕГРН 141740781440006. Учетный номер 14-113716.
10	Период	Хронологическая информация	Неолит
11	ФИО исследователя	Указание ФИО исследователя или название экспедиции, отряда	Северо-западный отряд ПАЭ
12	Год открытия, экспедиции (описания)	Указываются годы исследований	1974
13	Находки	Описание и характеристика находок	Обнаружены: кремневые отщепы – 161 экз.; ножевидные пластины – 15, первичные заготовки призматических нуклеусов – 2, 1 ассиметрично-треугольный концевой скребок на кремневом отщепе, 1 обломок двусторонне ретушированного треугольного ножа, 2 сломанных наконечника стрел на пластинах, 1 фрагмент сетчатой керамики, орнаментированной одним рядом двузубчатых отпечатков. Материалы сборов свидетельствуют о присутствии на стоянке остатков сыалахской (сетчатая керамика) и ымыяхтахской (скребок и обломок ножа) культур. Наконечники стрел на пластинах могут относиться как к сыалахской, так и к ымыяхтахской культурам
14	Источники и публикации	Указываются выходные данные источников и публикаций	Константинов И. В. Археологические памятники Анабара // Новое в археологии Якутии: (труды Приленской археологической экспедиции). Якутск : Якутский филиал СО АН СССР, 1980. С. 35–40.

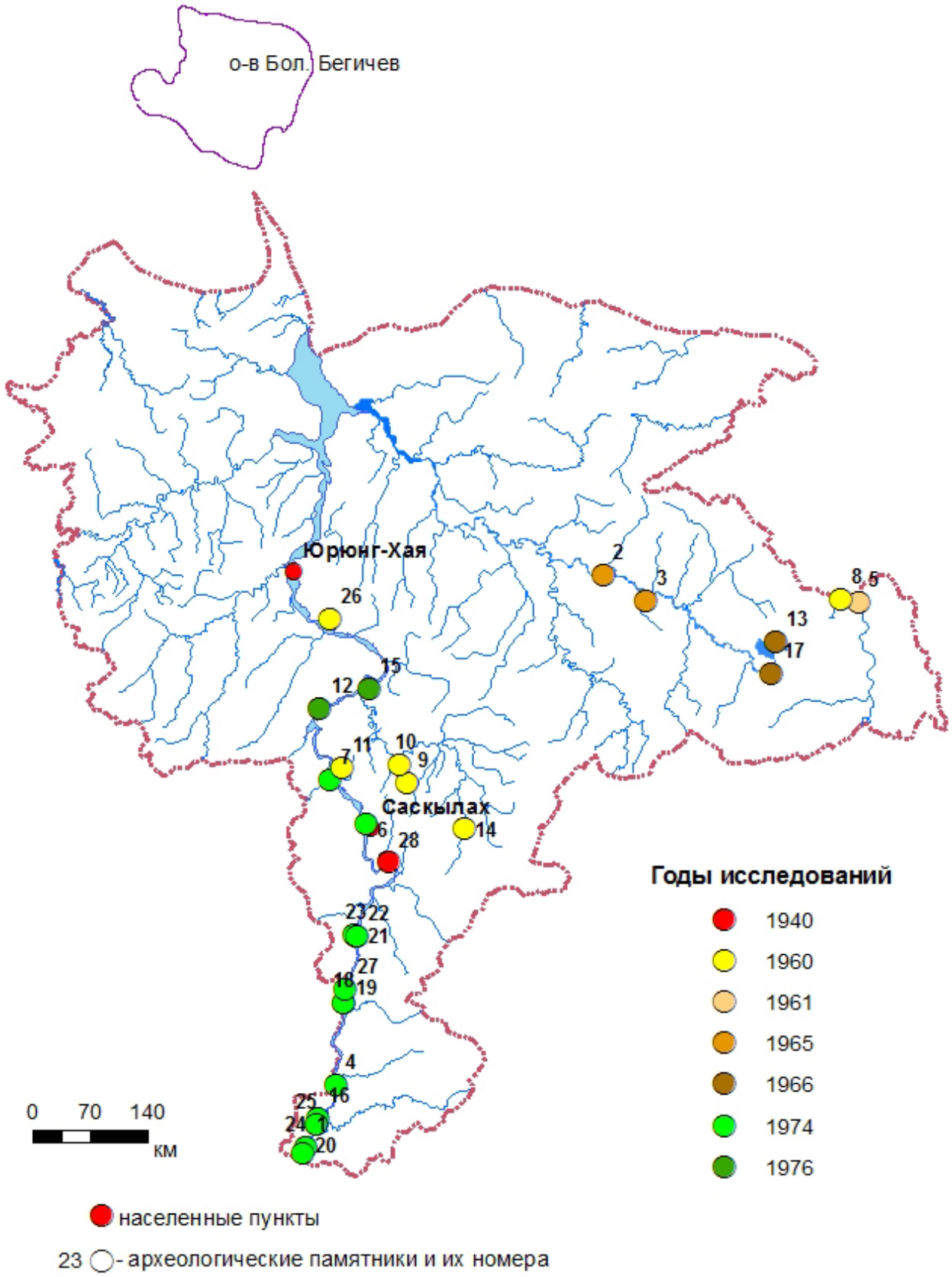


Рис. 2. Годы исследований археологических памятников Анабарского улуса (района)
Fig. 2. Years of studies of archaeological sites in Anabar ulus (district)

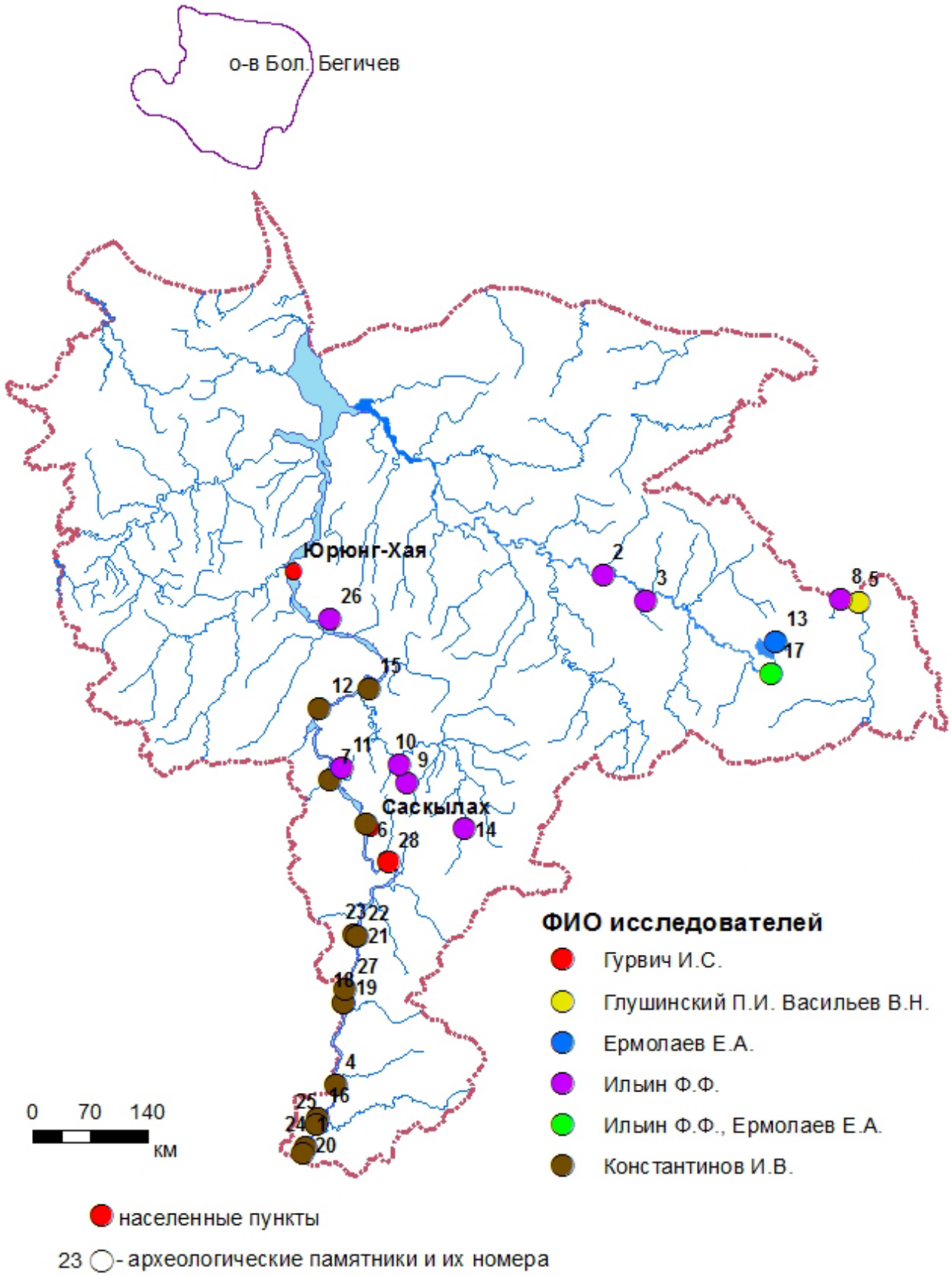


Рис. 3. Распределение археологических памятников по исследователям
Fig. 3. Distribution of archaeological sites by researchers

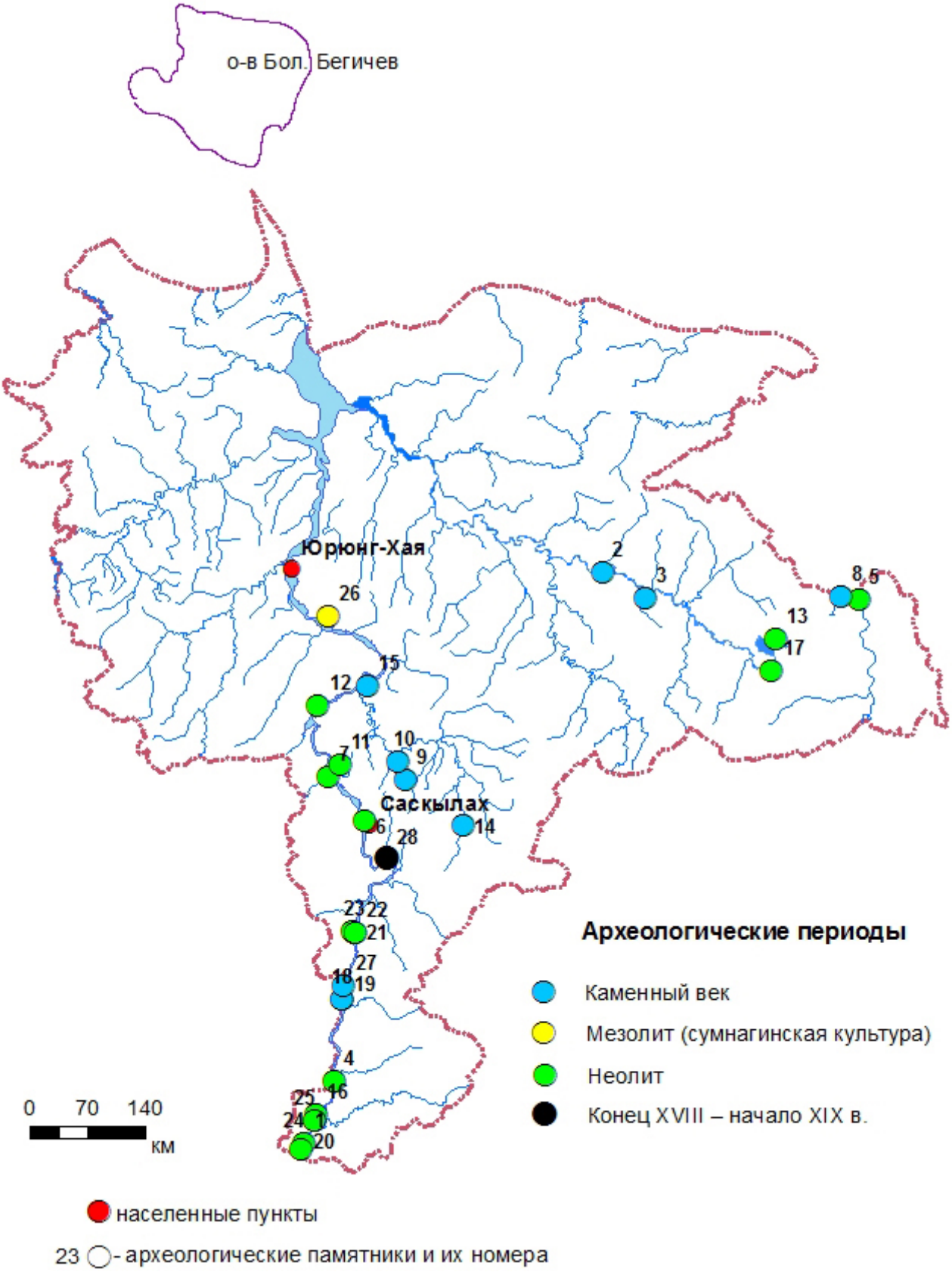


Рис. 4. Карта распределения памятников по археологическим периодам
Fig. 4. Map of distribution of archaeological sites by archaeological periods

данного района. В результате были составлены карты по наличию правоустанавливающих документов, по категориям (статусу), по году исследования, по ФИО исследователей.

Так, на карте распределения памятников археологического наследия по годам исследования видно, что они были начаты в 1940 г. и закончились в 1976 г. При этом наблюдаются различия в географии исследований – бассейн р. Уэле был изучен в 1960-е гг., а работы по изучению бассейна р. Анабар проводились в 1970-е гг. (рис. 2).

Следующая карта связана с предыдущей и показывает, кто проводил археологические работы в бассейне р. Уэле и р. Анабар. На территории Анабарского улуса работали шесть исследователей, из которых наибольшее количество памятников было открыто И. В. Константиновым – единственным из всех профессиональным археологом (рис. 3).

Вторая классификация была проведена на основе данных самих памятников, что позволило составить карты по археологическим периодам, по виду памятника, по количеству находок, по преобладающему виду находок. Так, наибольшее количество находок было обнаружено на стоянке «Якутский Тебюлях» Ф. Ф. Ильиным в количестве 378 единиц, наименьшее в виде 1 ножевидной пластины из кремнистого сланца было обнаружено И. В. Константиновым на стоянке Эбэлээх II. Карта распределения памятников по археологическим периодам показывает преобладание стоянок неолитического периода (рис. 4).

История археологических исследований на территории Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса (района) показывает, что на сегодняшний день здесь было открыто 28 памятников археологии (27 стоянок и 1 погребение), что даёт большие перспективы для полновесного научного археологического изучения всего района и северо-запада республики, в целом. Полученные данные могут быть использованы для подготовки научных отчетов археологическими экспедициями, работающими в этом регионе, а также Департаментом по охране культурного наследия Республики Саха (Якутия) для обновления списка выявленных объектов археологического наследия.

Заключение

Одним из важных направлений современных исторических исследований является составление археологических карт обширных географических регионов на основе полного учёта имеющихся данных об археологических памятниках. В Республике Саха (Якутия) – в одном из крупных регионов России – одной из актуальных форм систематизации данных об объектах археологического наследия являются археологические карты. Установлено, что на сегодня карты археологических памятников составлены для 25 районов Якутии с применением различных программ. Данные карты в основном показывают только местоположения объектов археологического наследия. В статье на примере разработанной карты Анабарского района реализован подход к пространственному анализу археологических памятников, содержащих информацию о данных памятниках в виде 14 тематических слоев. Разработанная структура и содержание базы данных ГИС Анабарского района может быть применена при создании единой базы геоданных археологических памятников Республики Саха (Якутия).

Список источников

Аргунов В. Г. Каменный век Северо-западной Якутии. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 213 с.

Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С. Древности Кисловодской котловины. М. : Научный мир, 2004. 240 с.

Афанасьев Г. Е., Коробов Д. С. Использование ГИС в изучении системы расселения аш-тигоров и выделении зон биопродуктивности в VII–XII вв. на Северном Кавказе // Археология и геоинформатика. 2007. Вып. 4. Электронный оптический диск (CD-ROM). URL: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-

References

Argunov V. G. (1990) The Stone Age of North-Western Yakutia. Novosibirsk: Nauka. 213 p. (In Russ.).

Afanas'ev G. E., Savenko S. N., Korobov D. S. (2004) Antiquities of the Kislovodsk hollow. Moscow: Scientific world. 240 p. (In Russ.).

Afanas'ev G. E., Korobov D. S. (2007) The use of GIS in the study of the Ash-tigor settlement system and the division of bioproductivity zones in the VII-XII centuries (the North Caucasus). *Arkheologiya i geoinformatika = Archeology and Geoinformatics*. Iss. 4. Electronic optical disk (CD-ROM). (In Russ.). Available from:

4/Afanas%27ev/page1.html (дата обращения 03.09.2021).

Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 296 с.

Бравина Р. И., Соловьева Е. Н. Карта археологических памятников Намского улуса Якутии: история изучения и новые материалы **//** Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 4 (33). С. 8–20. http://doi.org/10.25693/SVGV.2020.33.4.001.

Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленеводов (к вопросу о поздних этапах формирования якутского народа). М. : Наука, 1977. 247 с.

Дьяконов В. М. Проблемы создания цифровой базы данных объектов археологического наследия долины Туймаада // Историко-культурное наследие народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: проблемы репрезентации в формате современных цифровых технологий [Электронный ресурс]: материалы Всеросс. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Историко-культурное наследие народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: проблемы репрезентации в формате современных цифровых технологий»: (г. Якутск, 30 мая – 1 июня 2019 г.) / ред. колл.: канд. ист. наук Н. А. Стручкова, д-р ист. наук Е. Н. Романова, канд. ист. наук Ю. Н. Ермолаева; ответ. ред. д-р ист. наук А. И. Гоголев. Электрон. дан. (1 файл: 9,35 Мб). Якутск : Электрон. изд-во НБ РС(Я), 2019. С. 24–28.

Константинов И. В. Археологические памятники Анабара // Новое в археологии Якутии (Труды ПАЭ). Якутск : ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 35–40.

Коробов Д. С. Применение методов пространственного анализа при изучении системы расселения алан Кисловодской котловины // Археология и геоинформатика. 2008. Вып. № 5. Электронный оптический диск (CD-ROM). – Загл. с экрана. URL: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-5/Korobov_1/page1.html (дата обращения 03.09.2021).

Крупочкин Е. П., Боенко К. А. Археологическое картографирование в России: состояние и пути развития // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 3–2 (67). С. 110–119.

Степанов А. Д., Воробьев С. А. Карта археологических памятников Усть-Янского района Республики Саха (Якутия) // Известия Лаборатории древних технологий.

https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-4/Afanas%27ev/page1.html. (Accessed September 3, 2021).

Bravina R. I., Popov V. V. (2008) Funeral and memorial rites of the Yakuts: sites and traditions (XV-XIX centuries). Novosibirsk: Nauka. 296 p. (In Russ.).

Bravina R. I., Solov'eva E. N. (2020) The map of archaeological sites of Namsky ulus in Yakutia: history and new materials. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik = North-Eastern Humanitarian Bulletin.* No. 4 (33). P. 8-20. (In Russ.). http://doi.org/10.25693/SVGV.2020.33.4.001.

Gurvich I. S. (1977) Culture of the Northern Yakut's reindeer herders (on the question of the late stages of the formation of the Yakut people). Moscow: Nauka. 247 p. (In Russ.).

D'yakonov V. M. (2019) Problems of creating a digital database of archaeological heritage of the Tuimaada valley. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii: problemy reprezentatsii v formate sovremennykh tsifrovykh tekhnologii* [Elektronnyi resurs]*: mat-ly Vseross. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf. «Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii: problemy reprezentatsii v formate sovremennykh tsifrovykh tekhnologii»: (g. Yakutsk, 30 maya - 1 iyunya 2019 g.) = Historical and cultural heritage of the peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: problems of representation in the format of modern digital technologies* [Electronic resource]. *Proceedings of the All-Russian (with international participation) scientific-practical conference "Historical and cultural heritage of the peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: problems of representation in the format of modern digital technologies" (Yakutsk, May 30 - June 1, 2019).* Yakutsk: Publishing House of the National Library of Sakha Republic (Yakutia). P. 24-28. (In Russ.).

Konstantinov I. V. (1980) Archaeological sites of the Anabar River basin. *Novoe v arkheologii Yakutii = New in the archeology of Yakutia.* Yakutsk: YaF SO AN SSSR. P. 35-40. (In Russ.).

Korobov D. S. (2008) Application of spatial analysis methods in the study of the settlement system of the Alans on Kislovodsk hollow. *Arkheologiya i geoinformatika = Archeology and Geoinformatics.* Iss. No. 5. Electronic optical disk (CD-ROM). (In Russ.). Available from: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-5/Korobov_1/page1.html. [Accessed September 3, 2021)

Krupochkin E. P., Boenko K. A. (2010) Archeological Mapping in Russia: State and Ways to Develop. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*. No. 3-2 (67). P. 110-119. (In Russ.).

Stepanov A. D., Vorob'ev S. A. (2021) Map of the archaeological sites of the Ust-Yansky District of the Republic of Sakha (Yakutia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh*

2021. Т. 17. № 1. С. 110–124. https://doi.org/10.21285/-2415-8739-2021-1-110-124.

Строгова Е. А. Уникальная находка на севере Якутии // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : «Апельсин», 2008. С. 281–282.

Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. 224 с.

Филиппова В. В. Историко-культурное наследие коренных малочисленных народов Севера Якутии: картографическое сопровождение этнологической экспертизы // ИнтерКарто/ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий : Материалы Междунар. конф. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2018. Т. 24. Ч. 1. С. 568–574. DOI: http://doi.org/10.24057/2414-9179-2018-1-24-568-574.

Филиппова В. В. Картографирование объектов историко-культурного наследия в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Науки о Земле. 2020. № 1 (17). С. 21–26. DOI: 10.25587/SVFU.2020.17.61130.

Хлобыстин Л. П. Новые памятники бассейна рек Анабара и Оленека // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск : Наука, 1970. Вып. 3. С. 174–179.

Хлобыстин Л. П. О древнем заселении Арктики // Краткие сообщения Института археологии. 1973. Вып. 136. С. 11–17.

Хлобыстин Л. П. Памятник Сибирского Заполярья и их соотношение с культурами таежной зоны // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий : сб. науч. тр. Новосибирск, 1975. С. 100–110.

Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии / под ред. В. В. Питулько, В. Я. Шумкина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. 342 с.

Ягловский А. С. Археологические памятники Нижнеколымского района // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 1 (34). С. 17–28. DOI:10.25693/SVGV.2021.34.1.002.

Информация об авторах

В. В. Филиппова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований,
Институт гуманитарных исследований и проблем мало-

tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 17. No. 1. P. 110-124. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-110-124.

Strogova E. A. (2008) An unique find in the North of Yakutia. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh = Culture of Russians in archaeological research*. Omsk: “Apel’sin”. P. 281-282. (In Russ.).

Fedoseeva S. A. (1980) Ymyakhtakh culture of Northeast Asia. Novosibirsk: Nauka. 224 p. (In Russ.).

Filippova V. V. (2018) Historical and cultural heritage of the Indigenous peoples of the North in Yakutia: cartographic support of ethnological expertise. *InterKarto/InterGIS. Geoinformatsionnoe obespechenie ustoichivogo razvitiya territorii: Materialy Mezhdunar. konf. = InterCarto/InterGIS. Geoinformation support of sustainable development of territories. Materials of the International Conference* Vol. 24. Pt. 1. Petrozavodsk. P. 568-574. (In Russ.). DOI: http://doi.org/10.24057/2414-9179-2018-1-24-568-574.

Filippova V. V. (2020) Mapping of the sites of historical and cultural heritage in places of traditional residence of Indigenous peoples of the North of Yakutia. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Ser. Nauki o Zemle = Vestnik of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. Ser. Earth Sciences.* No. 1. P. 21-26. (In Russ.). DOI: 10.25587/SVFU.2020.17.61130.

Khlobystin L. P. (1970) New sites of the Anabar and the Olenek Rivers basins. *Sibir' i ee sosedi v drevnosti = Siberia and its neighbors in antiquity.* Novosibirsk: Nauka. Iss. 3. P. 174-179. (In Russ.).

Khlobystin L. P. (1973) About the ancient settlement of the Arctic. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii = Brief Reports of the Institute of Archaeology.* Iss. 136. P. 11-17. (In Russ.).

Khlobystin L. P. (1975) Archaeological sites of the Siberian Arctic and their relationship with the cultures of the taiga zone. *Sootnoshenie drevnikh kul'tur Sibiri s kul'turami sopredel'nykh territorii: Sb. nauch. tr. = Compare of ancient cultures of Siberia with the cultures of neighbouring territories. Collection of scientific works*. Novosibirsk. P. 100-110. (In Russ.).

Khlobystin L. P. (1998) The ancient history of the Taimyr Arctic and the formation of cultures of the North of Eurasia. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 342 p. (In Russ.).

Yaglovskii A. S. (2021) Archaeological sites of the Nizhnekolymsky Region. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik = North-Eastern Humanitarian Bulletin.* No. 1 (34). P. 17-28. (In Russ.). DOI:10.25693/SVGV.2021.34.1.002.

Information about the authors

V. V. Filippova – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the History and Arctic Studies Department,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of

численных народов Севера Сибирского отделения РАН,
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, Россия.
В. М. Дьяконов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Якутской комплексной лаборатории археологии Крайнего Севера,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17, Россия.

Sciences,
1, Petrovskii St., Yakutsk 677000, Russia.
V. M. Dyakonov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Yakutsk Complex Laboratory of Archaeology of the Far North,
Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences,
17, Acad. Lavrentiev Avenue, Novosibirsk 630090, Russia.

Вклад авторов

Филиппова В. В. осуществила тематическое картографирование, Дьяконов В. М. выполнил историко-культурную оценку района исследования, все авторы внесли эквивалентный вклад в написание статьи.

Contribution of the authors

Filippova V. V. created thematic mapping, Diakonov V. M. wrote a historical and cultural assessment of the research area. The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2021 г.; одобрена после рецензирования 11 октября 2021 г.; принята к публикации 25 октября 2021 г.

Article info

The article was submitted September 6, 2021; approved after reviewing October 11, 2021; accepted for publication October 25, 2021.

Научная статья
УДК 39,502.4
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-78-91

Эвенки и Баргузинский заповедник: история взаимоотношений в контексте современных тенденций развития ООПТ

Анна Анатольевна Сирина

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия,
annas@iea.ras.ru, https://orcid.org/0000-0002-9268-9807

Аннотация. Создание Баргузинского соболиного заповедника в 1916 году связано с переселением тунгусов (эвенков) шемагирского рода. Этот факт включает Баргузинский заповедник в общемировую историю создания охраняемых природных территорий на землях переселенных народов. На основе архивных и литературных материалов изучены особенности переселенной группы и контексты двойного переселения, связанные с созданием Баргузинского заповедника и с государственной политикой укрупнения населенных пунктов. В статье дана характеристика тунгусов шемагирского рода северо-восточного Прибайкалья на фоне патерналистско-либеральной социально-экономической политики XIX – начала XX в. Экспедиция Г. Г. Доппельмайера 1914–1915 гг. предваряла организацию Баргузинского соболиного заповедника. В статье рассматривается социально-экономический аспект результатов её работы, отмечается прогрессивный для своего времени подход к организации заповедника. Вторичное переселение эвенков произошло в 1956 г. в рамках государственной политики укрупнения населенных пунктов, однако этот народ не утратил памяти и духовной связи с землей. Сотрудник заповедника С. К. Устинов одним из первых стал использовать традиционные экологические знания эвенков в своей научной работе. С 1980–1990-х гг. в России принята общемировая модель национальных парков с разными режимами природопользования. Баргузинский заповедник входит в ФГБУ «Заповедное Подлеморье» (2012). Туристам доступно ограниченное посещение его территории и значительной части национального парка. Сегодня малонарушенная человеком природа становится в России коммерческим ресурсом, поэтому проблема соблюдения прав коренного и местного населения на охраняемых природных территориях и использование их традиционных экологических знаний приобретает новое звучание.

Ключевые слова: охрана природы, особо охраняемые природные территории, Баргузинский заповедник, тунгусы, эвенки, традиционные экологические знания, экспедиция Г. Г. Доппельмайера, двойное переселение, С. К. Устинов, коммодификация природы

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 18-18-00309) по договору ГПХ в МАЭ РАН (0,5 статьи) и Госзаданию в ИЭА РАН (0,5 статьи).

Для цитирования: Сирина А. А. Эвенки и Баргузинский заповедник: история взаимоотношений в контексте современных тенденций развития ООПТ // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 78–91. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-78-91.

Original article

Evenki and Barguzin natural reserve: history of relations in the context of modern trends in the development of Specially Protected Natural Areas

Anna A. Sirina

Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
annas@iea.ras.ru, https://orcid.org/0000-0002-9268-9807

© Сирина А. А., 2021

Abstract. The creation of the Barguzinsky sable reserve in 1916 caused the resettlement of the Tungus (Evenks) of the Shemagir clan. This fact includes the Barguzinsky Reserve in the global history of the creation of protected natural areas in the late 19th - early 20th centuries on the lands of resettled peoples. The author set herself the goal of studying the context of this resettlement on the basis of archival and literary materials in order to highlight the peculiarities of the historical relationship of the Evenks with the Barguzinsky Reserve and draw some parallels with today's times. The article describes the characteristics of the Tungus of the Shemagir genus of the Northeastern Baikal region. Their area of residence was exceptionally rich in renewable and non-renewable natural resources. In relation to the Tungus, the state pursued a paternalistic policy, while simultaneously creating conditions for the development of market relations. The article draws attention to the socio-economic aspect of the results of the expedition of G. Doppelmeier in 1914–1915, which developed practical recommendations on the organization of the Barguzinsky sable reserve. In fact, it was supposed to allocate several special territories: the reserve itself, the hunting area and the Tunguska territory, which meant a progressive vision of the reserve management for its time. Further, the article examines some aspects of the relationship of the Severobaikalye Evenks with the reserve and the authorities at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries. The secondary resettlement of the Evenks took place in 1956 within the framework of the state policy of consolidation of settlements, but the Evenks did not lose their memory and spiritual connection with the land. The secondary resettlement of the Evenks took place in 1956 within the framework of the state policy of consolidation of settlements, but the Evenks did not lose their memory and spiritual connection with the land. Since the 1980s and 1990s, Russia has adopted a global model of national parks with different environmental management regimes, while maintaining the models of the Soviet era. The Barguzinsky Reserve, together with the Zabaikalsky National Park (1986) and the state Frolikhinsky Reserve, is managed by the Federal State Budgetary Institution "Zapovednoe Podlemorye". Tourists have access to a limited visit to the reserve and a significant part of the national park. Thus, today nature itself is becoming a commercial resource in Russia, and the old problem of the relationship of the indigenous and local population with protected natural areas is acquiring a new meaning.

Keywords: Protection of Nature, specially protected natural areas, Barguzinsky reserve, Tungus, Evenki, traditional ecological knowledge, expedition of Doppelmaier, double resettlement, S. K. Ustinov, commodification of nature

Acknowledgements: the study was supported by the Russian Science Foundation (project № 18-18-00309) under the agreement of the GPH in the MAE RAS (0,5 articles) and the State Assignment to the IEA RAS (0,5 articles).

For citation: Sirina A. A. (2021) Evenki and Barguzin natural reserve: history of relations in the context of modern trends in the development of Specially Protected Natural Areas. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 78-91. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-78-91.

Введение

Сегодня в России к особо охраняемым природным территориям (далее – ООПТ) относятся государственные природные заповедники, в т. ч. биосферные, национальные, природные парки, государственные заказники, памятники природы, дендрологические парки и ботанические сады[1].

Первый заповедник в России – Баргузинский – был создан в 1916 году для воспроизводства популяции почти исчезнувшего в результате перепромысла баргузинского соболя. В СССР в условиях государственной собственности на землю основной формой охраны природы были заповедники. Первые национальные парки в СССР организованы в конце советского периода. Их создание активизировалось с переходом российского государства на капиталистическую модель развития и интеграцией в мировую экономику. Создание национальных парков началось в США в конце XIX в., имея в виду цели охраны природы и развития коммерческого туризма (Poirier, Ostergern, 2002). Особенно этот процесс ускорился в новейшее время, что связано с быстро развивающимися и востребованными в мире отраслями экономики – туризмом, экотуризмом и этнотуризмом. ООПТ в России становятся более открытыми для посещения с образовательно-познавательными и рекреационными целями. Вместе с тем из-за возросшей антропогенной нагрузки возникает угроза для состояния охраняемой природы и социумов, живущих в границах или по соседству с ООПТ, весьма нередки конфликтные ситуации (Мядзелец, Лужкова, 2013; Чижова, 2016; Осипов, 2019).

[1] Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» был принят в 1995 г. (в дальнейшем в него неоднократно вносились изменения и дополнения). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072 / (дата обращения 07.09.2021).

Сам процесс создания ООПТ неоднозначен. И для американской, и для российской моделей природоохранной политики конца XIX – начала XX в. было характерно переселение, в т. ч. насильственное, коренных жителей с охраняемых территорий (Poirier, Ostergern, 2002). Несмотря на то, что в мире идет процесс признания роли коренных народов и местного населения, их традиционного образа жизни в охране природы[2], их законодательных прав, насильственное переселение при создании национальных парков практикуется до сих пор. Интересы местных жителей по-прежнему недостаточно учитываются в федеральных программах по развитию ООПТ в России, при этом «близлежащие муниципалитеты не финансируются и продолжают оставаться в прежнем состоянии на фоне видимого благополучия прилегающей ООПТ» (Мядзелец, Лужкова, 2013. С. 117).

В обширной литературе о Баргузинском заповеднике, его флоре и фауне, природоохранном, просветительском и туристическом видах деятельности практически нет информации об эвенках – сегодня они на территории заповедника не проживают. Однако, как будет сказано далее, они не утратили память и духовную связь со своей бывшей территорией. Цель статьи состоит в том, чтобы показать историю локальной группы эвенков северного Прибайкалья в историческом контексте и в контексте современных тенденций развития ООПТ[3].

Шемагирские тунгусы до создания Баргузинского заповедника

В конце XIX в. в Баргузинском округе Баргузинского уезда Забайкальской области в 1897 г. проживало 25 467 чел., в т. ч. 10 310 русских, 11 510 бурят, 2 118 тунгусов трех родов: чильчагирского, киндигирского и шемагирского[4], 1 196 евреев (Патканов, 1912. С. 550). В сословном отношении население состояло из мещан, крестьян и инородцев. Этнические и культурные различия проявлялись в разных экономических практиках и духовных связях с территорией, что способствовало неистощительному природопользованию.

Подлеморо-шемагирское родовое управление включало в себя тунгусов шемагирского рода, а также някугиров и киндигиров. Все они были причислены к бродячим инородцам, хотя часть жила оседло (Долгих, 1960. С. 283, 308; Шубин, 2007). Среди «бродячих» тунгусов этого рода преобладали фамилии Черных и Цивилев, а среди оседлых – Семушевы и Колмаковы (Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 50. Оп. 1. Д. 20. Л. 9). В воспоминаниях старшего поколения шемагирского рода сохранилось предание о борьбе их шамана с киндигирским, в результате которой шемагирский шаман был побежден и численность рода стала уменьшаться (ПМА, 2005[5], сравни: Левин, 1936). Шемагирский род был малочисленным: 65 чел. в 1897 г. (Патканов, 1912. С. 596), 49 чел. в 1908 г., 63 чел. в 1912 г.[6] (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; Д. 20). Численность рода постоянно варьировала, но не превышала 80 чел. взрослого населения.

Шемагирские тунгусы добывали средства к существованию охотой: круглогодичной – на крупнокопытных животных, весенней – на нерпу, осенне-зимней – на соболя и другого пушного зверя, осенней – на тарбаганов. Занимались и

[2] Benji Jones. Indigenous people are the world's biggest conservationists, but they rarely get credit for it. Accessed: https://www.vox.com/22518592/indigenous-people-conserve-nature-icca (дата обращения 29.08.2021).

[3] Эвенки (устар. – тунгусы) сегодня проживают в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. До революции их относили к категории бродячих и кочевых инородцев. Сегодня они относятся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Общая численность эвенков в России, согласно Переписи 2010 г., составляет 37843 чел., в т. ч. в Республике Бурятия – 2974 чел. Из них в Северобайкальском районе в 2006 г. жили 739 эвенков (Сирина, 2012. С. 64, 85).

[4] В 1822 г. по Уставу «Об управлении инородцев» в Баргузинском ведомстве были учреждены Баргузинская Тунгусская инородная управа, Баунтовское, Верхнеангарско-Чильчагирское, Нижнеангарско-Киндигирское, Подлеморско-Шемагирское и Кучитское родовые управления.

[5] ПМА (Полевые материалы автора). Северобайкальский район, Республика Бурятия, 2005.

[6] Указана численность взрослого населения.

рыболовством. По архивным документам начала XX в., взрослых охотников-промышленников числилось 16 чел. Немногочисленных домашних оленей использовали как транспортное средство. В 1908 г. членами рода было добыто: бочонков омулей – 43, нерп 185 шт., хайрюзов 135 пуд., соболей 134, белки 1805, тарбаганов 193, лис 3, медведей 11. У них имелось 78 оленей, несколько лошадей (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 16. Л. 1, 5, 7).

Центр Шемагирского родового управления находился в п. Сосновка. Там же была выстроена православная часовня во имя Св. Николая Мирликийского Чудотворца. В архиве сохранилась опись церковного имущества, находящегося в часовне[7]. По архивным документам интерьер часовни сложился из пожертвований как тунгусов, так и рыбопромышленников (купец Патюков, П. Ф. Сверлов). Все шемагирские тунгусы к началу XX в. числились православными христианами, при этом среди них еще в конце 1920-х годов были шаманы.

История Подлеморо-Шемагирского (Шемагирского) рода второй половины – конца XIX в. представляет собой яркий пример того, как «административный род» стал субъектом рыночных правоотношений (Сирина, Давыдов, 2017). Территории северо-восточного Прибайкалья, занятые бродячими тунгусами, были исключительно богаты возобновляемыми (соболь, белка, омуль) и невозобновляемыми (золото) природными ресурсами. Власти создали благоприятные условия для развития рыночной экономики через возможность аренды части этих территорий у тунгусов с целью организации рыболовного промысла и добычи баргузинского соболя, мех которого считается особо ценным из-за темного окраса, шелковистости, густоты. Это открыло доступ к ним купцам и крестьянам. Из 2 273 чел., проживавших в уездном городе Баргузин, 33 % населения составляли ссыльные евреи и их потомки, из которых формировалось более 88 % купеческого сословия города (Цыдыпова, 2014. С. 136). Торговый капитал (аренда земель, организация пушного промысла на арендованных землях через наем промышленников, скупка пушнины) был представлен М. П. Рейнбаумом, П. Купером, И. Д. и А. Новомейскими, Б. Сиротиным, А. и В. М. Рабиновичами, В. Лозовским (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 16. Л. 53). Крупными рыбопромышленниками и скупщиками соболя были русские купцы, жившие в Иркутске и Листвянке. Тунгусские родовые управления получали взамен стабильный доход, часть которого откладывалась на специальный счет в Государственном банке, а часть шла на оплату функционирования местной власти и повседневные потребности (имелся специальный бесплатный магазин-склад товаров) (Доппельмаир, 1926; Неупокоев, 1928; Сирина, Давыдов, 2017).

Сдача рек в аренду для соболиного и/или рыболовного промыслов сроком на год происходила на торгах. Список сдаваемых рек утверждался на суглане (общем собрании) тунгусов. Арендаторы сдавали реки в субаренду так называемым «половинщикам», что обеспечивало доступ к ресурсам большему числу желающих, давало прибыль, хотя и неравноценную, участникам экономических отношений. Если арендаторами были в основном купцы, то половинщиками могли стать русские крестьяне (в основном из Читкановской волости и Низовского сельского общества), буряты, оседлые инородцы (ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 51. Л. 8). В 1909 г. в аренду одиннадцати лицам были сданы 18 соболиных рек. Тунгусы имели право по своему усмотрению сдать оставшиеся в их пользовании речки определенному числу охотников. Состав сдаваемых рек менялся; при этом оговаривалось количество охотников, допускаемых в ту или иную реку (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 19. Л. 61). В 1909 г. за аренду рек было

[7] Это икона Св. Николая, написанная на холсте по заказу на средства тунгусов; икона Св. Мученика царя Александра на полотне; икона Спасителя в киоте и медной ризе под стеклом 8 в. (пожертвована Патюковым); икона Св. Великомученика и Победоносца Георгия в киоте под стеклом с малиновыми цветами и красными; икона Господа Саваофа в киоте под стеклом суздальской работы бумажная; священническое облачение полное парчовое; священническое облачение (риза новая) с серебряными цветами по малиновому фону (приобретена на средства тунгусов), стихарь парчовый с крестом и красного цвета (прислан из Братской Успенской церкви); одежда на аналой (покрывало, воздух 2), купель медная, лампада медная (пожертвованы Сверловым), подсвечники, купленные на средства тунгусов, водосвятная чаша посеребренная, кропило (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 16. Л. 11).

получено 11 536 руб., в 1910 г. – 7220 руб. (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 19. Л. 56 об.).

Наряду с аукционной торговлей «соболиными речками» до начала XX в. практиковалась отдача рек местным крестьянам по фиксированным ценам («билетам»). В 1908 г. Шемагирское родовое управление через крестьянского и инородческого начальника сдавало 20 речек, из которых в 6 речек были допущены без торгов для охоты 48 крестьян с платой с каждого по 12 руб. 50 коп. Доход управления составил 600 руб. Одновременно 14 речек были отданы с торгов за 4518 руб. 50 коп. Отдача рек по фиксированным ценам несколько ограничивали систему аукционной торговли реками. Государство стремилось учесть интересы каждой социальной группы, однако внутренние противоречия такой политики в условиях развития капиталистических отношений приводили к победе рыночной экономики и максимальному использованию особо ценных на тот момент природных ресурсов региона – баргузинского соболя и омуля (Сирина, Давыдов, 2017).

Экспедиция Г. Г. Доппельмайера 1914–1915 гг.

Сокращение добычи ценных видов пушных зверей, в первую очередь соболя, заметили местные власти и купцы, торговавшие пушниной на Ирбитской ярмарке. В 1910 г. они провели совещание, целью которого было привлечь внимание правительства к состоянию дел с добычей пушнины: потребовать ограничить сроки добычи и ввести полный двухгодичный запрет на добычу соболя (Старцев, 2015. С. 154). 9 июня 1912 г. был принят Закон «Об установлении ограничительных по охоте на соболя мер», согласно которому с 01.02.1913 по 15.02.1916 гг. был введен полный запрет на добычу соболя. Государство было вынуждено жестко ограничить существовавшие несколько десятков лет рыночные отношения на севере Байкала. Еще раньше, с 1908 г., из-за перевылова омуля были введены ограничения на сетевой лов, а с 1916 г. – пятилетний запрет на вылов (Цивилев, 1993. С. 17).

Баргузинская экспедиция, более известная как экспедиция Г. Г. Доппельмайера, была проведена в 1914–1915 гг. по заказу Министерства земледелия России с целью наметить границы Баргузинского соболиного заповедника. Экспедиция изначально имела практический характер и была уникальной в своем роде (Гусев, 1986). В ее состав вошли, кроме руководителя, молодые охотоведы, биологи К. А. Забелин, З. Ф. Сватош, А. Д. Батурин, Д. Н. Александров. 1 июля 1914 г. сотрудники экспедиции морем прибыли в поселок Сосновка, расположенный на северо-восточном берегу Байкала вблизи устья р. Кудалды, и обосновались в здании Тунгусского родового управления, а в тунгусском зимовье устроили лабораторию (Доппельмаир, 1926). Местные жители внесли свой вклад, работая в качестве проводников экспедиции. Проводники, обладающее глубокими знаниями климата, ландшафта, флоры и фауны Прибайкалья, владеющие русским языком, несомненно, были для приезжих важным источником уникальной информации, что ставило их в нерядовое положение (Давыдов, 2013). Экспедиция нанимала оленей у тунгусов и лошадей у бурят для совершения маршрутов по территории будущего заповедника. Подготовительные работы начались летом 1914 г. и продолжались около трех месяцев. Топографическое и естественно-историческое изучение территории предполагалось провести в 1915 г., а зимой 1914–1915 гг. Забелин, Сватош, Батурин стали промышленниками, чтобы изучить поведение и расселение соболя и особенности охоты на него (Доппельмайер, 1926). Забелин в феврале и марте 1915 г. провел статистико-экономическое обследование тунгусов Подлеморско-Шемагирского рода и крестьянских селений долины р. Баргузин и побережья Байкала (при помощи А. Д. Батурина). Биологи изучали роль охоты в жизни местного населения с целью прогнозирования последствий от создания заповедника. Летом 1915 г. продолжилось топографическое и биологическое изучение территории.

Результаты работ экспедиции были опубликованы только в 1926 г. Книга-отчет об экспедиции на сегодняшний день является первоисточником о состоянии природы и охотничьего промысла в северо-восточном Прибайкалье в начале XX в. Это образец комплексного трансдисциплинарного исследования с использованием методики полевого включенного наблюдения, работы в

архивах. Коллектив авторов представил краткий исторический очерк работ Баргузинской экспедиции и организации заповедника; общий физико-географический очерк северо-восточного побережья Байкала, описание северо-восточного побережья Байкала по конкретным рекам, с выделением северного, южного и среднего районов; характеристику соболя и соболиного промысла; характеристику иных видов охотничьего промысла; характеристику населения Баргузинского уезда в его отношении к соболиному промыслу.

Баргузинский заповедник

Закон «Об установлении правил об охотничьих заповедниках», принятый в 1916 г., утверждал правила образования заповедников на землях единственного владения казны, для сбережения и размножения охотничьих и промысловых зверей и птиц» (Доппельмайер, 1926). 29 декабря 1916 г. в Баргузинском уезде Забайкальской области, на северо-восточном побережье озера Байкал, был создан Баргузинский соболиный заповедник. Его первоначальная площадь составила 2 000 кв. верст: южная граница проходила по течению р. Большой Чивыркуй, западная – по берегу оз. Байкал от устья р. Большой Чивыркуй к северу до мыса Зырянского, северная – от мыса Зырянского и водораздельной линии Баргузинского горного хребта по гребню водораздела между реками Таркулик, Бирикан и далее по хребту водороздела Таркулик и Давши; восточная – по водораздельной линии Баргузинского горного хребта (Доппельмайер, 1926).

Одновременно к северу от заповедника был выделен казенный охотничий (эксплуатационный) участок площадью около 4,5 тыс. кв. верст, в который вошли бассейны рек Езевки, Кабаньей, Яксакана, Бирикана, Урбыкана, Ирингды, Шангнанды, Амнундакан, где местному населению было разрешено охотиться на соболя. В 1937 г. охотничий участок вошел в состав заповедника.

В пользование тунгусов (эвенков) была отведена территория, ограниченная бассейнами рек Томпуда, Амнундакан и Ширильды. Несмотря на вводимые ограничения, первоначальная модель заповедника с «буферными зонами» была уникальной, представляя собой как бы сеть природоохранных территорий с возможностью охотничьей эксплуатации прилегающих территорий, и эвенки не были полностью исключены из нее[8].

Территория Баргузинского заповедника на протяжении всего XX в. расширялась, хотя свою основную функцию по восстановлению популяции баргузинского соболя заповедник выполнил. Если экспедиция Доппельмайера по р. Большой Черемшане подсчитала в 1915 г. 10 соболей, в 1943 г. там же было зафиксировано 79 соболей (ГАРБ. Ф. р-562. Оп. 1. Д. 207. Л. 74–76 об.). В 1968 г. решением Совета Министров Бурятской АССР была создана охранная зона Баргузинского заповедника по р. Кабанья Северо-Байкальского аймака (района) площадью 90 тыс. га. Здесь устанавливалась охрана и планомерное освоение охотугодий (ГАРБ. Ф. 248. Оп. 20. Д. 1981. Л. 15–16). Общая территория заповедника в 1968 г. составила 247 176 га. В 1989 г. в нее вошел Биосферный полигон площадью 111 146 га, выделенный в 1987 г. из территории Уоянского промхоза Северо-Байкальского района.

В заповеднике был установлен строгий режим охраны: посещать территорию заповедника и эксплуатационного участка, а также проживать на них посторонним лицам без разрешения управления заповедником запрещалось (ГАРБ. Ф. р-550. Оп. 1. Д. 10. Л. 98–99). Впрочем, нарушения всегда были. Некоторые представители местного населения, ранее бравшие речки в аренду или субаренду, охотились на территории заповедника на свой страх и риск, попадая в категорию браконьеров. В 1928–1929 гг. охрану заповедника с конца октября до начала мая несли 12 егерей из положенных по штату 17-ти. Из задержанных 8 браконьеров (и еще двое успели скрыться), шестеро были хабарджанские тунгусы, один бурят и один русский (ГАРБ. Ф. р-562. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2 об.). Режим посещения заповедника был несколько смягчен в военные годы. Хотя по-

[8] С 2001 по 2011 гг. территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока входили в состав ООПТ РФ, что означало косвенное признание природосберегающего характера природопользования на территории традиционного природопользования (ТТП).

сторонним лицам запрещалось находиться на территории заповедника, рыбакам и нерповщикам было разрешено во время промысла на Байкале выходить на берег заповедника и находиться на его территории не далее 50 м от береговой полосы (ГАРБ. Ф. 248. Оп. 14. Д. 80. Л. 28).

Затраты на содержание заповедника и его центральной усадьбы – посёлка Давша – несло государство. В 1950-х годах в Давше проживало около 120 человек – работников заповедника, осуществлявших охрану, проводивших научные исследования, обеспечивавших жизнедеятельность поселка. Фактически это было новое привилегированное сообщество, заместившее ранее кочевавших по подлеморской тайге эвенков. Заповедник имел аэропорт с диспетчерской службой, самолёт, теплоход, электростанцию, трактора и автомашины (завозили 200 тонн дизтоплива на год). В посёлке работали магазин, пекарня, школа, медпункт, библиотека, клуб, почта. Для отопления посёлка ежегодно заготавливали 800 кубометров дров. Было разрешено пасти скот, косить сено, рыбачить, собирать дикоросы, а также охотиться по специальным лицензиям. В конце 1980-х годов на содержание инфраструктуры Баргузинский заповедник затрачивал около 80 % государственного финансирования (Янкус, 2006). Однако новые социально-экономические реалии заставили Госкомэкологию РФ в начале 2000-х годов принять решение о перемещении управленческой структуры заповедника с его территории в районный центр Нижнеангарск. При этом предусматривалось постепенное снижение численности населения центральной усадьбы с последующей её ликвидацией (Янкус, 2006). Происходили системные изменения в организации ООПТ. «Объединённая дирекция Баргузинского заповедника и Забайкальского национального парка» или ФГБУ «Заповедное Подлеморье» была создана в 2011 г. Под его руководством оказались Баргузинский заповедник (создан в 1916 г.), Забайкальский национальный парк (создан в 1986 г.) и государственный Фролихинский заказник (создан в 1976 г.). Баргузинский природный биосферный заповедник имени Константина Алексеевича Забелина (1885–1934), одного из участников экспедиции Доппельмайера, расположен на западных склонах центральной части Баргузинского хребта, от побережья оз. Байкал (456 м над уровнем моря) до главного гребня Баргузинского хребта (2652 м над уровнем моря). Площадь его – 366 868 га, в том числе биосферный полигон – 111 146 га и 3-х километровая полоса акватории озера Байкал, прилегающая к заповедному побережью, площадью 15 053 га (Баргузинский государственный…)[9]. Заповедник открыт для ограниченного посещения, туристов сопровождают его сотрудники. В 2012–2015 гг. в среднем около 950 чел. ежегодно посещали заповедник с периодом пребывания два дня. Туристы могли посетить три участка заповедника, в т. ч. место бывшего центра родовой управы тунгусов шемагирского рода – поселка Сосновка (Чижова, 2016).

Эвенки после первого переселения

В связи с созданием заповедника эвенки были переселены из п. Сосновка в п. Томпу, примерно на 100 км севернее по берегу Байкала. Власти компенсировали им суммы за здания родового управления и склад товаров. Вместо родовой управы был создан Томпинский родовой (туземный) совет, председателем которого с 1919 по 1929 гг. был эвенк Дмитрий Федорович Колмаков. Был создан также эвенкийский колхоз *Омокто Иниунди* («Новая жизнь») (Давыдов, 2008. С. 151, 152). По данным сотрудника Комитета Севера БАССР В. Неупокоева, посетившего эти места, в 1925 г. насчитывалось 27 семей эвенков, в которых было 110 чел. (включая детей и подростков). Они охотились и рыбачили, держали 200 оленей, 4 лошади, 2 головы крупного рогатого скота. Зимние стойбища шемагирских эвенков были расположены в вершине р. Томпа. Эвенки до 6 раз в год выходили на побережье Байкала, где в летнее время устраивали стоянки (Неупокоев, 1928).

Как пишет В. Неупокоев, с момента образования заповедника «золотое» время шемагир-

[9] Баргузинский государственный природный биосферный заповедник им. К. А. Забелина. URL: https://zapovednoe-podlemorye.ru/save/biosphere/ (дата обращения 05.09.2021).

ских тунгусов закончилось: «лишившись доходов от речек, отошедших в заповедник, при наличии все сокращающегося промысла шемагирцы превратились в нищих». Если до революции 1917 г. на счете тунгусов Шемагирской родовой управы в Госбанке было до 27 000 руб., то к 1926 г. тунгусы имели задолженность перед государством в 10 894 руб. (Неупокоев, 1928. С. 15). Начались проблемы со снабжением: «кооператив часто или совсем не имеет ничего нужного для тунгуса (кирпичного чая, свинца, табака, мануфактуры, коровьего и подсолнечного масла, риса и подобного). Или не имеет своевременно, то есть тогда, когда тунгусы совершают свои сезонные передвижения, оказываются в устьях рек без своего кооператива. Хорошо еще то, что эти несвоевременные доставки и просто отсутствие товара распространяются также на спирт и водку, так как при иной организации в условиях свободного отпуска тунгусам последнего товара это могло бы вылиться в настоящее бедствие», – отмечал профессор Б. А. Куфтин (Архив Музея антропологии и этнографии РАН (АМАЭ РАН). Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 60 об. – 61). Он вместе с аспирантами М. Г. Левиным и Я. Я. Рогинским летом 1927 г. проводил этнографические и антропологические исследования на северном Байкале (Давыдов, Сирина, 2017). Ученые зафиксировали у шемагирских эвенков факты почитания священных скал, их духов-хозяев, приношения хозяину горячего ключа, духу хозяину-охоты. Из п. Дагары выехали в Томпу на весельной лодке, остановились у горячего ключа Хакусы, где находилось летнее стойбище Ичедонова. Куфтин записал о пройденном ранее мысе: «узнали, что мыс этот считается священным и пользуется особым почтением у тунгусов. Наш Федор (проводник? – *А. С.*) сознался, что он боялся даже смотреть на этот мыс, когда его фотографировали. Очень большой хозяин живет там. Ему тунгусы во время пути издали плескают вино и кидают табак. Зовут скалу «Нгалокит» – страшный» (АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 53–53 об.). Ученый заметил в дупле над источником Хакусы «несколько кусков сахара, чай и папиросы, положенные здесь в качестве приношения хозяину этого ключа. На ветвях висели лоскутки материи. Записал от Алексея Антонова, соседа Ичедонова, как совершается осенняя личная жертва хозяину леса перед охотой. Для того вырезаются особые столбы с изображением лиц и ставятся в тайге. Такие изображения от прошлой жертвы сохранились близ его зимовья» (АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 53 об.–54). Ученые остановились в здании кооператива в устье р. Томпы. Стойбище бывшего шуленги (старосты) Александра Черных и его семьи располагалось на другом берегу реки Томпы, напротив кооператива. Между своими летними стойбищами эвенки передвигались на лодках вдоль берега Байкала (АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 57–57 об.; Левин, 1936). Природа северо-восточного Прибайкалья и особенности тунгусской культуры произвели на ученых большое впечатление: «Несмотря на пасмурный день, прогулка по Томпе, по живописным извивам реки, с совершенно черной и поразительно в то время прозрачной водой, широким потоком плывущей на уровне низких лесных берегов, казалась приятной. Уже к закату солнца пристали к месту, где находился «*лученгар*» и в нескольких десятках саженей от воды увидели необычный около пол аршина толщиной кедр с вырубленным на нем лицом и столик, на который клались жертвы. В Томпу вернулись уже в полной темноте (АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 61 об. – 62).

Традиционные экологические знания коренных народов: С. К. Устинов и его отношения с эвенками

Все, кто занимался в Сибири охотничьим промыслом, уважали эвенков за их знание тайги. Тесные отношения установились по этому поводу между русскими и эвенками на Нижней Тунгуске. Молодые выпускники-охотоведы в 1980-е годы учились у эвенков практическому знанию тайги и адаптировали его в свою культуру (ПМА, 1987)[10]. Традиционные экологические знания (ТЭЗ) коренных народов и, в частности эвенков, стали предметом внимания ученых-антропологов, биологов, экологов относительно недавно. А. Лавриллье и С. Габышев пришли к важным выводам на основе длительного включенного наблюдения

[10] ПМА. Катангский район, Иркутская область. 1987.

за жизнью эвенков южной Якутии и Амурской области: «Стало очевидно, что эти знания представляют собой не только набор практических «пакетов знаний», но и реальную теоретическую систему, содержащую множество гипотез и прогнозов». И далее: «Однако, в отличие от академических наук, ТЭЗ являются в высшей степени системными, холистическими (целостными). Их интересует не только один-единственный элемент природы; скорее он сосредоточен на множестве взаимодействий между многочисленными элементами природной среды» (Lavrillier, Gabyshev, 2017). Особую важность приобретают знания и наблюдения коренных и местных народов в ситуации изменения климата, появления новых или исчезавших и вернувшихся биологических видов (например, бакланов) (Жители Баргузинского района встревожены // Эколого-географическая газета «Исток». 2020. № 2 (165). С. 6.).

Семен Климович Устинов (1933–2017) – биолог, эколог, с 1956 г. работал в Баргузинском заповеднике научным сотрудником. Он родился в Забайкалье в семье староверов. В своих научно-популярных книгах Устинов нередко упоминает эвенков шемагирского и других родов, которых он встречал во время своих научных командировок в тайге Подлеморья. Сначала это было незапланированное, спонтанное общение. Позже оно переросло с некоторыми из эвенков в многолетнюю дружбу, основанную на взаимной симпатии; любви, а также интересе к природе и ее «нечеловеческим существам». Могу свидетельствовать, что имя Устинова в 2000-е годы было известно среди северобайкальских эвенков старшего и среднего поколения.

Сегодня привлечь коренных жителей к соуправлению заповедниками стремятся в Канаде, Австралии, других странах. Баргузинский заповедник уже в середине XX в. имел небольшой опыт привлечения местных эвенков к работе. В 1950-х годах наблюдателем (т. е. в охране заповедника) работали эвенки Шемагирского рода Н. М. Черных и Филипп Черных. Однако в 1954 г. Филипп Черных был задержан как браконьер, уволен и выселен с территории заповедника (Устинов, 2008. С. 158). Вероятно, сотрудники заповедника разных лет имеют свои истории, свой опыт общения с эвенками. В разговоре со мной в 2005 г. один из сотрудников упомянул эвенков, которые помогали тушить таежный пожар на границе заповедника, высоко отзываясь об их выносливости и готовности прийти на помощь (ПМА, 2005)[11].

Видимые свидетельства прежней кочевой жизни эвенков на территории, ставшей заповедной, еще долго напоминали работникам заповедника об их присутствии. Из рассказов Устинова можно узнать, что сотрудники заповедника в 1950-е годы использовали старые эвенкийские сооружения-помосты на солонцах для научных наблюдений. Он так описал это сооружение: «Помост – нечто похожее на квадратное корыто со стороною около двух метров, без крыши, огороженное со всех сторон досками шириною сантиметров 15. На помосте-лабазе надо было лежать. Юрты и лабаз выглядели крайне примитивно. Поставлены они были эвенком Черных для добычи лосей» (Устинов, 2008. С. 158). Он же нашел старые эвенкийские могилы возле устья речки Дугульдзёр: «Там был похоронен человек невысокого роста, сохранился только погрызенный череп. Должно быть этот эвенк был оставлен (похоронен) по обычаю своего народа. Скелет лежал на том месте, где теперь стоит гостиница заповедника. Мою находку директор отправил иркутскому археологу Хороших» (Устинов, 2008. С. 168).

Ученый встречал в баргузинской заповедной тайге остатки чумов, построенных эвенками еще до создания заповедника. Один из них – на реке Езовке, недалеко от природного солонца. Еще один, упавший чум, которому, по оценке Устинова, не менее ста лет, – «след ушедших эвенков Шемагирского рода, бывших хозяев Подлеморья», Устинов обнаружил в верховьях Кермы. Чумы стояли на пути охотничьих переходов из водосбора Кермы в верховье Езовки на расстоянии около 15 км друг друга. Устинов сделал вывод о том, что чумы маркировали протяженность дневных переходов (Устинов, 2011).

[11] ПМА. Северобайкальский район, Республика Бурятия. 2005.

Семен Устинов не раз упоминает эвенка Алексея Черных, который после переселения эвенков из Томпы жил в деревне Горемыка (Байкальское) на западном берегу Байкала напротив р. Томпуды: «Искренность, доверие, глубокое знание Алексеем жизни разного зверья тайги сдружили нас, и <…> мы переписывались более десяти лет». Алексей не любил жить в избе: «<…> ни восходов-закатов, ни звезд, ни Байкала не видно». Говорил: «Хочешь увидеть зверя – ходи по тайге одиночкой, и шаги твои не должен слышать даже ты сам» (Устинов, 2008. С. 170). Устинов встречался с Алексеем Черных в конце 1950-х годов на границе заповедника, где Алексей вместе с товарищами рыбачил и нерповал с весны до осени. Он рассказал, как найти большой природный солонец в долине Томпуды, на который часто приходят изюбри: «Он столь точно рассказал, что я нашел солонец без труда» (Устинов, 2008. С. 173). Ученый обращался к нему за разъяснениями поведения диких животных – росомахи, изюбря и др. (Устинов, 2008. С. 80, 134). Полученную информацию проверял во время своих экспедиций, и всегда она подтверждалась. Как рассказывал Устинову Черных: «…росомаха зверь хитрый, она в одиночку изюбря добыть может. Хитростью. Выследит оленя и сначала вдали мирно помаячит, походит туда-сюда, ей надо, чтобы зверь ее увидел. Вот он ее заметил, убежал. Она вскоре опять мирно бродит неподалеку «по своим делам». Так продолжается несколько суток. Росомаха все ближе и ближе гуляет мирно, много мочится, кал оставляет, чтобы запах был. Ей и дела нет до изюбря. Да и он и сам почти уже не обращает внимания на безопасного соседа. И наконец, прыжок – и хищник на спине беспечной жертвы, шею ей перехватить – минутное дело» (Устинов, 2008. С. 81–82).

Или другой диалог с Черных:

«– Алексей! – говорю я. – Мне надо понаблюдать изюбря, чем он сейчас питается?

– Дак шавыктой, иди выше по берегу Томпуды, да гляди по полянкам, они ее сейчас прямо косой косят. Только иди очень тихо, не стукни где по корням.

– Шавыкта – это чё?

– Да вон она – видишь, травка по берегу.

Алексей указывал на низенькую осочку, она плотными клинышками росла по сырым местам у реки. Алексей дал мне свою оморочку (берестяную лодку – *А. С.*): “поплавай по Оманте, изюбря запросто увидишь”» (Устинов, 2008. С. 134–135).

От шемагирских эвенков Устинов узнал название бабочек ручейника, – *липачан*, которое он активно использует в своем рассказе, тем самым как бы признавая первенство эвенков в освоении и знании территории. Эвенки устраивали засады на медведя, выходившего полакомиться *липачаном* на берег Байкала (Устинов, 2008. С. 132).

Эвенк Николай Черных сделал для Устинова *оревун* из кедра – трубу для подражания голосу изюбря во время гона, для приманивания зверя: «Кедровая труба пела отлично. Самый близкий ко мне бык откликнулся на нее сразу, не дав и допеть» (Устинов, 2008. С. 188).

Таким образом, на примере С. К. Устинова можно утверждать, что на неформальном уровне взаимодействие между сотрудниками заповедника и эвенками поддерживалось и было дополнительным и порой очень важным источником новых научных знаний.

Вместо заключения

Вторичное переселение шемагирских тунгусов из Томпы произошло в конце 1950-х годов, в ходе Всесоюзной компании по укрупнению сельских населенных пунктов. В Томпу можно было попасть только по воде летом и по льду озера зимой; весной, в пору таяния льда и осенью, во время штормов на Байкале, связь с поселком обрывалась. Кроме того, местные власти опасались возможного подъема уровня Байкала из-за строительства Иркутской ГЭС на Ангаре (Сирина, Давыдов, 2017). Это переселение способствовало разрушению прежнего уклада жизни эвенков, т. к. произошло их отчуждение от территории, частично вошедшей в состав заповедника, распыление по разным населенным пунктам – п. Нижнеангарск, с. Байкальское, п. Холодное и др. И все же даже второе вынужденное переселение не уничтожило у людей память о родовых местах.

«С пустой понягою[12] по берегу Байкала
Блуждает призрак в поисках потомков,
Как будто не было, а может быть, пропало,
Исчезло племя в вековых потемках.

Прапрадед мой в глухой тайге камлает,
Зовет к себе заблудших и ушедших…
Он у костра столетья коротает,
Когда-то ярких, но, увы, отцветших.
<…>
Но я лишь об одном не сожалею –
Мы здесь. Не уходили никуда».
(Кондаков, 2013. С. 217).

В 1990-е гг. среди народов Севера возникла слабо выраженная тенденция на обратную миграцию из крупных населенных пунктов на прежние места жительства (Сирина, 2010). Память о Томпе, стремление физически присутствовать на своей родине и прародине не исчезла у потомков шемагирских эвенков. В. Н. Цивилев, с которым я беседовала в 2006 г., жил в с. Холодное, но каждое лето проводил у сына, работавшего на метеостанции, расположенной на месте п. Томпа[13]. Посещают места своих предков также и другие потомки шемагирцев из п. Холодное и с. Байкальское (ПМА, 2005–2009)[14].

В моем полевом дневнике есть записи о том, что некая женщина из потомков шемагирского рода добилась оформления в «собственность» участка для традиционного природопользования на старых «родовых местах» недалеко от Томпы; ходили слухи, что позже она продала этот участок московским предпринимателям (ПМА, 2005)[15]. Возможно, этот нарратив был связан с опытом сотрудничества Баргузинского заповедника с эвенкийской родовой общиной «Возрождение», угодья которой граничили на севере с биосферным полигоном, и которым кратко поделился экс-директор заповедника Янкус: «На основании договора эвенки участвовали в охране территории, удаленной от центральной усадьбы заповедника на сотню километров. В течение нескольких лет они обнаружили и помогли ликвидировать три лесных пожара грозового происхождения, участвовали в патрулировании побережья Байкала и в выполнении ряда других работ. Заповедник в свою очередь выделил им радиостанцию, мотолодку и мини электростанцию, предусмотрев и оплату труда» (Янкус, 2018). Информанты рассказывали о практике организации охоты и рыбалки для туристов или приезжих чиновников на территориях эвенкийских родовых общин (что напоминает существовавшую здесь более 100 лет назад сдачу угодий в аренду).

Экс-директор Баргузинского заповедника Янкус изнутри знает ситуацию, когда пишет: «Иногда заповедники и не побуждают к контакту местное население во избежание дополнительных хлопот, не отражаемых в планах, отчетах и финансовом обеспечении» (Янкус, 2018. С. 45). Но сама жизнь диктует необходимость взаимодействия с местным населением, хотя нередко оно носит формальный характер. Так, «летом 2017 г. заказник «Фролихинский» инициировал и организовал проведение на берегу Байкала эвенкийского праздника. Эвенки Северобайкалья родов Шемагиры, Чильчигиры, Киндигиры пообщались в культовой местности своих предков «Хакусы», посмотрели и послушали выступления эвенкийских художественных коллективов, получили информацию о “Заповедном Подлеморье”» (Янкус, 2018. С. 43). В качестве положительного примера взаимодействия Забайкальского национального парка с местным населением рассматривается эпизод борьбы госинспекторов ФГБУ «Заповедное Подлеморье» с браконьерами в акватории Чивыркуйского залива, где интересы парка совпали с интересами местных жителей из п. Курбулик, имеющих льготы на ведение рыболовства, но страдавших от пресса пришлых браконьеров (Янкус, 2018. С. 43–44).

Две модели природопользования в разное историческое время имели место в рассматриваемом регионе. Первая – рыночная, либеральная и при этом с патерналистской политикой в отно-

[12] Прообраз каркасного рюкзака, заспинная дощечка на лямках с веревками для переноски грузов.
[13] Создана в период строительства Иркутской ГЭС на Ангаре в 1954 г. (Фурман, 2004. С. 128).
[14] ПМА. Северобайкальский район, Республика Бурятия. 2005–2009.
[15] ПМА. Северобайкальский район, Республика Бурятия. 2005.

шении тунгусов – практиковалась в конце XIX – начале XX в. Вторая – социалистическая, природоохранная, с патерналистской политикой в отношении природы и сообщества сотрудников заповедника – на протяжении всего советского периода. И третья, которую мы наблюдаем сейчас, представляет государственный и одновременно рыночный проект, отчасти напоминающий модель конца XIX в. ООПТ открыты для экотуризма, в том числе для получения прибыли (Luzhkova, 2013). В условиях коммерциализации природы особую актуальность приобретает вопрос о соблюдении прав коренного и местного населения.

Список источников

Гусев О. К. Священный Байкал. Заповедные земли Байкала. М. : Агропромиздат, 1986. 184 с.

Давыдов В. Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем. СПб. : Изд-во МАЭ РАН, 2013. С. 267–280.

Давыдов В. Н. Национальная эвенкийская деревня на северном Байкале: сопротивление доминирующему дискурсу // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 3. С. 146–163.

Давыдов В. Н., Сирина А. А. Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг. и ее место в истории московской этнографической школы // Поле как жизнь. К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб. : Нестор-История, 2017. С. 39–49.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Москва : Наука, 1960. 662 с.

Доппельмайер Г. Г. Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала: материалы Баргузинской экспедиции 1914–1915 гг. Верхнеудинск; Л. : Госплан БМАССР, 1926. 272 с.

Кондаков В. П. Шаманий ягель. Красноярск : Гротеск, 2013. 300 с.

Левин М. Г. Эвенки Северного Прибайкалья // Советская этнография. 1936. № 2. С. 71–77.

Мядзелец А. В., Лужкова Н. М. Перспективы развития Байкальского заповедника для жителей поселка Танхой // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 111–122.

Неупокоев В. П. Тунгусы Бурятии. Верхнеудинск : Жизнь Бурятии, 1928. 22 с.

Осипов А. Ю., Ляхтээнмяки М., Илмолахти О., Карху Я. Коммодификация природы: национальный парк «Ладожские шхеры» // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28. № 3. С. 113–131.

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, ясак и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.) // Записки РГО по

References

Gusev O. K. (1986) Sacred Baikal. Protected land of Baikal. Moscow: Agropromizdat. 184 p. (In Russ.).

Davydov V. N. (2013) The authority of the guide: Kayury-Evenki and use of reindeer transport in Northern Baikal. *Rannie formy potestarnykh sistem = Rannie formy sotsial'no-politicheskoi organizatsii*. St. Petersburg: MAE RAN. P. 267-280. (In Russ.).

Davydov V. N. (2008) National Evenk village on northern Baikal: resistance to the dominant discourse. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XI. No. 3. P. 146-163. (In Russ.).

Davydov V. N., Sirina A. A. (2017) Tungus expedition (1927-1928) and its place in the history of Moscow ethnographic school. *Pole kak zhizn'. K 60-letiyu Severnoi ekspeditsii IEA RAN = Field as a Life: to the 60th Northern expedition of the IEA RAS*. Moscow - St. Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 39-49. (In Russ.).

Dolgikh B. O. (1960) The clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century. Moscow: Nauka. 662 p. (In Russ.).

Doppel'maier G. G. (1926) Sable hunting in the northeast shore of lake Baikal. Materials of the Barguzin expedition of 1914-1915. Verkhneudinsk; Leningrad: Gosplan BMASSR. 272 p. (In Russ.).

Kondakov V. P. (2013) Shamanic moss yagel'. Krasnoyarsk: Grotesk. 300 p. (In Russ.).

Levin M. G. (1936) Evenks of the Northern Baikal region. *Sovetskaya etnografiya = Soviet ethnography*. No. 2. P. 71-77. (In Russ.).

Miadzelets A. V., Luzhkova N. M. (2013) Prospects for the development of the Baikal reserve for residents of the village of Tankhoi. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvnnogo universiteta = The Bryansk State University Herald*. No. 2. P. 111-122. (In Russ.).

Neupokoev V. P. (1928) Tungusy of Buriatiia. Verkhneudinsk: Zhizn' Buriatii. 22 p. (In Russ.).

Osipov A. Yu., Lähteenmäki M., Ilmolahti O., Karhu J. (2019) The Commodification of Nature: a Case Study of the "Ladoga Skerries" National Park. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 28. No. 3. P. 113-131. (In Russ.).

Patkanov S. K. (1912) Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, yasak and clans of foreigners (based on data from a special development of materials from the 1897 census). *Zapiski RGO po otdeleniyu*

отделению статистики. СПб. : Тип. «Ш. Буссель», 1912. Т. XI. Вып. 3. 578 с.

Сирина А. А. От совхоза к родовой общине. Социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века М. : ИЭА РАН, 2010. 185 с.

Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М. : Восточная литература, 2012. 604 с.

Сирина А. А., Давыдов В. Н. «…Не имеющие ни хлебопашества, ни скотоводства, ни оленей, а только одну лишь речку эту»: патернализм и рыночная экономика в северо-восточном Прибайкалье // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 70–85.

Старцев А. В. Государственное регулирование охотничьего промысла в России в XVIII – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 152–156.

Устинов С. К. Визит к Берендею. Записки эколога. Иркутск : Сибирская книга, 2008. 288 с.

Устинов С. К. От чума к чуму // Сибирь. 2011. № 1. С. 153–156.

Фурман М. Ш. Метеостанция в Баргузинском заповеднике // Метеорология и гидрология. 2004. № 9. С. 127–128.

Цивилев Н. И. Историческое прошлое северобайкальских рыбных промыслов. Улан-Удэ : Священный Байкал, 1993. 19 с.

Цыдыпова Л. С. Социально-демографическая характеристика Баргузинской долины первой четверти XX в. на примере локальных сообществ с. Харамодун и г. Баргузин // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Науки о земле. 2014. Т. 9. С. 132–140.

Чижова В. П., Бухарова Е. В., Лозбенев Н. И., Лужкова Н. М., Разуваев А. Е. Ландшафтно-экологическое обоснование развития познавательного туризма в Баргузинском заповеднике // Географический вестник. Экология и природопользование. 2016. № 2 (37). С. 97–109. DOI: 10.17072/2079-7877-2016-2-97-109.

Шубин А. С. Эвенки. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. 360 с.

Янкус Г. А. Исторический опыт создания и работы Баргузинского заповедника // История и современность особо охраняемых природных территорий Байкальского региона: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию заповедного дела в России (Улан-Удэ, 4–8 сентября 2006 г.). Улан-Удэ : Изд-во БГСХА, 2006. С. 74–79.

statistiki = Notes of the Russian Geographical Society on the Department of Statistics. St. Petersburg: Tip. “Sh. Bussel'”. Vol. XI. Iss. 3. 578 p. (In Russ.).

Sirina A. A. (2010) From sovkhoz to clan community. Socio-economic transformations among the Northern peoples at the end of the 20th century. Moscow: IEA RAS. 185 p. (In Russ.).

Sirina A. A. (2012) Evenki and Eveny in the modern world: self-consciouness, nature use, and worldview. Moscow: Vostochnaya literatura. 604 p. (In Russ.).

Sirina A. A., Davydov V. N. (2017) “…Having neither Grain Farming nor Stock Breeding nor Reindeer but Only This One River”: Paternalism and Market Economy in the North-East Baikal Area. *Etnograficheskoe Obozrenie = Ethnographic survey*. No. 1. P. 70-85. (In Russ.).

Startsev A. V. (2015) Government regulation of hunting in Russia in the 17th - early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal.* No. 400. P. 152-156. (In Russ.).

Ustinov S. K. (2008) Visit to Berendeiyu. Ecologist’s notes. Irkutsk: Sibirskaya kniga. 288 p. (In Russ.).

Ustinov S. K. (2011) From chum to chum. *Sibir’ = Siberia.* No. 1. P. 153-156. (In Russ.).

Furman M. Sh. (2004) Meteorological station in the Barguzinsky reserve. *Meteorologiya i gidrologiya = Meteorologiya i Gidrologiya*. No. 9. P. 127-128. (In Russ.).

Tsivilev N. I. (1993) Historical past of the Severobaikal fisheries. Ulan-Ude: Svyashchennyi Baikal. 19 p. (In Russ.).

Tsidipova L. S. (2014) Social Demographical Singularities of the Barguzine Valley after XIX - First Quarter XX Century for Example Kharamodun and Barguzine Communities. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Nauki o zemle = Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Earth sciences*. Vol. 9. P. 132-140. (In Russ.).

Chizhova V. P., Bukharova E. V., Lozbenev N. I., Luzhkova N. M., Razuvaev A. E. (2016) Landscape and ecological study of educational tourism development in the Barguzin nature reserve. *Geograficheskii Vestnik. Ekologiya i prirodopol'zovanie = Geographical Bulletin. Ecology and nature* managemen. No. 2 (37). P. 97-109. (In Russ.). DOI: 10.17072/2079-7877-2016-2-97-109.

Shubin A. S. (2007) Evenki. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. 360 p. (In Russ.).

Yankus G. A. (2006) Historical experience of the formation and operation of the Barguzinsky nature reserve. *Istoriia i sovremennost’ osobo okhraniyaemykh pripodnykh territorii Baikal’skogo regiona*: *materialy regional’noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu zapovedno dela v Rossii (Ulan-Ude, 4-8 September, 2006) = The history and modernity of specially protected natural areas of the Baikal region. Materials of the regional scientific-practical conference dedicated to the 90th anniversary of the reserve management in Russia (Ulan-Ude, September 4-8, 2006).* Ulan-Ude: BGSKhA. P. 74-79. (In Russ.).

Янкус Г. А. Оценка деятельности особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и их вклада в социально-экономическое развитие регионов на примере ООПТ, находящихся под управлением ФГБУ «Заповедное Полеморье» // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2018. № 5 (8). С. 37–56.

Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. 2017. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications. 467 p.

Luzhkova N. Ecotourism Development in the Nature Reserves of Lake Baikal // Sibirica. 2013. Vol. 12. No 2. P. 48–61.

Poirier R., Ostergern D. Evicting people from nature: indigenous land rights and national parks in Australia, Russia and the United States. Natural Resources Journal. 2002. Vol. 42. P. 331–351.

Yankus G. A. (2018) Assessment of the activities of specially protected natural areas (PAs) and their contribution to the socio-economic development of regions on the example of PAs managed by the Federal State Budgetary Institution "Zapovednoe Polemorye". *Biosfernoe khozyaistvo: teoriya i praktika = Biosphere economy: theory and practice.* No. 5 (8). P. 37-56. (In Russ.).

Lavrillier A., Gabyshev S. (2017) An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications. 467 p.

Luzhkova N. (2013) Ecotourism Development in the Nature Reserves of Lake Baikal // Sibirica. Vol. 12. No. 2. P. 48-61.

Poirier R., Ostergern D. (2002) Evicting people from nature: indigenous land rights and national parks in Australia, Russia and the United States. *Natural Resources Journal*. Vol. 42. P. 331-351.

Информация об авторе

А. А. Сирина – доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии Российской академии наук,
119991, г. Москва, Ленинский просп., 32-А, Россия.

Information about the author

A. A. Sirina – Dr. Sci. (History), Research Fellow,
Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences,
32-A, Leninskii Avenue, Moscow 119991, Russia.

Вклад автора

Сирина А. А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Sirina A. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 октября 2021 г.; одобрена после рецензирования 30 ноября 2021 г.; принята к публикации 6 декабря 2021 г.

Article info

The article was submitted October 7, 2021; approved after reviewing November 30, 2021; accepted for publication December 6, 2021.

Научная статья
УДК 165.9
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-92-102

История фундаментальных идей: материя

Александр Иванович Шафоростов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, ashafor@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2417-2635

Аннотация. Рассматриваются истоки и основные направления понимания идеи материи. Потребность в обращении к рассмотрению истории идеи и понятия материи связано как с фундаментальностью вопросов о природе материи, так и с необходимостью обновления современного отечественного учебного материала, во многом просто повторяющего положения диамата советского периода. Основное внимание в рассмотрении формирования идеи материи и разработки понятия материи уделено античности, особенно Аристотелю, также новоевропейской философии и известному ленинскому определению материи. Показывается различие идеи первоначала и идеи материи, отмечается проблематичность использования термина «материалист» при оценке античных мыслителей, в частности Демокрита. Дается анализ основных пунктов понимания материи у «отца идеализма» Платона и у Аристотеля. При этом роль создателя понятия материи принадлежит Аристотелю, и отмечается, что вплоть до нашего времени понимание материи Аристотелем является «работающим» и во многом определяющим понимание мира. В наследии Нового времени радикальное развитие понимание материи получает у Декарта, рассматривающего проблему дуализма двух субстанций – души и тела. Декартовское понимание материальности как протяженности прочно вошло в науку и является базовым для современной научной картины мира. Дается краткий анализ ленинского определения материи, выделяются его положительный и отрицательный аспекты, показаны различные варианты отношения к ленинскому наследию сегодня. В заключение на основе обращения к истории развития идеи материи выделяются четыре варианта понимания материальности вещей. Делается вывод о важности идеи материи для современного философского и научного мировоззрения.

Ключевые слова: материя, материальность, вещественность, идея, субстрат, субстанция, форма, пространственность, объективная реальность, материализм

Для цитирования: Шафоростов А. И. История фундаментальных идей: материя // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 92–102. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-92-102.

History

Original article

The history of fundamental ideas: matter

Alexander I. Shaforostov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, ashafor@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2417-2635

Abstract. The origins and main directions of understanding the idea of matter are considered. The need to address the history of the idea and concept of matter is connected both with the fundamental nature of questions about the nature of matter, and with the need to update modern domestic educational material, which in many respects simply repeats the provisions of the dialectical materialism (diamat) of the Soviet period. The main attention in the consideration of the formation of the idea of matter and the development of the concept of matter is paid to Antiquity, especially to Aristotle, also to the New European philosophy and the well-known Leninist definition of matter. The difference between the idea of the original and the idea of matter is shown, the problematic use of the term “materialist” when evaluating ancient thinkers, in particular Democritus, is noted. The analysis of the main points of understanding of matter in Plato's “father of idealism” and in Aristotle is given. At the same time, the role of the creator of the concept of matter belongs to Aristotle, and it is noted that up to our time, the understanding of matter by Aristotle is “working” and largely determines the understanding of the world. In the legacy of Modern Times, the understanding of matter is radically developed by Descartes, who considers the problem of the dualism of two sub-

© Шафоростов А. И., 2021

stances – the soul and the body. The Cartesian understanding of materiality as extension has become firmly established in science and is the basis for the modern scientific picture of the world. A brief analysis of Lenin's definition of matter is given, its positive and negative aspects are highlighted, various variants of the attitude to Lenin's heritage today are shown. In conclusion, based on an appeal to the history of the development of the idea of matter, four variants of understanding the materiality of things are distinguished. The conclusion is made about the importance of the idea of matter for the modern philosophical and scientific worldview.

Keywords: matter, materiality, corporality, idea, substrate, substance, form, spatiality, objective reality, materialism

For citation: Shaforostov A. I. (2021) The history of fundamental ideas: matter. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 92-102. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-92-102.

Идея, если следовать Платону, есть такая мысль, которая способна породить бесконечное число других мыслей. Масштабные идеи, имеющие мировоззренческое значение, возникают и развиваются, вбирая в себя опыт культурно-исторических эпох и в то же время оказывая на них свое влияние, создавая новые понятия и концепты.

Идея материи вполне оправданно относится к числу таких порождающих идей. Она имеет длительную и насыщенную историю, однако на современном этапе и философия, и наука относятся к идее материи и связанной с ней идеей материальности мира достаточно осторожно. При этом практически все отечественные учебники по философии, издаваемые для всех уровней образования, принимают и утверждают как само собой разумеющееся фундаментальный характер понятия материи и материальности мира, фактически оставаясь на позициях традиционного для советской периода истории диалектического материализма. Это придает особую актуальность предмету нашего рассмотрения.

Обращение к истории идеи материи связано и с такой проблемой современной философии как переосмысление статуса такого фундаментального понятия как субстанция, вплоть до отказа от него. Неклассическая, а тем более постнеклассическая философия, ставят под сомнение место и роль понятия субстанции в философском осмыслении мира. Главный аргумент критики заключается в том, что бытие (мир) следует понимать как *процесс*, и категория субстанция, стремящаяся подчеркнуть роль *неизменного начала* в организации бытия, мешает пониманию мира как процесса. А изменение понимания субстанции прямо связано с пониманием материи как субстанции.

Идеи оформляются и выражаются с помощью понятий, и история идеи непосредственно связана с историей определенных понятий и терминов. Идея материи имеет как минимум три структурных уровня: 1) понятие материи; 2) идея материальности мира; 3) основанные на идеи материи различные «материализмы». Раскрытие этих уровней, с одной стороны, связано с ответом на исходный вопрос: «В чем заключается идея материи?», с другой же – дает обратное движение, то есть помогает уяснить содержание идеи материи.

Идея материи появляется позже, чем идея первоначала, хотя частично они связаны. Основное *различие* этих идей заключается в том, что для *материи* основным является способность принимать любую форму, быть универсальным строительным материалом – то есть *пассивность*. Идея *первоначала* (архе) – это не только исходный универсальный материал, но и *активность*, включающая в себя способность к оформлению.

Оформление понятия материи происходит у Платона, хотя само слово «материя» он, естественно, не использовал, так как этот термин является латинской калькой древнегреческого слова «ὕλη», и автором латинского перевода «materia» стал Цицерон. Само же слово «ὕλη» изначально означало «лес», древесный строительный материал, и в философский обиход вошло благодаря Аристотелю (Бородай, 2008. С. 121).

Платон обращается к понятию материи как минимум по двум причинам. Первая причина – собственное учение Платона о мире идей и мире вещей, и Платон вводит *третий мир* – мир материи, чтобы снять трудности, связанные с пониманием идеи и вещи как противоположностей. Вторая причина – внешняя, это стремление Платона противостоять своему идейному противнику (имя которого он избегает упоминать) – Демокриту, и противостояние в данном случае выразилось в пе-

реосмыслении материального начала, о котором говорил и Демокрит.

О Демокрите следует сказать особо. В советской философской литературе Демокрит «по умолчанию» понимался как материалист, так как В. И. Ленин еще в 1909 г. четко выделил две линии в развитии философской мысли: «Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии?» (Ленин, 1968. С. 131). В современной отечественной учебной литературе материализм Демокрита также подается как вполне очевидное положение.

Но называть Демокрита материалистом – не совсем корректно. Так, один из крупнейших отечественных знатоков античности – А. Ф. Лосев (1893–1988), в работе 1977 года, то есть в условиях идеологического контроля того, что и как говорится о материализме (хоть и античном), занимает достаточно осторожную позицию, давая характеристику атомизму Демокрита: «Прежде всего бытие складывается у Демокрита из атомов и пустоты. Атомы Демокрита не только материальны, как это представлялось А. О. Маковельскому, и не только чисто геометричны, как представлял их С. Я. Лурье. Дело в том, что античность еще не проводила принципиального различия между геометрией и физикой, почему эти мельчайшие тельца Демокрита нужно совершенно в одинаковой степени считать и геометрическими и физическими» (Лосев, 1977. С. 141). То есть сам Лосев не утверждает, что Демокрит – материалист, но сообщает об этом, ограничиваясь (можно сказать – прячется или заслоняется) ссылкой на А. О. Маковельского. И дальше Лосев пишет: «Между прочим, Демокрит называет атомы идеями (68 B 167, 141; A 102, 57 Diels), так что еще большой вопрос, кто впервые употребил этот философский термин, Платон или Демокрит. «Идея» по-гречески значит «то, что видно». И эти, глазу совершенно невидимые идеи, являются вполне видимыми, но в умственном смысле слова, как думает Демокрит, и совершенно недоступны чувственному человеческому ощущению. Это в полном смысле слова – умопостигаемые идеи (68 A 59)» (Лосев, 1977. С. 141). И здесь Лосев уходит от утверждения о том, что Демокрит является материалистом, напротив, подводит к мысли о том, что Демокрит говорил не о материи, а об идеях.

Также и В. В. Соколов, известный советский и российский историк философии (1919–2017), говоря о материи, отмечал: «Демокрит, утверждая бескачественность своих атомов, *можно считать, подходил к этому глобальному понятию*» (Соколов, 2004. С. 170)[1], (курсив наш – А. Ш.).

Несомненно, что распространенная в советской литературе оценка Демокрита как материалиста прямо связана с цитированным выше положением Ленина о линиях Демокрита и Платона. И так же очевидно, что ленинская оценка античной мысли и само выделение двух линий – это, прежде всего, политическая и идеологическая оценка[2]. А. Ф. Лосев в работе, изданной в 1961 году, так говорит о различии Демокрита и Платона: «Единственное глубокое различие между ними заключается в том, что Демокрит, как представитель натурфилософии, принципиально не отличает дух и материю. Дух для него — это та же самая материя, только иначе организованная и другого типа. Совсем другое у Платона, который резко разграничил обе эти области и поставил дух над материей… Вот в чем подлинное различие двух великих философов» (Лосев, 2000. С. 475).

Поэтому в отношении материализма Демокрита следует учитывать следующее. Во-первых, само понятие материализма возникает гораздо позже, в философии Нового времени. Соответственно, в случае приписывания Демокриту материализма будет происходить скрытое или явное приписывание греческому мыслителю более поздних идей и смыслов. Во-вторых, Демокрит не мог использовать понятие материи в силу, как уже отмечалось выше, отсутствия в его время этого понятия. Третье, атом у Демокрита – это не столько частица *вещества*, но ча-

[1] Соколов В. В. Историческое введение в историю философии. История философии по эпохам и проблемам : учебник для высшей школы. М. : Академический Проект, 2004. 912 с.

[2] О том, что В. И. Ленин не мог создать собственную (ленинскую) философию, стали говорить уже после заката советской власти. Так, Н. В. Мотрошилова дает Ленину как философу такую характеристику: «он, в отличие от Маркса, Энгельса не был профессиональным философом, хотя интересовался философией и прочел несколько философских книг» (Мотрошилова, 2012. С. 63).

стица *бытия*. Да, вполне логично домыслить вслед за Демокритом, что если все вещи состоят из атомов, то и атомы должны быть вещественны. Но все-таки вещественность атомов прямо не упоминается в комментариях и свидетельствах, передающих мысли Демокрита. Поэтому, говоря о вещественности атомов, стоит уточнять смысл этой «вещественности»: вещество состоит из атомов, но атомы не состоят из вещества.

Современная западная философия более осторожна в использовании термина «материя, материальный» в отношении доплатоновской мысли. Так, известный историк античной философии Дж. Барнс, говоря о том, что многие положения ранней греческой философии дошли до нас в более поздних изложениях, в частности, в работах Аристотеля и его ученика Теофраста, отмечает: «перипатетики не настаивают, а мы не верим, что сам Фалес использовал фразу “материальный принцип”; скорее, они претендуют на выражение старого тезиса Фалеса в своей новой терминологии» (Barnes, 1982. P. 11).

Итак, возвращаясь к греческим истокам понятия материи, следует отметить, что потребность в этом понятии возникает в результате развития философского осмысления мира, что выразилось в преодолении натурфилософского подхода к пониманию мира и развитии идеи первоначала. Постепенное преодоление ограниченности конкретных чувственных образов, взятых из повседневного опыта, требовало создания языка общих понятий. Общие понятия по своей сути предполагают отвлечение от конкретной данности многообразия вещей и процессов и обнаружение скрытого единства. Вода Фалеса, огонь Гераклита, воздух Анаксимена – это сочетание образности природных элементов и абстрактного первоначала. Как отмечает Н. В. Мотрошилова, «Названные элементы имели существенный недостаток, не позволивший им встать на уровень всеобщего понятия – это их излишняя определенность. Дальше всех отошел от определенности Анаксимандр, сделавший “дерзкий шаг к понятию неопределенно-бескачественного материального”» (Мотрошилова, 1991. С. 103). При этом идея первоначала, проделав полный путь в ранней греческой философии, «оказавшийся своего рода тупиком» (Мотрошилова, 1991. С. 93) именно в силу исходной определенности. Но общий путь осмысления мира пошел дальше, опираясь на идею первоначала, а именно – на идею *всеобщего*, скрыто содержащегося в идее первоначала.

В ранней греческой философии нет явно выделенного противостояния материализма и идеализма. Считать ли ранних греческих мыслителей идеалистами – это вопрос уже современной истории философии. Интерес здесь представляет обращение к наследию пифагорейцев и Парменида. Как отмечает А. В. Лебедев, в греческой философии мы находим не только материалистические теории разума, но и идеалистические теории материи. Классический пример – платоновская теория элементов в «Тимее». Физические элементы (рассматриваемые как телесные субстанции или тела в соответствии с греческим здравым смыслом и большинством физиков) сводятся Платоном к пяти геометрическим регулярным твердым телам и выводятся из бестелесных математических сущностей, элементарных треугольников. Это триумф пифагорейского математического ментализма над ионийским натурализмом. В этой теории физическая материя исчезает (Lebedev, 2019. C. 666). В контексте сказанного стоит отметить, что применение понятия материи в отношении античной философии требует уточнения – о какой именно материи говорится: физической или идеальной. Напомним, что в определенной степени это относится и к учению Демокрита об атомах как неделимых (в *идеальном*, а не физическом смысле) частицах бытия.

Известный британский историк философии У. Гатри также обращается к вопросу об идеализме Парменида: «Парменид был первым, кто провел различие между aistheton и noeton – между данными глаз и ушей, с одной стороны, и Логосом – с другой, и сказал, что второй реален и истинен, а первые нереальны. Материальное и нематериальное – это идеи, которые Парменид едва ли осознавал: имеет значение то, что с его точки зрения сущее нельзя увидеть и услышать, почувствовать и попробовать на вкус, но можно только вывести в процессе диалектического рассуждения, – такого, какое он первый применил» (Гатри, 2017. С. 58–59). Согласно Гатри получается, что 1) Парменид фактически является основателем идеализма, но при этом 2) сам

Парменид вряд ли осознавал материальное и идеальное как идеи. Отсюда следует, что противопоставление телесного и бестелесного – это еще не оформление материализма и идеализма.

Материя становится предметом осмысления только у Платона потому, что для выделения этого понятия[3] (как и многих других философских понятий) ему необходимо было противопоставление. В философии Платона это оформилось в виде учения о двух противоположностях – мире идей и мире материи. *Мир вещей*, один из трех его миров, занимает срединное положение и служит *посредником* между указанными противоположностями.

Тема материи у Платона сложна и многопланова, хотя «то, что от Аристотеля и до наших дней принято называть “платоновской материей” описывается Платоном один-единственный раз в “Тимее” – одном из последних по времени создания диалогов» (Бородай, 1982. С. 53). Если выделить самые главные моменты этой сложности, то их будет два: 1) материя несамостоятельна, но в то же время она 2) необходима. Несамостоятельность материи заключается в том, что Платон не наделяет ее самостоятельным бытием, а бытия у нее нет в силу ее постоянной изменчивости и, соответственно, бесформенности.

Необходимость же материи заключается в следующем: во-первых, материя выступает в роли «кормилицы», она дает «питательный материал», во-вторых, материя выступает в роли «вместилища», *пространства*. Эти два аспекта понимания материи у Платона в дальнейшем станут основанием для двух пониманий материи в различные исторические эпохи. У Аристотеля материя – это строительный материал, что соотносимо с материей-кормилицей у Платона. И уже в Новое время у Декарта материя – это протяженность, что согласуется с материей-пространством Платона.

Если давать оценку учению Платона об идеях и материи в терминах традиционного для марксисткой философии основного вопроса философии, то можно сказать что – 1) да, Платон за объективный идеализм, то есть идеальное (эйдос, идея) обладает у него самостоятельным бытием (подлинно есть), но при этом 2) идеи *не порождают* материю, но только оформляют ее.

Аристотель, в отличие от своего учителя Платона, обращал внимание своих учеников на земные вещи, находящиеся здесь, рядом со слушателями, – такие как стол, кровать и т. п. Указывая на эти предметы, Аристотель и использовал слово «ὕλη» (хюле), подчеркивая «из чего сделано». Изначально «материя» у Аристотеля – это «древесина», то есть строительный материал, не имеющей формы. Отсутствие у материи формы, или «лишенность» формы, появляется у него как результат полемики с Платоном. Отсутствие формы у материи важно тем, что позволяет ей быть максимально гибкой к принятию любой формы, то есть задает новое понимание материи как возможности. Но переход от лишенности к возможности предполагает признание особой промежуточной формы бытия наряду с небытием и бытием, рассматриваемых в классической античной мысли.

Новизна учения Аристотеля заключается в том, что он создает *модальную* онтологию, исследуя модусы бытия (модус – это вид или способ существования). В модальной онтологии Аристотеля центральными оказываются категории возможности (δύναμις, дюнамис) и действительности (ενέργεια, энергейа): материя оказывается возможностью, а форма – действующим началом. Они позволяют представить отношение материи и формы в движении.

Носителем возможности является материя. Оформляясь, она переходит из состояния возможности в состояние действительности: но полная действительность – это не действительность вещи, а действительность формы, в форме нет примеси возможности, которая вещи придается материей. Отсюда относительность любой вещи. Вещь действительна лишь в той мере, в какой она обладает сутью. По мере своего оформления материя утрачивает свои возможности стать иной.

Вещь, по Аристотелю, – это соединение материи и формы[4]. Материя понимается как *потенция*

[3] У Платона нет *термина* для обозначения материи, но есть *понятие* материи, если придерживаться понимания понятия не только как строго определения, но как мысли, имеющей свой оформленный предмет, выделенный из общего ряда явлений.

[4] Аристотель, разумеется, использовал не латинское слово «форма», а греческое «морфе».

существования вещей, то есть вещество, из которых они создаются. Материя приводится в движение формой. Материя без формы пребывает в состоянии не-бытия, потенции. Действительность материи невозможна без формы. В вещах окружающего нас мира материя и форма соединены.

Понимание материи как возможности ведет к открытию потенциального бытия, также обращает к необходимости формы (офрмленности бытия): вещь – это *единство* материи и формы. Хотя традиционно такое понимание вещи у Аристотеля оценивается как утверждение активности формы, все-таки понимание материи как бесконечного по своей сути количества возможностей нельзя свести к отрицательности, или лишенности, характеризующей главное свойство материи (то есть способность принимать любую форму). Возможность в определенной степени связана с положительностью, появлением нового бытия, и этот момент присутствует в понимании материи у Аристотеля, хотя говорить об активности материи в явном виде здесь нельзя.

Примечательно, что у Платона материя, не имеющая никаких качественных характеристик, обладает только одним потенциальным свойством – «она способна к математическому структурированию» (Бородай, 2010. С. 510). И именно в этом пункте расхождение Аристотеля и Платона становится значимым для последующего развития науки, так как Аристотель отказывается от признания связи материи и математического структурирования. Как неоднократно подчеркивает А. В. Лебедев на своих семинарах, такое понимание материи Аристотелем (то есть бесструктурности материи) привело к очень позднему, начинающемуся только в эпоху Галилея, процессу математизации природы.

Итак, у Аристотеля идея материи представлена пониманием материи (ὕλη, хюле) как необходимого для всего существующего бесформенного *строительного материала,* не имеющего самостоятельного существования и поэтому не способного быть субстанцией. Такое понимание материи, в частности, выражается в учении Аристотеля о четырех причинах, одна из которых – материальная. То, что материальная причина не является единственной, обеспечивающей возникновение вещей и дополняется действующей, формальной и целевой причинами, – означает, что материя не является первоначалом. Первоначало по определению не нуждается в чем-то внешнем для начала мира, материя же нуждается. Но *начальный* характер материя у Аристотеля тем не менее имеет, и заключается это в том, что материя не создается: мировое бытие вообще у Аристотеля не имеет какой-то внешней причины, но есть безусловно, и перводвигатель не создаёт мир, но только оформляет его, приводя тем самым все вещи к существованию.

Таким образом, основным итогом развития идеи материи у Аристотеля является то, что материя понимается им не как вещество (в этом пункте Аристотель отходит от физикализма ранней греческой мысли), а как *потенциальное бытие*.

После Аристотеля тема материи разрабатывалась в двух главных школах античности – стоиков и неоплатоников. У стоиков идея материи получает развитие в том смысле, что происходит выделение двух начал внутри материи: 1) материя пассивная или собственно материя; 2) материя активная или Логос. Такое разделение было необходимо стоикам для объяснения многообразия (множественности) эмпирического мира, что невозможно, если сохранить исходное стоическое представление о материи как о единственном сущем, телесном, единым и непрерывном. У основателя стоицизма Зенона материя лежит в основе всего бытия, но лишена собственного, самостоятельного бытия. Причина этого – отсутствие способности к активности, материя есть пассивное подлежащее: «Тело нуждается в материи как субстрате, однако понятийно отличается от нее» (Поленц, 2015. С. 135).

Примечательно, что в почти каждом учении о материи в том или ином виде присутствует некая сила (идея, форма, логос и т. д.), обеспечивающая порядок и структуру, необходимые для материи. Почти – если все-таки отнести Демокрита к тем, кто учил о материи, – у него вещи образуются благодаря тому, что атомы самопроизвольно отклоняются от изначального прямого падения в пустоте и происходит их сцепление.

Материя неоплатоников – это «дно» онтологической иерархии, где ничего нет, небытие (τὸ μὴ ὄν). Характеристики материи у неоплатоников следующие – «беспредельная, бесконечная, бескаче-

ственная, не существующая, инертная, бессильная, вязкая, противоположность благу, источник и сущность зла» (Бородай, 2010. С. 512). В целом неоплатонизм дает только отрицательное понимание материи, если не считать свойство вязкости. Но тем не менее материя оказывается необходимой для учения неоплатоников и понятие материи получает здесь свое развитие. Во-первых, в неоплатонизме идея материи получает дальнейшее развитие в контексте проблематики «единое-многое». Выражается это в признании необходимости идеи материи для объяснения множественности: множественность есть аспект идеи материи. Во-вторых, неоплатонизм в лице Плотина (204/205–270 гг. н. э.) в понимании материи подчеркивает еще один аспект необходимости материи для существования мира: «Если же есть форма, то есть и оформляемое, то, в области чего существует различие. Есть поэтому и материя, принимающая форму и всегда являющаяся подлежащим» (Протопопова, 2006. С. 24). Материя необходима для того, чтобы форма проявила себя в полной мере, то есть оформила оформляемое.

В христианском средневековье понимание материи оказалось подчиненным доказательству христианского учения о творении мира из ничто. Это значит, что материи было отказано в самостоятельности. Если материя не имеет самостоятельного бытия (так как все, включая материю, сотворено богом), то она не может в строгом смысле слова быть субстанцией.

Новое время приносит ряд новых аспектов в понимания материи, что связано, прежде всего, с развитием европейской науки и относительным освобождением естествознания от диктата теологии в понимании природы благодаря деизму, учению о том, что сотворенный мир (природу) можно изучать без обязательного обращения к Творцу.

В качестве наиболее важных моментов развития понимания материи в европейской философии Нового времени выделяются следующие. Во-первых – субстанциализация: материя понимается как реально и самостоятельно существующая субстанция, составляющая всю Вселенную и определяющая существующие в ней формы и процессы. Во-вторых, структурирование: бескачественная и бесформенная материя наделяется собственными, неотделимыми от нее свойствами: протяжением, инерцией, тяжестью, упругостью и/или атомистической структурой. И третье – динамизация: пассивная материя превращается в активную движущую силу (Бородай, 2010. С. 512). Отметим, что все названные черты материя приобретает в результате сначала отождествления природы и Бога, а затем замещения Бога Природой (наиболее яркое и известное положение, подтверждающее такое замещение – «Природа создает человека»). Наделение материи динамической силой, обеспечивающей ее активностью и самостоятельностью, наиболее ярко было реализовано во французском Просвещении. Так, П. Голбах утверждает, что материя, или природа, «есть великое целое, вне которого ничто не может существовать», при этом основным способом существования материи утверждается движение, или энергия, присущая материи (Гольбах, 1963. С. 75). А это значит, что когда современный материализм говорит о движении как атрибуте материи, то он фактически встаёт на религиозное основание Просвещения.

Кроме того, структурирование материи, связанное с развитием процесса математизации природы (Галилей), в итоге привело к господству физического истолкования материи, что сохраняется и в наши дни, когда материя в ее онтологическом измерении сводится к совокупности всех вещей во Вселенной.

Особо следует отметить влияние Рене Декарта на развитие понимания материи. Декарт провозглашает свой знаменитый *дуализм* души (мышление) и тела (протяженность), ставя проблему – как объяснить их самостоятельность и в то же время очевидное совпадение в человеке?

Здесь важно то, что Декарт, вводя отдельные от Бога субстанции, и не оспаривая главенство Бога как высшей субстанции, поясняет, что в отношении земного мира душа и тело – подлинные субстанции. Поэтому изучение Бога и изучение мира – это два различных, несовпадающих вида познания, и эта мысль затем приводит к *деизму*, характеризующему всю эпоху Просвещения и утверждающему, что Бог, сотворив мир, не принимает в нём какого-либо участия и не вмешивается в закономерное течение его событий. Деизм как бы разрешает изучать земные субстанции без обязательного обра-

щения к теологии, что освободило философию и науку от теологии.

Понимая материю как одну из двух существующих в мире субстанций, Декарт выделяет в материи ее главное свойство – протяженность, или пространственность. Понимание материи как совокупности вещей также может быть сведено к этому свойству, так как все вещи постранственны. Протяженность материи включает в себя и представление о ее бесконечной делимости. Если ставить вопрос о том, что позволяет нам воспринимать вещи, то это именно пространственность материального сущего.

Развитие представлений о материи в философии Нового времени завершается оформлением материализма, в частности, в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс называл свою философию «практический материализм», а историческим и диалектическим материализм стал называться только в советский период истории марксизма. Для Маркса принцип материальности имеет практическое происхождение, и философия Маркса – это философия человеческого бытия как деяния, при этом онтологическим аспектом философии Маркса является интерпретация практической деятельности человека (Любутин, 2004. С. 174). То есть, создавая «новый материализм», Маркс не обращался к рассмотрению материи как субстанции.

Ф. Энгельс, создатель диалектического материализма, не разрабатывает понятие материи, отмечая только, что «Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие… такие слова, как “материя” и “движение”, суть не более, как сокращения, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей» (Энгельс, 1961. С. 550). Собственно, отсутствие у основателей марксизма собственного понятия материи и поставило В. И. Ленина перед необходимостью дать новую формулировку понятия материи.

Ленинское определение материи появляется в 1909 г. в книге «Материализм и эмпириокритицизм»: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (Ленин, 1968. С. 131). Это определение в советский период философии стало определяющим и закрытым для критики, хотя признавалась необходимость развития этого определения. Так, известный ленинградский философ В. П. Тугаринов (1898–1978), с чьим именем связывают возрождение онтологии в советской философии после длительного периода догматизма и застоя, поставил вопрос о недостаточности ленинского определения материи как объективной реальности и о необходимости дополнить его определением онтологическим (Тугаринов, 1956. С. 30). Основанием для такого дополнения является то обстоятельство, что объективность – это гносеологическая (познавательная) категория, а не онтологическая.

Как таковой материализм – это монистическое представление о том, что материя есть именно *основа* всего, и все наблюдаемые нами формы природных явлений, социальной жизни, мышления и т. д. – есть результат самодвижения материи как *субстанции*.

Сколько существует материализм, столько же существует и его критика. Отметим, что главная опора материализма и раньше и сегодня – естествознание. Материализм и опирается на науку, и дает ей основание для функционирования. В частности, это проявляется в понимании материального единства мира.

Положительным аспектом ленинского подхода к пониманию материи является его стремление выйти за пределы конкретных форм вещества, к которым «привязывалась» материя. Связано это с кризисом в науке (физике, прежде всего) того времени, в результате которого был сделан вывод об «исчезновении» материи. Чтобы избежать таких «исчезновений», Ленин и предложил взять для определения материи ее максимально общее свойство – объективность.

Отрицательным аспектом ленинского определения момента является недостаточность строгой логичности предлагаемого определения. Этот момент давно известен и частично объяснен отсылкой к вынужденной максимальности определения. Речь идет о материи и сознании, в итоге ленинское определение материи «есть диалектико-материалистическое решение основного вопроса

философии» (Архипцев, 1961. С. 128), поэтому определение материи есть повторение того, «что материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое – вторичное» (Ленин, 1968. С. 134). Но это не определение в строгом смысле слова.

Сегодня отношение к ленинскому определению материи неоднозначное. Есть его полное отрицание, но, прежде всего, по идеологическим причинам как отказ от всего марксистко-ленинского. Есть полное принятие и оправдание, но оно опять же в контексте признания фундаментального характера основного вопроса философии в его марксистском звучании (Горан, 2009). Есть принятие с попыткой развития и дополнения, что проявляется в отказе от субстанционального понимания материи (Дубровский, 2002. С. 22). Так, современная китайская философия, принимая ленинское определение материи, стремится освоить его и углубить через рассмотрение вопроса о том – «как именно мы узнаем о том, что материя существует объективно?», а также через уточнение перевода этого определения на китайский язык (Ань Цинянь, 2011. С. 134).

Для постсоветской философии становится все более заметным и значимым подход, согласно которому идеальное и материальное представляют собой особые формы бытия, подчеркнем – целостного бытия. Это значит, что нет ни одного предмета, в котором была бы только материя или только идеальное, духовное. Материальное и идеальное, или материя и дух – это две противоположности, но это *логические* противоположности. Мы их выделяем только логически, в мышлении, в реальности же они сосуществуют вместе неразрывно. Любая материальная вещь имеет форму, и именно форма и есть присутствие идеального в материальной вещи. Это верно и для диалектического материализма, представляющего собой одну из переработанных и развитых версий гегельянства. Диалектический материализм включает два начала, материю и идею, только идея определяется как диалектика: «Сочетание гегелевской диалектики с материализмом эпохи Просвещения привело к созданию оригинальной онтологической концепции диалектического материализма, где творческое развитие бытия описывалось диалектикой, а за материализмом были оставлены функции ограничения этого развития» (Колычев, 2011. С. 86).

Итак, в чем заключается *материальность* вещей? История развития идеи материи предлагает несколько вариантов ответов. Первое: в «сделанности» вещей – так учит Аристотель, и в этом смысле Демокрит является материалистом, так как у него все существующее «сделано» (состоит) из атомов. Материальность здесь означает сделанность, а сделанность включает в себя смысл «есть действительно». Второе: в способе их *существования*, а именно – протяженности (пространственности) – учение Декарта, то есть материя понимается как протяженная субстанция. Третье: в способе существования *индивидуальных* вещей, а именно – индивидуации (Лейбниц), то есть материя понимается как способ индивидуации, что обеспечивает множественность вещей. Четвертое: в способе *данности* вещей человеческому сознанию – марксистко-ленинская философия, где материя – понятие для обозначения объективной (то есть противостоящей субъекту, сознанию) реальности. Здесь материальность отождествляется с объективностью и имеет явно выраженный гносеологический характер, что не дает особых перспектив для развития субстанционального понимания материи.

Подводя итог рассмотрению *понятия* и *идеи* материи, отметим следующее. Исторически понятие материи возникает в результате признания необходимости существования исходной субстанции-субстрата, или субстанции как бесконечной по обьему и уровням бытия строительного материала. Принципиальная роль здесь принадлежит Аристотелю, и его понимание связи материи и формы во многом сохраняет свою актуальность и сегодня.

Через всю историю возникновения и развития идеи материи и материальности проходят две основные проблемы: 1) считать ли материю субстанцией или же это только абстракция; 2) как дать достаточно строгое определение материи?

Материализм, признающий материю как источник всех форм бытия, то есть материалистический монизм, для которого весь мир есть результат самодвижения материи – такой материализм, по аналогии с известным «жестким детерминизмом», может быть назван «жестким материализмом». Проблема в том, что в чистом виде такой матери-

ализм сложно встретить. Диалектический материализм, традиционно соотносимый с марксистско-ленинской философией советского периода, именно в силу своей диалектичности не является «жестким», хотя многие положения диамата дают основания для такой оценки. Диалектичность по своей сути есть признание активной роли некоего идеального начала, которое через противоречия воздействует на материю.

Накопившиеся в философии вопросы о природе материи, о ее онтологическом статусе и т. д., наличие в философии нескольких подходов к пониманию материи, неопределенность понятия материи и т. д. – все эти трудности внутри философии привели к тому, что материя стала предметом рассмотрения науки, а именно физики, где философское понимание материи часто легко заменяется на физические представления о структуре вещества.

Несомненно, что идея материи была и будет важным фактором формирования и философского и научного мировоззрения и отказаться от нее вряд ли возможно, несмотря на все отмеченные сложности в понимании материи.

Список источников

Ань Цинянь. Ленинское определение материи в истории философии // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 134–140.

Архипцев Ф. Т. Материя как философская категория. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 272 с.

Бородай Т. Ю. Материя // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 509–514.

Бородай Т. Ю. Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М. : Изд. Савин С. А., 2008. 284 с.

Бородай Т. Ю. Понятие материи в «Тимее» Платона и способы его выражения // Актуальные проблемы античной филологии. М. : МГУ, 1982. С. 53–64.

Гатри У. История греческой философии. В 6 т. СПб. : Владимир Даль, 2017. Т. II: Досократовская традиция от Парменида до Демокрита. 845 с.

Гольбах П. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. Избр. произв. в 2-х т. М. : Изд-во соц.-эконом. лит-ры., 1963. Т. 1. 715 с.

Горан В. Ленинское определение материи в историко-философской ретроспективе // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2009. Т. 7. Вып. 2. С. 136–146.

Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М. : Канон+, 2002. 368 с.

Колычев П. М. Современная онтология в России // Соловьевские исследования. 2011. Вып. 4 (32). С. 85–100.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. ПСС. М. : Политиздат, 1968. Т. 18. С. 7–384.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. М. : АСТ, 2000. Т. 1. 624 с.

Лосев А. Ф. Античная философия истории. М. : Наука, 1977. 208 с.

References

An' Tsinyan'. (2011) Lenin's Definition of Matter in the History of Philosophy. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy.* No. 11. P. 134-140. (In Russ.).

Arkhiptsev F. T. (1961) Matter as a philosophical category. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 272 p. (In Russ.).

Borodai T. Yu. (2010) Matter. The New Philosophical Encyclopedia. In 4 vol. Moscow: Mysl'. Vol. 3. P. 509-514. (In Russ.).

Borodai T. Yu. (2008) The birth of a philosophical concept. God and Matter in Plato's Dialogues. Moscow: Ed. Savin S. A. 284 p. (In Russ.).

Borodai T. Yu. (1982) The concept of matter in Plato's “Timaeus” and ways of expressing it. *Aktual'nye problemy antichnoi filologii = Actual problems of ancient philology.* Moscow: Moscow State University. P. 53-64. (In Russ.).

Gatri U. (2017) The History of Greek Philosophy. In 6 vol. St. Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. II: The Pre-Socratic Tradition from Parmenides to Democritus. 845 p. (In Russ.).

Gol'bakh P. (1963) The system of nature, or about the laws of the physical world and the spiritual world. Selected proc. in 2 vol. Moscow: Izd-vo sots.-ekonom. lit-ry. Vol. 1. 715 p. (In Russ.).

Goran V. (2009) Lenin's definition of matter in historical and philosophical retrospect. *Vestnik NGU. Ser.: Filosofiya = Vestnik NSU. Ser. Philosophy.* Vol. 7. Iss. 2. P. 136-146. (In Russ.).

Dubrovskii D. I. (2002) The problem of the ideal. Subjective reality. Moscow: Kanon+. 368 p. (In Russ.).

Kolychev P. M. (2011) Modern ontology in Russia. *Solov'evskie issledovaniya = Solovyov Studies.* Iss. 4 (32). P. 85-100. (In Russ.).

Lenin V. I. (1968) Materialism and empiriocriticism. The complete collection of works. Moscow: Politizdat. Vol. 18. P. 7-384. (In Russ.).

Losev A. F. (2000) The history of ancient aesthetics. Moscow: AST. Vol. 1. 624 p. (In Russ.).

Losev A. F. (1977) Ancient Philosophy of History. Moscow: Nauka. 208 p. (In Russ.).

Любутин К. Н. О философии Маркса, о философии Энгельса // Философия и общество. 2004. № 1. С. 166–184.

Мотрошилова Н. В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М. : Академический Проект, 2012. 376 с.

Мотрошилова Н. В. История и развитие философских идей. М. : Политиздат, 1991. 464 с.

Поленц М. Стоя. История духовного движения. СПб. : Изд. проект "Quadrivium", 2015. 1040 с.

Протопопова И. Метафизика зазеркалья, или о двух материях у Плотина // Arbor Mundi. 2006. № 12. С. 9–45.

Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л. : Изд-во Ленинградского государственного университета, 1956. 122 с.

Энгельс Ф. Диалектика природы / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М. : Политиздат, 1961. Т. 20. С. 343–627.

Barnes J. The presocratic philosophers. London; Boston: Routledge and Paul, 1982. 601 p.

Lebedev A. V. Idealism (Mentalism) in Early Greek Mertaphysics and philosophical theology: Pythagoras, Parmenides, Heraclitus, Xenophanes and others (with some remarks on the “Gigantomachia over being” in Plato’s Sophist) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2019. Т. 23. С. 651–704.

Lyubutin K. N. (2004) About the philosophy of Marx, about the philosophy of Engels. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. No. 1. P. 166-184. (In Russ.).

Motroshilova N. V. (2012) Russian philosophy of the 50-80s of the XX century and Western thought. Moscow: Akademicheskii Proekt. 376 p. (In Russ.).

Motroshilova N. V. (1991) History and development of philosophical ideas. Moscow: Politizdat. 464 p. (In Russ.).

Polents M. (2015) Stoya. History of the spiritual movement. St. Petersburg: Izdatel'skii proekt "Quadrivium". 1040 p. (In Russ.).

Protopopova I. (2006) The metaphysics of the looking glass, or about two matters at Plotinus. *Arbor Mundi.* No. 12. P. 9-45. (In Russ.).

Tugarinov V. P. (1956) Correlation of the categories of dialectical materialism. Leningrad: Leningrad State University. 122 p. (In Russ.).

Engel's F. (1961) Dialectics of nature. Marks K., Engel's F. Essays. Moscow: Politizdat. Vol. 20. P. 343-627. (In Russ.).

Barnes J. (1982) The presocratic philosophers. London; Boston: Routledge and Paul. 601 p.

Lebedev A. V. (2019) Idealism (Mentalism) in Early Greek Mertaphysics and philosophical theology: Pythagoras, Parmenides, Heraclitus, Xenophanes and others (with some remarks on the “Gigantomachia over being” in Plato’s Sophist). *Indoevropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. Vol. 23. P. 651-704.

Информация об авторе

А. И. Шафоростов – доктор философских наук,
профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

Information about the author

A. I. Shaforostov – PhD, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

Вклад автора

Шафоростов А. И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Shaforostov A. I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 августа 2021 г.; одобрена после рецензирования 23 сентября 2021 г.; принята к публикации 11 октября 2021 г.

Article info

The article was submitted August 28, 2021; approved after reviewing September 23, 2021; accepted for publication October 11, 2021.

Научная статья
УДК 94(47).048
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-103-118

Полк О. Степанова: к вопросу о составе и численности Амурского войска 1653–1658 гг.

Егор Андреевич Багрин

Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, Санкт-Петербург, Россия,
Egor-bagrin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3067-9117

Аннотация. В статье рассматривается вопрос формирования Амурского войска в 1653–1658 гг. В этот период управление военными силами принял на себя Онуфрий Степанов, прибывшей на Амур из Якутского уезда в 1649–1653 гг., под общим руководством Е. Хабарова. К этому ядру постепенно, в течение нескольких лет, присоединялись различные военные корпорации: полки Д. Зиновьева, П. Бекетова, Ф. Пущина, отряды П. Кислого, В. Черкашенина и др. В максимальном составе численность Амурского войска достигала 650 человек. По сибирским меркам это была значительная сила. Она не уступала военному контингенту, контролировавшему Якутский уезд, занимавший большую площадь, чем бассейн р. Амур. Основными задачами «амурских» служилых людей были: подготовить Приамурье к приходу трехтысячного полка И. И. Лобанова-Ростовского, построить несколько крепостей в узловых точках, наладить продовольственное обеспечение. Однако наличие своих лидеров и интересов в каждой из военных корпораций, составлявших Амурское войско, затрудняло осуществление планов, предписанных представителями правительства, которые также не имели возможности что-либо контролировать. В итоге полк Степанова не смог закрепиться в Приамурье и был разбит маньчжурами в 1658 году. Меньше половины ратников из его последнего состава вышли с Амура в Якутск, Илимск и Енисейск. Остальные были убиты, пропали без вести, умерли от голода и болезней. В исследовании затрагиваются также вопросы русских отрядов, действовавших на Амуре в период 1658–1662 гг.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, Амур, Онуфрий Степанов, Приамурье, Даурия, история, Сибирь, XVII век

Для цитирования: Багрин Е. А. Полк О. Степанова: к вопросу о составе и численности Амурского войска 1653–1658 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 103–118. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-103-118.

Original article

O. Stepanov's regiment: composition and number of Amur army in 1653-1658

Egor A. Bagrin

Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia, Egor-bagrin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3067-9117

Abstract. The article examines the issue of Amur army formation in 1653–1658. During this period O. Stepanov under the general leadership of E. Khabarov received the control of military force of Russia, which arrived on Amur from Yakutsk district in 1649–1653. Various military corporations had been joining to this army: the regiment of D. Zinoviev, the detachments of P. Kislyi and V. Cherkashenin, the regiments of P. Beketov and F. Pushchin and others. The maximum stuff of Amur army reached 650 people. It was a significant force by Siberian standards. It was not inferior to the military contingent that controlled Yakutsk district, which occupied a larger area than Amur River basin. The main task of “Amur” warriors was to prepare Amur region for the arrival of three thousandth regiment of I. I. Lobanov-Rostovsky, build several fortresses at key points, establish food supplies. However, the presence of own leaders and interests in each of the military corporations made it difficult to implement these plans. As a result the regiment headed by O. Stepanov could not solidify in Amur region and was defeated by the Manchus in 1658. Less than half of the warriors from its last composition left the Amur for Yakutsk, Ilimsk and Yeniseisk. The rest were killed, disappeared, died of hunger and disease. The study also raises questions about the Russian troops operating on Amur in the period 1658–1662.

Keywords: troops, Cossacks, Amur River, O. Stepanov, Amur region, Dauria, history, Siberia, XVII century

For citation: Bagrin E. A. (2021) O. Stepanov's regiment: composition and number of Amur army in 1653-1658. *Izvestiya*

© Багрин Е. А., 2021

Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 17. No. 4. P. 103-118. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-103-118.

Вопросы состава и численности Амурского войска[1] во главе с Онуфрием Степановым в 1653–1658 гг. еще не были предметом специального исследования, хотя, естественно, затрагивались в контексте изучения событий, связанных с присутствием русских землепроходцев на Амуре. Как правило, к ним обращались при описании итогов сражения в Корчеевой луке, где полк Степанова был разгромлен маньчжурами. Исследователями назывались цифры о числе погибших и оставшихся в живых в результате этого боя, основанные на сведениях А. Петриловского и А. Пашкова (Забияко, Черкасов, 2019. С. 87–88; Александров, 1984. С. 29; Артемьев, 1999. С. 39; Бахрушин, 1925. С. 60; Беспрозванных, 1983. С. 46; Васильев, 1916. С. 98–100; Леонтьева, 1991. С. 113–114; Мазуров, Пастухов, 2009. С. 179; Павлик, 2004; Словцов, 2006. С. 91; Щукин, 1848. С. 33–34). Между тем, говоря об Амурском войске, надо учитывать тот факт, что в течение пяти лет его численность и состав неоднократно менялись, а упомянутые свидетельства современников нуждаются в уточнении. При подготовке статьи использовался комплекс документов, относящихся к событиям на Амуре в 1658–1662 гг., собранных и опубликованных Г. Б. Красноштановым в книге «Ерофей Павлович Хабаров» в 2008 году. Многие из них впервые были введены автором в научный оборот и содержат ценную информацию, позволяющую более детально рассмотреть обозначенную проблему.

В статье мы рассмотрим основные этапы формирования Амурского войска в 1653–1658 гг., включающие в себя:

– планы и подготовку к отправке в Даурию полка И. И. Лобанова-Ростовского;

– включение в полк О. Степанова а) полка Д. Зиновьева (лето 1653 г.); б) отрядов П. Кислого и В. Черкашенина (конец лета – начало осени 1653 г. и конец весны – начало лета 1654 г.); в) полка Петра Бекетова (начало лета 1654 г.) и г) полка Федора Пущина (июнь – июль 1655 г.).

Кроме того, мы заострим внимание на особенностях взаимодействия в Амурском войске перечисленных военных корпораций, на данных о числе оставшихся в живых людей после разгрома в Корчеевой луке в 1658 г. и русских отрядах, действовавших на Амуре в период 1658–1662 гг.

Подготовка к отправке в Даурию войска И. И. Лобанова-Ростовского. С 1652 г. после отписок, полученных в Москве от якутского воеводы Д. Францбекова, правительство вынашивало планы отправки в Даурию большого войска. Для этого предполагалось набрать 3000 человек в Москве, а также в поморских и сибирских городах. Первый этап передвижения ратников на Восток должен был осуществляться на 140 дощаниках. Построить их предполагалось на верфях Верхотурья и Поморья из строевого леса, заготовленного в Верхотурском, Туринском и Тюменском уездах. Возглавить экспедицию был назначен окольничий и воевода – князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский. Первоначально для продовольственного обеспечения следовало использовать поморские и верхотурские хлебные припасы. Затем из Енисейска должны были отправить в Илимск 3000 четвертей муки ржаной, 1000 четвертей круп и толокна. Запасов должно было хватить до перехода на р. Амур. Предполагалось, что здесь служилые люди смогут вос-

[1] Термин «войско» традиционно использовался в Сибири для обозначения военных сил, объединенных общим руководством и действующих на определенной территории. О. Степанов, например, отмечал в своих отписках: «а у нас на Амуре в войске ...», «писал ты к нам ...в войско на великую реку Амур», «а ... запасов в войске ноне нет» и др. (Красноштанов, 2008а. С. 539). Объединение служилых людей и добровольцев в рамках «войска», скорее всего, было, так называемой, «казачьей традицией», предполагавшей определенную самостоятельность в принятии решений на основе общего решения. В этот же период использовался термин «полк», обычно обозначавший военное формирование, созданное администрацией для решения какой-то конкретной задачи (постройка острога для закрепления на новой территории, поход и т. п.). Часто полк назывался по имени его руководителя. Его численность не регулировалась. Известны сибирские «полки», насчитывающие от нескольких десятков человек до нескольких тысяч. Несколько полков могли действовать в рамках одного войска, однако в виду того, что понятия «войска» и «полка» имели довольно размытое значение, они могли подменять друг друга.

пользоваться хлебом, заготовленным Амурским войском (даурским и собственного посева). Треть муки, а также половину круп и толокна, следовало направить в устье Олекмы и на реки Нюкзю или Тугирь, поближе к волоку на р. Амур. Здесь нужно было поставить острожек и амбары (Щукин, 1848. С. 25; Васильев, 1916. С. 87; Яковлева, 1958. С. 38; Леонтьева, 1991. С. 93; Красноштанов, 2008а. С. 372). Таким образом, обеспечивалось передвижение больших сил, которые относительно быстро могли бы следовать от пункта к пункту, не задерживаясь на перевозку большого количества продовольствия.

Для перехода войска от Илимска до Тугря с марта 1653 г. начали строить суда. По плану 146 дощаников, из расчета примерно 20–21 чел. на одно судно. Дощаники делали стандартными по установленным конструкции и размерам[2]. Длина – 7 «сажен по колоде печатных» (14,91 м). Ширина – 3 аршина 6 вершков «по бете бревно с борта наборт поперек для скрепа» (2,39 м). Затраты на материалы и работу плотников составили 3192 руб., т. е. производство одного дощаника обходилось казне в 22 руб. Подряды на строительство от одного до 30 судов взяли пашенные илимские и верхоленские служилые люди, крестьяне, торговые и промышленные люди. Они получали задаток 12 руб. за судно, на который могли нанять работников, купить конопать, смолу, топоры и напарьи (большие буравы для сверления отверстий в дереве). Судовые скобы выдавались государственные. Их в количестве 5000 штук подрядился сделать кузнец Иван Константинов, используя свое железо и уголь за 20 руб. (в т. ч. из расчета 1000 скоб за 4 руб.). Часть топоров также выдали из казны. Например, Тимошка Бутор получил на строительство 10-ти дощаников 15 топоров «за пятном»: «на всяком топоре на правой стороне пятно клеткою на три угла для того, чтобы государевого дела сыскать было». Все работы производились подрядчиками на своих заимках (Красноштанов, 2008а. С. 373–381, 384–385).

Таким образом, правительство впервые разработало схему передвижения значительных военных сил из Европейской части России и Западной Сибири на юг Дальнего Востока и начало реализовывать ее на практике. Появление полка И. И. Лобанова-Ростовского в Приамурье могло бы помочь закрепить его за Россией еще в середине XVII в. Следует отметить, что в последующие годы Россия не сумела сконцентрировать в бассейне Амура даже одной трети из тех сил, которые она была намерена послать с Лобановым-Ростовским. Однако планы широкомасштабной (по меркам Сибири) переброски войск на Дальний Восток остались нереализованными. П. Т. Яковлева видела причину этого в начале войны с Польшей и обострении отношений с Турцией и Швецией, вследствие чего все российские военные силы были собраны у западных и южных границ. И. В. Мазуров и А. М. Пастухов склоняются к тому, что Москва посчитала «амурское» направление неперспективным, вследствие чего И. И. Лобанов-Ростовский был отправлен послом в Персию восстанавливать торговые связи (Яковлева, 1958. С. 39; Мазуров, Пастухов, 2009. С. 148). Мы же считаем, что сложности в переводе войск в Приамурье, связанные с несовершенством транспортных коммуникаций и снабжения, были по большому счету преодолимы, а назначение нового командующего не должно было составить большого труда. Основную роль в отмене похода все-таки сыграл фактор того, что ни Е. Хабаров, ни О. Степанов не смогли создать на Амуре укрепленных центров, обеспеченных продовольствием, достаточным для вмещения и снабжения такого количества ратников.

Включение в Амурское войско полка Д. Зиновьева. 25 марта 1652 года на Амур из Сибирского приказа отправился московский дворянин

[2] «а делать дощаники мерою по семи сажен от корга до корга, а ширина дощаникам трех аршин с шестью вершки по бете. А кокоры сдать ко дну добрые, и промеж кокоры прощупать промешку по семи вершков аршинных. А дельной лес класти толстиною два вершка. А боковой лес набойной, как доведется, добрые же, как мочно, к бету приводить. А вышина дощаникам с поттоварины два аршина без вершка. А верхные кокоры и матицы положить добрые ж, сухие, и покрыть те дощаники тесом двойным дорожным вчерту наплотно. А глубина тем дощаникам пущать по край по гвоздю на девети вершках, и порубни приложить добрые ж, толщиною с на край до края по льялу в деветь вершков, и подтоварины наслать в дощаниках тесом же вчерту наплотно. И конопатить те дощаники …, своею конопатью, какую конопать … сможет промыслить» (Красноштанов, 2008а. С. 380).

Дмитрий Иванович Зиновьев. Основной его задачей было убедиться в реальности планов размещения войска И. И. Лобанова-Ростовского в Приамурье. Кроме того, он должен был наградить полк Е. Хабарова «золотыми новгородками и московками» за службу в Даурии, а самого Ерофея Павловича «угоским золотым». Зиновьева сопровождали 150 человек служилых людей, набранных в сибирских городах[3]. Из Верхотурья – 10 чел., Туринска – 10 чел., Тюмени – 20 чел., Сургута – 40 чел. и Тобольска – 70 чел. Следуя характеристике, данной Зиновьевым, это были «служилые люди самые бедные, и многие стары, и увечны». Пятидесятники полка: Трофимка Алексеев и Первушка Игнатьев. С экспедицией отправили боеприпасы: 50 пудов пороха и 50 пудов свинца (Щукин, 1848. С. 25–26; Васильев, 1916. С. 88; Леонтьева, 1991. С. 95–96; Красноштанов, 2008а. С. 354–356, 358, 368–369).

Служилым людям выдали жалованье – денежное на два года, а хлебное на один год – для скорости хода[4]. Полностью хлебные и соляные оклады они получили, добравшись из Тобольска в Енисейск. Здесь же их ждала проблема, обнажившая несовершенство административной системы управления в Сибири, затруднявшая перемещение даже относительно небольших военных формирований с запада к восточным рубежам. Администрация острога относилась к обеспечению полка Д. Зиновьева как к нежелательной обязанности. Суда для перехода в Илимск, выданные енисейским воеводой, оказались «мелкие, старые, худые». После погрузки хлебных припасов они стали тонуть. Часть хлеба утонула, другая намокла, крупы и толокно начали гнить и были выброшены. Нормальные корабли получил только сам Д. Зиновьев. С 5 августа по 12 сентября 1652 г. служилые люди плыли до Илимска, добрашись уже в «заморозную пору», когда по рекам шел лед. Позже они жаловались, что Зиновьев во время пути их «бил и увечил, и по ночам на порогах велел взниматься, и безпеременно велел идти теми худыми судами». Приехав в Илимский острог, «служилые … люди от работы тяжелого судовова ходу многие были больны ногами и руками». После того как они выгрузились, корабли вернулись в Енисейск вместе с енисейским десятником Мишкой Шатиловым и другими служилыми людьми, сопровождавшими полк (Красноштанов, 2008а. С. 359–360, 363).

Несмотря на старания Д. Зиновьева ускорить движение, в Илимске их ждали очередные трудности с транспортировкой. Илимский воевода Богдан Оладьин получил известие о «даурском» полке только за 9 дней[5] до его прибытия. Для переброски сибирских служилых людей[6] на р. Лену через Ленский (Илимский) волок требовались подводы. Б. Оладьин приказал собрать их у крестьян со всех заимок от Верхоленского острога до Чечуйского волока: «с коньми всех выбили без остатков». Переезд от заимок к месту сбора занял до 3 недель. Кроме того, идти предстояло через «грязи», болота, реки и протоки, для чего нужно было делать мосты, которые «мостили … по 100 сажен и больше». Во время перевозки грузов вьюками 70 лошадей пали, тогда как стоимость лошади начиналась от 20 руб. Возницам приходилось по 5 дней ночевать под открытым небом. «Топлые и моклые» хлебные запасы и соль перевозить не стали, оставив их в казне Илимского острога и частично раздав крестьянам. Взамен служилые люди получили молотую ржаную муку[7] и соль из государственных амбаров «на усть Куты реки в Усолье» из запасов крестьян и посадских людей. Однако 140 пудов «за крестьянской бедностью» не додали (Красноштанов, 2008а. С. 358–359, 361–363, 365).

[3] Ранее автор ошибочно считал, следуя данным П. Т. Яковлевой и Г. А. Леонтьевой, что с Зиновьевым были еще 150 московских стрельцов (всего 300 чел.). Эти же данные содержатся и в работах других авторов. Однако Г. Б. Красноштанов убедительно показал, что ратники из Европейской части России в экспедиции не участвовали (Яковлева, 1958. С. 38; Багрин, 2012. С. 282; Багрин, 2013. С. 126; Леонтьева, 1991. С. 95–96; Мазуров, Пастухов, 2009. С. 149).

[4] Д. Зиновьев получил для пути 300 руб., в Тобольске 15 чети муки ржаные, 5 чети круп и толокна, 15 ведер горячего вина, а в Енисейске еще 15 чети круп и толокна (Красноштанов, 2008а. С. 356).

[5] Б. Оладьин указывает и другие данные о том, что «государевы грамоты» пришли за 2,5 недели (Красноштанов, 2008а. С. 363).

[6] Кроме полка Д. Зиновьева, перевезли также М. Лодыженского с хлебными и винными запасами, следовавшего в Якутск на воеводство.

[7] Полученная ржаная мука оказалась горькой (Красноштанов, 2008а. С. 364).

Перейдя волок, служилые люди погрузились на 3 дощаника, которые были подготовлены для полка И. И. Лобанова-Ростовского. Еще 6 дощаников и каюков взяли у промышленных и торговых людей, снарядив их казенными судовыми варовыми снастями и якорями. С устья р. Муки по рекам Купе и Куте полк Д. Зиновьева пошел в р. Лену. С 1 октября 1652 г. на воде начал становиться лед, что обернулось большой проблемой: «плоты лдом розбивало на мелях … и с мелей … наги служилые люди плоты снимали и переделывали … и у служилых людей руки и ноги лдом перепортились»[8]. Лена обмелела, по ней пошел большой лед и «судового ходу … не стало», а 1 ноября 1652 г. река окончательно встала. Ратники били челом Д. Зиновьеву о зимовке. Он удостоверился у местных жителей о невозможности продолжать поход и приказал разместиться в Захарове заимке ниже Чичуйского волока. Зиновьев опечатал хлебный запас, чтобы избежать его перерасхода. Служилым людям пришлось зимой дорого покупать хлеб и скот, беря в долг и продавая «последние зипуны и шубы». Цена за быка или корову варьировалась от 5 до 10 руб. В этот период состав полка Д. Зиновьева в документах стали обозначать как «даурские служилые люди» (Красноштанов, 2008а. С. 363–369, 401).

В начале мая 1653 г., когда «пошла река Лена», Д. Зиновьев и 36 чел. отправились в Якутск, чтобы получить последнюю информацию о полке Е. Хабарова. Здесь же «велели … в Якутском остроге бирючу клик кликать», о том кто хочет идти в Даурию. Нашлось всего 8 промышленных людей. С ними же пошел якутский служилый человек Борис Федоров[9]. Остальные 120[10] служилых людей вместе с пятидесятниками отправились по Олекме к Тугирскому (Даурскому) волоку на 6 дощаниках. На волоке был построен Тугирский острог, где служилые люди оставили свои хлебные запасы, а также порох и свинец. Зиновьев спешил, по его приказу полк перешел волок в рекордно быстрые сроки, за 4 дня[11]. При этом Д. Зиновьев «бил и увечил», видимо, не выдерживающих темп движения, от чего 8 служилых людей умерло. Служилые в челобитных жаловались, что сначала личный груз Д. Зиновьева привел к перегрузке судов (на р. Олекме), а затем они несли его запасы и вино через волок. Выйдя к Амуру, служилые люди построили сначала плоты, а затем барку. Во время движения вниз по реке, которое заняло 4 недели, Зиновьев не разрешал останавливаться и снимать на полях даурский хлеб. Это привело к тому, что весь состав полка сильно страдал от голода (Красноштанов, 2008а. С. 369–370, 405, 492).

К моменту прихода Д. Зиновьева на р. Амур в 1653 г. в полку Е. Хабарова было 320–330 чел[12]. Переводчиками здесь были тунгусы Мальдуга и Логинко Ярофеев, бурят Васка Ларионов[13] (Куржу-

[8] Подобные проблемы были обычными. Петр Бекетов и амурские казаки, шедшие с казной с Амура по Илиму к Енисейскому острогу, писали, что: «обнашивали казну всякую мель и пороги, и, суды спуская, надселись и перепухли, без ног многие стали» (Красноштанов, 2008а. С. 558).

[9] Видимо, его задачей было присмотреть за тем как полк Д. Зиновьева переправится через Тугирский волок, т. к. он не стал сплавляться по Амуру, оставшись на берегу (Красноштанов, 2008а. С. 405).

[10] В соответствие с этими данными с Д. Зиновьевым на Захарове заимке было 156 служилых людей, а не 150, отмеченных по списку ранее.

[11] Служилые люди считали, что на переход нужно было 9 дней (Красноштанов, 2008а. С. 369–370).

[12] К лету 1653 г. полк Е. Хабарова бы отягчен большой добычей, захваченной у приамурских народов. Главным образом это была одежда из дорогих восточных тканей, меха и ясырь – пленники. Среди имущества даурских служилых людей указаны: азямы, чуги, кафтаны, однорядки из камки, атласа, бархата и кумача, шубы и азямы из соболя, лис и рыси, покрытые дорогими тканями. Некоторые из них были расшиты золотом и имели золотые и серебряные пуговицы и нашивки. Кроме того: шапки бархатные с лисицей, соболиные треухи, малахаи и рукавицы, лисьи и «холодные под камкой» одеяла, серебряные украшения: серьги, кольца и цепочки и др. Многие «хабаровцы» обзавелись «полоном» – даурскими, дючерскими и гиляцкими юношами 13–17 лет, девушками и молодыми женщинами. «Даурская женка» оценивалась в 30 руб., подросток – 15 руб. Две «девки» Хабарова стоили 180 руб., а вся трофейная одежда 480 руб. (включая 9 соболиных шуб и 8 хвостовых малахаев). Стоимость добычи А. Петриловского, племянника Е. Хабарова, оценивалась в 3000 руб. (Красноштанов, 2008а. С. 430–431, 433–435, 450–463, 468, 447, 475, 532–533, 568).

[13] Новокрещен Васька Ларионов Куржумов, сын бурятского князя Куржума, якутский служилый человек,

мов), гиляк Кузька. В 1652 г. после того как из Якутска пришло подкрепление с Т. Чечигиным, численность полка составляла 348 чел. Получается, что за прошедший год 18–28 чел. были убиты или умерли от болезней. Часть из них, видимо, погибла во время междоусобицы Е. Хабарова и С. Полякова. Сторонников последнего «Ярофей …батогами бил вместо кнута, без рубах насмерть …и от …побой и мук умирало много» (Красноштанов, 2008а. С. 406, 437, 508; Албазинское воеводство[14], 2019. С. 62).

После встречи Д. Зиновьева с полком Е. Хабарова стало известно, что на Амуре до сих пор нет острога, центра прикрепления амурских земель. Кроме того, в ходе похода стало очевидно, что планы о переброске в Приамурье больших сил с территории Европейской части России и Западной Сибири являются преждевременными. Даже сравнительно небольшой отряд во время перехода столкнулся с существенными проблемами, связанными с недостатками в обеспечении коммуникациями в узловых местах маршрута. Опорных пунктов на Амуре не было, а запасов продовольствия нельзя было создать ввиду заброшенности значительной части даурских пашен и отсутствия собственных посевов.

Д. Зиновьев все-таки раздал 320 наградных золотых монет с «бранью матерною», хоть и называл даурских служилых людей плутами. Вскоре он отстранил Е. Хабарова от руководства и назначил на его место Онуфрия Степанова Кузнеца, служилого человека, поверстанного из промышленных людей в 1643–1644 г. в Якутске (в оклад енисейских «годовальщиков») с окладом 5 руб. 23 пуда 15 гривенок, 2 пуда без чети соли. К моменту похода на Амур О. Степанов имел опыт участия в походах на братских людей в период с 1645 г. по 1649 г. (Красноштанов, 2008а. С. 482–484).

Д. Зиновьев приказал построить несколько крепостей, контролирующих наиболее важные места в верхней и средней частях Амура (на месте Лавкаева городища, в устьях рек Урки и Зеи), а также заготовить хлебные запасы на 5–6 тыс. ратников. После этого он уехал с Амура, забрав с собой Е. Хабарова, 11 чел. из числа его соратников, подавших на него жалобу, и еще 25 чел. «хабаровцев» для сопровождения[15]. Отправились они на «наибольшем» дощанике с парусом и варовой снастью и гребном струге. Дойдя до перехода к Даурскому волоку[16], корабли «порубили» и бросили[17]. Все сибирские служилые люди остались на Амуре в подчинении О. Степанова (Щукин, 1848. С. 27; Васильев, 1916. С. 89; Алексеев, 1970. С. 27; Словцов, 2006. С. 90; Красноштанов, 2008а. С. 406–407, 414, 421, 427, 494; Мазуров, Пастухов, 2009. С. 150).

По данным Д. Зиновьева, общее число ратников в Амурском войске составило 450 чел. (Красноштанов, 2008а. С. 414). Эта цифра может быть признана достоверной (156 сибирских служилых людей – 8 погибших на волоке + 8 промышленных людей из Якутска + 330 (320) «амурских» казаков – 37 из них, уехавших с Д. Зиновьевым = 459 (449) чел.).

Отряды П. Кислого и В. Черкашенина (конец лета – начало осени 1653 г. и конец весны – начало лета 1654 г.).

В этот же период обозначился и еще один центр пополнения Амурского войска. Слухи о богатствах даурской земли притягивали людей, действовавших на территориях, относящихся к Енисейску и Илимску. Стихийное, самовольное перемещение на Амур представителей разных сословий вызвало большую тревогу представителей сибирской администрации, т. к. служилые люди и пашенные крестьяне незаконно покидали свои места, а уход их сопровождался грабежами местного русского населения. Илимский воевода Б. Оладьин писал: «блиско стал уход всяким людем в Даурскую землю, на две дороги: Олекмою, а в другую

позднее стал сыном боярским и приказчиком в Верхоленске (Красноштанов, 2008а. С. 447).

[14] Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека Дальневосточного казачества / Составители Трухин В. И., Крюков В. В. Хабаровск, 2019. 628 с.

[15] «Добычей» Д. Зиновьева в Даурии стала одежда из дорогих восточных тканей, которую он законно и не законно получил от членов экспедиции Хабарова. Вся она поместилась в 11 сум, чемодан и 2 «ящика с камками» (Красноштанов, 2008а. С. 441).

[16] Отряд Д. Зиновьева зимовал в Тугирском остроге. Отсюда он послал в Москву подьячего Алексея Мерошникова и 8 чел. служилых людей, но на реке Олекме «на камени» их перебили тунгусы. Д. Зиновьев вернулся в Москву 12 декабря 1654 г. (Красноштанов, 2008а. С. 424).

[17] Стоимость кораблей оценивалась в 300 руб.

сторону через Байкалово озера … А только … из Якутского острогу заставы не будет на Олекме реке для беглецов и ссыльных, и пашенные, и всякие люди пойдут безпрестани в Даурскую землю»[18]. Енисейский воевода А. Пашков писал в этот период, что «с семьдесят человек» сбежали в Даурскую землю, «а после их остались в сибирских городех жены их и дети, и деревни, и животы» (Красноштанов, 2008a. С. 389, 402, 560).

В первую «беглую» ватагу Проньки Кислого, тобольского служилого человека, прибывшего в Илимский уезд из Енисейска, вошли 18 чел. илимских служилых людей и 4 служилых человека из Верхоленска, делавшие около Илимска дощаники для войска князя Лобанова-Ростовского[19]. Десятники: Климко Иванов «новгород» (Городец), Ивашко Константинов Колокольник (Кузнец, Кудреватой) «устюжанин», Левка Михайлов «колмогор». Они забрали с собой жалованье, казенное оружие, порох, свинец и плотницкие топоры. Интересно, что верхоленские служилые люди, включая представителей среднего командного звена, вообще считались неблагонадежными. Илимский воевода писал в Москву летом 1653 г.: «служилые люди … *присланы из городов без жон и без детей*, и холостые люди нужныя, и те бражники и зернщики в Верхоленском остроге. *А жили до моего приезду воровством и грабежем, и зернями, и пропивались*, покупая у иноземцев, у брацких людей, кобылья молока вино … А унять их некому. А приказные люди – их же братья … а послати в Верхоленский острог на приказ некова. *Детей боярских добрых нет, и верить стало некому*. А острог украинный, окола стоят брацкая орда, люди неясачные многия». К П. Кислому присоединились пашенные крестьяне, их дети, судовые плотники и наемные работники, промышленные и гулящие люди. Численность отряда увеличилась до 60 чел. (Красноштанов, 2008a. С. 386–387, 389–391, 394–395, 523).

Второй отряд, отправившийся на Амур из Верхоленского острога, возглавил Васька Семенов Черкашенин (Пан), ссыльный, имевший опыт походов на бурятов с А. Бедаревым и В. Бугром. С ним ушли 42 чел.: пашенные крестьяне и их дети, промышленные люди и не менее 15 служилых людей[20], часть которых позже присоединилась к П. Бекетову. За ними была послана погоня[21]. Однако она была безуспешной, а трое служилых людей из нее присоединились к беглецам. Через некоторое время общая численность людей в обоих отрядах достигла 200 чел.[22], но, возможно, эти данные преувеличены. На р. Лене они грабили заимки и дома людей разных сословий, забирая вещи, необходимые для жизни на Амуре. В перечнях похищенного числятся: гладкие и съезжая пищали (в т. ч. две из взломанного таможенного амбара на Киренге), пистоли приказчика ленских пашенных крестьян Василья Скоблевского, дощаники с судовой снастью, мука и разные крупы, деньги, вино, соболиные шкуры, снаряжение для промыслов, судовые напарьи и даже 30 деревянных ложек. Большое значение имело обеспечение отряда продовольствием. Люди П. Кислого ограбили мельницу на Чечуйском волоке. С ними отсюда ушел Ивашко Федоров Кузнец выходец из Усолья Вычегодского, здесь же они купили за соболей 2 коровы (Красноштанов, 2008a. С. 386–388, 390, 393–398, 400, 424–425, 523, 532; Красноштанов, 2008b. С. 44–45).

Включение этих отрядов в Амурское войско произошло в разное время. Люди П. Кислого чис-

[18] Оладьин предлагал разместить на заставе в устье р. Олекмы большой гарнизон. Здесь же размещался Олекминский острожек, который представлял собой небольшую крепостицу «две избы с нагороднями да два анбарёнка, да за острогом анбар о дву жировьях» (Красноштанов, 2008a. С. 389, 402).

[19] Формальным поводом для побега стали финансовые притеснения илимского воеводы Б. Оладьина (Красноштанов, 2008a. С. 386).

[20] Часть этих людей была набрана в 1646 г. на Илимском волоке для службы в Верхоленске из промышленных и гулящих людей воеводой В. Н. Пушкиным. Однако все 7 лет службы они не получали казенное жалованье и боеприпасы, покупая необходимое за свой счет. Служили «с добычи» от военных походов (Красноштанов, 2008a. С. 524).

[21] Возглавляли ее стрелецкий сотник Яков Анцыферов и Никифор Черниговский. Последний через десятилетие также поведет на Амур группу людей, после убийства илимского воеводы, и построит там Албазинский острог.

[22] Н. Оглоблин полагал, что число людей, бежавших на Амур с П. Кислым и В. Черкашениным, достигало 300 чел. (Оглоблин, 1896).

ленностью, по разным данным от 42 до 100 чел., встретились с полком Д. Зиновьева на устье Олекмы. При этом неизвестно пошли ли они вместе с Зиновьевым или следовали за ним «ватагой» самостоятельно. Однако расчеты состава Амурского войска после отъезда Д. Зиновьева (приведены выше) показывают, что отряд П. Кислого еще к нему не присоединился. Это легко объясняется тем, что Зиновьев на устье Олекмы приказал им «воротиться в остроги Илимской и Верхоленской», и они избегали новой встречи с ним. В любом случае в 1653 г. они влились в полк О. Степанова (Красноштанов, 2008а. С. 403, 405).

Отряд В. Черкашенина, насчитывавший 50 чел., встретил Д. Зиновьева у реки Тора ниже Албазинского городка тогда, когда он уже возвращался с Амура. Зиновьев приказал им зимовать в устье Торы, а затем поставить острог в устье р. Урки. Командовать верхоленскими людьми был назначен якутский служилый человек Мишка Артемьев Кашинец, десятник полка Е. Хабарова. Позже к ним присоединились еще 8 чел. из полка Е. Хабарова, отправленные Зиновьевым к О. Степанову с Тигирского волока. Отряд Кашинца построил «две избы с нагороднями и с острогом». Укрепления помогли выдержать осаду сотни дауров, которые «учали под нами (защитниками острога – Авт.) лежать и стеречь, и за караулом держать, изжидая времени, как бы им нас побить». Во время военного противостояния один из верхоленцев был убит. Весной 1654 г. вместо устья р. Урки они отправились вниз по р. Амур. Здесь 48 человек, из бывшей «ватаги» В. Черкашенина, били челом О. Степанову о включении их в Амурское войско. В дальнейшем состояли в нем отдельной корпорацией во главе с М. Кашинцем (Красноштанов, 2008а. С. 423, 488–491, 522).

Таким образом, оба этих отряда должны были пополнить Амурское войско минимум на 90 чел., а общая его численность весной 1654 г. должна была достигнуть 550 человек[23].

Полк Петра Бекетова (начало лета 1654 г.). В начале лета 1654 г. в войско О. Степанова влились служилые люди Енисейского острога. В 1652 г. енисейский сын боярский Петр Бекетов отправился по «государеву указу» на устье р. Нерчи для того, чтобы поставив там острог, собирать с местного населения ясак и искать серебряную руду. Однако ясачные тунгусы неожиданно («изгоном») атаковали П. Бекетова превосходящими силами, отогнали у служилых людей коней и потоптали посеянный хлеб. Енисейцы попали в сложное положение, т. к. находясь в осаде, не могли ловить рыбу и искать съедобные растения. Чтобы не умереть «голодною смертью», они уплыли на р. Амур, где словесно били челом О. Степанову о принятии их в его полк. Внутри отряда П. Бекетова произошел конфликт, приведший к его разделению, поэтому процесс пополнения Амурского войска проходил частями. Степанов писал о том, что сначала к нему приплыли 34 чел. Лидером отделившейся части был Савка Кочин. Затем прибыл П. Бекетов с 20-ю людьми[24], среди которых десятником был Ивашко Герасимов Чебучаков. Спустя некоторое время, прибавились еще 9 чел. Всего 64 чел. Кроме енисейских служилых людей, в отряд входили верхоленские казаки и казачьи наемщики (не менее 6 чел.). Весной 1655 г. после участия в обороне Комарского острога П. Бекетов снова захотел увести свой полк на устье р. Нерчи. Однако его люди подали челобитную О. Степанову о службе в Амурском войске «чтоб им тут же кормиться и служить государю вместе». При этом П. Бекетова за попытку ухода «под знамя в круг выводили и бить хотели» (Красноштанов, 2008а. С. 492–493, 525, 556).

С присоединением енисейских служилых людей общая численность Амурского войска летом 1654 г. должна была составить не менее 600 чел. (550 чел. полка О. Степанова + 64 чел. отряда П. Бекетова = 614 чел. Минус 5 чел.[25] из посольства в Китай, убитых дючерами). Осенью 1654 г. 10 чел.

[23] В 1660 г. А. Петриловский на расспросе в Сибирском приказе привел данные о том, что в период после отъезда с Амура Д. Зиновьева в полку О. Степанова было 540 чел. (Красноштанов, 2008а. С. 569).

[24] По другим данным с С. Кочиным был 31 чел., а с П. Бекетовым 28 чел. (Красноштанов, 2008а. С. 504).

[25] Третьяк Еромалаев Чечигин, Васка Панфилов, Ивашка Щипунов, Власка Иванов, Томилко Васильев были убиты братьями князя Тоенчи, Ортоко и Есюнем. О других потерях в этот период не сообщается, что, однако, не исключает их наличия.

во главе с Гарасимом Максимовым и Пронкой Григорьевым отправились в Якутск с отписками и ясачной казной, а еще 1 чел. был отпущен с Амура домой (Красноштанов, 2008а. С. 497, 534).

Полк Федора Пущина (июнь – июль 1655 г.). Довольно неожиданно Амурское войско пополнилось якутскими служилыми людьми. В 1654 г. из Якутска на р. Аргунь на 4 дощаниках отправился отряд, состоявший из 50 чел. Проводником стал якутский промышленный человек Гришка Вижевец, а толмачом Кирилко Ортемьев (Кирюха Брагин). Часть экспедиции состояла из служилых людей, сосланных в Якутск из Томска в наказание за участие в бунте против воеводы. Всего в Якутск в ножных кандалах прибыли 12 чел. Здесь они были призваны на службу в соответствии с их прежними званиями. Трое приверстаны в дети боярские с окладом 13, 16 и 8 руб., а остальные – в конные казаки: пятидесятник с окладом 9 руб., десятник с окладом 7 руб. 15 алтын и рядовые – оклад 7 руб. с четью. Одним из них был сын боярский Федор Пущин, возглавивший поход на Аргунь. Ссыльные были отосланы из Якутска максимально быстро – 26 июня 1654 г. прибыли, а уже 10 июля получили приказ отправляться в поход. Видимо такая политика была характерна для якутских воевод, опасавшихся бывших бунтарей. Например, в 1651 г. на Амур с Т. Чечигиным были высланы ссыльные московские стрельцы. Служилые люди покупали в поход снаряжение на свое годовое жалованье. Паруса и прядено для изготовления потчалов и бечевы были выданы из казны (Красноштанов, 2008а. С. 539–541).

Отряд Ф. Пущина в 1654 г. прошел реками Олекмою и Тугирем и зазимовал в Тугирском остроге. В середине марта 1655 г. отправился в сторону Амура. Два человека были отправлены в Якутск, чтобы отвезти дощаничные снасти и побитые паруса. В мае 1655 г. служилые люди поставили в устье Аргуни зимовье. Однако им не повезло, т. к. они утопили часть хлеба, оружия и боеприпасов. Один из служилых людей отправился в Якутск с просьбой прислать «хлебных людей». Для того чтобы избежать голода, они поплыли вниз по Амуру. В начале июня 1655 г. от экспедиции ушли проводник Г. Вижевец и толмач К. Брагин со своей «братьей». Ф. Пущин писал о том, что они присоединились к И. Карпову и А. Салдату, пришедшими с отрядом в 50 чел. из Амурского войска, с целью забрать якутских служилых людей в Комарский острог. С Ф. Пущиным осталось 7 чел. с Пашко Малафеевым, видимо, все из числа томских ссыльных. Они также приплыли в расположение полка О. Степанова (Красноштанов, 2008а. С. 541–544).

Ф. Пущин пытался проводить самостоятельную линию, рассматривая свое пребывание в Амурском войске как этап к возвращению на р. Аргунь. В связи с этим он просил О. Степанова дать ему хлебные припасы и не задерживать. Однако 45 чел. из его отряда били челом О. Степанову взять их на службу на р. Амур. 5 (или 7) июня 1655 г. Ф. Пущин и 10 чел., включая 5 амурских казаков, переменившихся с якутскими служилыми людьми, поплыли на р. Аргунь. Кроме того, Ф. Пущин согласно приказу якутского воеводы приглашал с собой гулящих людей, находящихся в Амурском войске, но не нашел поддержки. Однако пройти на р. Аргунь отряд Ф. Пущина не смог, т. к. столкнулся с даурами и, потеряв убитым одного человека (Дружинку Щербакова) и многих ранеными, вернулся в устье Шингала. Отсюда, собрав на полях хлеб, они пошли в Гиляцкую землю, так как пришли вести о том, что гиляки перебили 30 чел. якутских служилых людей, пришедших в низовья Амура с Ламы (Охотское море) (Красноштанов, 2008а. С. 539, 544–546, 556).

Кроме того, 25 июля 1655 г. на помощь Ф. Пущину из Якутска был отправлен Васька Федоров «с товарищи». Точное число этого отряда неизвестно. Если учитывать то, что в среднем путь до Даурии занимал около 7 недель, то он приплыл в распоряжение Ф. Пущина или осенью 1655 г. или весной – летом 1656 г. (в случае зимовки в Тугирском остроге) (Красноштанов, 2008а. С. 543).

Таким образом, летом 1655 г. Амурское войско пополнилось еще на 50 чел. С учетом предыдущих расчетов и того, что весной 1655 г. при осаде Комарского острога был убит 21 казак, общее число ратников в Амурском войске должно было составить 638 человек[26]. А с приходом В. Федорова, вероятно, около 650.

[26] В послужном списке, составленном О. Степановым после осады маньчжурами Комарского острога, по-

Взаимодействие различных воинских корпораций, входящих в состав Амурского войска в 1656 гг. Итак, к 1656 г. на Амуре собралось значительное число русских ратников (вероятно 600–650 чел.), объединенных вместе по различным причинам. Ядром и самой многочисленной частью Амурского войска оставались «амурские казаки» (люди, пришедшие в 1649–1652 гг., в основном, из Якутского уезда). Второй по численности воинской корпорацией стали «сибирские» (люди из городов Западной Сибири) служилые люди, прибывшие на Амур с Д. Зиновьевым. Примерно равными по силам были группировки «верхоленских» казаков (люди из Илиского уезда), енисейских[27] и якутских служилых людей из отрядов П. Бекетова и Ф. Пущина. До 6 июня 1654 г. ясаулами в Амурском войске были Трофимка Никитин и Симанко Захаров. Их заменили Тимошка Федотов и Тимошка Кирилов. Толмачом был тунгус Семен Петров. Все военные корпорации имели своих лидеров и свои интересы (Красноштанов, 2008а. С. 496–497, 503, 508, 554).

Часть «амурских казаков» из числа добровольцев надеялась в результате своей службы стать окладными служилыми людьми, которые будут контролировать новоприобретенные земли в Приамурье[28]. О. Степанов, определяя их статус, говорил Ф. Пущину, что: «гулящих у нас на великой реке Амуре в войске нет, опричь амурских казаков. И те ноне ожидают государева жалованья и его царской милости и указу». Даже испытывая очевидные трудности, они отказывались «сходить» с Амура без царского указа. Однако казаки отстаивали не только свои потенциальные интересы. Попытка О. Степанова, следовавшего указу Д. Зиновьева, взять с их военной добычи десятую пошлину «на государя», ни к чему не привела (Красноштанов, 2008а. С. 494–495).

Лидером тобольских, тюменских, сургутских, верхотурских и туринских служилых людей стал Симанко Захаров, бывший в Амурском войске ясаулом. «Сибирские» ратники, пришедшие на Амур с небольшим количеством запасов, испытывали большие затруднения. Жалованье из казны для них не поступало, поэтому они покупали в долг порох и свинец у других участников экспедиции. Это было обычной практикой в Амурском войске. О. Степанов отмечал: «купим меж себя на погромный живот и ясырь порох и свинец и тем службу государеву служим». Фунт пороха стоил 2 руб., а фунт свинца – полтину. Однако основные запасы концентрировались в руках «амурских» казаков, потративших в Якутске на свое оснащение большие суммы в расчете на то, что им придется действовать в Даурии несколько лет. Военная добыча, доставшаяся «сибирским» ратникам, также не была большой, т. к. большая часть улусов приамурских народностей была «разгромлена» до их прихода. Кроме того, им пришлось построить и оснастить дощаники, снаряжение каждого из которых обошлось в 300 руб. Все эти факторы, а также то, что у них в Сибири остались жены и дети, оставшиеся без кормильцев («по миру скитаются»), обуславливали постоянное стремление уйти с Амура. О. Степанов их не отпускал[29], объясняя это тем, что «драки стоят частые … а у нас в войске служилых людей мало». Это служило источником определенного напряжения в войске (Красноштанов, 2008а. С. 495–497, 499, 506–507).

именно перечислены 530 чел. Однако Г. Б. Красноштанов справедливо отметил, что список не полный. В отписке о разведке, вышедшей из острога на позиции маньчжуров, есть перечень 62 имен разведчиков (всего их было 120 чел.). Из них только 9 чел. упомянуты в послужном списке. Эти данные полностью согласуются с нашими расчетами о том, что после присоединения к Амурскому войску отряда П. Бекетова в нем насчитывалось около 600 чел. (Красноштанов, 2008а. С. 508–520, 523).

[27] Отряд П. Бекетова состоял из 2-х половин, одна из которых ему не подчинялась. Это отражалось и документально в отписках О. Степанова.

[28] Часть из них, действительно, даже после ухода с Амура, была поверстана в окладные служилые люди разных городов Сибири. Например, Баженко Измайлова поверстали казаком в Енисейском остроге, и он перевез туда из Унжи свою семью. Несколько человек были взяты в «убылые» места березовских служилых людей, несших службу в Якутске (Красноштанов, 2008а. С. 538–539).

[29] Несмотря на кадровый дефицит, практика отпуска из Амурского войска существовала. Однако осуществлялась она, в основном, по отношению немощных людей. Например, служилый человек Ганька Иванов Безотцов, бивший челом о «его нужи и увечья», был отпущен «для того что он государевы службы служить не годен» (Красноштанов, 2008а. С. 497).

Проблемы с недостатком обеспечения были и в других воинских корпорациях. «Верхоленские» служилые люди обращались к правительству с просьбой прислать им жалованье «для твоей государевы новой дальной службы», даже несмотря на то, что они незаконно ушли на Амур (Красноштанов, 2008а. С. 498).

Весной 1656 г. имеющиеся проблемы привели к обострению отношений между воинскими корпорациями, составлявшими Амурское войско. Ф. Пущин и несколько верных ему людей оснастили судно, чтобы уйти с Амура по Охотскому морю (Ламе). К ним присоединились «сибирские» служилые люди из полка Д. Зиновьева. Однако против их ухода выступил О. Степанов, заручившийся поддержкой «беглых верхоленских» людей и большей частью якутских служилых людей во главе с К. Брагиным и Пятункой Герасимовым Белоусом. Численное превосходство сторонников О. Степанова, примерно 500 чел. против 150, обусловило то, что Ф. Пущин и другие ратники, недовольные своим положением, остались на Амуре (Красноштанов, 2008а. С. 547).

Через некоторое время, 22 июля 1656 г., из Амурского войска в Якутск отправили ясак, собранный в Даурии за два последних года, с приказным человеком М. Кашинцем и целовальником Ф. Коркиным[30]. Одновременно с этим мероприятием О. Степанов, видимо, попытался разрядить напряженную обстановку в войске. «Мятежный» сын боярский Ф. Пущин и 20 якутских служилых людей направились с ясачной казной, а 24 чел. из его полка остались на Амуре с К. Брагиным и П. Белоусом[31]. С ними же пошел енисейский сын боярский П. Бекетов и два человека из его отряда. Все остальные, во главе с Иваном Фоминым, остались в полку О. Степанова. До перехода на Даурский волок их сопровождали более 50 ратников из других военных корпораций, главным образом «сибирские» служилые люди. Все они, нарушив приказ, присоединились к Ф. Пущину и не вернулись в Амурское войско. Дорога через волок затянулась на 3 недели, так как бежал проводник Г. Вижевец. Начался голод, т. к. на Тугире не оказалось запасов продовольствия. От безысходности люди «промеж себя друг друга ели». Из 73 чел. умерли 44 или 45 чел. (в т. ч. 27 чел. из сопровождения, бежавшего с Амура) (Красноштанов, 2008а. С. 547–549, 553, 557, 563, 580).

Таким образом, число ратников Амурского войска существенно сократилось. По нашим расчетам количество людей в нем должно было составить 570–580 чел. Это с учетом того, что нам неизвестны потери полка О. Степанова в войне с гиляками зимой 1655–1656 гг., а также фрагментарных данных о смертях в войске от болезней[32] и т. п.

Амурское войско после разгрома маньчжурами в 1658 г. Весной 1658 г. после зимовки в Куминском острожке, построенном в Дючерской земле, Амурское войско пошло вверх по Амуру для сбора ясака. В это время дючеры сообщили о том, что амурских казаков ищут маньчжуры «многие ратные люди» на кораблях. О. Степанов отправил перед войском Климку Иванова[33] и 180 чел. в легких судах (вероятно, 6 стругов из расчета 30 чел. на одном судне), следуя за ними с основными силами на «больших» кораблях. К. Иванов разошелся с «богдойским» войском, а О. Степанов 30 июня 1658 г. был разгромлен в Корчеевой луке. Спастись удалось только одному судну и части ратников, сошедших на берег. Большинство спасшихся «розбежались с Амура реки … врознь» (Красноштанов, 2008а. С. 569, 581).

По информации участников сражения, 3 октября 1659 г. в Енисейске и 4 сентября 1660 г. в Сибирском приказе полк О. Степанова потерял 220–270 чел.[34] А. Петриловский на расспросе сообщил, что 95 чел., отстояв свое судно, ушли к морю, а бе-

[30] Этим же летом 1656 г., перед отъездом, Федор Максимов сын Коркин возглавлял отряд из 100 чел., искавший неясачных людей на Шингале (Сунгари) (Красноштанов, 2008а. С. 564).

[31] Пятунька Белоус убит в 1658 г. во время сражения в Корчеевой луке (Красноштанов, 2008а. С. 580).

[32] Например, Ф. Самсонов из отряда Ф. Пущина умер в июле 1656 г. на р. Амур (Красноштанов, 2008а. С. 554).

[33] Верхоленский промышленный человек.

[34] В 1659 г. участник сражения Петрушка Ондреев подтвердил эти данные, сообщив, что его соратники «в трехстах побиты» (т. е. около 300 чел.). Маньчжурам достались 4 русские пушки (медные и железные), 2 пушки «богдойские погромные», порох, свинец, суда с хлебными запасами, военной добычей и ясырем, а также трофейные маньчжурские знамена (Красноштанов, 2008а. С. 566, 569, 578).

регом «горой» 45 чел., многие из которых были ранены. Исходя из этих данных, общая численность Амурского войска с учетом авангарда составляла не менее 635 ратников[35]. Кроме того, А. Петриловскому было неизвестно о небольших группах, самостоятельно выходивших в Якутский, Илимский и Енисейский остроги, общей численностью не менее 45 чел. Таким образом, Амурское войско могло включать в себя около 690 бойцов. Вероятно, в период с августа 1656 г. по июнь 1658 гг. к полку присоединились до 100 чел.[36] (Красноштанов, 2008a. С. 566, 569–570, 583, 585).

Отряд К. Иванова встретил в «камени промеж Даурской и Дючерской земли» казачьего пятидесятника Ондрюшку Потапова (Байкаловской) и 30 чел. «в легких стругах» с государственной грамотой и памятью от воеводы А. Пашкова, с приказом Амурскому войску «идти в сход и быть у него в полку» (т. е. уйти с Амура в место расположения А. Пашкова). Из-за отсутствия хлебных запасов А. Потапов и 30[37] чел., из состава ратников обоих отрядов, вернулись в верховья р. Шилки в Нелюцкий (Тунгуский) острог с целью прислать хлеб: «чем им до Офанасья дойтить» навстречу людям К. Иванова. Однако последние не дождались помощи, т. к. «учали помирать голодную смертию», 37 чел. из них попытались сами добраться до А. Пашкова и умерли от голода в устье р. Урки. Оставшиеся 140 чел. спустились вниз Амура, где К. Иванов был убит дючерами, а многие ранены. Здесь они соединились с 45 амурскими казаками под началом А. Петриловского и вместе спустились к морю. Зимой 1658/1659 гг. остатки Амурского войска построили острог на границе Дючерской и Гиляцкой земли. В это время их осаждали гиляки «острог в трех местах зажигали» и убили трёх казаков. Весной

[35] Эти цифры должны быть признаны наиболее достоверными. В тоже время А. Пашков на основании сведений, полученных от А. Потапова, писал в отписках о том, что в отряде К. Иванова было 160 чел., а с О. Степановым во время боя с маньчжурами – 300 чел. Однако это явно заниженные цифры (Красноштанов, 2008a. С. 572).

[36] В 1654 г. на Амур бежали служилые люди во главе с Давидом Егоровым и Федотом Бараном. Большая часть из них была поймана, однако кто-то смог добраться и до Даурии. Мы уже отмечали, что общая численность бежавших с П. Кислым и В. Черкашениным оценивалась в 200 и даже в 300 чел., а к полку О. Степанова к лету 1654 г. присоединились только около 100 чел. Возможно, что часть этих людей действовала какое-то время самостоятельно, а потом влилась в Амурское войско.

На весну – лето 1655 г. приходится бегство знаменитого полка «воровского атамана» Михаила Григорьева Сорокина, желавшего действовать на Амуре самостоятельно и у «государевых воевод под началом не быть» и в «Даурской земле в государевы полки … не даватца, и никаких служб государю … не служить». В полк вошли 25 верхоленских казаков, набранных из якутских и новоприборных илимских служилых людей. Еще 25 илимских казаков привел брат атамана Яков Сорокин (бывший «московский ссыльный»). Ясаулом был выбран Федор Иванов Краснояр. К «сорокинцам» присоединились крестьяне, солевары и мельник, ямские охотники, промышленные и гулящие люди Илимского и Якутского уездов, так что полк стал насчитывать 300 чел. В побег казаки пошли вместе с полковым знаменем, казенным оружием и боеприпасами. Разграблению подверглась ярмарка в Усть-Куте, здесь бунтари забрали у торговых людей большое количество хлебных припасов, свинца, пороха, одежды и прочего имущества. Кроме того, им достались вооружение и снаряжение не менее чем 20 казаков, отказавшихся покинуть службу, а также запасы пороха и свинца, оставленные Д. Зиновьевым в Тугирском остроге. Следует отметить, что в полк М. Сорокина вошли 36 % (!) личного состава служилых людей Илимского уезда (остались 94 чел.: стрелецкий сотник Яков Онцыфоров, «городничий» Богдан Черепанов, 2 подьячих, 3 казачьих пятидесятника, 7 десятников, и 80 рядовых казаков. В 1656 г. гарнизон был восполнен 100 «добрыми семейными» ратниками из сибирских городов). Судьба полка неизвестна, но нельзя исключать то, что часть его могла присоединиться к О. Степанову.

В это же время на Амур бежали и другие группы. Например, в 1656 г. из отряда илимского стрелецкого сотника Якова Анциферова, шедшего под Даурский волок с хлебными запасами в Тугирский острог, на Олекме бежали пятидесятники Иван Павлов и Сенка Белоус с 40 служилыми людьми. Они «побежали в Дауры» с казенным оружием, боеприпасами и 600 пудами ржаной муки, по пути ограбив промышленных и торговых людей. До Амура дойти им не удалось, т. к на р. Олекме их «по зимовьям переимали». В захвате участвовали люди якутских детей боярских И. Курбатова и Ф. Пущина, илимские служилые люди Я. Анциферова, амурские казаки, шедшие с ясаком в Якутск, и промышленные люди. Оружие и вещи бунтовщиков они «поделили промеж собою, чтобы … впредь повадно ходить за такими ворами» (Оглоблин, 1896; Красноштанов, 2008a. С. 551–553, 613; Красноштанов, 2008b. С. 48–49).

[37] По другим данным 20 чел. амурских казаков, входивших в состав этого отряда, в дальнейшем служили в Нерчинском остроге (Красноштанов, 2008a. С. 572, 580).

180 чел. поплыли вверх Амура на соединение с полком А. Пашкова. В этот период к отряду присоединились 40 чел. с дощаника, сумевшие уплыть от маньчжуров во время боя в Корчеевой луке. Общее число людей увеличилось до 220 (по другим данным 227 чел.). В их состав входили представители всех воинских корпораций, составлявших Амурское войско в 1653–1658 гг. (Красноштанов, 2008а. С. 566, 570–571, 573, 580).

Дойдя до Комарского острога, отряд, испытывавший недостаток в продовольствии, разделился. Первая половина 107[38] чел. с выборным атаманом А. Петриловским и есаулом Фарафонко Тимофеевым пошли вверх Амура для последующего соединения с А. Пашковым. Дойдя до Тугирского (Даурского) волока, они предпочли перейти на р. Олекму. В Тугирском остроге они получили 170 пудов 13 гривенок ржаной муки на 105 чел., а 13 августа 1659 г. приказчик Олекминского острога сын боярский Воин Якунин выдал им 72 пуда ржаной муки на 102 чел., чтобы они смогли дойти до заимок. Пять человек из числа якутских служилых людей отправились в Якутск с отписками. Остальные с ясачной казной через Илимск[39] и Енисейск в Москву. Вторая часть, 113 чел., пошла «кормиться» в поход по р. Зее. Об их судьбе нет точных данных. В 1661 г. в Якутский острог из Даурии вместе с ясаком, собранным на р. Зее, пришли 56 чел. во главе с Якушкой Парфеновым и Елизарко Семеновым. Также есть сведения от рядового казака якутского острога Шестачко Афонасьева[40] о том, что он вышел с Амура в Илимский острог с 39 чел., в то время как 55 чел. из его отряда умерло с голоду. Вероятно, это и есть ратники, остававшиеся на р. Зее. При этом надо отметить, что обе упомянутые группы насчитывали 150 чел., что не стыкуется с данными А. Петриловского о числе людей, оставленных на р. Зее. Очевидно, что к ним могли присоединиться новые партии «розбежавшихся» во время боя с маньчжурами (Красноштанов, 2008а. С. 564–568, 571, 585).

Сведения о таких отрядах есть. По упомянутым выше данным А. Петриловского, на спасшемся во время сражения в Корчевой луке судне было 95 чел., а к его отряду пристали только 40 чел. Вероятно, часть ратников с дощаника отделилась. Возглавлял их Ивашко Иевлев Тельной, енисейский служилый[41] человек из полка П. Бекетова. В челобитной он указал, что с 40 людьми построил острог в Натцкой земле, был выбран приказным человеком на реку Зею, куда ходил в походы и собирал ясак. После И. Тельной с отрядом вышел в Якутск, где воевода И. Ф. Голенищев-Кутузов поверстал его в якутские служилые люди. Кроме того, есть сведения верхотурского сына стрелецкого Коземки Борзунова, входившего в состав полка Д. Зиновьева и вышедшего с Амура в Енисейский острог с 15 (по другим сведениям – 17) соратниками. По его сведению, он сражался в последнем бою Амурского войска с «богдойцами», где получил ранения из пищали в левую руку и из лука в левую ногу (Красноштанов, 2008а. С. 581–582, 575, 584–585).

Таким образом, если доверять всем приведенным выше сведениям, у нас есть данные о том, что с 1658 по 1661 гг. с Амура в Якутский, Илимский и Енисейский острог вернулись не менее чем 257 чел., и не менее 366 чел. погибли в сражениях и от голода. Судьба остальных (порядка 70 чел.) неизвестна.

Отметим также то, что Амурское войско так и не смогло создать сеть укрепленных пунктов на Амуре. Одной из объективных причин этой неуда-

[38] А. Петриловский в расспросе в Сибирском приказе сказал, отряд разделился на 100 и 120 чел., но это скорее округленные цифры (Красноштанов, 2008а. С. 571).

[39] В Илимском остроге численность отряда была уже 98 чел. Здесь они получили 100 пуд. муки ржаной (Красноштанов, 2008а. С. 568).

[40] После возвращения с Амура служил 7 лет в Нерчинском остроге, просил приверстать его в дети боярске. В даурских походах у Ш. Афонасьева были прострелены нога и рука, а также рана стрелою в лицо. Упоминается как нерчинский сын боярский в январе 1676 г. (Красноштанов, 2008а. С. 583; Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН). Ф. № 96. Нерчинская воеводская изба. Д. 38).

[41] И. И. Тельной служил 2 года на озере Иргень и р. Шилке, а затем 5 лет в полку О. Степанова. После ухода с Амура поверстан в служилые люди Якутска служил на реках Охоте и Тоуй, воевал с оленными мужиками Долганского рода, приверстан пятидесятником. Ранен тунгусами в левое бедро, а затем в трех местах в сражении с маньчжурами в Корчеевой луке (Красноштанов, 2008а. С. 581–582).

чи было то, что с 1653 г. казаки не получали от правительства оружия и боеприпасов, необходимых для осуществления возложенной на них задачи. До постройки Нерчинского острога Приамурье находилось в большой отдаленности от основных центров снабжения (Тобольск, Енисейск), а находящийся ближе всего Якутск получал порох и свинец один раз в три года, испытывая в них крайний дефицит. После того как воевода Д. Францбеков, имевший личные интересы в покорении Амура, был смещен, следующие за ним администраторы не поддерживали амурскую экспедицию.

Отряды, отправившиеся на р. Амур после разгрома Амурского войска в 1661–1662 гг. Выход с р. Амур остатков Амурского войска не остановил проникновения туда русских отрядов. Однако все они не имели законного статуса, т. е. были «воровскими» и бесследно пропали подобно полку М. Сорокина.

В июле 1662 г. бывший ратник Амурского войска, ссыльный донской казак Елизарко Семенов (Донщина) и Максимко Рожа побежали на р. Амур, собрав ватагу из 20 промышленных людей и крестьян. Они ограбили крестьян, а также торговых и промышленных людей в Илимском уезде, на Чечуйском волоке, а затем в заимках на реках Олекме и Тугирь, забирая хлебные припасы и забивая скот. Постепенно численность беглецов превысила 30 чел. На р. Чаре к ним присоединились 3 якутских служилых человека. В Тугирский острог пришло уже 40 чел. «Воровской атаман» Е. Семенов объявил, что он идет на Амур по указу царя и воеводы И. И. Лобанова-Ростовского и, опечатав в крепости анбар с казною, «выбил вон вверх по Тугирю в пустые места» тугирский гарнизон. Сначала «воров» безуспешно ловил отряд Терешки Пашкова, 20 служилых людей Илимского острога и добровольцы из числа крестьян, гулящих и промышленных людей, а также илимский пятидесятник Ивашка Дунаев и 10 на заставе в устье р. Олекмы. Якутский воевода И. Ф. Голенищев-Кутузов послал пятидесятника Гарасима Кондратьева с приказом собрать ясачных якутов и тунгусов Олекминского острога «и с теми …воровских людей имать», а «живы не дадуться … тех беглых … побить досмерти». В августе 1662 г. им удалось поймать часть беглых во главе с енисейскими служилыми людьми О. Грешковым и И. Карповым. Первый из них был повешен в Якутске, а остальные «биты кнутом на козле нещадно». Судьба остальных неизвестна (Красноштанов, 2008а. С. 586–589, 591–593).

В 1663 г. из Нерчинска на Амур побежала еще одна группа якутских, илимских, енисейских, нерчинских и иргенских служилых людей, возглавляемая бывшими членами Амурского войска. Последние в 1661 г. вышли в Енисейский острог с р. Зеи. Среди 17 чел. было 5 енисейских служилых людей[42] и Левка Ярофеев Булуй с ратниками из «сибирских городов». Они стали служить у А. Пашкова в Иргенском остроге и ходили в поход на тунгусов с его сыном Еремеем Пашковым. На Ингоде, украв у соратников оружие и снаряжение, на плотах сплавились к Нерчинскому (Нелюцкому, Тунгускому) острожку, ограбив казенную пороховую и свинцовую казну, которую на стругах вез пятидесятник Ондреем Васильев. Забрав струги, они вышли на р. Тугирь, однако уйти на Амур не успели. Здесь их в числе 14 чел. встретил Ларион Толбузин и забрал с собой для нерчинской службы, с которой он и сбежали через два года. Дальнейшая судьба их также неизвестна (Красноштанов, 2008а. С. 575–577). Скорее всего все упомянутые ватаги были перебиты жителями Приамурья и маньчжурами, о чем последние упоминают в своих документах (Мелихов, 1974. С. 101; Мясников, 1987. С. 149).

Подводя общий итог заметим, что сопоставимое количество военного контингента, который был в Приамурье в 1655–1658 гг., Россия смогла сконцентрировать в этом регионе только через 30 лет для обороны Албазинской крепости в 1686 г. В целом в этот период, учитывая стихийное стремление массы сибирских людей к перемещению в Даурию, потенциальные возможности насыщения бассейна Амура русской военной силой были велики. Однако они не были использованы. Вероятно, главной причиной следует считать отсутствие жесткого административного контроля над действиями «амурских» ратников, которые не смогли

[42] В 1654–1655 гг. эти енисейские служилые люди были посланы с сыном боярским Васильем Колесниковым на р. Шилку для постановки острога, перейдя Байкал, они ограбили Колесникова и часть соратников и «побежали в Даурскую землю» (Красноштанов, 2008а. С. 576).

создать надежный плацдарм в виде сети крепостей, имевших запасы продовольствия. С другой стороны, действия Амурского войска во многом были обусловлены тем, что правительство не смогло обеспечить поставки на Амур оружия и боеприпасов в количестве, достаточном для решения возложенных на полк О. Степанова задач, в условиях столкновения его с маньчжурскими войсками.

Список источников

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан : Магаданское книжное издательство, 1970. 368 с.

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Дальнаука, 1999. 336 с.

Багрин Е. А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб. : Нестор-История, 2013. 288 с.

Багрин Е. А. Письменные источники в реконструкции исторических процессов в Восточной Сибири во второй половине XVII в. (по материалам вооружения русских первопроходцев в Приамурье) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2012. № 2 (64). С. 282–286.

Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. Л. : Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925. 97 с.

Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII – середина XIX в. М. : Наука, 1983. 206 с.

Васильев А. П. Забайкальские казаки: исторический очерк. Чита: Типография Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916. Т. 1. 232 с.

Забияко А. П., Черкасов А. Н. Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2019. 348 с.

Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск : Изд-во «РИОТИП», 2008a. 752 с.

Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск : Изд-во Репроцентр А1, 2008b. 378 с.

Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М. : Просвещение, 1991. 143 с.

Мазуров И. В., Пастухов А. М. Очерки истории Российского Дальнего Востока. Книга первая. Русская колонизация Приамурья, Северо-Восточной Сибири и Америки. Хабаровск : Изд-во ДВАГС, 2009. 383 с.

Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке Китая (XVII в.). М. : Наука, 1974. 246 с.

References

Aleksandrov V. A. (1984) Russia at the Far Eastern borders (second half of the 17th century). Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 272 p. (In Russ.).

Alekseev A. I. (1970) Brave sons of Russia. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 368 p. (In Russ.).

Artem'ev A. R. (1999) Towns and Forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the XVII-XVIII centuries. Vladivostok: Dal'nauka. 336 p. (In Russ.).

Bagrin E. A. (2013) Warfare of the Russians on the Eastern Border Lands of Russia in the 17th century: Tactics and Weapons of the Service People in the Baikal, Trans-Baikal and Amur Regions. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 288 p. (In Russ.).

Bagrin E. A. (2012) Written sources in reconstruction of historical processes in Eastern Siberia in the second half of XVII c. (based on Russian arms of pioneers in the Amur region). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» = Gerald of Omsk University. Series "Historical studies"*. No. 2 (64). P. 282-286. (In Russ.).

Bakhrushin S. V. (1925) Cossacks on the Amur. Leningrad: Brokgauz-Efron. 97 p. (In Russ.).

Besprozvannykh E. L. (1983) Priamurye in the system of Russian-Chinese relations, XVII - mid XIX century. Moscow: Nauka. 206 p. (In Russ.).

Vasil'ev A. P. (1916) Trans-Baikal Cossacks: a historical essay. Chita: Tipografiya Voiskovogo Khozyaistvennogo Pravleniya Zabaikal'skogo kazach'ego voiska. Vol. 1. 232 p. (In Russ.).

Zabiyako A. P., Cherkasov A. N. (2019) Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 348 p. (In Russ.).

Krasnoshtanov G. B. (2008a) Yerofey Pavlovich Khabarov. Khabarovsk: RIOTIP. 752 p. (In Russ.).

Krasnoshtanov G. B. (2008b) Nikifor Romanov Chernigovskii: documentary narration. Irkutsk: Reprotsentr A1. 378 p. (In Russ.).

Leont'eva G. A. (1991) Zemleprokhodets (pioneer) Erofei Pavlovich Khabarov. Moscow: Prosveshchenie. 143 p. (In Russ.).

Mazurov I. V., Pastukhov A. M. (2009) Essays on the history of the Russian Far East. The first book. Russian colonization of the Amur Region, North-Eastern Siberia and America. Khabarovsk: Far Eastern Academy of Civil Service. 383 p. (In Russ.).

Melikhov G. V. (1974) Manchu in the north-east of China (XVII century). Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.).

Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1987. 514 с.

Оглоблин Н. Н. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина // Русская старина. СПб. : Общественная польза, 1896. Т. 85. С. 205–224.

Павлик В. И. Долгий путь на Амур: Ерофей Хабаров и его «войско». Хабаровск : Изд-во Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры, 2004. 190 с.

Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М. : Вече, 2006. 512 с.

Щукин Н. С. Подвиги русских на реке Амуре в XVII столетии, описанные на основании подлинных бумаг якутского и нерчинского архивов // Сын отечества. 1848. Книга 9. С. 1–52.

Яковлева П. Т. Первый Русско-китайский договор 1689 года. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. 235 с.

Myasnikov V. S. (1987) Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 514 p. (In Russ.).

Ogloblin N. N. (1896) The riot and escape to the Amur of the “thieves regiment” by M. Sorokin. *Russkaya starina = Russian antiquity*. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. Vol. 85. P. 205-224. (In Russ.).

Pavlik V. I. (2004) The Long Way to the Amur: Erofey Khabarov and his “army”. Khabarovsk: Khabarovskogo kraevogo blagotvoritel'nogo obshchestvennogo fonda kul'tury. 190 p. (In Russ.).

Slovtsov P. A. (2006) The history of Siberia. From Ermak to Catherine II. Moscow: Veche. 512 p. (In Russ.).

Shchukin N. S. (1848) The exploits of Russians on the Amur River in the XVII century, described on the basis of original papers of the Yakut and Nerchinsk archives. *Syn otechestva = Son of the Fatherland*. Book 9. P. 1-52. (In Russ.).

Yakovleva P. T. (1958) The first Russian-Chinese treaty of 1689. Moscow: Akademiya nauk SSSR. 235 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Багрин – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы, Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия.

Information about the author

E. A. Bagrin – Cand. Sci. (History), leading researcher of the Scientific and Methodological Department, Boris Yeltsin Presidential Library, 3, Senatskaya Square, Saint-Petersburg 190000, Russia.

Вклад автора

Багрин Е. А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Bagrin E. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 августа 2021 г.; одобрена после рецензирования 17 сентября 2021 г.; принята к публикации 27 сентября 2021 г.

Article info

The article was submitted August 20, 2021; approved after reviewing September 17, 2021; accepted for publication September 27, 2021.

Научная статья
УДК 94(47).048+568.9
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-119-131

Нерчинский острог 1689 года

Алексей Юрьевич Лохов[1], Владимир Ильич Трухин[2], Илья Владимирович Зайцев[3]

[1] Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. К. К. Рокоссовского, Благовещенск, Россия, kluger999@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-1285-6987
[2] Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, tru_vi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6831-1858
[3] Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, ilia.zaytsev2001@gmail.com

Аннотация. Вне всякого сомнения, Нерчинский острог как крепостное сооружение получил свою известность в связи с заключением в 1689 году первого Русско-китайского мирного договора, получившего название Нерчинский. Сразу после подписания данного документа, который, по сути, узаконил уже существовавшие торговые отношения с Китаем, активизировался и процесс преобразования самого Нерчинска из военно-административного центра в город. Связанно это было с тем, что его бюджет стал активнее пополняться таможенными поступлениями, часть которых затем пошла на приобретение строительных материалов и благоустройство. История создания, а также некоторые аспекты последующего развития этой крепости нашли свое отражение в ряде научных трудов и статей В. Г. Изгачева, Л. С. Терентьева, А. В. Константинова, В. И. Кочедамова, Н. П. Крадина, А. Р. Артемьева и др. Несмотря на то что источниковедческая база для изучения истории строительства Нерчинского города 1689 года достаточно велика, однако до настоящего времени ни одной реконструкции его внешнего вида создано не было. Причина – отсутствие полных достоверных описаний. В сохранившихся письменных источниках отражены лишь общие сведения об этапах его возведения. Графические и картографические материалы, содержащие сведения об этом образце русского деревянного оборонного зодчества, сохранились, но они относятся к первым десятилетиям XVIII века. Вместе с тем полноценная реконструкция внешнего вида крепости возможна, но требует проведения целенаправленного анализа имеющихся исторических источников, с целью выявления конструктивных особенностей всех ее объектов. Решение этой задачи было реализовано в данной работе. Кроме того, будут проанализированы и исторические документы, относящиеся к созданию Нерчинского острога 1658 года постройки. Это необходимо сделать потому, что сооружения Нерчинской крепости 1689 года были возведены на месте острога 1658 года, а ряд объектов старой крепости, возможно, был сохранен при строительстве новой.

Ключевые слова: башня, воеводский двор, Нерчинск, острог, приказ, проезжие ворота, сажень, стена, амбар, крепость, погреб

Для цитирования: Лохов А. Ю., Трухин В. И., Зайцев И. В. Нерчинский острог 1689 года // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 119–131. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-119-131.

Original article

The Nerchinskiy fortress 1689

Aleksei Yu. Lokhov[1], Vladimir I. Trukhin[2], Ilia V. Zaytsev[3]

[1] The Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky Far Eastern Higher Combined Arms Command School, Blagoveshchensk, Russia, kluger999@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-1285-6987
[2] Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, tru_vi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6831-1858
[3] Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, ilia.zaytsev2001@gmail.com

Abstract. There's no doubt, that the Nerchinsky fortress (ostrog), as a fortification structure, gained its fame in connection with the conclusion of the first Russian-Chinese peace treaty in 1689. It was immediately after the signing of the document that the fortress (ostrog) was rebuilt into a city. The history of the creation, as well as some aspects of the subsequent development of this fortress, are reflected in a number of scientific works and articles of V. G. Izgachev, L. S. Terentyev, A. V. Konstantinov, V. I. Kochedamov, N. P. Kradin, A. R. Artemyev and others. Despite the fact that the source base for studying the history of the construction of the Nerchinsk city in 1689 is large enough, so far not a single reconstruction of its appearance has

© Лохов А. Ю., Трухин В. И., Зайцев И. В., 2021

been created. The reason for this has been the lack of complete reliable descriptions of this fortress. The remaining written sources reflect only the most general information about the stages of the construction of this fortress. Graphic and cartographic materials containing information about this sample of Russian wooden defense architecture have survived, but they belong to the first decades of the 18th century, which also complicates the solution of this problem. At the same time, a full-fledged reconstruction of the appearance of this fortress is possible, but it requires a targeted analysis of all available historical sources in order to identify the design features of all of its objects. It is the solution of this problem that the authors will deal with in this work. In addition, historical documents related to the creation of the Nerchinsk fortress (ostrog) built in 1658 are analyzed in this paper. This must be done, because the structures of the Nerchinsk fortress of 1689 were erected on the site of the fort (ostrog) of 1658, and a number of objects of the old fortress may have been preserved in the new one.

Keywords: tower, voevoda's courtyard, Nerchinsk, fortress (ostrog), order, driveway gate, fathom, wall, the barn, fortress, cellar

For citation: Lokhov A. Yu., Trukhin V. I., Zaytsev I. V. (2021) The Nerchinskiy fortress 1689. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 119-131. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-119-131.

Нерчинский острог, как крепостное сооружение, получил свою известность в связи с заключением первого Русско-китайского мирного договора 1689 года. Сразу после его подписания он был перестроен в город. История создания, а также некоторые аспекты последующего развития этой крепости, нашли отражение в ряде научных трудов и статей В. Г. Изгачева, Л. С. Терентьева (К истории основания Иргенского острога, Читы и Нерчинска // Забайкальский рабочий. 1974. 09 апреля № 99. С. 4, 16 апреля № 107. С. 4, 26 апреля № 117. С. 4), А. В. Константинова, В. И. Кочедамова, Н. П. Крадина, А. Р. Артемьева, Е. Д. Петряева, В. А. Александрова, П. Т. Яковлевой (Константинов, 2017; Константинов, Константинова, 2002; Кочедамов, 1978; Крадин, 1988; Крадин, 2019; Артемьев, 1995; Артемьев, 1999; Петряев, 1959; Александров, 1984; Яковлева, 1958). При изучении истории строительства Нерчинского города авторы пришли к выводу, что ни одной реконструкции его внешнего вида создано не было. В сохранившихся письменных источниках отражены общие сведения об этапах возведения, и лишь фрагментарно описаны детали, содержащие информацию об его особенностях. Графические и картографические материалы, где есть сведения об этом образце русского деревянного оборонного зодчества, сохранились, но они относятся к первым десятилетиям XVIII века. Вместе с тем полноценная реконструкция внешнего вида этой крепости возможна, но требует проведения целенаправленного анализа имеющихся исторических источников с целью выявления конструктивных особенностей всех ее объектов. В этой работе это будет сделано. Кроме того, будут проанализированы и исторические документы, относящиеся к созданию Нерчинского острога 1658 года постройки. Это необходимо сделать потому, что сооружения Нерчинской крепости 1689 года были возведены на месте постройки острога 1658 года, а ряд объектов старой крепости, возможно, был сохранен при строительстве новой.

Первое оборонительное сооружение возникло в устье реки Нерча в 1653 году. П. И. Бекетов в начале 1654 г. отправил сообщение в Енисейск о том, что 20 января ему стало известно из письма, полученного от служилых людей Максима Уразова и его товарищей, писавших с устья реки Нерчи, что последние, будучи служилыми людьми на правом берегу реки Шилки напротив устья реки Нерчи, подыскали крепкое место для большого государева острога, к тому же место хорошо подходящее для рыбного промысла и сельскохозяйственной деятельности. Для занятия этого места ими был поставлен малый острожек с одной избой (Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. ЛЛ. 329, 330). Он получил название Шилкский острожек и просуществовал до 1656 года, когда был сожжен кочевавшими здесь тунгусами. Поскольку первый острожек располагался ниже по течению реки Шилка, построенного позднее Нерчинского острога, здесь мы подробно на его конструктивных особенностях останавливаться не будем.

Первую попытку в XVII веке присоединить к Русскому государству земли по течению Амура предпринял Ерофей Павлович Хабаров. Однако

проверка его деятельности, проведенная московским воеводой Дмитрием Ивановичем Зиновьевым, выявила ряд существенных упущений в деяниях Хабарова во время похода по Амуру. Его бездействия по созданию долговременных оборонительных сооружений и опорных пунктов на территории Приамурья, над которыми был установлен контроль в ходе этого похода, впоследствии стали закономерной и основной причиной потерь этих земель. Таким образом возникла острая необходимость исправить эту стратегическую ошибку. Для чего Сибирский приказ установил создать Даурское воеводство, во главе которого выступал воевода Пашков Афанасий Филиппович. 20 июня 1654 года были созданы Даурское воеводство и уезд (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Ст. 453. ЛЛ. 2, 3). В выданном распоряжении для воеводства воеводе Пашкову было указано, что на берегах реки Шилки в устье реки Урки, в Лавкаевых улусах и в Албазинском городище, предусмотреть подходящее место, которое не подвергается нашествию маньжурских войск, где и осуществить строительство острога, хорошо подготовленного в инженерном отношении и укрепленного различными способами (Труворов, 1894. С. 5). Этим новым острогом и стал Нерчинский острог, возведенный казаками в 1658 году.

В своей статье Н. П. Крадин и М. Ю. Тимофеева попытались описать процесс подготовки к строительству Нерчинского острога. Из этого описания становится известно, что весной 1658 г. казаки заготовили и связали плоты из бревен. Судя по количеству, из них предполагалось построить около двухсот сажень стен и восемь башен, которые затем сплавом пустили по рекам Ингоде и Шилке до устья реки Нерчи, где и был позднее возведен новый острог (Крадин, Тимофеева, 1988. С. 174). Что подтверждается единственным свидетелем этих событий, оставившем воспоминания о них – протопопом Аввакумом. В своем «Житии» он писал: «…Весною (1658 г.) на плотах по Ингоде реке поплыли на низ. … Лес гнали хоромной и городовой…» (Аввакум, 1960. С. 74).

Следует более подробно обратить внимание на отчет А. Пашкова о подготовке необходимых для строительства Нерчинского острога строительных конструкций. В своей отписке он буквально сообщил, что из Иргенского острога перешел через участок суши на реку Ингоду, где был срублен лес и подготовлены заготовки для восьми башен, которые предполагалось расположить в новом остроге на новой Даурской земле, из них в двух башнях были предусмотрены проезжие ворота, кроме того заготовлен лес для четырех стен острога, общей протяженностью двести сажень. А также «на верхней Шилской острог четыре башни да к тем государи башням изготовил острог весь сполна» (РГАДА. Ф. 214. Ст. 508. ЛЛ. 318, 325). Из этого следует несколько краеугольных выводов. Во-первых, первый Нерчинский острог планировалось построить как минимум с четырьмя башнями. Во-вторых, его стены должны были быть тыновыми. Для этого изначально отдельные тынины сплачивались, то есть подгонялись друг к другу. В-третьих, по свидетельству протопопа Аввакума, кроме заготовок для конструкций стен и башен, был заготовлен лес «хоромный», который предназначался для строительства внутренних сооружений острога, в том числе и жилых.

Несмотря на значительную предварительную подготовку, сплав заготовленных конструкций по Забайкальским рекам проходил сложно. В весенний период реки Ингода и Шилка полноводны, но скорость течения у них очень высока, глубокие места сменяются мелями и для больших плотов они труднопроходимы и поэтому потери леса при сплаве были неизбежны. О том, что это было именно так сохранилось свидетельство служилых людей отряда О. Степанова. Двигаясь вверх «... по Амуру де реке по островам и по берегам видели, что лежит многой лес церковной и острожной и башенной, и то де они чают, что тот лес рознесло от Офонасья Пашкова» (РГАДА. Ф. 214. Ст. 124. Л. 192). Из этого свидетельства можно сделать вывод о том, что заготовленные для сплава конструкции предназначались не только для строительства острога, башен, но и церкви. Церковь – это еще один объект острога, который изначально планировалось построить. Это была одна из приоритетных задач, определенных Афанасию Пашкову в царском наказе на воеводство: «...и в остроге устроить настоящую церковь, во имя Воскресения Христова; а у той церкви приделать два предела, во

имя Алексея митрополита, да Алексея человека Божия» (Труворов, 1894. С. 5).

Однако потери при сплаве, видимо, были настолько значительными, что весь оставшийся лес был использован для строительства острожных стен, башен и жилья. Об этом мы можем найти упоминания в «Житии» протопопа Аввакума. В нем он отмечает наличие в остроге дома, в котором он жил, других изб и даже воеводского двора, но никак не упоминает хотя бы о начале строительства церкви (Аввакум, 1960. С. 76–77). В Нерчинском остроге он пробыл до 1659 года. Основываясь на этом, можно предположить, что строительство церкви было отложено, возможно, из-за отсутствия необходимого количества строительного леса.

Некоторые дополнительные сведения, характеризующее конструкции стен Нерчинского острога, можно почерпнуть из «Отписки приказного человека Даурских острогов Д. Аршинского о строительных работах в Нерчинском остроге» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1659. Л. 97). В ней говорилось «…Да в нынешнем же во 178-м году сделал я, холоп ваш, Великих Государей, с нерчинскими служилыми людьми на остроге облавы, и покрыты тесом, и в остроге служилые люди делают колодец». То есть в 178-м году (в современном летоисчислении это период с 1 сентября 1669 года по 31 августа 1670 года) стены острога были усилены обламами и покрыты тесом. Из этого же документа становится известна дата окончания строительства первой церкви Нерчинского острога. Ее планировалось завершить в этом же году.

В 1675 году через Нерчинский острог проезжал русский посол в Китай Н. Спафарий. Он оставил очень краткое описание Нерчинского острога: «…А острог Нерчинский стоит на левой стране реки Нерчи на ровном месте; а ниже острогу река Нерча впадает в Шилку, а в остроге церковь Воскресения Христова, а жилых дворов казачьих с 60, а служилых людей, кроме промышленных человек, с 200…» (Спафарий-Милеску, 1882. С. 140).

Каких-либо иных сведений о том, как выглядел Нерчинский острог, построенный в 1658 году, до настоящего времени не опубликовано. Поэтому говорить о форме острога, конструкциях стен, количестве башен можно лишь предположительно. Однозначно можно утверждать, что острог был построен, а его стены были тыновыми. Сверху они укреплены обламами и крыты тесом. Внутри были воеводский двор и избы, а к 1670 году закончено строительство острожной церкви.

Ко времени начала мирных переговоров между русским послом Ф. Головиным и маньчжурами в 1689 году Нерчинский острог заметно обветшал. В статейном списке посольства Головина находим следующие сведения о состоянии Нерчинского острога: «…А Нерчинской острог был гораздо мал и худ, и многие бревна подгнили, и к воинскому промыслу был безнадежен…» (РКО, 1972. С. 537)[1].

Когда переговоры зашли в тупик и маньчжуры фактически осадили Нерчинский острог, Ф. А. Головин предпринял меры к увеличению его обороноспособности. Были проведены работы по фортификационному оборудованию подступов к крепости. Вокруг неё срочно сооружались тройные надолобы, перед которыми выкапывались окопы, не дающие маньчжурам беспрепятственно приблизиться к стенам острога. Кроме этого, из плотов, на которых приплыли служилые люди полка Ф. Головина в Нерчинский острог, рубились укрепления «чтоб хотя мало зделать город», усиливающие внешнюю линию обороны острога. Несмотря на серьезность складывающейся обстановки, за счет дипломатических усилий с русской стороны, прямого боестолкновения удалось избежать. Поэтому сразу после подписания Нерчинского мирного договора по распоряжению Федора Головина на старом острожном месте была начата коренная перестройка Нерчинского острога, в которой приняли участие прибывшие с ним стрельцы.

Как правило, в большинстве исследований, посвященных истории Нерчинского острога сообщается, что под командованием Ф. А. Головина новый острог был построен. В действительности же в кратчайшие сроки были возведены только основные его укрепления. Данное обстоятельство подтверждается тем, что мирный договор был подписан 26 августа 1689 года, а уже 15 октября этого же года глава русского посольства окольничий Ф. А. Головин в своем статейном списке указал

[1] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691 / Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М. : Наука, 1972. 836 с.

«...доделав в Нерчинску город, пошел из Нерчинска с ратными людьми в Удинской» (РКО, 1972. С. 618)[1].

Стрельцами полка Ф. А. Головина были возведены три стены Нерчинского города: «…одна стена длиною 90 сажен, 2 стены по 70 по 6 сажен, а вышиною стены по 3 сажени» (РКО, 1972. С. 618)[1]. Четвертую стену было поручено «строить нерчинским старым конным казаком и всяких чинов жителем». Кроме того, стрельцами были построены «2 проезжие башни вышиною до обламов по 3 сажени, шириною по 4 сажени, 3 наугольных» (РКО, 1972. С. 618)[1]. Из более поздних планов и описаний Нерчинска видно, что крепость имела восемь башен. Вполне вероятно, что три башни старого острога были в хорошем состоянии и могли быть использованы без дополнительной перестройки.

Первое известное описание этого острога содержится в городовом списке 1701 года. Однако сведения об остроге для него были взяты из росписного списка 205 (1696/1697) года. Вот это описание: «Нерчинской город. По росписному списку 205 г. не крыт, а в стенах 4 башни проезжия с вороты, да по углам 4 башни глухия, в них одна покрыта, да у 2 проезжих башен на воротах 2 калитки, а на верху у башни нарублен чердак и кругом перила, в чердаке часы боевые. В городе ж зелейный погреб … В городе ж оружейной сарай … В городе ж в казенном амбаре …» (Сибирские города…, 1886. С. 12)[2]. Из текста этого документа видно, что несмотря на то, что с момента начала перестройки острога уже прошло семь лет, его стены остаются не крытыми, а из угловых башен покрыта только одна. Из-за этой нерасторопности башни и стены острога, возведенные усилиями сотен стрельцов и казаков, начали гнить и разрушаться, а через два года в весеннее половодье река Нерча подмыла одну из угловых башен. Об этом 20 декабря 1699 года Нерчинский воевода Иван Николев и Лука Кочмарев сообщили царю в своей отписке: «… В прошлых, Великий Государь, и в 207 годех, подмыло весною в половодье, а летом от дождей и водою, западную сторону от Нерчи реки угловую городовую башню на полсажени, и впредь, Великий Государь, та башня непрочна и городу в том месте стоять нелзя, потому что тое башню укрепить от воды никоими мерами не возможно; а город в Нерчинску деревянной и не покрыт, и от того во многих местах зачал от дожжей гнить, також таможенная изба гораздо ветха и анбар, в котором твоя Великого Государя казна соболиная и таможенная и оружейная лежит, и приказ деревянной…»[3].

Наличие часов в одной из башен подтверждается также отчетом 1704–1714 гг. «О количестве серебра и свинца, добытых на речке Серебрянке, с показанием расходов по этому добыванию». В нем, в частности, указано: «…Да в Нерчинску ж государева свинцу в росходе на городовую башню к часам на гири 4 пуда 30 фунтов …» (Тимофеев, 1882. С. 260). Кроме того, в 1699 году в окладной книге Нерчинского острога отмечено наличие «часового заводу мастера» с окладом 7 рублей (Сибирские города…, 1886. С. 10)[2].

Наиболее ранние русские графические изображения Нерчинского острога, датируемые концом XVII – первыми годами XVIII века, сохранили картографические атласы Семена Ульяновича Ремезова. Несмотря на то, что он в Нерчинске никогда не был, его работы основываются на подробных расспросах казаков, проезжавших через Тобольск по пути из Нерчинска в Москву и другие города Европейской части России. Первое из них содержится в «Хорографической чертежной книге» в главе 54 «Река Амур с урочищи»[4], второе изображение – в «Служебной чертежной книге» на листе 65 «Чертеж земли Нерчинскаго города» (Дергачева-Скоп, 2006. Л. 65) (рис. 1).

Оба изображения схожи, но кажутся зеркальным отражением друг друга. Это вызвано тем, что на изображении из «Служебной чертежной книги» юг находится в верхней части рисунка. Рядом с

[2] Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М. : Типография М. Г. Волчанинова (бывшая М. П. Лаврова и К), 1886. 148 с.

[3] Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. В 5-ти т. С доп. и указ. СПб., 1841–1872. Т. V; 1842. 567 с. С. 536–537. № 294.

[4] Khorograficheskaya kniga [Cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6) // Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass. [Электронный ресурс]. URL: http://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$367b (дата обращения 15.11.2021).

Рис. 1. Наиболее ранние изображения Нерчинской крепости 1689 года. Слева направо: фрагмент листа 148 из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова. Глава 54. «Река Амур с урочищи»; фрагмент листа 65 «Чертеж земли Нерчинскаго города» из «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова
Fig. 1. The earliest images of the Nerchinsk Fortress in 1689. From the left to the right: fragment of folio 148 from "Chorographic drawing book" by S. U. Remezov. Chapter 54. "The Amur River from the Tract"; fragment of sheet 65 "Drawing of the land of the Nerchinsk city" from the "Service drawing book" by S. U. Remezov

восьмибашенным острогом на обоих рисунках мы видим пристройку с двумя башнями. Никакими другими источниками ее наличие подтвердить пока не удалось. Однако, анализируя более поздние картографические изображения этого острога, можно предположить, что там располагался гостиный двор с торговыми рядами. Например, на плане «Иркутской губернии города Нерчинска» 1820 года это место обозначено как «Гостиный двор» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. «Карты Иркутской губернии». № 118). В свою очередь на первоначальном этапе он, возможно, был огражден. Как раз к этому времени Нерчинский острог становится ключевым пунктом караванной торговли с Китаем и наличие огражденного гостиного двора вполне естественно.

Широко известны гравированные изображения Нерчинска, опубликованные в изданиях, вышедших в Голландии в начале XVIII века. Наиболее раннее изображение содержится в первом голландском издании «Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695)» Избранта Идеса (Ides Evert Ysbrants). Книга вышла из печати в 1704 году, а гравюра получила название «De hoft – stadt Nerzinskoi, in Dauria» (Ides, 1704. P. 44). Вторая гравюра была включена в изданную Николасом Витсеном книгу «Северная и восточная Тартария» под названием «Nertzinskoy in het Lantschap Dauria» в 1705 году (Witsen, 1705. Вклейка между С. 94–95). Известно, что изданием записок Идеса занимался Николаас Витсен, благодаря чему обе гравюры схожи. Вне всякого сомнения они опираются на воспоминания о Нерчинске, сделанные И. Идесом, поскольку ни сам Н. Витсен, ни его граверы никогда не были в Нерчинске. К сожалению, Избрант Идес и его секретарь Адам Брандт в своих записках не удостоили Нерчинск сколько-нибудь подробным описанием. На гравюрах видно изображение крепости (рис. 2), больше напоминающие европейские каменные крепости. Лишь под гравюрой в книге Идеса имеется подпись, сообщающая, что цифрами обозначены: «1. Замок из дерева: в нем живет губернатор. 2. Церковь». На обеих гравюрах Нерчинская церковь изображена за пределами Нерчинской крепости.

Несколько больше информации о Нерчинской крепости содержит Городовой список 1704 года: «Нерчинской город, деревянной рубленой, около его мерою, опричь башень, 282 сажени; по тому

Рис. 2. Изображение Нерчинской крепости, опубликованное в 1704 году
Fig. 2. Image of the Nerchinsk Fortress, published in 1704

городу 8 башен, в том числе 4 башни с проезжими вороты, 4 башни глухия, и с теми башнями мерою того города кругом 308 саж.» (Сибирские города…, 1886. С. 18)[2]. Здесь интересны сведения о длине стен. Из рапорта Головина следует, что три стены острога составляли длину 242 (90+76+76) сажени. Если эти измерения были проведены верно, то на четвертую стену остается всего 40 саженей, что противоречит сохранившимся топографическим съемкам острога. Возможно причиной тому стало окончательное обрушение подмытой угловой башни и части приречной городовой стены. Чтобы не дать обрушиться городовой стене в промежутке между проезжей береговой башней, на приречной стороне острога была построена поддерживающая стену промежуточная башня, в результате чего количество башен осталось прежним, а длина стены уменьшилась.

Интересны сведения, почерпнутые В. И. Кочедамовым о Нерчинском остроге из «"Городового списка" г. Нерчинска и острожков Нерчинского уезда» 1710 года (РГАДА. Ф. 214, Оп. 5, Д. 1977). В своей статье он писал, что на каждой из сторон находились башни с воротами. Одна из них была главная, это Спасская башня. Она располагалась в северной стене с выходом на посад. Все башни имели свои названия: Ильинская – располагалась в восточной стене, Успенская – в южной части острога, и в западной части, то есть в сторону реки Богоявленская. Над воротами башен были расположены навесные часовни, а сами башни имели караульные надстройки. На Спасской башне, которая, видимо, была больше остальных, были установлены «боевые часы» с тремя колоколами» (Кочедамов, 2021. С. 53).

В 1726 г. в докладе сибирского губернатора, адресованном в Военную коллегию, содержалось сообщение, в котором описывалось состояние Нерчинского города. В нем говорилось, что Нерчинский город, сделанный из дерева, со временем обветшал. Где-то стали опадать стены, часть строений подверглась затоплению, а башня вовсе была разрушена и снесена водой. Однако он потребовал все разрушенные строения и башни незамедлительно восстановить (РКО, 1990. С. 348–349)[5]. Для исправления сложившегося положения был разработан проект восстановления стены в виде тына без восстановления угловой башни, который нашел отражение на «Плане города Нерчинска» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/33.). На этом

[5] Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 2. 1725–1727 / Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, А. И. Тарасова. М. : Наука, 1990. 670 с.

плане также отображены: «воеводский двор», «канцелярия», «амбар для сохранения ясачной казны», «подвал казенной для содержания пороховой казны», «сарай под коим артиллерия стоит», «гауптъвахта», «старая канцелярия», «соляныя амбары», «хлебныя амбары», «цеигаус», «таможня». Уже тогда стало ясно, что восстанавливать старую крепость не имеет смысла, поэтому начали подбирать место для строительства нового острога. В 1728 г. Степаном Немцовым была сделана топографическая съемка Нерчинской крепости (РГАДА. Ф. 192. № 80). На ней подмытая рекой Нерча крепостная стена отображена разрушенной. План С. Немцова содержит информацию о находившихся в Нерчинской крепости постройках. Согласно этому плану в указанной крепости располагались воеводский двор, канцелярия, каменный пороховой погреб, цейхгауз, караул, магазины, сарай, где стояла артиллерия, баня, поварня (рис. 3).

В 1735 году в Нерчинске работала экспедиция профессоров Петербургской Академии наук Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина. Г. Ф. Миллер в своей работе так описал состояние Нерчинского острога: «Нынешняя крепость, построенная еще в 1689 г., четырехугольная, длиной с севера на юг вдоль Нерчи в 85 саженей и шириной в 70 саженей. Она была основана с четырьмя боевыми башнями по четырем углам. Однако одна из башен, а именно нижняя по берегу Нерчи, в 1725 г. при высокой весенней воде сильным течением Нерчи, которое размывало тамошнюю почву, была снесена вместе с прилегающей частью деревянной крепостной стены, после чего вместо нее это место было обнесено палисадом. Помимо этих угловых башен на речной стороне на надлежащем расстоянии есть еще две башни; под одной из них ворота. И три другие стороны точно также снабжены каждая по одной башне посередине; через них тоже есть въезды в крепость. Кажется, что не без особого умысла речная сторона укреплена сильнее, чем противоположная. Ибо поскольку Нерчинск является городом пограничного уезда, то он имеет перед собой противником соседних китайцев» (Миллер, 1990. С. 173–174).

В ходе работы экспедиции был составлен план Нерчинска (Архив РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39. Л. 32). На плане крепости были нанесены: дом воеводы, канцелярия, каменный пороховой погреб, караулка, цейхгауз, амбар, в котором хранился поступающий ясак, соляной амбар и семь хлебных магазинов. Примечательно, что тогда же в составе экспедиции работал «рисовальным мастером» И. В. Люрсениус (Lursenius Iohann Wilhelm). В 1735 году им был создан рисунок панорамы Нерчинска. В 1753 году была сделана копия рисунка Люрсениуса, которая затем была исправлена и подготовлена для изда-

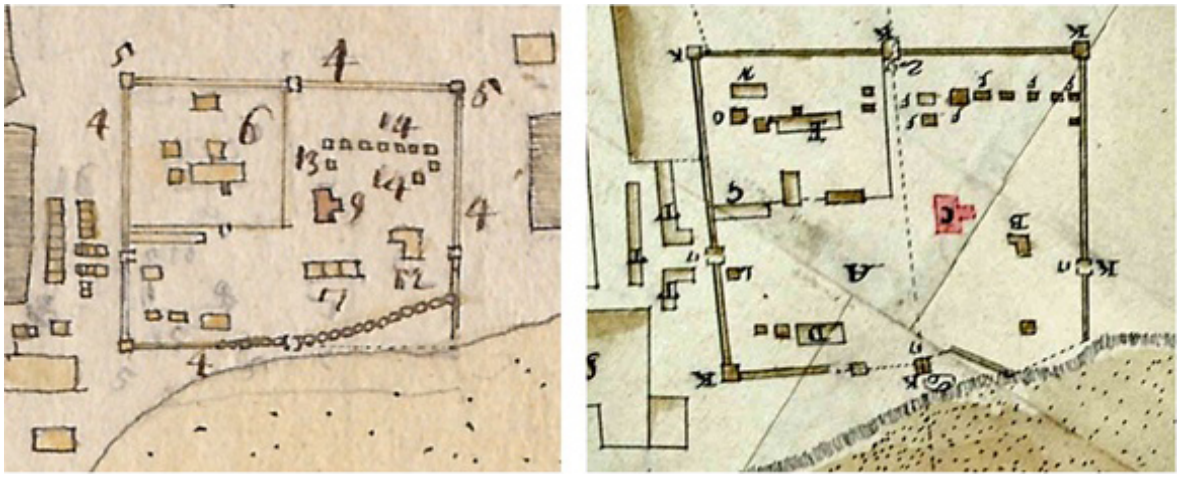


Рис. 3. Планы Нерчинской крепости 1726 и 1728 годов. Слева направо: *фрагмент «Плана города Нерчинска» (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/33); фрагмент «Чертежа старой и новой крепости Нерчинских, рек Шилки и Нерчи с окружными местами» (РГАДА, ф. 192, № 80)*

Fig. 3. Plans of the Nerchinsk fortress from 1726 and 1728. From the left to the right: *a fragment of the "Plan of the city of Nerchinsk" (SPB ARAS. F. 21. Inv. 5. File. 39/33); a fragment of the "Drawing of the old and new fortress of the Nerchinsky, the Shilka and Nerch rivers with the surrounding places" (RSAAA, f. 192, no. 80)*

ния по ней гравюры мастером Рисовальной палаты Академии наук И. Э. Гриммелем. Гравюра «Вид города Нерчинска. – Vue de la ville de Nertschinsk.» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. «Карты Иркутской губернии». № 131) была выполнена Н. Ф. Челнаковым и датируется 1770 годом (рис. 4).

Поскольку рисунок для гравюры был выполнен с натуры, то следует признать, что она реально отображает состояние Нерчинской крепости в 1735 году. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что её стены были срублены городнями, т. к. на гравюре отчетливо видны горизонтально уложенные ряды бревен, соединённые перерубами. При этом некоторые сооружения острога были достаточно интересными с архитектурной точки зрения. На гравюре отчетливо видно, что одна из проезжих башен имеет бочкообразное завершение. Возможно, что эта была одна из сохранившихся башен Нерчинского острога 1658 года (рис. 5).

В дальнейшем выше по течению реки Нерча возвели новую крепость, которая в целом сохранила основные объемно-планировочные решения острога 1689 года постройки. Свидетельством того является «План и проспект города Нерчинска», сделанный непосредственным членом экспедиции штурманом М. Татариновым. (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 22219). На плане, рядом с новой

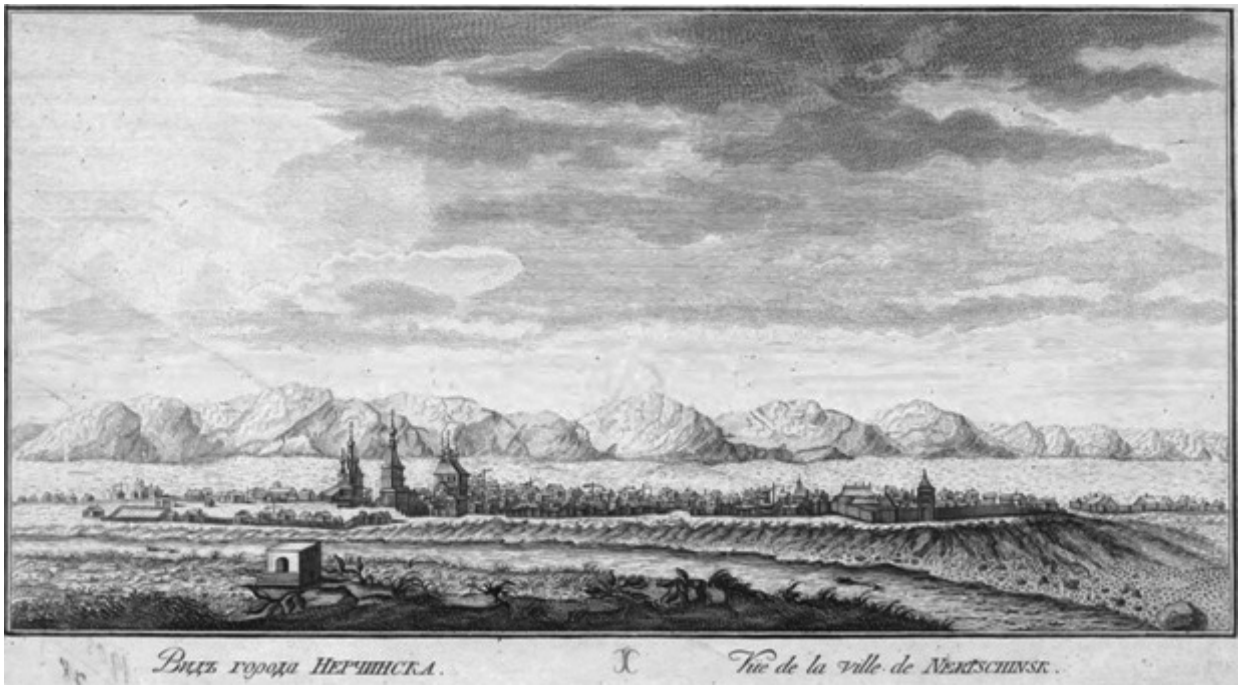


Рис. 4. Гравюра «Вид города Нерчинска. – Vue de la ville de Nertschinsk»
Fig. 4. Engraving "View of the city of Nerchinsk. - Vue de la ville de Nertschinsk"

Рис. 5. Фрагмент гравюры «Вид города Нерчинска»
Fig. 5. Fragment of engraving "View of the city of Nerchinsk"

крепостью, расположены еще полностью не разобранные остатки старой.

Подводя итог проведенному анализу исторических документов, можно сделать следующие основывающиеся на исторических документах выводы. Во-первых, Нерчинская крепость, построенная в 1689 году, имела форму неправильного прямоугольника, стены которого имели длину 85, 76, 90 и 76 саженей и были срублены из городен без обламов, а их высота составляла три сажени.

Во-вторых, крепость имела восемь башен. Четыре угловые были глухими. Северная и западная угловые башни имели шатровое завершение. Промежуточные башни были проезжими. Две проезжие башни имели высоту до обламов 3 сажени, ширину 4 сажени. Две проезжие башни имели на воротах по 2 калитки. Не позднее 1696 года одна из башен крепости была обустроена чердаком (вероятно расположенная на противоположной приречной стороне крепости), вокруг которого были устроены перила. В чердаке располагались часы с боем, механизм которых приводился в действие гирями и имел 3 колокола. Юго-западная проезжая башня имела шатровое завершение. Северо-западная проезжая башня имела бочкообразное завершение.

В-третьих, церковь располагалась за приделами Нерчинской крепости. Вместе с тем в проезжих

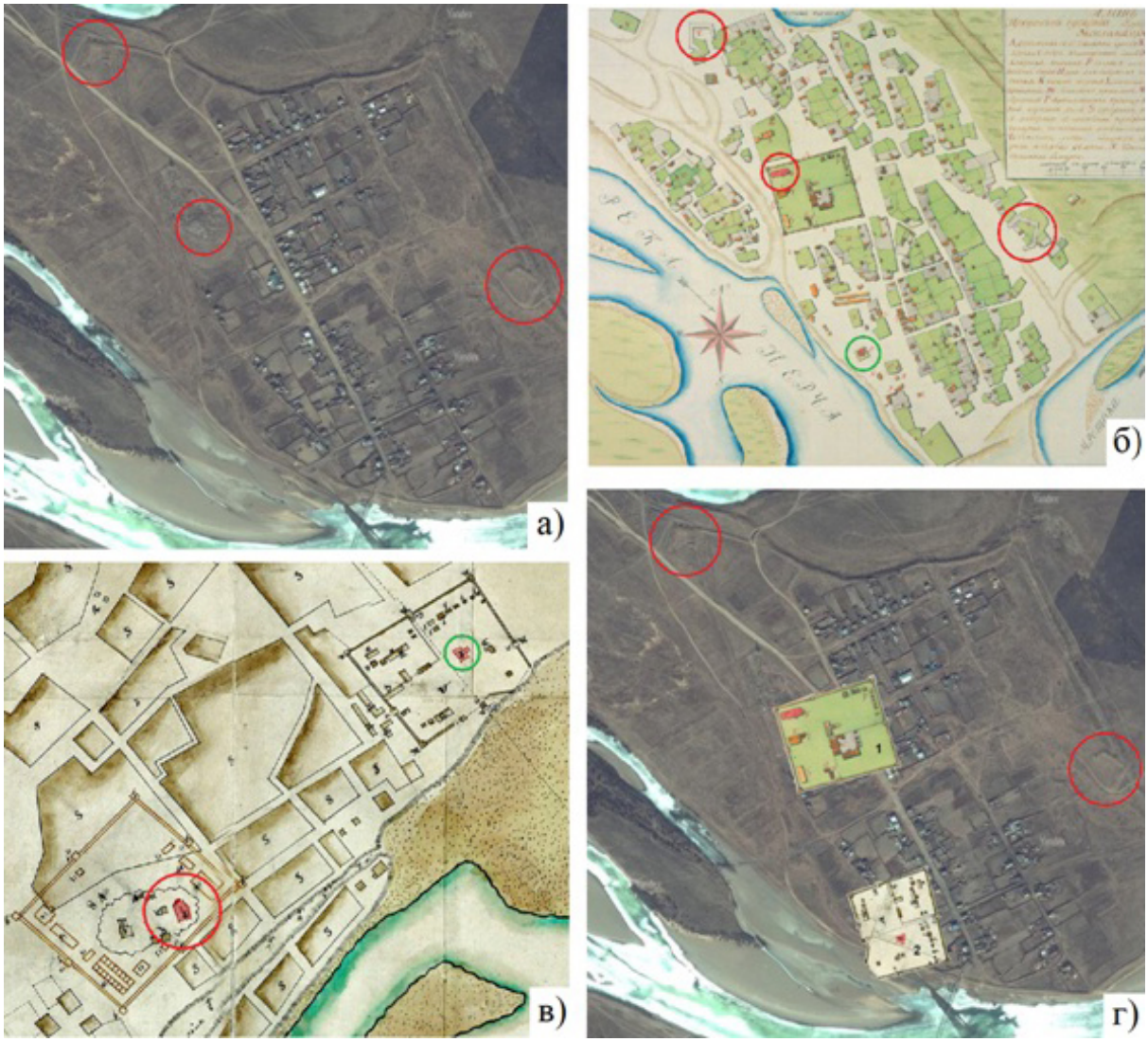


Рис. 6. Местоположение Нерчинской крепости: *а – спутниковый снимок с. Михайловка; б – карта 1820 года; в – фрагмент карты 1728 года; г – реконструкция местоположения «нового» (1) и «старого» (2) острогов*
Fig. 6. Location of the Nerchinsk fortress: *a - satellite image from village Mikhailovka; b - map of 1820; c - a fragment of a map from 1728; d - reconstruction of the location of the "new" (1) and "old" (2) forts*

башнях не позднее 1710 года были устроены навесные часовни над воротами. В честь находившихся там икон они получили названия: «Спасская», «Ильинская», «Успенская», «Богоявленская».

В-четвертых, внутри крепости располагался воеводский двор. Первый воеводский двор был еще внутри крепости 1658 года постройки. Вполне вероятно, что он изначально располагался в северном углу крепости. В 1728 году в воеводском дворе имелись следующие строения: воеводский дом, баня, поварня. Кроме воеводского двора, в остроге были: канцелярия, старая канцелярия (возможно таможенная изба), 8 магазейнов (хлебных амбаров), соляной амбар, амбар для сохранения ясачной казны, цейхгауз, подвал казенной для содержания пороховой казны (погреб каменный), сарай для хранения артиллерии, гауптвахта (караул), колодец.

В свою очередь для определения местоположения крепости на современном плане местности авторами был использован алгоритм, основанный на последовательном совмещении исторических схем острога со спутниковым снимком села Михайловка (рис. 6).

На первом этапе решения поставленной задачи идентифицировались остатки рассматриваемых сооружений, а именно, двух бастионов и каменной Троицкой церкви. На втором этапе была использована карта города Нерчинска 1820 года (РГАДА. Ф. 192. № 118), непосредственно отображающая названные объекты, а также показывающая местоположение порохового погреба, расположенного на территории острога 1689 года. При этом для взаимной привязки местоположения «старого» и «нового» острогов был применен чертеж 1728 года, на котором были нанесены зарисовки старой и новой Нерчинских крепостей, а также рек Шилки и Нерчи с прилегающими местами (РГАДА. Ф. 192. № 80). На третьем этапе базовые изображения были совмещены с учетом корректного наложения их выделенных элементов – бастионов, церкви и порохового погреба.

Список источников

Аввакум. Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М. : Гослитиздат, 1960. С. 53–122.

Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 336 с.

Артемьев А. Р. Из истории Нерчинска // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток : Дальнаука, 1995. Т. 2. С. 90–117.

Дергачева-Скоп Е. И. Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья. Тобольск : ОБФ «Возрождение Тобольска», 2006. 168 с.

Константинов А. В. Археологические работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Забайкальского края // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 4. С. 128–135.

References

Avvakum (1960) Life of Archpriest Avvakum. *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniya = Life of Archpriest Avvakum written by him and his other works*. Moscow: Goslitizdat. P. 53-122. (In Russ.).

Aleksandrov V. A. (1984) Russia at the Far eastern borders (second half of the 17th century). Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 272 p. (In Russ.).

Artem'ev A. R. (1999) Cities and forts of Transbaikaliye and Priamurye in the second half of the 17th - 18th centuries. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS. 336 p. (In Russ.).

Artem'ev A. R. (1995) From the history of Nerchinsk. *Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII-XIX vv. (istoriko-arkheologicheskie issledovaniya) = Russian pioneers in the Far East in the 17th-19th centuries (historical and archaeological research)*. Vladivostok: Dal'nauka. Vol. 2. P. 90-117. (In Russ.).

Dergacheva-Skop E. I. (2006) Service drawing book. Semyon Remezov and sons. Tobolsk: Vozrozhdenie Tobol'ska. 168 p. (In Russ.).

Konstantinov A. V. (2017) Archaeological work on the territory of the Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary in the village of Kalinino, Trans-Baikal Territory. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian vector.* Vol. 12. No. 4. P. 128-135. (In Russ.).

Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2002. 248 с.

Кочедамов В. И. Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых. В 4 т. Т. 4. СПб. : Сохраненная культура, 2020. С. 52–57.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1978. 192 с.

Крадин Н. П. Малые исторические города Забайкалья: Нерчинск // Проект Байкал. 2019. № 61. С. 80–90.

Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 192 с.

Крадин Н. П., Тимофеева М. Ю. О дате основания Нерчинского острога // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 171–174.

Миллер Г. Ф. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири // Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск : Наука, 1990. С. 172–209.

Петряев Е. Д. Нерчинск: Очерки культуры прошлого. Чита: Читинское книжное изд-во, 1959. 124 с.

Спафарий-Милеску Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.

Тимофеев А. И. Памятники сибирской истории XVIII века. СПб. : Тип. МВД, 1882. 600 с.

Труворов А. Н. Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле. 1655 г. // Русская историческая библиотека. Т. 15. СПб. : Типография В. С. Балашева и Кº, 1894. 37 с.

Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. 213 с.

Ides E. Y. Drie-JarigeReizenaar China; teLandegedaan, door den Moskovischen Afgezant: E. Ysbrants Ides Nevenseenenieuwe Beschryvinge van datmagtig Keizerryk. Amsterdam: Halma, 1704. 247 p.

Witsen N. Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekent zijn geweest. Beneffens verscheide tot noch toe onbekende, en meest nooit voorheen beschreve Tartersche en Nabuurige Gewesten, Landstreeken, Steden, Rivieren, en Plaetzen, in de Noorder en Oosterlykste Gedeelten van Asia en Europa, Zoo buiten en binnen de Rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische – Ooster, en Zwarte Zee gelegen; gelijk de Landschappen Niuche, Dauria, Jesso, Moegalia, Kalmakkia, Tangut, Usbek, en Noorder Persie, Turkestan, Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia,

Konstantinov A. V., Konstantinova N. N. (2002) History of Transbaikaliye (from ancient times to 1917). Chita: Transbaikal State Humanitarian Pedagogical University. 248 p. (In Russ.).

Kochedamov V. I. (2020) Works on the history of urban planning with commentaries by modern scientists. In 4 vol. Vol. 4. St. Petersburg: Sokhranennaya kul'tura. P. 52-57. (In Russ.).

Kochedamov V. I. (1978) The first Russian cities of Siberia. Moscow: Stroiizdat. 192 p. (In Russ.).

Kradin N. P. (2019) Small historical towns of Transbaikaliye: Nerchinsk. *Proekt Baikal = Project Baikal.* No. 61. P. 80-90. (In Russ.).

Kradin N. P. (1988) Russian wooden defense architecture. Moscow: Iskusstvo. 192 p. (In Russ.).

Kradin N. P, Timofeeva M. Y. (1988) About the date of foundation of the Nerchinsk fortress. *Voprosy istorii = Questions of History.* No. 1. P. 171-174. (In Russ.).

Miller G. F. (1990) Geographical description and current state of the Nerchinsk district of the Irkutsk Province in Siberia. *Ekspeditsionnye materialy G. F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri = Expeditionary materials of G. F. Miller as a source on the history of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. P. 172-209. (In Russ.).

Petryaev E. D. (1959) Nerchinsk: Essays on the culture of the past. Chita: Chitinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 124 p. (In Russ.).

Spafarii-Milesku N. G. (1882) Travel through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675. Travel diary. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. 214 p. (In Russ.).

Timofeev A. I. (1882) Sites of Siberian history of the 18th century. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of international affairs. 600 p. (In Russ.).

Truvorov A. N. (1894) Order to Afanasy Filippovich Pashkov for voevodaship in the Daurian land. 1655. *Russkaya istoricheskaya biblioteka = Russian Historical Library*. St. Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva i Kº. Vol. 15. 37 p. (In Russ.).

Yakovleva P. T. (1958) The first Russian-Chinese treaty of 1689. Moscow: Akademii nauk SSSR. 213 p. (In Russ.).

Ides E. Y. Drie-JarigeReizenaar China; teLandegedaan, door den Moskovischen Afgezant: E. Ysbrants Ides Nevenseenenieuwe Beschryvinge van datmagtig Keizerryk. Amsterdam: Halma, 1704. 247 p. (In Dutch).

Witsen N. Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekent zijn geweest. Beneffens verscheide tot noch toe onbekende, en meest nooit voorheen beschreve Tartersche en Nabuurige Gewesten, Landstreeken, Steden, Rivieren, en Plaetzen, in de Noorder en Oosterlykste Gedeelten van Asia en Europa, Zoo buiten en binnen de Rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische – Ooster, en Zwarte Zee gelegen; gelijk de Landschappen Niuche, Dauria, Jesso, Moegalia, Kalmakkia, Tangut, Usbek, en Noorder Persie, Turkestan, Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia,

Altin, Tingoesia, Siberia, Samojedia, en andere aen hunne Tzaersche Majesteiten Kroon gehoorende Heerschappyen: Verdeeld in twee Stukken, Met der zelver Land-kaerten: mitsgaders, onderscheidene Afbeeldingen van Steden, Drachten, enz. Zedert naeuwkeurig onderzoek van veele Jaren, en eigen ondervindinge ontworpen, beschreven, geteekent, en in't licht gegeven, door Nicolaes Witsen. Amsterdam: Halma, 1705.

Информация об авторах

А. Ю. Лохов – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра тактики,
Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. К. К. Рокоссовского,
675021, г. Благовещенск, ул. Ленина, 158, Россия.

В. И. Трухин – научный консультант музея,
Амурский государственный университет,
675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, Россия.

И. В. Зайцев – студент, кафедра информационных и управляющих систем,
Амурский государственный университет,
675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, Россия.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 25 октября 2021 г.; одобрена после рецензирования 1 декабря 2021 г.; принята к публикации 6 декабря 2021 г.

Altin, Tingoesia, Siberia, Samojedia, en andere aen hunne Tzaersche Majesteiten Kroon gehoorende Heerschappyen: Verdeeld in twee Stukken, Met der zelver Land-kaerten: mitsgaders, onderscheidene Afbeeldingen van Steden, Drachten, enz. Zedert naeuwkeurig onderzoek van veele Jaren, en eigen ondervindinge ontworpen, beschreven, geteekent, en in't licht gegeven, door Nicolaes Witsen. Amsterdam: Halma, 1705. (In Dutch).

Information about the authors

A. Yu. Lokhov – Cand. Sci. (History), senior teacher, tactics department,
The Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky,
158, Lenin St., Blagoveshchensk 675021, Russia.

V. I. Trukhin – Museum academic consultant,
Amur State University,
21, Ignatevskoye highway, Blagoveshchensk 675027, Russia.

I. V. Zaytsev – Student, Department of Information and Control Systems,
Amur State University,
21, Ignatevskoye highway, Blagoveshchensk 675027, Russia.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 25, 2021; approved after reviewing December 1, 2021; accepted for publication December 6, 2021.

Научная статья
УДК 930.253
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-132-140

Хозяйственная деятельность старообрядцев (семейских) в Забайкалье в XIX – первой четверти XX в. (по документам Государственного архива Иркутской области)

Светлана Алексеевна Козлова[1], Вячеслав Владимирович Иванов[2]

[1, 2] Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского, Иркутск, Россия
[1] svetsergo1@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5056-0346
[2] vyachivan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3644-9275

Аннотация. Вклад старообрядцев (семейских) в социально-экономическое развитие Забайкалья и Дальнего Востока в научной и популярной литературе подчеркивается всеми исследователями старообрядческой культуры. Авторами выполнен обзор документов Иркутского областного архива, которые могут быть использованы для комплексного изучения культурно-хозяйственной деятельности семейских Забайкалья в XIX в. Целью статьи является освещение фондов, в которых собраны исторические документы о расселении, социально-экономическом развитии старообрядцев Забайкалья. В результате изучения и анализа ряда источников – от важных статистических отчётов до документов, описывающих мелкие бытовые ситуации, возможным представляется воссоздание общей картины жизнедеятельности в XIX в. семейских в Забайкалье. Выполнен обзор 8 фондов, изучено более 40 дел. Значительная часть документов архива содержит общие сведения о семейских. Можно узнать подробности о расселении, видах хозяйственной деятельности, уровне благосостояния, об отношениях с соседними общинами казаков, бурят, православных русских старожилов, найти множество описаний фактов и историй, позволяющих представить быт семейских в деталях, составить представление о земледелии, животноводстве, некоторых вспомогательных промыслах. Часть документов содержит информацию о пространственном размещении и организации хозяйства семейских, данные о межевании и распределении земель, дела о разрешении споров. Довольно часто встречаются документы политико-административного характера, где прослеживается внимание региональных властей, направленное на религиозные и экономические действия семейских. В архиве хранится значительный объем документов о золотодобыче в долине реки Чикой, которая в свое время выполняла существенную роль в жизнеобеспечении старообрядцев. Они принимали активное участие в этой отрасли в качестве наемной рабочей силы. Проведенное исследование показывает, что в ГАИО хранится важный объем информации по деятельности семейских Забайкалья в XIX в. Были сделаны находки, которые впервые вводятся в научный оборот, и многие документы также ждут своего исследователя.

Ключевые слова: архив, фонды, старообрядцы, семейские Забайкалья, хозяйственная деятельность, жизнеобеспечение, культура, земледелие, промыслы

Для цитирования: Козлова С. А., Иванов В. В. Хозяйственная деятельность старообрядцев (семейских) в Забайкалье в XIX – первой четверти XX в. (по документам Государственного архива Иркутской области) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 132–140. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-132-140.

Original article

The economic activity of the Old Believers (Semeyskye) in Zabaykalye (XIXth - first quarter of the XXth century): documents from the State Archive of the Irkutsk Region

Svetlana A. Kozlova[1], Vyacheslav V. Ivanov[2]

Irkutsk State Agricultural University named after A. A. Ezhevsky, Irkutsk, Russia
[1] svetsergo1@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5056-0346
[2] vyachivan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3644-9275

Abstract. The contribution of the Old Believers (Semeiskie) to the social and economic development of the Trans-Baikal Territory and the Far East is emphasized in the scientific and popular literature by all researchers of the Old Believer culture. The authors have reviewed the documents of the Irkutsk Regional Archive, which can be used for a comprehensive study of the cultural and economic activities of the families of Transbaikalia in the XIX century. The purpose of the paper is to highlight the funds that

© Козлова С. А., Иванов В. В., 2021

contain historical documents about the settlement, social and economic development. As a result of the study and analysis of a number of sources from important statistical reports to documents describing minor everyday situations it seems possible to recreate the general picture of life in the 19th century. A review of 8 funds was carried out; more than 40 cases were examined. A significant part of the archive's documents contains general information. Anyone can find more information about resettlement, types of economic activities, level of welfare, relations with neighboring communities of other ethnoses and find many descriptions of facts and stories that allow imagining the life of the Semeiskie in detail. These documents made it possible to get an idea of agriculture, animal husbandry, and some auxiliary industries. The part of documents relates to the spatial location and organization of the economy; it contains data on land surveying and its distribution as well as cases on the resolution of disputes. The documents of a political and administrative character in which the attention of the regional authorities aimed at the religious and economic life is seen are quite common. The archive contains a significant amount of documents about gold mining in the valley of the Chikoy River, which at one time played a significant role in the life support. The Semeiskie were actively involved in this industry as a hired labor force. The conducted study shows that the State Archives of Irkutsk Region (SAIR) stores an important amount of information on the activities of the Semeiskie in the 19th century. Finds which are being introduced into scientific circulation for the first time were made at SAIR; many documents are also waiting for their researcher.

Keywords: archive, collections, Old Believers, Semeiskie of the Transbaikalia, economic activity, life-support, culture, land cultivation, crafts

For citation: Kozlova S. A., Ivanov V. V. (2021) The economic activity of the Old Believers (Semeyskye) in Zabaykalye (XIXth - first quarter of the XXth century): documents from the State Archive of the Irkutsk Region. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 132-140. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-132-140.

Введение

Актуальность темы обусловлена повышенным вниманием мировой общественности к старообрядческим (семейским) локальным сообществам Забайкалья. С начала 1990-х гг. отмечается возрождение духовной культуры, а также непрекращающийся интерес к фольклору семейских. Локальные сообщества обращают на себя внимание с разных позиций. С одной стороны, культурное пространство и устное творчество семейских включены в список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. С другой – семейские проживают на Байкальской природной территории, в водосборном бассейне озера Байкал – участка Всемирного природного наследия. Особенно важна проблема изучения их хозяйственной деятельности, поскольку именно старообрядческие локальные общины сыграли значительную роль в социально-экономическом развитии Байкальского региона. Хозяйственная деятельность, доходы и материальное благополучие старообрядцев семейских в XIX в. напрямую зависели от ресурсообеспеченности территории, а также от развития транспортной и добывающей отраслей в регионе. Старообрядцев (семейских) Забайкалья называют «пионерами освоения земель» (Болонев, 1992), при этом для края с его суровым климатом и сложным горным рельефом (Михайлов, 1961), имеется в виду земледельческая практика, впервые получившая широкое распространение, – хлебопашество, огородничество, возделывание конопли и льна. Посредством земледелия в большинстве случаев происходило освоение всех необжитых ранее территорий причикойской тайги и селенгинских лесостепей. Надежным, достоверным источником для изучения хозяйственной деятельности семейских в XIX–XX вв. служат региональные архивы Иркутской области, Республики Бурятия, Забайкальского края, Амурской области.

Целью статьи является описание источников Государственного архива Иркутской области о расселении и хозяйственной деятельности старообрядцев. Обзор архивных документов позволит пополнить запас знаний об освоении семейскими горно-таежных и лесостепных ландшафтов Забайкалья, об особенностях уникального опыта природопользования и землепользования, наработанного в течение нескольких столетий.

Изучение старообрядческой хозяйственной жизни в XX и XXI веках

Впервые изучать старообрядцев (семейских), в том числе их переселение в Сибирь, бытовую и нематериальную культуру по архивным источникам предложил В. П. Гирченко (Гирченко, 1922), историк-краевед и библиограф, который во время работы в

архиве Республики Бурятия систематизировал и упорядочил множество старинных документов, связанных со старообрядцами Забайкалья. Несомненно, Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) хранит наибольшее количество ценных исторических документов о старообрядцах, что отражено в работах современных исследователей, в том числе на тему их хозяйственного развития (Болонев, 2008; Васильева, 2009; Васильева, 2010; Гордеева, 2014; Бураева, 2015; Пашинин, 2015). В Иркутском областном архиве также содержатся ценные документы о старообрядцах (семейских) Забайкалья, поскольку до 1861 г. территория проживания старообрядцев входила в состав Иркутской губернии, и в дальнейшем многие процессы экономического развития Забайкалья были инициированы именно в Иркутске, например, золотодобыча, которой занималось иркутское купечество, и торговля. Многие источники, созданные после 1861 г., остаются на хранении в ГАИО. Информация из архива послужила основой и остается таковой в настоящее время для написания научных трудов для советских и современных исследователей (Болонев, 1992; Костров, 2006; Сметанина, 2009). Ф. Ф. Болоневым (Болонев, 1992) обнаружен Фонд № 50 в ГАИО и впервые введены в научный оборот ценные сведения о поселившихся в уже существующих старожильческих селениях и бурятских улусах по долинам Селенги и Чикоя старообрядцах. Наибольший интерес представляет сборник архивных документов «История старообрядцев (семейских) в документах Государственных архивов Байкальского региона (1766–1917 гг.)»[1], составленный по материалам ГАИО, ГАРБ и Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) в 2016 году коллективом авторов под редакцией С. В. Васильевой. Сборник содержит большой объем сведений о религиозных аспектах жизни старообрядцев, об отношении и участии администрации во всех вопросах, касающихся вероисповедания; о быте и хозяйственной деятельности, а также комментарии ко многим документам. Исследование архивных источников о хозяйственном быте семейских опирается на труды описательного характера многих авторов XIX, XX и XXI вв. (Ровинский, 1872; Кирилов, 1889; Волосатов, 1890; Гирченко, 1922; Болонев, 1992; Болонев, 1994; Козлов, 2018. С. 98–122).

В настоящей работе предпринята попытка приобщить новые материалы из фондов, касающиеся бытовой, хозяйственной жизни семейских, в дополнение к уже опубликованным по данной теме из ГАРБ и ГАЗК.

Материалы к изучению хозяйственной деятельности старообрядцев в фондах ГАИО

Семейские расселились в бассейне реки Селенги, составляя в течение XIX в. основное население (95 %) Верхнеудинского округа (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9 ОЦ. ДД. 127, 218, 233, 645, 656). Это современные районы юга Республики Бурятия, а также юго-западная часть Забайкальского края.

Большое количество материалов о жизни семейских в XIX в. содержится в Фонде 24 – «Главное управление Восточной Сибири». Наибольший интерес представляют ежегодные отчеты Иркутского генерал-губернатора. Деятельность старообрядцев в Забайкалье была под пристальным наблюдением властей ввиду их религиозных предпочтений и традиций. Поэтому в отчетах обязательно отводили несколько страниц, где освещалась жизнедеятельность локальных старообрядческих общин. Приводятся сведения о поселениях, где проживали старообрядцы, в том числе указывается количество дворов, лиц мужского и женского пола, принадлежность к поповскому или беспоповскому согласию.

В отчётах 1860–1865 гг. в каждой из ведомостей о раскольниках по разным их толкам имеется примечание, что в городах Забайкальской области раскольников не было (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9 ОЦ. ДД. 218, 233, 645, 656). Старообрядцы проживали в сёлах и деревнях. В отчёте за 1860 г. указывается, что раскольников в области насчитывалось 19306 (в т. ч. находящихся в казачьем и горнозаводском ведомствах), что на 73 больше, чем в 1859 г. Из раскольников в православие обратились: 1 муж. и 1 жен. пола.

[1] История старообрядцев (семейских) в документах Государственных архивов Байкальского региона (1766–1917 гг.) (сборник документов, комментарии, перечень документов) / авторы-составители: Б. Ц. Жалсанова, Л. М. Карчанова, И. С. Кириллов, Ю. А. Ковтуненко, В. В. Перфильев, Н. Г. Сороковикова, К. А. Ступинков, Н. В. Чичкова; научный редактор С. В. Васильева. Иркутск : Оттиск, 2016. 336 с.

Особенно вредных ересей в области в течение 1860 г. не замечено. Раскольнических моленных в области в 1860 г. было 14 (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9 ОЦ. Д. 645. Л. 17).

Старообрядческие локальные общины были довольно закрытыми от других групп населения в регионе, например, браки с представителями бурятских или старожильческих православных общин были редки. Вместе с тем конфессиональные отношения в регионе были мирными. В 1873 г. в отчете отмечалось, что большая часть раскольников, проживающая в области, принадлежит к поповщинской секте; усиления раскола не было замечено. Раскольники местным властям оказывали повиновение и к православному населению вражды не имели (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9 ОЦ. Д. 127. Л. 32). Однако в хозяйственном развитии региона старообрядцы участвовали, активно взаимодействуя с окружающим населением посредством торговых отношений, наймов на работу, выполнения каких-либо трудовых услуг.

В отчетах по порядку после демографической части освещаются разные виды хозяйствования, в том числе хлебопашество, животноводство, охота, рыболовство, изюбровый и кедровый промыслы.

В отчете за 1881 г. говорится об уровне материального благополучия старообрядцев Верхнеудинского округа. Экономическое состояние раскольников было заметно выше состояния православных крестьян тех же деревень, что, по мнению чиновников того времени, служило немалым тормозом к обращению раскольников в православие, религиозная же пропаганда миссионеров была почти безуспешна (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9 ОЦ. Д. 766. Л. 50). В среде старообрядцев было мало купцов, но, несмотря на это, в региональной и международной торговле на территории своего проживания они принимали активное участие. В частности, занимались одомашниванием и содержанием изюбрей, получая продукцию в виде пантов, шкур и мяса, которые продавали в Китай (Волосатов, 1890). В отчётах в виде небольших разделов на одну-две страницы представлены сведения о ярмарках (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9 ОЦ. Д. 645. Л. 64). Встречаются отдельные дела, посвященные ярмаркам Верхнеудинского округа. В 1859 году функционировали пять ярмарок – Верхнеудинская, Чертовкинская, Кабанская, Урлукская и Тарбагатайская. Самая крупная – Верхнеудинская, на нее приходилось более 50 % финансового оборота (ГАИО. Ф. 24. Оп. 2. Т. 1. Д. 179 (7/6) картон 1333). Производство хлеба, других товаров натурального хозяйства, использование ресурсов тайги составляли основу хозяйствования старообрядческих локальных сообществ и позволяли участвовать в торговле, чему благоприятствовали близость Кяхтинского тракта и расположение в Забайкальской области горнодобывающих предприятий.

Фонд 29 – «Канцелярия Приамурского Генерал-губернатора Министерства Внутренних дел», на наш взгляд, самый наполненный сведениями о хозяйственной деятельности семейских. Известно, что старообрядцы Забайкалья производили хлеб не только для всего Забайкалья, но и для Дальнего Востока. Верхнеудинский округ, где проживали старообрядцы, являлся лидером по объемам производимого хлеба. Семейские сбывали выращенный хлеб в города Верхнеудинск и Троицкосавск, на строящуюся в то время железную дорогу, на почтовые тракты, многочисленные прииски, военные и тюремные организации, на винокуренные заводы. В особенно урожайные годы, когда цена на хлеб понижалась, большие партии скупали купцы из Иркутска (Козлова, 2014). Цены на хлеб измерялись в рублях, один пуд зерна в 1980–90-х гг. в среднем стоил от 0,50 до 1,5 рубля. Например, при дозакупке хлеба в Иркутской губернии с целью передвижения этого ресурса в Приамурскую область, Верхнеудинскому окружному исправнику было поручено отдавать 1 рубль 12 копеек за пуд (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 185. Л. 101–107).

Пробные посевы, многолетние наблюдения за урожайностью зерновых культур помогали земледельцам отбирать наиболее урожайные для Верхнеудинского округа культуры. Забайкальские старообрядцы, как видно из отчётов забайкальских губернаторов во второй половине XIX века, отдавали предпочтение озимым посевам (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. ОЦ. ДД. 163, 283, 316, 718, 725, 759).

Во всех селениях Сибири существовал порядок сбора выращенного урожая зерновых в общие склады, в так называемые сельские экономические магазины (Бураева, 2000). В Фонде 29 хранятся документы о перевозке этих запасов, называемых общим словом «хлеб», из сельских экономических

магазинов всего Верхнеудинского округа в Читу и далее в Амурский край в 1863–1879 гг. Под «хлебом» в данном случае понималось зерно и мука. Также есть информация об объёмах перевозимого сырья, указана его стоимость, и перечисляются убытки, случавшиеся при транспортировке (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 185). Через сельские экономические магазины внутри каждого поселения выполнялись функции, подобные банковским, только в качестве товара выступали не деньги, а собственно зерно. Таким образом, регулировался зерновой оборот в сельской среде, предоставлялись кредиты малоимущим, нуждающимся членам сельской общины, через магазины совершались налоговые отчисления. Местная администрация могла производить штрафы, конфискуя имущество у должников и передавая его на хранение в сельские экономические магазины.

Встречаются дела о разделе земель, межевании, организации и планировании территориального пользования. Некоторые источники позволяют представить структуру землепользования вокруг отдельных поселений на отведенных и разграниченных территориях. В 1894 г. для села Мухоршибирь установлено следующее распределение: 40,5 % – пашни, 32 % – пастбища и степи, 21 % – сенокосные угодья, 4 % – лесные угодья, 2,5 % – усадьбы (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 163. Л. 15).

Староверы обращались к властям целыми селениями, например, крестьяне Куйтунского селения уполномочили крестьянина Родионова обратиться с проблемой о неправильном отобрании у них земли в урочищах Афонином и об отдаче в 40-летнее владение крестьянину Хромых (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 69. Л. 24). Встречаются обращения от отдельных граждан. В 1898 г. крестьянин Верхнеудинского округа, Мухоршибирской волости Парамон Вакорин ходатайствовал об оставлении его с семейством, причисленным к обществу крестьян Старо-Заганского селения, и предоставлении ему в надел казенно-оброчных статей в урочищах Шебартуй и Витим (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1 Д. 111. Л. 11). Это дело свидетельствует о том, что в течение XIX в. старообрядческое население в Забайкалье увеличилось (Ровинский, 1872), и возникла основная проблема – нехватка сельскохозяйственных угодий.

В деле Канцелярии Приамурского Генерал-губернатора «О землеустройстве крестьян Верхнеудинского округа слободы Мухоршибирской и деревни Харашибирской» от 18 декабря 1984 г. освещается ситуация с разделом земель, приводятся подробные сведения о наличии усадебных, сенокосных угодий, уточняется, сколько каждому из поселений отведено пашни, степной и лесной территории. Дело было открыто ввиду земельных споров жителей. Областной Землемер заявлял, что ввиду отсутствия компромиссного соглашения при разделе земель и разверстаний чересполосных территорий необходимо участие местного Мирового посредника и что проект надела должен быть составлен по 15 десятин на каждого из крестьян и поселенцев, достигших 13-летнего возраста, если такая норма надела возможна будет по местным условиям (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 163. Л. 22). В 1766 г. правительство издало межевую инструкцию, согласно которой на малозаселенных территориях одному взрослому работящему человеку причиталось по 15 десятин земли. В 1820-х гг. крестьянам-хлебопашцам в Забайкалье разрешили выделять по 30 десятин (Козлова, 2014). Для сравнения – в заселённой Европейской части России в тот же период приходилось по 3,5 десятины для бедных крестьян и 20 для зажиточных (Милов, 2006. С. 620). Однако в Верхнеудинском округе ввиду наличия удобных в регионе для хлебопашества земель и перенаселения во многих волостях сложилась ситуация, подобная европейской, когда на одного пахаря приходилось 3–5 десятин (Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 186. Оп. 1. Д. 56. Л. 23).

Вследствие нехватки земли, в течение XIX в. происходило активное заселение необжитых земель как внутри Верхнеудинского округа, так и далеко за его пределами. Ввиду возникшей обстановки Правительством Иркутской губернии, а после 1861 г. Правительством Забайкальского края предпринимался ряд мероприятий по переселению на территории, которые необходимо было развивать. Известны случаи переселения семейских на Аянский тракт в Якутию. В Фонде 24 можно найти посемейные списки семейских крестьян из всех селений округа, пожелавших переселиться в Якутию (ГАИО. Ф. 24. Оп. 7 ОЦ. Д. 600. Л. 114), а также в Амурскую

область (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 85–92). Интересен частный случай, когда 17 человек из с. Урлук переселились на проложенный в Читинском округе Нерчинский тракт в 1868 г. в Татауровскую волость. Переселенцы, оказавшись в более суровых природно-климатических условиях, показали выносливость и трудолюбие (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 41. Л. 79–80). К концу 1885 г. там образовалось новое село из 32 дворов, где насчитывался 281 житель, в том числе крестьян муж. пола – 76 душ, жен. – 87 душ. Практически по всему Забайкалью к крестьянским селениям подселяли каторжных людей. В названой деревне ссыльнопоселенцев муж. пола числилось – 93 души, жен. пола – 25 (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 41. Л. 85–86). На самом деле ссыльных проживало в области меньшее количество, чем числится в архивных документах, поскольку до 40 % из всех ссыльно-каторжных Сибири находились в бегах (Шахеров, 2011).

Одной из самых интересных и ранее неопубликованных находок является дело о голоде в Верхнеудинском и Селенгинском округах. Летом 1888 года в этих округах выпало аномальное количество ливневых осадков, в результате чего практически повсюду затопило и размыло поля с посевами. Пострадали не только посевы зерновых, но и огороды. Крестьяне не смогли собрать урожай хлеба и овощей. Голод был зафиксирован во всех волостях, кроме Укыр-Шонуйской, где в тот год крестьяне собрали хороший урожай. В документе содержатся сведения о суммах денег и количестве зерна, которые государство выделило крестьянам в качестве поддержки. Примечательно то, что крестьянскому населению названных округов оказывали безвозмездную помощь купцы и мещане из Иркутска, Верхнеудинска и Троицкосавска, пожертвовав крупные суммы денег, а также различные продовольственные товары. Голод длился в течение 1888 и 1889 гг., и только на следующий 1890 г., благодаря поддержке все крестьянское население смогло выправить ситуацию, однако же оставаясь в долгу перед государством за оказанную помощь (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95).

Фонд 176 – «Управление земледелия и государственных имуществ Иркутской губернии и Забайкальской области Министерства земледелия временного Правительства г. Иркутск Иркутской губернии 01.04.1897–25.10(07.11). 1917 гг.» содержит дела о межевании земель во всех округах и волостях. Заслуживают внимания дела об образовании новых семейских поселений. Особенно активно это происходило в XIX в. в Чикойской долине Верхнеудинского округа, которая расположена в горно-таёжной природной зоне со сложным рельефом, отдалена от железной дороги и Кяхтинского тракта. Поселения образовывались не только в самой долине реки Чикой, но и в долинах ее крупных и малых притоков. К примеру, в 1880 году было образовано село Алтаны семьями Филатовых, Елистратовых, Ивановых, Силаевых и Пановых. Власти разрешили новопоселенцам пользоваться 118 десятинами земли в окрестностях в течение 40 лет (ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 46а. Л. 31–33).

В Фонде 345 – «Путеводитель работ Верхнеудинской поземельно-устроительной партии» также содержится информация о разделе земли. Примечательно, что многие семейские к межеванию относились отрицательно как к новшеству, считали за «грех» различные метрические операции с землей.

Фонд 50 – «Иркутская духовная консистория Священного Синода, г. Иркутск Иркутской губернии» – наиболее известный фонд о деятельности старообрядцев в Забайкалье. На его важность указывал Ф. Ф. Болонев, опубликовав некоторые документы (Болонев, 1992). В этом фонде хранится информация о заселении Забайкалья староверами, с указанием по селам фамилий, состава семей, принадлежности к поповскому или беспоповскому направлению (ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 40. Л. 14). В Фонде 50 хранится большой объем материалов о миссионерской деятельности среди староверов, в частности о Чикойском монастыре (ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. ДД. 3489, 3811, 3835, 3927, 3929, 4047, 4048, 4049, 4333, 4421, 5310), который основал Варлаам (Василий Надежин), поселившись в глухой таёжной местности в 1820 г. Интерес представляет доклад Иркутской Консистории 1931 года на имя Святейшего Синода об обнаружении отшельника в Чикойских горах, о пострижении в монахи и использовании его в целях проповедования христианской веры среди бурят и возвращения старообрядцев к православной вере (ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Т. 3. Д. 3500). Он свидетельствует о высоком авторитете единоверческого миссионера среди семейских, проживавших в долине реки Чикой. В 1899

году Епископ Мефодий Забайкальский и Нерчинский инициировал перенос Чикойского монастыря на берег реки Селенги к Спасскому Собору, а также наделении его земельными угодьями из смежных с городом Селенгинском дач (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 278).

В Фонде 50 также содержатся сведения не только об единоверческих миссионерах, но также и о распространении православия в среде старообрядцев. Например, о строительстве Православной церкви в старообрядческом селе Захарово, где проживали не приемлющие священства общины (ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Т. 3. Д. 4679).

В фондах 29, 372, 761, Р70 содержится информация о развитии горнодобывающей промышленности в Восточной Сибири, в том числе в долине реки Чикой (ГАИО. Ф. Р70. Оп. 1. ДД. 313, 323, 348). Староверов охотно нанимали на золотодобывающие прииски и разведку полезных ископаемых ввиду знания ими местности, а также личностных деловых качеств, высокой работоспособности, заинтересованности в заработке. В Фонде Р70 находим информацию практически по каждому прииску Чикойской системы, всего их насчитывалось свыше двух десятков (ГАИО. Ф. Р70. Оп. 1. Д. 313. Л. 7). Кроме пофамильных списков наемных рабочих из материалов перечисленных фондов можно узнать о расположении приисков, дорогах к ним, продовольственном обеспечении приисков, условиях труда, режиме охраны, о заработных платах наемным рабочим, а также о способах, технических устройствах для добычи и промывания золота, количестве инвентаря и лошадей, задействованных в работах.

Заключение

Выполненный обзор архивных документов всех, приведенных в статье фондов, является далеко не полным, требуется дальнейшее проведение исследований по настоящей теме. Найденные источники позволяют представить масштабы культурно-хозяйственной деятельности семейских в сочетании с расселением и освоением новых территорий. Благодаря работе в архиве удается охватить и рассмотреть самые разные сферы: земледелие, в том числе огородничество, животноводство, разнообразные промыслы, ремесла, и таким образом получить представление о жизнеобеспечивающих источниках и технологиях в XIX – первой четверти XX в. При выполнении исследования в ГАИО не удалось обнаружить какие-либо данные или упоминания об ореховом промысле в причикойской тайге. Этот вид промысла занимает важное место в жизнеобеспечении семейских практически со времени их прибытия в Забайкалье. Кроме того, сложно составить представление об охотничьем и рыболовном промыслах, поскольку сведений крайне мало.

Старообрядцы Забайкалья за более чем два с половиной века, сохраняя свои религиозные и бытовые традиции, доставшиеся им в наследство от предков, внесли значительный вклад в культурное и социально-экономическое развитие региона. Они освоили разнообразные ресурсы, выработали собственную этику природопользования, основанную на бережном отношении к природе. Работа с материалами ГАИО позволяет изучить многие хозяйственные аспекты их жизнедеятельности. При дополнительном включении в общее исследование изучения документов религиозной, политико-административной, социальной направленности можно представить наиболее полную, общую картину повседневности, раскрыть основные проблемы и культурно-хозяйственные достижения локальных старообрядческих сообществ.

Список источников

Болонев Ф. Ф. Семейские. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1992. 224 с.

Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск : Наука, 1994. 174 с.

Болонев Ф. Ф. Новые материалы к истории поселения старообрядцев (семейских) Забайкалья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 524–530.

References

Bolonev F. F. (1992) Semeyskie. Historical and ethnographic essays. Ulan-Ude: Buryat Knizhnoe publ. 224 p. (In Russ.).

Bolonev F. F. (1994) Old Believers of Transbaikalia in the XVIII-XX centuries. Novosibirsk: Nauka. 174 p. (In Russ.).

Bolonev F. F. (2008) New materials on the history of the settlement of the Old Believers (Semeyskys) of Transbaikalia. *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Problems of history, philology, culture.* No. 22. P. 524-530. (In Russ.).

Бураева О. В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – середине XIX в. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 210 с.

Бураева О. В. К истории появления первых переселенцев-старообрядцев на территории Западного Забайкалья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы VI Международной научно-практической конференции, 2015. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2015. С. 59–62.

Васильева С. В. История земельных отношений старообрядческих сел Забайкалья по документам Национального архива Республики Бурятия // Освоение Сибири в панораме столетий: опыт, стратегия, проблемы : науч.-практич. конф., Улан-Удэ, 22 апреля 2009 г. : сборник трудов. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2009. С. 62–66.

Васильева С. В. История старообрядчества в документальных комплексах государственных хранилищ Республики Бурятия. Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона. Иркутск : Оттиск, 2010. С. 76–84.

Волосатов И. О торговле изюбрёвыми рогами // Записки Восточно-сибирского отдела ИРГО по общей географии. Т. 1. Вып. 1: Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. Иркутск : тип. К. И. Витковской, 1890. С. 137–140.

Гирченко В. П. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев – семейских. Верхнеудинск : Объединенный прибайкальский союз кооперативов, 1922. 20 с.

Гордеева О. Б. Государственная политика в отношении староверов Забайкалья в 1930-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 9. С. 120–126.

Кирилов Н. В. Полуодомашненные изюбри в Верхнеудинском округе // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск : тип. газеты «Восточное обозрение», 1889. Т. X. № 4. С. 13–16.

Козлов С. А. Российские ученые-аграрники XIX – начала XX в. : Историко-биографические очерки. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 967 с.

Козлова С. А. Земледельческая практика старообрядцев Западного Забайкалья в XVIII – начале XX в. // Вестник ИрГСХА. 2014. № 63. С. 20–29.

Buraeva O. V. (2000) Economic and ethno-cultural ties of Russians, Buryats and Evenks in the XVII - mid-XIX century. Ulan-Ude: BCC SB RCA. 210 p. (In Russ.).

Buraeva O. V. (2015) On the history of the appearance of the first settlers-Old Believers in the territory of Western Transbaikalia. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 2015 = Old Believers: History and Modernity, local traditions, Russian and Foreign relations. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, 2015.* Ulan-Ude: Buryat State University. P. 59-62. (In Russ.).

Vasil'eva S. V. (2009) The history of land relations of the Old Believer villages of Transbaikalia according to the documents of the National Archive of the Republic of Buryatia. *Osvoenie Sibiri v panorame stoletii: opyt, strategiya, problemy: nauch.-praktich. konf.: sbornik trudov, Ulan-Ude, 22 aprelya 2009 g. = The development of Siberia in the panorama of centuries: experience, strategy, problems: Scientific Conference. The matherials of the Conference. Ulan-Ude, April, 22, 2009.* Ulan-Ude: Buryat State University. P. 62-66. (In Russ.).

Vasil'eva S. V. (2010) The history of the Old Believers in the documentary complexes of the state repositories of the Republic of Buryatia. Ethnic history and cultural and everyday traditions of the peoples of the Baikal region. Irkutsk: Ottisk. P. 76-84. (In Russ.).

Volosatov I. (1890) About the trade in raisin horns. *Zapiski Vostochno-sibirskogo otdela IRGO po obshchei geografii. T. 1. Vypusk 1: Trudy russkikh torgovykh lyudey v Mongolii i Kitaye = Notes of the East-Siberian Branch of the IRGS on basic geography. Vol. 1. Iss. 1. The works of Russian trade people in Mongolia and China.* Irkutsk: tip. K. I. Vitkovskoi. P. 137-140. (In Russ.).

Girchenko V. P. (1922) The part of the history of resettlement in the Baikal region of Old Believers - Semeyskie. Verkhneudinsk: United Baikal Union of cooperatives. 20 p. (In Russ.).

Gordeeva O. B. (2014) State policy towards the Old Believers of Transbaikalia in the 1930s. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser: Politologiya. Religiovedenie = News of Irkutsk State University. Ser. Political Science. Religious studies.* Vol. 9. P. 120-126. (In Russ.).

Kirilov N. V. (1889) Semi-domesticated raisins in the Verkhneudinsky district. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva.* Irkutsk: tip. gazety “Vostochnoe obozrenie”. Vol. X. No. 4. P. 13-16. (In Russ.).

Kozlov S. A. (2018) Russian agricultural scientists of the XIX - early XX century: Historical and biographical essays. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 967 p. (In Russ.).

Kozlova S. A. (2014) Agricultural practice of the Old Believers of Western Transbaikalia in the XVIII - early XX centuries. *Vestnik IrGSKhA = Vestnik IrSAU.* No. 63. P. 20-29. (In Russ.).

Костров А. В. Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск : Оттиск, 2006. 160 с.

Милов Л. В. История России XVIII–XIX вв. М. : Эксмо, 2006. 786 с.

Михайлов Н. И. Горы Южной Сибири. Очерк природы. М. : Географгиз, 1961. 239 с.

Пашинин А. В. Статистические источники по генеалогии крестьянских родов (семей) конца XVII – начала XX в. в фондах Государственного архива Республики Бурятия. Иркутск : Оттиск, 2015. С. 424–489.

Ровинский П. А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия СО РГО. 1872. Т. 3. № 3. С. 120–133.

Сметанина Е. В. Документы по истории старообрядческих толков и согласий Забайкалья в архивах Байкальского региона // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб., 2009. Вып. 115. С. 88–93.

Шахеров В. П. Ссылка как фактор хозяйственного и социокультурного освоения Сибири // Сибирская ссылка : сборник научных статей / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. Иркутск : Оттиск. 2011. Вып. 6 (18). С. 208–223.

Kostrov A. V. (2006) Old Believers and Old Believers' historical thought in the second half of the XIX - early XX century. Irkutsk: Ottisk. 160 p. (In Russ.).

Milov L. V. (2006) History of Russia XVIII-XIX centuries. Moscow: Eksmo. 786 p. (In Russ.).

Mikhailov N. I. (1961) Mountains of Southern Siberia. An essay on nature. Moscow: Geografgiz. 239 p. (In Russ.).

Pashinin A. V. (2015) Statistical sources on the genealogy of peasant clans (families) of the late XVII - early XX centuries in the funds of the State Archive of the Republic of Buryatia. Irkutsk: Ottisk. P. 424-489. (In Russ.).

Rovinskii P. A. (1872) Ethnographic research in the Transbaikal region. *Izvestiya SO RGO.* Vol. 3. No. 3. P. 120-133. (In Russ.).

Smetanina E. V. (2009) Documents on the history of Old Believers' beliefs and concordances of Transbaikalia in the archives of the Baikal region. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena = Reports of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*. St. Petersburg. Iss. 115. P. 88-93. (In Russ.).

Shakherov V. P. (2011) Exile as a factor of economic and socio-cultural development of Siberia. Siberian exile: collection of scientific articles. Irkutsk: Ottisk. Iss. 6 (18). P. 208-223. (In Russ.).

Информация об авторах

С. А. Козлова – старший преподаватель кафедры охотоведения и биоэкологии,
Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежевского,
664038, Иркутская обл., Иркутский р-он,
п. Молодежный, 1/1, Россия.

В. В. Иванов – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории,
Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежевского,
664038, Иркутская обл., Иркутский р-он,
п. Молодежный, 1/1, Россия.

Information about the authors

S. A. Kozlova – Senior Lecturer, Department of Huntering and Bioecology,
Irkutsk state agricultural university named after A. A. Ezhevsky,
1/1, Molodezhnyi settlement, Irkutsk district, Irkutsk region 664038, Russia.

V. V. Ivanov – Cand. Sci (History), Associate Professor of the Department of philosophy, sociology and history,
Irkutsk State Agricultural University named after A. A. Ezhevsky,
1/1, Molodezhnyi settlement, Irkutsk district, Irkutsk region 664038, Russia.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 27 августа 2021 г.; одобрена после рецензирования 27 октября 2021 г.; принята к публикации 8 ноября 2021 г.

Article info

The article was submitted August 27, 2021; approved after reviewing October 27, 2021; accepted for publication November 8, 2021.

Научная статья
УДК 94(47).082
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-141-156

От межконфессиональных конфликтов к поиску мира: рецепты таврического духовенства и прессы в 1860–1890-е гг.

Иван Васильевич Петров

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
ivanpet1990@hotmail.com; i.petrov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3692-7938

Аннотация. В статье рассматривается проблема межконфессиональных отношений на территории Крымского полуострова в 1860–1890-е гг. После завершения неудачной для Российской империи Крымской войны 1853–1856 гг. национальные, и следовательно, религиозные противоречия в регионе только усилились. Больше всего они были заметны в плоскости мусульмано-православных отношений (в том числе взаимоотношений греков и крымских татар); отношений католиков и православных; а также набившей к тому времени оскомину пресловутой «иудейской» проблемы. Таврическую кафедру занимали в указанный период выдающиеся архипастыри, среди которых были и миссионеры: Гурий (Карпов), Иннокентий (Борисов), Мартиниан (Муратовский), Гермоген (Добронравин). Каждый из них оставил свой особый след в жизни епархии и много сделал для усиления роли Православной церкви на полуострове. Несмотря на выдающееся служение Отечеству и церкви, каждый из архиереев внес свою лепту и в усиление прозелитических тенденций в Крыму. Основными источниками для написания статьи стали материалы крымских периодических изданий: «Таврические епархиальные ведомости», «Таврида», «Севастопольский листок», а также новейшая российская и украинская церковная и светская историографии. В ходе работы удалось установить, что с помощью статей в данных изданиях предпринимались попытки разрешить острые конфликты, а также адаптировать крымских татар к жизни в империи, показать в динамике изменения отношения к ним со стороны властей, одновременно не замалчивая и имеющиеся проблемы. Тоже самое происходило и при описании вопросов антисемитизма, которые на территории полуострова стремились побороть с помощью материалов, призывающих понять феномен существования иудаизма и объяснить причины необходимости толерантного отношения к нему.

Ключевые слова: Таврическая епархия, прозелитизм, «Таврические епархиальные ведомости», Православная церковь, ислам, иудаизм, Российская империя, межконфессиональные отношения, Крымская война 1853–1856 гг., Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 20-78-10044 «Крым в поисках национального и конфессионального согласия (1783–1920 гг.)».

Для цитирования: Петров И. В. От межконфессиональных конфликтов к поиску мира: рецепты таврического духовенства и прессы в 1860–1890-е гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 141–156. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-141-156.

Original article

From interfaith conflicts to the search for peace: recipes of the Tauride clergy and media in 1860s-1890s

Ivan V. Petrov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
ivanpet1990@hotmail.com; i.petrov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3692-7938

Abstract. The article deals with the complex problem of interfaith relations on the territory of the Crimean peninsula in the 1860–1890s. After the end of the Crimean War of 1853–1856 which was unsuccessful for the Russian Empire the national and, hence, religious contradictions in this region had been exactly intensified. They were most noticeable in the plane of Muslim-Orthodox relations (including in the plane of the relationship between the Greeks and the Crimean Tatars); relations between Catholics and Orthodox Christians; as well as the notorious “Jewish” problem, which had set the teeth on edge by that

© Петров И. В., 2021

time. The Tauride Diocese was managed during the indicated period by outstanding archpastors among whom were missionaries: Guriy (Karpov), Innokenty (Borisov), Martinian (Muratovsky) Germogen (Dobronravin). Each of them left a special mark on the life of the diocese and did a lot to multiply the role of the Orthodox Church on the peninsula. Despite the outstanding service to the Fatherland and to the Church, each of the bishops contributed to the strengthening of proselytizing tendencies on the peninsula. The main source for writing the article was the materials of the Crimean periodicals: "Tavricheskie eparchialnye vedomosti", "Tavrida", "Sevastopol leaf", as well as the latest Russian and Ukrainian church and secular historiography. In the course of the research it became possible to recognize that with these bishops help were made the attempts to resolve the most acute conflicts as well as to adapt the Crimean Tatars to life in the Empire, and to show the attitude of the authorities towards this minority in the dynamics of changes, at the same time not hushing up the existing problems. The same can be seen when describing the issues of anti-Semitism, which they tried to overcome on the territory of the peninsula with the help of articles calling to understand the phenomenon of the existence of Judaism and explain the reasons for the need for a tolerant attitude towards it.

Keywords: Tauride diocese, proselytism, "Tauride diocesan bulletin", Orthodox Church, Islam, Judaism, Russian Empire, interfaith relations, Crimean War of 1853–1856, Russian-Turkish War of 1877-1878

Acknowledgements: the article was prepared with the financial support of the grant of Russian Scientific Fond "The Crimea in search of national and religious consent (1783–1920)".

For citation: Petrov I. V. (2021) From interfaith conflicts to the search for peace: recipes of the Tauride clergy and the press in the 1860s-1890s. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 141-156. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-141-156.

Проблемы Крымского полуострова всегда были и остаются до настоящего времени вопросами, острота которых не спадает как в силу отношений между государствами, так и в связи с довольно сильными межнациональными и межконфессиональными противоречиями, возникающими в Тавриде. В свое время Российская империя стремилась найти пути к межнациональному диалогу в Крыму, добиться снижения накала межнациональных противоречий, обостряющихся при вооруженных конфликтах, таких, например, как Крымская война 1853–1856 гг. Естественно, ключевым игроком здесь была и господствующая в империи Православная церковь, которая не только стремилась добиться межнационального мира, но и активно старалась развернуть миссионерскую деятельность среди иноверцев. Современная исследовательница Ш. М. Мурадасылова отмечает положительную роль Православной церкви в Крыму: «Правительство Российской империи вело активную и последовательную политику по укреплению православной веры на территории Таврической губернии. Учреждение Таврической епархии способствовало развитию гражданских отношений на территории губернии и оказывало серьезное влияние на духовное развитие православного населения. Велось строительство церковных сооружений, духовных учебных заведений, которые были необходимы не только для внутрицерковных потребностей, но и для оказания помощи государству» (Мурадасылова, 2015. С. 6).

Испокон веков тема прозелитизма является одной из самых острых и противоречивых в истории мировых религий, проблемой, по поводу которой очень сложно выработать какое-либо единое мнение как среди самих конфессий, так и среди церковных историков и богословов. Свое особое преломление данная проблематика имеет в политэтничных и поликонфессиональных обществах, где динамично меняются государственные власти или же территория переходит «из рук в руки». Одной из них, безусловно, является Крымский полуостров. Свою лепту в конфессиональную политику внесла и Российская империя, под дланью которой Крым находился с 1783 по 1917 гг.

На конфессиональную политику властей на полуострове влияли как аспекты изменения государственной политики императоров, так и внешняя политика, войны, в первую очередь с Османской империей. Приоритетным положением на полуострове за весь период российского владычества пользовалась Православная церковь, которая преуспела за более чем 100-летнюю историю «русского Крыма» не раз заявить о себе как о ключевом игроке. Конечно, в рамках одной статьи рассматривать весь период 1783–1917 гг. нам не представляется возможным, посему мы возьмем временной отрезок 1860–1890 гг., когда произошел драмати-

ческих переход от условно «реформаторского курса» императора Александра II к консервативно-охранительной политике его среднего сына Александра III.

Основополагающую роль в достижении церковного строительства на полуострове сыграли таврические правящие архиереи. К сожалению, по сей день так и не написано общего очерка истории православия в Крыму во второй половине XIX столетия, и уж тем более всеобъемлющего исследования, посвященного биографиям местных правящих архиереев (наиболее полное издание на эту тему вышло аж в 1894 г. (!) (Петровский, 1894). В данном случае можно полностью солидаризироваться с мнением петербургского исследователя Владимира Калиновского считающего, что: «…исследование биографий таврических иерархов – это интереснейшая тема, которая пока остается малоизученной. Продолжение работы в этом направлении возможно только после тщательной проработки источников, причем не только на региональном уровне. Только внимательное изучение досоветских публикаций в сочетании с привлечением новых архивных материалов позволит создать ряд объективных жизнеописаний» (Калиновский, 2016. С. 113).

Следует отметить, что многие представители епископата и в середине XIX столетия реализовывали проекты превращения Крыма в своеобразный российский духовный форпост, регион с преобладающим христианским населением и главенствующим значением Православной церкви. Одним из них был архиепископ Иннокентий (Борисов), занимавший Херсонскую и Таврическую кафедру с 1848 по 1857 гг. На данный момент именно этому архиерею посвящено наибольшее количество исследований (Бабинов, 2006; Буткевич, 1887; Діанова, 2005). Владыка Иннокентий был сторонником превращения полуострова в своего рода «Русский Афон». Практически сразу после своего назначения в Крым он поддержал рапорт симферопольского протоиерея Михаила Родионова о создании скита в Успенской скале близ Бахчисарая. К этому рапорту прилагалось прошение, подписанное 250 жителями полуострова. Именно инициатива снизу породила идею о возрождении православных обителей в Инкермане и Херсонесе, тогда же прозвучала мысль о необходимости воссоздания «Русского Афона». Одним из самых спорных в этом проекте документом становится «Записка о восстановлении древних святых мест по горам крымским», получившая одобрение Синода и подписанная императором. В записке недвусмысленно заявлялось, что целью подобного проекта является увеличение «чести» веры христианской в глазах иноверцев, сохранение этих святых для православных мест от полного разрушения, постепенное сближение местных крымских татар с христианской верой (Записка о восстановлении…, 1888). Безусловно, положительное явление, с точки зрения православных, подобное решение не могло вызвать однозначную реакцию у крымских татар, ведь воссоздание Успенского скита происходило в непосредственной близости от Бахчисарая. 15 августа 1850 г. при большом стечении народа и в присутствии официальных лиц состоялось торжественное открытие скита (Калиновский, 2017. С. 238). В дальнейшем архиепископ Иннокентий продолжил реализовывать свой план по созданию «Русского Афона», в том числе и в период Крымской войны, когда отношения между татарским и русским населением вновь обострились. Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов), незадолго до своей кончины, отмечал пагубное влияние такого памятника архитектуры как ханский дворец в Бахчисарае. Он прямо заявлял, что «сам Бог вразумлял нас» уничтожить дворец, в то время как «мы» тратим сотни тысяч на его восстановление. Архиепископ Иннокентий считал, что А. С. Пушкин и без сохранившегося здания дворца написал бы свою знаменитую поэму «Бахчисарайский фонтан», а существующий «памятник ханству» являет следствие неразумия и глупости (Калиновский, 2012. С. 101). Именно этот архиерей, с одной стороны, способствовал тому, чтобы на месте крупных сражений как, например, Крымская война 1853–1856 гг., так и других битв прошлого возникали часовни, храмы и скиты.

В ноябре 1859 г. Высочайшей резолюцией по ходатайству жителей Таврической губернии на территории Крымского полуострова учреждается уже самостоятельная Таврическая епархия (тем самым она выделяется из состава Херсонской). Первым правящим архиереем на новой церковной

кафедре становится бывший епископ Вятский и Слободской Елпидифор (Бенедиктов). Однако, ставший в самом начале 1860 г. епископом Таврическим и Симферопольским, владыка Елпидифор так и не сумел достичь крымской земли и скончался в столице Российской империи поздней весной того же года.

Его сменил выдающийся архиерей, с именем которого связан очередной период подъема православия в Крыму, епископ Алексий (Ржаницын). Выходец из московских духовных школ, с начала 1847 г. он сам занимал пост ректора Московской Духовной академии – второго по значимости в империи духовного высшего учебного заведения. Прослужив впоследствии викарием Московской епархии, в конце 1850-х гг. он возглавил Тульскую и Белевскую епархию, пока наконец не был осуществлен его перевод в Крым взамен неожиданно скончавшегося епископа Елпидифора. На полуострове владыка Алексий продолжил линию своего управления, заключавшуюся в увеличении числа приходского духовенства за счет молодых выпускников духовных учебных заведений. Епископ Алексий как никто другой понимал важность улучшения качества духовного образования на Крымском полуострове, региона с многоконфессиональным и многонациональным составом населения. Естественно, он занялся благоустройством духовного училища в Симферополе. Впоследствии, уже в 1873 г., Таврическую духовную семинарию откроет епископ Гурий (Карпов).

Начало 1880-х гг. Крым встретил с епископом (с 1881 г. – архиепископом) Гурием (Карповым). Владыка управлял Таврической епархией с 1867 г., хорошо разбирался в местной специфике межконфессиональных и межнациональных отношений. Кроме того, следует отметить, что архиепископ Гурий был миссионером и молитвенником (за что был канонизирован как местночтимый святой Синодом Украинской Православной церкви в 2008 г., автором его жизнеописания является знаменитый современный крымский церковный историк протодиакон Василий Марущак (Марущак, 2008).

Следующим епископом Таврическим стал владыка Гермоген (Добронравин), бывший викарий Санкт-Петербургской епархии, который «задержался» на полуострове до 1885 г. и был возвращен на Северо-Запад России на Псковскую кафедру. Главными чертами характера этого архиерея были: религиозность, задушевность, высокая нравственность, «поэтическая настроенность». Епископ был известен и своими учено-литературными трудами, которые носили как исторический, так и агиологический и нравоучительный характер. Владыка Гермоген выпускает о Крыме «Справочную книжку о приходах и храмах Таврической епархии» (Гермоген (Добронравин), 1886) и более объемную работу «Таврическая епархия» (Гермоген (Добронравин), 1887). Исследователь А. И. Раздорский обращает особое внимание, что в этих работах, написанных уже после перевода епископа Гермогена на Псковскую кафедру, даны историко-статистические сведения не только по православным приходам полуострова, но и по преобладающему составу того или иного населенного пункта, количеству иноверцев, староверов и т. д. (Раздорский, 2020. С. 6). Следует отметить, что таврическая паства за время служения владыки Гермогена успела «прикипеть» к нему. Когда в марте 1885 г. по полуострову поползли слухи о скором перемещении епископа на Псковскую кафедру, это известие было встречено более чем прохладно. Сами же «прощальные» проводы архиерея сопровождались рыданиями верующих. Епископ отвечал своей пастве и духовенству тем же. Судя по напечатанным в «Таврических епархиальных ведомостях» материалам, он с тяжелым сердцем покидал Тавриду (Прощание…, 1885. С. 460–465).

С марта по май 1885 г. формально во главе Симферопольской и Таврической епархии стоял епископ Александр (Лавров-Платонов), который так и не доехал до полуострова, получив назначение на Виленскую и Литовскую кафедру. Наконец, с 1885 г. в истории Таврической епархии начинается период епископа (с 1896 г. – архиепископа) Мартиниана (Муратовского). Владыка Мартиниан возглавлял кафедру вплоть до 1897 г., после чего был отправлен на покой и последний год своей жизни провел в монастыре в Херсонесе.

Следует отметить, что вопрос с назначением на Таврическую кафедру правящего епископа затянулся. Томительное ожидание длилось четыре месяца, после чего служивший ранее на Дальнем Востоке архиерей добрался до Крымского полуостро-

ва. Уже в первых проповедях владыки Мартиниана на таврической земле слышался мотив борьбы с «лжеучителями», его довольно-таки жесткое обличение неправославных, что станет лейтмотивом епископского служения этого архипастыря в Крыму (Прибытие…, 1885. С. 1038–1040).

Несмотря на разные жизненные пути указанных епископов, они служили на кафедрах, где активно занимались миссионерской деятельностью. Так, епископ Мартиниан служил на Камчатской кафедре с конца 1870-х гг., а епископ Гурий (Карпов) был начальником миссии в Китае, изучил китайский язык и перевел на него Новый Завет, Евангелие, Псалтирь. Естественно, подобное служение накладывало определенный отпечаток на личность епископа и во многом предопределяло его отношение к иноверцам. Из положительных качеств этого епископа современные исследователи отмечают «необычайную хозяйственную мудрость» (Калиновский, 2012. С. 228). Владыка Мартиниан был чрезвычайно внимателен ко многим «деталям» деятельности православного духовенства на территории полуострова. Так, в 1891 г. он первоначально не поддержал монашескую инициативу о праздновании «тысячелетия» Георгиевского монастыря в Балаклаве, так как не нашел прямых научных оснований для подобного рода торжеств (Калиновский, 2012. С. 245–246).

Еще одной значимой фигурой, во многом определявшей отношения православного духовенства Тавриды к инославным и иноверным, был ректор Таврической духовной семинарии архимандрит Арсений (Брянцев). Именно он в начале 1880-х гг. ярче всех высказывался по поводу самых острых политических вопросов, рефлексировал по поводу убийства императора Александра II, объясняя духовенству и верующим, кто реально несет ответственность за содеянное. В статье уже упоминаемого нами В. В. Калиновского в соавторстве с А. Э. Котовым хорошо показано как архимандрит Арсений резко критиковал социализм, а также выявлял опасности, которые таит в себе радикализм антигосударственных сил (Kalinovskiy, Kotov, 2018. P. 641-643).

Из вышеприведенного списка действующих крымских архиереев и их реакции на конфессиональный мир полуострова несложно догадаться, что особенно острой для Тавриды была проблема взаимоотношений между православными и мусульманами, однако не менее часто время от времени вставал вопрос отношений православных с евреями, католиками, караимами. Более того, часто возникали конфликты и внутри православных приходов, в которых присутствовали представители разных национальностей, например, болгары или греки.

Важнейшим источником, с помощью которого мы будем погружаться в заявленную тематику, станут таврические периодические издания: газеты «Таврида», «Севастопольский листок» и др. В ходе статьи будет рассмотрена миссионерская политика господствующей в империи Христианской церкви не только к верующим какой-либо одной религии: иудаизму или исламу, а ко всем вместе для того, чтобы выделить общие черты в подходах православных религиозных деятелей и гражданских властей, одновременно не забывая и об особенностях межконфессиональных отношений.

Современные специалисты по истории Крыма считают «отправной точкой» в истории таврической периодической печати 1838 год. До 1917 г. в свет вышло около 300 газет, журналов, бюллетеней, которые издавались в 22 населенных пунктах губернии (Кондратська, Сидоренко, 2012. С. 291). Газета «Таврида» появилась в 1880 г. Ее издателем и редактором был Илья Ильич Казас. Выходец из простой караимской семьи он обучался и в Московском и Петербургском университетах. В 1859 г. открыл частную караимскую школу в Одессе, а через четыре года переехал в Крым. Первоначально на полуострове Илья Ильич преподавал в симферопольской мужской гимназии, в 1872 г. составил проект создания татарской народной школы в Симферополе. В Таврической губернии Казас возглавлял Александровское караимское училище, был заместителем Таврической ученой комиссии. Проявил себя И. И. Казас и как издатель. В Одессе он издавал выходящий на караимском языке журнал «Давул», в Симферополе же решил создать газету «Таврида» (Кондратська, Сидоренко, 2012. С. 293). Издавалась она два раза в неделю и просуществовала чуть более двух лет.

«Таврида» нам особенно интересна в качестве источника и в связи с изменениями к ней цензур-

ной политики властей. В мае 1882 г. на газету стало оказываться давление и в июле 1882 г. издатели заявили о том, что приостанавливается её выход до «благоприятных условий». Еще один номер, № 62, вышел в следующем 1883 г. В этом же году издатели сами приняли решение закрыть газету.

«Севастопольский справочный листок» стал выходить с 1882 г. сначала два, а потом три раза в неделю. Издателем этого «листка» была владелица магазина полиграфии О. А. Протопопова. С 1886 по 1888 гг. издание стало называться более лаконично – «Севастопольский листок». Впоследствии газета будет носить название «Крым» и «Крымский листок».

Наконец, третий важнейший источник – церковный официоз «Таврические епархиальные ведомости». Инициатива создания ведомостей исходила от владыки Гурия (Карпова). 30 июня 1869 г. по указу Александра II в Святейшем синоде слушали представление архиепископа Симферопольского и Таврического от 20 февраля того же года о разрешении издания «Таврических епархиальных ведомостей» с приложенной к нему программой. Среди условий к выходу были обозначены: невозможность публикации и обнародования указов и распоряжений прошедшего времени под видом современных или их перепечатывания без обозначения повода к этому; помещение в газету статей о ересях и расколах только под особым наблюдением владыки Гурия (Карпова); каждый экземпляр «Таврических епархиальных ведомостей» должен был направляться в судебную канцелярию; объявления о порядках и вызовах подсудимых к явке в консисторию должны печататься, но исполняться вне зависимости от публикации в издании (Калиновский, 2012. С. 229–230). Первый номер вышел в свет 1 сентября 1869 г. Его цензором становится известный на полуострове протоиерей Михаил Родионов, давно знакомый святителю Гурию. В сан протоиерея Родионов был возведен архиепископом Херсонским и Таврическим Гавриилом (Розановым) еще в 1836 г. (всего после трех лет священства). Протоиерей Михаил Родионов занимал должность настоятеля знаменитого симферопольского Александро-Невского собора. В годы Крымской войны 1853–1856 гг. он отправился в Севастополь и хорошо проявил себя как горячий проповедник и ревностный защитник Отечества. Кроме того, в годы войны ему довелось быть духовником Крестовоздвиженской общины сестер, прибывших на полуостров из столицы Российской империи. За свое служение в годы войны пастырь получил орден Святой Анны второй степени. О заслугах протоиерея Михаила Родионова прочувственно сказал при его погребении протоиерей Андрей Жежеленко: «Кто из православных обитателей этого города не видел его предстоящим у сего св. престола до последних дней жизни его; кто из нас не слышал его поучений, проникнутых живой верой в Бога и предостережений против современных идей рационализма и других заблуждений века сего? Сколько есть полезных деятелей, подвизающихся на различных поприщах госуд. и обществ. службы в нашем крае, получивших от него первые уроки в вере и жизни христианской? 25 лет службы его на пользу и духовное просвещение здешнего юношества не могли пройти бесследно и если бы в каждый год службы своей он воспитал по одному только полезному деятелю, то и это только составляло бы не малую заслугу пред очами Бога и человеков. Но таких деятелей – его питомцев, всегда было не мало, да и ныне многие из них окружают гроб его» (Жежеленко, 1874. С. 147). Редакторами же издания стали не менее известные в Крыму пастыри: священники Г. Брюхановский и Г. Детский (Калиновский, 2012. С. 230–231).

Принято делить «Таврические епархиальные ведомости» на две части. Первая представляла собой сугубо официальные распоряжения, распоряжения Святейшего синода, решения правящего архиерея и т. д. Вторая носила гораздо более «свободный» характер и состояла из заметок о церковной жизни полуострова, истории, в том числе древней, местных храмов, воспоминания духовенства и видных мирян, некрологи и др. (Кочмар, 2010. С. 47–48). Впоследствии, в 1906 г., вторая часть превратится в отдельное издание под заглавием «Таврический церковно-общественный вестник». В обозначенный нами период газета выходила дважды в месяц и только с 1894 по 1900 гг. выпускалась четыре раза в месяц (Каліновський, 2009). Несмотря на строгую цензуру, «Таврические епархиальные ведомости» являются не только важным источником, но и своеобразным слепком

идейных взглядов таврического духовенства обозначенного периода, в том числе и в контексте сложных межнациональных и межконфессиональных противоречий на полуострове (Кочмар, 2010. С. 174).

Конечно, особенно много места проблемам межнациональных и межконфессиональных отношений уделяли издания Ильи Ильича Казаса. 16 октября 1880 г. в газете «Таврида» читатели могли лицезреть следующую заметку: «На прошлой неделе произошло событие, произведшее значительную сенсацию в среде здешнего еврейского населения. Молодая, образованная еврейка С. Л. З-ль, тайно от своих родных, богатых торговых людей, приняла православие и в тот же день обвенчалась со служащим в здешнем окружном суде господином К-лем. Случай этот, однако же, не вызвал со стороны евреев никаких, в отношении прозелитки, преследований, и по-видимому прежний религиозный фанатизм много утратил своего значения, уступая постепенно место всепримиряющему духу общей всей национальной цивилизации».

Иногда о прозелитизме крымские газеты упоминали вскользь, в связи с такими, на первый взгляд, незначительными событиями как строительство часовни Александра Невского в память о государе императоре Александре I на симферопольском базаре. В заметке особо подробно освещалась деятельность Александро-Невского братства, которое и собрало необходимые средства на часовню. Во время нехитрого перечисления сфер деятельности братства, помимо помощи престарелым и бесприютным сиротам, говорилось и о том, что целью братства является «забота и попечение об обращающихся в православие иноверцах» (Таврида. 1880. 23 октября. С. 2).

Об Александро-Невском братстве следует сказать отдельно. Основано оно было в 1868 г. при симферопольском кафедральном соборе Александра Невского. Первым покровителем стал Таврический гражданский губернатор Григорий Жуковский. Создано оно было для того, чтобы объединить в своих рядах духовенство, чиновничество и интеллигенцию и воспрепятствовать отпадению православных от церкви. Своим основным противником братчики считали сектантов. Они же добились того, что в 1890 г. на полуострове была учреждена должность епархиального миссионера, а в стенах Таврической духовной семинарии появилась кафедра по истории и обличению раскола (Kalinovskiy, Kotov, 2018. P. 643).

Важный материал, касающийся взаимоотношений православных христиан и иудеев, был опубликован в № 3 за 1880 г. в неофициальном разделе «Таврических епархиальных ведомостей». Он назывался «Обряд погребения евреев талмудического вероисповедания». Отметим, что в нем не содержалось критики, скорее сам факт помещения материала в епархиальные ведомости довольно знаковый.

В прессе, в том числе светской, постоянно подчеркивалось противодействие, которое оказывали православные священники еврейским погромам на территории Таврической губернии.

В августе 1881 г. на территории полуострова стали распространяться слухи о возможном скором изгнании еврейского населения. Так, из Керчи поступило следующее объявление: «Местное еврейское население сильно встревоженно вследствие распущенных кем-то слухов, что в скором времени будут «выгонят из Керчи всех евреев, не занимающихся физическим трудом». Стоустая молва утверждает даже, что это подтвердил и один из здешних администраторов, в беседе с одним интеллигентным евреем» (Таврида. 1881. 20 августа. С. 3).

Для того чтобы снизить накал антисемитских настроений в Крыму, редакция «Тавриды» решает добавить серию публикаций с вызывающим названием «Почему я презираю евреев?». Автор серии статей прибегает к довольно интересному приему. Он сразу же признается в том, что долгое время сам презирал лиц еврейской национальности и поэтому сейчас обращается к тем, кто по сию пору придерживается антисемитизма, для того чтобы лучше понять истоки этого человеконенавистнического убеждения. В первую очередь в публикации утверждается, что антисемитами являются те люди, которые в меньшей степени «знакомы» с еврейским населением. К их числу он относит население Елизаветграда и Киева. В статье автор признается, что ему дико было солидаризироваться с пьяной толпой, участвовавшей в еврейском погроме. Именно это заставило автора задуматься о причи-

нах собственного отрицательного отношения к евреям. К числу причин он относит равнодушие, брезгливость, недоверие и недоброжелательность. Также он отмечает, что раньше, когда видел полунагих больных еврейских детей или старых евреев-бедняков, он не испытывал к последним ни капли сожаления. К еврейским личным трагедиям, как отмечает автор, он раньше и вовсе относился как к своеобразному анекдоту. Обращаясь к причинам этого, автор говорит о том, что с детства был окружен русской средой, вплоть до прислуги. С первых лет жизни в лексиконе окружающих присутствовали антисемитские выражения и ругательства. Детей могли назвать «жидом паршивым», за плохое поведение пугали тем, что ребенка «съест жид» и т. д. У ребенка образ «жида» стоял в одной линейке с «чертом». С детства, в том числе в семье, поддерживались и не опровергались мифы о том, что после смерти трупы евреев отдают на растерзание собакам или выбрасывают на помойку. В памяти автора врезался следующий случай. Захмелевший русский молодой человек начал оскорблять пожилого еврея, после чего началась драка. Толпа челяди не только не стала помогать старику, но и активно поддерживала его избиение. Нянюшка автора статьи также поддерживала избиение и заставляла смотреть ребенка на акт насилия.

Первый призыв, который содержится в заметках, обращен в семью. Автор особо подчеркивает, что ненависть к еврейскому населению чаще всего формируется в детстве и необходимо противодействовать ей именно с самого раннего возраста.

Следующая «доза» антисемитизма была связана с гимназией. Автор заметки, прятавшийся под псевдонимом Щира, отмечает, что, учась в гимназии большую отрицательную роль сыграл антисемитский рассказ В. Даля «У страха глаза велики». Постепенно формировался в среде русских однокашников антисемитский образ врагов – евреев, учившихся вместе с ними. Их можно было с легкостью оскорблять и обзывать. Более того, автор пишет, что если избиение и ссора с русскими вызывала стыд, то в случае с евреями такого чувства не появлялось. Наконец, приводит Щира и конкретный пример. Учившийся с ним еврей Мося, человек боязливый и физический слабый, стал на непродолжительный период его другом. Однако впоследствии, когда о дружбе двух подростков узнал отец автора, он вынудил прекратить всякие отношения.

Далее автор, уже в следующей заметке, повторяет еще одни антисемитские «привычки» русского населения. К их числу он относит устойчивое мнение о том, что все еврейское население является зажиточным. Более того, говорится, что если евреями допускаются какие-либо ошибки (например, часовщик не смог починить часы), то население тут же пускается в антисемитизм.

Наконец, еще один источник антисемитизма – периодическая печать, которая способствовала распространению антисемитских мифов. Именно когда в прессе Щира увидел антисемитский призыв, издевательский вопрос «Бить или не бить евреев?», в нем многое перевернулось и он решил разобраться в себе, понять – почему многим русским, в том числе людям, ведущим далеко не моральный образ жизни, свойственна ненависть к евреям. Щира стал испытывать к евреям жалость и перестал понимать антисемитские мифы, распространенные среди жителей Юга Российской империи. Он резко критикует один из главных мифов – еврейскую непроизводительность, страсть к сравнению тяжелого физического труда большинства русского населения с теми профессиями, которые предпочитают евреи. Наконец, автор приходит к выводу, что местное население в большинстве своем не любит евреев не по причины их профессиональных занятий, а из-за самого факта проживания еврейского населения вместе с русским. Именно с этим призывал бороться автор, бороться, прежде всего, перевоспитывая самих себя.

Таврические газеты, в частности, «Севастопольский листок» правдиво подмечали те проблемы, которые испытывали конфессиональные общины Крыма в указанный период. Одна из них – неприятие религиозных лидеров со стороны общины. Примером этого является заметка из «Севастопольского листка» за 12 января 1886 г. В ней довольно подробно описывалась речь нового раввина одной из симферопольских синагог. В заметке указывалось, что речь он решил произнести не в субботний день, а в пятницу, когда верующие синагоги состояли исключительно из мужчин пожилого возраста. К тому же речь была произнесена на рус-

ском языке с использованием иностранных терминов, таких как «эмансипация», «мизантропия» и др. Одновременно с этим раввин достаточно критично высказался по поводу иудейских верующих, которые не могут на протяжении 10 лет собрать необходимые средства для окончания строительства синагоги. В качестве «грамотного» решения проблемы он предлагал полное «повиновение» общины его указам для ускорения процесса постройки. К числу других его инициатив можно отнести идею организации приюта для евреевнищих, а также приведение в порядок еврейской больницы. Автор заметки поражался тому, что раввин указал рецепты решения насущных проблем, однако не обмолвился о том, каким образом община будет искать на все эти инициативы деньги. Неприязненно встретили иудеи и замечания нового раввина по поводу недостаточного внимания к религиозному образованию еврейских детей. Автор заметки среди прочего предложил и свои, альтернативные по своей сути, методы решения существующих проблем. Основные противоречия внутри симферопольской иудейской общины объяснялись им не иначе как наличием нескольких враждующих между собой партий. Кроме того, автор выразил недовольство тем, что раввин получает от общины ежегодное взаимпомоществование. Несколько лет назад сумма этой помощи равнялась 1000 рублям, теперь же часть верующих решила сократить эту сумму до 600 рублей. Настроенный радикально-критически автор заметки, некий «Брей-зен-штиль», пошел еще дальше и заявил, что это взаимпомоществование необходимо и вовсе прекратить (Севастопольский справочный листок. 1886. 5 января. С. 2). Безусловно, подобного рода яркие, но невероятно критические по своей сути заметки не только не способствовали единству еврейской общины полуострова, но и обнажали перед иноверцами весь массив имеющихся у иудеев проблем, показывали насколько разделенной была в тот момент община.

Справедливости ради следует отметить, что печатные издания предоставляли свою площадку и для обсуждения конфликтов и описания разногласий в среде православных полуострова. Особую проблему в этой связи представлял собой Старый Крым. Дело в том, что за годы русского присутствия на полуострове здесь вместо доминирующего крымско-татарского населения появилось много православных жителей, число которых стало постепенно преобладающим. Остроту ситуации придавал тот момент, что среди православного населения доминирующими были русские и болгары, которые часто враждовали друг с другом. Противоречия обострялись и в чисто церковном вопросе. В августе 1886 г. в православном приходе Старого Крыма обнаружился следующий конфликт. Приход состоял из православных, населяющих Старый Крым, преимущественно болгар, и русских из близлежащих деревень Изюмовка, Карагоз и др. Благочинный собрал верующих для выбора церковного старосты. Прежним ктитором прихода был этнический болгарин, в результате чего на вопрос о сохранении этого человека на своей должности верующие болгары ответили положительно. Русские же, наоборот, выступили резко против, обвиняя благочинного в поддержке меньшей группы верующих – болгар. Русские ответственно заявили, что хотят церковного старосту русского происхождения. На вопрос о количестве довольных выбором старого благочинного русские «ответили ногами», покинув храм. Первоначально благочинный решил провести выборы с помощью оставшихся в церкви болгар, а потом понял возможные последствия своего предложения. Выйдя, он предупредил русских, что выборы церковного старосты будут отложены до осени. Примечательно, что вскоре в этом приходе был уже новый настоятель, сменился и благочинный. Однако новый настоятель не только не стал менять тактику отношения к выборам ктитора, но в точности повторил ошибки прежнего благочинного. Для начала он отказался от того чтобы баллотировку проводили по 20 представителей от болгарской и русской общин. Потом он решил, что голосование должно быть проведено в результате поднятия рук и после победы прежнего старосты, (за которого подняли руки только 10 человек – болгар). Свою позицию новый настоятель объяснял желанием разобраться в приходской жизни с помощью знающего приход церковного старосты. Вопреки здравому смыслу, болгарский ставленник сохранил свою должность.

Теперь перейдем к комплексу вопросов, связанных с участием в межконфессиональном диало-

ге, равно как и в межнациональных конфликтах, представителей мусульманского духовенства и мусульман полуострова в целом. Отметим, что на страницах таврической периодики им отводилась особое место как корреспондентам, так и авторам заметок на злободневную тематику.

Нередко авторы подобных материалов скрывались под псевдонимами. Приведем пример крайне любопытной заметки, вышедшей в «Тавриде» 18 декабря 1880 г. Ее автором стал некий «Татарин». В статье он размышлял по поводу достижений и недостатков существующего на полуострове для крымско-татарского населения образования. С самых первых срок в тексте звучит основной лейтмотив: вот уже почти 100 лет крымские татары под короной Российской империи, однако им не хватает школ для изучения русского языка, большинство крымских татар его и вовсе не знают, а поэтому не знакомы с традицией страны, в которой живут. Именно незнание языка, с позиции «Татарина», обусловило отъезд части его соплеменников в Османскую империю. Татарское училищное отделение было закрыто во время Крымской войны 1853–1856 гг., восстановить его вновь не получилось. Примечательно, что иногда тон «Татарина» был заискивающим перед русским населением и правительством. Так он особо отметил, что не только татары, но и русские совсем недавно озаботились вопросом воспитания своих детей. Особое место автор уделил народным школам, а также Татарской учительской школе, открытой в 1872 г. Однако все достижения даже этих научных центров оказываются на поверку тщетными. В заметке отмечено, что чаще всего за год дети, окончившие школы, забывают русский язык, так как занимаются тяжелым физическим трудом. «Татарин» выступал за то, чтобы его сородичам преподавали русский язык с опорой на крымско-татарский. Автор смело выступал за передачу народных школ земствам. «Татарин» честно признавался, что «образование» было главным местом в жизни местного населения. Крым был назван «дорогой окраиной России», образование же будет залогом «благоденствия края» и роста «благосостояния населения» (Татарин. К вопросу об образовании крымских татар // Таврида. 1880. 18 декабря. С. 1). В конце «Татарин» с горечью и укоризной отмечал, что излишки денег тратились на самые разные, иногда необоснованные нужды, такие как строительство церквей и храмов, мостов, дорог и даже казарм Донского войска. В данном случае была нарисована острожная, но все же критическая картина жизни неправославного человека в Крыму. На народные же школы для крымских татар, по мнению «Татарина», у государства денег не было.

Естественно, не обошел Крымский полуостров и вопрос с вакуфами (согласно исламскому праву имущество, переданное государством или отдельным верующим на религиозные цели). Подробно вопроса этого феномена мы касаться не будем. Постепенно ведение делами частных вакуфов переходило из юрисдикции Таврического магометанского правления в управление государственными имуществами. При этом работа как таврической вакуфной комиссии, так и магометанского управления часто оценивалась в прессе крайне отрицательно. Так, «Севастопольский листок» писал о нерасторопности в деятельности вакуфной комиссии: «Медленность действий вакуфной комиссии поразительна, а между тем ни одна сделка о залоге, о покупке земли в Крыму в настоящее время не может совершиться без удостоверения комиссии и неимении или же о количестве имеющегося в предполагаемой даче вакуфа. Сведения об этом в комиссии чрезвычайно разноречивы, неверны, запутаны и сбивчивы, и как только вопрос о вакуфе в частной даче дошел до вакуфной комиссии, то теряется всякая надежда на скорое получение удовлетворительного ответа. Есть вопросы, возникшие назад тому более года, еще во время заведования вакуфами магометанского духовного правления; с передачей дел в вакуфную комиссию духовное правление направило туда и просителей. При дальнейших ходатайствах их, сперва получались отзывы, что действия комиссии, за неприбытием всех членов, еще не открыты, но и по открытии комиссии нельзя жаловаться на ее поспешность, напротив, кругом слышится неудовольствие на невыносимую медленность и затруднения. К глубочайшему сожалению явление это идет параллельно с деятельностью дворянского и крестьянского банков, которая должна обнимать 8 уездов Таврической губернии преимущественно 5 крымских уездов, особенно нуждающихся в благодетельных

Высочайших Монарших милостях, ожидаемых от банков» (Севастопольский листок. 1886. 7 сентября. С. 3).

В первый год существования «Тавриды» на ее страницах вышла серия статей под авторством некого «Мусульманина». В пояснении издателей «Тавриды» отмечено, что автором этой серии заметок является молодой мусульманин, уже известный постоянным читателям под именем «Маленького муллы», автора «Бахчисарайских писем». Эти материалы представляли собой размышления последователя пророка Магомета о «русском мусульманстве», а если говорить точнее – о путях решения так называемой «исламской проблемы» в российском обществе. Любопытно отметить, что еще в самой первой заметке ее автор говорил о том, что на Куликовом поле был разрешен вопрос о подчинении «северного и восточного мусульманства» или «тюрско-татарского племени» «племени русскому». Одновременно с этим автор отмечал, что, несмотря на разбросанность исламского населения по всей территории Российской империи, петербургские власти относятся к ним по принципу «платите дань и живите как хотите». Подобный подход назван автором несодержательным. К числу основных требований властей к мусульманам «Мусульманин» относит обыкновенные фискальные функции и ограждение общественной безопасности. «Мусульманин» напрямую заявляет, что его русские соотечественники просто не понимают печальных результатов государственной политики по отношению к инородцам, считая, что межконфессиональные отношения в стране благополучны. Призыв, высказанный «Мусульманином» – распространение цивилизации среди азиатов. При отсутствии этой политики мусульмане как крымские татары, так и бессарабцы и кавказцы стали уходить в свой отдельный «мирок», зачастую враждебный для интересов государства. «Мусульманин» довольно четко выдвигает и еще один главный тезис, в буквальном смысле слова крик своей души: русские мусульмане не осознают и не чувствуют себя носителями интересов своего Отечества, им не понятны общегосударственные идеи, а незнание русской речи в буквальном смысле слова отрезает мусульман от русской мысли и литературы. Ситуацию с исламским населением России автор сравнивает и с крупнейшими мусульманскими обществами того времени в Азии: Константинополь, Смирна, Дамаск, Каир и Тунис. По его разумению, мусульмане в этих регионах гораздо больше ориентированы на достижения европейских стран, в то время как мусульмане, проживающие в Российской империи, будь то бахчисарайцы или касимовцы, живут в «затхлой атмосфере неподвижности и застоя» времен крымского хана XVI столетия Чобан-Гирея, Ермака и Иоанна Грозного (за исключением литовских мусульман). По мнению постоянного автора «Тавриды», при русской власти письменность и культурные ценности мусульман Крымского полуострова пришли в упадок. О прошлом величии и развитии, по его мнению, напоминают только руины древних памятников: только полуразрушенные, развалившиеся памятники старины с их надписями, кое-какие засаленные, запыленные книги свидетельствуют, что когда-то и татары могли писать и говорить красиво, могли задумываться над вещами, требующими мысли, понимать красоты Гафизма, человечность Шеих-Саади и смелый полет мысли Ибн-Сина и других арабских и персидских писателей и философов.

Объявив жесткий приговор исламскому обществу при российской власти, «Мусульманин» в следующем номере «Тавриды» ищет пути к решению стоящих вопросов. Он говорит, что мусульманам, как впрочем и ему самому, неведом тот принцип, который стоит во главе русской политики по отношению к исламским подданным Российской империи. Он считает, что сбалансированной политики по «мусульманскому вопросу» в империи просто нет. Показательным моментом здесь «Мусульманин» считает то поощрение эмиграции мусульманского населения, то, наоборот, объявление ее «вредным явлением». Такая же неразбериха и непоследовательность царила и в сфере образования: мусульманские школы то открывались, то закрывались и «почва» для плодов так и «не прорастала». Именно поэтому «Мусульманина» интересуют пути достижения единства в разноплеменном государстве, каким он называет Российскую империю. Двумя имеющимися путями решения этой проблемы «Мусульманин» называет финляндский и польский. Так, если первый основан на национальной индивидуальности, свободе и самоуправ-

лении, то второй, наоборот, держится на ассимиляции, стремлении к «кровному родству». Несмотря на то, что автор не заявляет об этом открыто, он критикует «русификаторскую политику», характерную для властей в Петербурге. «Мусульманин» апеллирует к мировому опыту, подчеркивая, что в истории еще не было примеров смешения и тем более поглощения одних народностей другими. Идеальным путем решения проблемы он считает систему политики, проистекающую из уважения к другой национальности и всестороннему равенству племен.

В следующей статье «Мусульманин» вполне определенно говорит о низкой ассимиляционной способности русских. Он считает, что сами русские всегда подвергались ассимиляционному влиянию соседей. В то же самое время для автора очевидно: в Крыму только своеобразный выговор татарской речи отличает мусульманина от русского, а также некоторые национальные элементы в одежде. А «Русские деревни в Крыму отличаются от татарских тем, что там церковь, а там мечеть». Затем следует и еще программное заявление о том, что мусульмане и лишены высокой европейской культуры, как силы для самосохранения, но они в своей религии и проистекающей из нее своим общественном бытом имеют весьма крепкую, почти непреоборимую силу сопротивления всяким чуждым влияниям своей национальной индивидуальности. «Мусульманин» предлагает изучить все функции любой мусульманской общины прежде всего приходской единицы. Последнюю он характерезует не иначе как «миниатюрное государство с прочной связью частей с целым» со своими законами, общественными порядками, учреждениями. Постоянно поддерживать силу общины помогает, по мнению «Мусульманина», Коран.

Чем являлись эти публикации в «Тавриде» «Мусульманина»? С одной стороны, в издании давались ответы на наиболее острые вопросы взаимоотношений мусульманской общины не только в пределах Крыма, но во всей Российской империи. Автор предоставляет тщательный анализ жизни мусульманской общины, очень остро и точно отмечая существовавшие кризисные моменты. Кроме того, в заметках даются решения этих проблем. Нельзя сказать, что они носят исключительно критический характер. Отмечая, с одной стороны, отсталость мусульманской общины, он одновременно заявляет, с другой стороны, и о достижениях, главным из которых является приверженность своей религиозной вере, спаивающей даже самые маленькие общины соплеменников. По мнению «Мусульманина», его единоверцы не поддаются, в отличие от тех же поляков, какой-либо ассимиляции и поэтому этот подход, применительно к тем же крымским татарам, просто невозможен.

Если же касаться тематики «Таврических епархиальных ведомостей» острого периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг., то хочется отметить усиление в это время не только антитурецкой пропаганды, но и пропаганды антизападной, частью которой было увеличение сообщений о падении влияния католичества и притеснения «западной церкви» в Европе. В целом можно разделить статьи по данной проблематике, выходящие во второй половине 1870-х гг. в «Таврических епархиальных ведомостях», на следующие разделы. Первый – критика союзников Османской империи, в том числе через осуждение религиозной политики этих стран. Второй – критика турецких властей, преимущественно в контексте отношения последних к православным. Наконец третий – публикация материалов об «освобождении» святых для православных мест от османского владычества.

Итак, подведем некоторые итоги рассмотрения межнациональных и межконфессиональных отношений в Крыму в указанный период. Отправной точкой для нашего анализа стала неудачно обернувшаяся для Российской империи Крымская война 1853–1856 гг. Военные поражения, тяжелые неудачи, преследовавшие отечественную армию и флот, стали причинами усиления антиисламских настроений в обществе, в том числе и у православного духовенства. Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов), личность, безусловно выдающаяся и неординарная в истории полуострова, достаточно откровенно боролся с «ханским», исламским наследием в своей епархии. События военного времени только обнажили межконфессиональные противоречия в Крыму, а православное духовенство не стремилось в этом случае снизить накал страстей.

Последовавшая вслед за неудачной для России войной смерть влиятельного архиерея существенным образом снижает «накал» конфликтов, и на протяжении последующих лет епархию возглавляли пусть менее выдающиеся, но и менее жесткие в проблеме отношения к иноверцам церковные деятели. Так, архиепископ Елпидифор (Бенедиктов), назначенный на полуостров в самом начале 1860 г., так и не сумел доехать до своей епархии. Пришедший ему на смену владыка Алексий (Ржаницын), бывший ректор Московской Духовной академии, свою основную задачу видел в повышении качества духовного образования в своей епархии, в том числе путем благоустройства духовного училища в Симферополе. Несложно догадаться, что с увеличением роли духовного учебного заведения в епархии, повышалась не только роль Православной церкви в ранее традиционно исламском регионе, но и росло число пастырей, способных к проповеди в подобном плавильном котле национальностей и религий.

Назначение на Таврическую кафедру известного миссионера, долгое время прослужившего в Китае, епископа Гурия (Карпова), также стало важной вехой в процессе межнационального диалога в Крыму. Именно при нем появляется официальный печатный орган Православной церкви на полуострове – «Таврические епархиальные ведомости», на страницах которого много места уделялось вопросам облечения старообрядчества, хлыстовства, скопчества, штундизма. Изредка мелькали на страницах и «антиисламские» и «антикатолические» материалы. Более всего активизировался их выход в период нового крупного вооруженного конфликта – Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., несмотря на обилие достаточно стандартных для подобного рода тематики статей с критикой религиозной политики Османской Турции и материалов, посвященных «византийскому наследию», то и дело выходили статьи, направленные на критическое восприятие взаимоотношений европейских властей с Христианскими церквями. Подобного рода тенденции объяснить можно очень просто: шла война, а политика некоторых европейских государств по отношению к России была неблагожелательной.

Сменивший епископа Гурия (Карпова) епископ Гермоген (Добронравин), занимавший Таврическую кафедру до 1885 г., также много сделал для увеличения влияния Православной церкви в Крыму. О том насколько его интересовала жизнь местных приходов свидетельствуют вышедшие уже после его перевода на Северо-Запад России издания, в которых приводятся статистические данные о православных приходах полуострова, а также воссоздается конфессиональная история Тавриды.

После формального возглавления епархии, так и не доехавшего до Крыма епископа Алексия (Лаврова-Платонова), новый правящий архиерей, владыка Мартиниан (Муратовский) продолжает традиции, заложенные еще архиепископом Иннокентием (Борисовым). Он, как и архиереи начала XX в., оставался ревностным патриотом и поборником усиления роли церкви в регионе.

Довольно жесткую политику по отношению к иноверцам проводило созданное в Крыму в конце 1860-х гг. Александро-Невское братство. Особое внимание братчики уделяли противостоянию как с татарским влиянием, так и борьбе с не терявшими популярность «сектами».

Важным источником, с помощью которого нам удалось проанализировать межконфессиональный диалог на полуострове, стала периодическая печать. Использованные для статьи издания: «Таврида» и «Севастопольский листок» прекрасно помогли осознать, что наиболее острые события, связанные с переходом местных жителей в православие и реакции на этот шаг со стороны семьи принявшего крещение человека, то и дело помещались на страницах прессы. Отметим, что в большинстве случаев они не носили оценочного характера и являлись скорее констатацией свершившегося на полуострове факта.

Не уходили сотрудники периодической печати и от обсуждения довольно острых тем, будь то межнациональные конфликты в православных приходах (в срезе конфликтов греков, болгар и русских), вопросы работы вакуфных комиссий, а также отношения между христианами разных конфессий.

Сейчас уже нельзя сказать, что проблематика межнациональных и межконфессиональных отношений на Крымском полуострове относится к сфере запретных тем, которыми не интересуются исследователи. Как украинские, так и российские авторы все чаще и смелее обращаются к этим слож-

ным вопросам (Калиновский, 2019; Калиновский, 2020; Пученков, Калиновский, 2018; Пученков, Калиновский, 2020), правда, не расставляя нужных в данных случаях акцентов и не подводя итоги своих разработок. От констатации фактов важно переходить к оценочным суждениям, когда можно будет подвести итоги деятельности православного архипастырства и пастырства во второй половине XIX столетия. Без грамотного анализа этих вопросов мы не сможем найти необходимые решения и для межконфессиональных и межнациональных конфликтов и в Крыму сегодняшнем.

Список источников

Бабинов Ю. А. Святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // «Духовное наследие Крыма», памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского: материалы Международной церковно-исторической конференции (Партенит, 8–10 июля 2005 г.). Симферополь: Изд-во Симферопольской и Крымской епархии, 2006. С. 111–131.

Буткевич Т. И. Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский. СПб. : Тип. И. Л. Тузова, 1887. 422 с.

Гермоген (Добронравин). Справочная книжка о приходах и храмах Таврической епархии. Симферополь : Таврическая губернская типография, 1886. 271 с.

Гермоген (Добронравин). Таврическая епархия. Псков : Типография Губернского Правления, 1887. 520 с.

Жежеленко А. Речи при погребении Кафедрального протоиерея Михаила Кононовича Родионова // Таврические епархиальные ведомости. 1874. № 5. С. 146–148.

Записка о восстановлении древних святых мест по горам крымским // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1888. № 5. С. 87–97.

Калиновский В. В. «Германофильство» епископа Димитрия (Абашидзе) в годы Первой мировой войны: архиерейский ответ на «немецкий вопрос» // Научный диалог. 2020. № 9. С. 336–357. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-336-357.

Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: церковное крымоведение (1837–1920). Киев; Симферополь: Антиква, 2012. 339 с.

Калиновский В. В. «Неленостный приставник в порученном ему вертограде Господнем»: к вопросу о роли архиепископа Иннокентия (Борисова) в укреплении позиций православия в Крыму в середине XIX века // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки: материалы VIII международной научно-богословской конференции, посвященной 70-летию возрождения Санкт-Петербургской духовной академии (Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2016 г.). СПб. : Изд-во СПбПДА, 2017. С. 233–246.

References

Babinov Y. A. (2006) Saint Innocent, Archbishop of Kherson and Tauride. *Dukhovnoe nasledie Kryma», pamyati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfskogo: materialy Mezhdunarodnoi tserkovno-istoricheskoi konferentsii (Partenit, 8-10 iyulya 2005 g.) = "Spiritual Heritage of Crimea", in memory of the Monk John, Bishop of Gotf. Materials of the International Church-Historical Conference (Partenit, July 8-10, 2005)*. Simferopol': Simferopol'skoj i Krymskoj eparhii. P. 111-131. (In Russ.).

Butkevich T. I. (1887) Innokenty Borisov, former Archbishop of Kherson. Saint Petersburg: Tip. I. L. Tuzova. 422 p. (In Russ.).

Germogen (Dobronravin) (1886) Reference book about the parishes and churches of the Taurida diocese. Simferopol': Tavricheskaya gubernskaya tipografiya. 271 p. (In Russ.).

Germogen (Dobronravin) (1887) Tauride diocese. Pskov: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya. 520 p. (In Russ.).

Zhezhelenko A. (1874) Speech at the burial of the Cathedral Archpriest Mikhail Kononovich Rodionov. *Tavricheskie eparhial'nye vedomosti = Tauride diocesan bulletin.* No. 5. P. 146-148. (In Russ.).

(1888) A note on the restoration of ancient holy places in the Crimean mountains. *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii = News of the Tavricheskaya Scientific Archive Commission.* No. 5. P. 87-97. (In Russ.).

Kalinovskiy V. V. (2020) "Germanophilism" of Bishop Dimitri (Abashidze) during the First World War: Bishop's Answer to "The German Question". *Nauchnyi dialog = Scientific dialogue* .No. 9. P. 336-357. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-336-357.

Kalinovskiy V. V. (2012) Antiquities - wonderful, interesting, and beautiful - there is no end of antiquities ": Church Crimean Studies (1837-1920). Kiev, Simferopol: Antikva. 339 p. (In Russ.).

Kalinovskiy V. V. (2017) "The uncensored preceptor in the Lord's helipad": on the question of the role of Archbishop Innokenty (Borisov) in strengthening the position of Orthodoxy in the Crimea in the middle of the 19th century. *Aktual'nye voprosy sovremennogo bogosloviya i cerkovnoj nauki. Materialy VIII mezhdunarodnoj nauchno-bogoslovskoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu vozrozhdeniya Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii 16-17 noyabrya 2016 goda = Topical issues of theology and modern science. Materials of the VIII international scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary*

Калиновский В. В. Биографика высшего православного духовенства Крыма: к вопросу об источниках и историографии // Источниковедение и историография истории Крыма XV – XX вв.: проблемы и перспективы. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2016. С. 107–114.

Калиновский В. В. Взгляды архиепископа Николая (Зиорова) на национальный вопрос // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 237–250. DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10098.

Кочмар В. С. Епархиальные ведомости как источник изучения православия юга Украины // Вестник Одесского национального университета. 2010. Т. 15. № 21. С. 44–54.

Марущак В. Святитель Гурий (Карпов), архиепископ Таврический: жизнеописание, проповеди, акафис. Симферополь : Н. Оріанда, 2008. 218 с.

Мурадасылова Ш. М. Создание учреждений церковной власти в Таврической губернии // Гуманитарные науки. 2015. № 1 (29). С. 1–6.

Обряд погребения евреев талмудического вероисповедания // Таврические епархиальные ведомости. 1880. № 3. С. 135–141.

Петровский С. В. Семь херсонских архиепископов. Биографии с приложением портретов, выполненных фотокопией. Одесса : Типография Е. И. Фесенко, 1894. 184 с.

Прибытие Его Преосвященства, Преосвященнейшего Мартиниана, Епископа Таврического и Симферопольского в Симферополь и встреча его 14 сентября 1885 года // Таврические епархиальные ведомости. 1885. № 20. С. 1030–1040.

Прощание Преосвященного Гермогена с таврической паствой // Таврические епархиальные ведомости. 1885. № 9. С. 459–469.

Пученков А. С., Калиновский В. В. Беспокойный март владыки Димитрия (Абашидзе): православное духовенство Крыма после победы Февральской революции // Российская история. 2018. № 6. С. 162–168.

Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб. : Владимир Даль, 2020. 407 с.

Раздорский А. И. Справочники и историко-статистические описания православных епархий Новороссийского края XIX – начала XX в. // Научный вестник Крыма. 2020. № 5 (28). С. 1–7.

Діанова Н. М. Життя та діяльность архиєпископа Херсонського та Таврійского Інокентія (Борисова) // Історія релігій в Украіні: науковый шорічник. Львов : *of the revival of the St. (Petersburg, 16-17 November 2016)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Theological Academy. P. 233-246. (In Russ.).

Kalinovskiy V. V. (2016). Biography of the highest Orthodox clergy of Crimea: on the issue of sources and historiography. *Istochnikovedenie i istoriografiya istorii Kryma XV - XX vv.: problemy i perspektivy = Source study and historiography of the history of Crimea KSV - XX centuries: problems and prospects*. Simferopol': GAU RK “Mediacentr im. I. Gasprinskogo”. P. 107-114. (In Russ.).

Kalinovskiy V. V. (2019) Views of Archbishop Nicholay (Ziorov) on the national question. *Khristianskoe chtenie = Christian reading*. No. 5. P. 237-250. (In Russ.). DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10098.

Kochmar V. S. (2010) Diocesan Bulletin as a source for studying Orthodoxy in the South of Ukraina. *Vestnik Odesskogo natsional'nogo universiteta = Odessa National University Bulletin.* Vol. 15. No. 21. P. 44-54. (In Russ.).

Marushchak V. (2008). Saint Gury (Karpov), Archbishop of Tauride: biography, sermons, akathis. Simferopol: N. Orianda. 218 p. (In Russ.).

Muradasylova Sh. M. (2015). Establishment of institutions of ecclesiastical authority in the Tauride governorate. *Gumanitarnye nauki = Humanitarian sciences*. No. 1 (29). P. 1-6. (In Russ.).

(1880) Burial ceremony for Jews of the Talmudic faith. *Tavricheskie eparhial'nye vedomosti = Tauride diocesan bulletin*. No. 3. P. 135-141. (In Russ.).

Petrovskii S. V. (1894) Seven Kherson archbishops. Biographies with photocopied portraits attached. Odessa: Tipografiya E. I. Fesenko. 184 p. (In Russ.).

(1885) Arrival of His Grace, His Grace Martinian, Bishop of Tauride and Simferopol in Simferopol and his meeting on September 14, 1885. *Tavricheskie eparhial'nye vedomosti = Tauride diocesan bulletim.* No. 20. P. 1030-1040. (In Russ.).

(1885) Farewell of His Grace Hermogenes to the Tauride congregation. *Tavricheskie eparhial'nye vedomosti = Tauride diocesan bulletin.* No. 9. P. 459-469. (In Russ.).

Puchenkov A. S, Kalinovskiy V. V. (2018) Restless March of Archbishop Dimitri (Abashidze): Orthodox clergy of Crimea after the victory of the February Revolution. *Rossiyakaya istoria = Russian history*. No. 6. P. 162-168. (In Russ.).

Puchenkov A. S, Kalinovskiy V. V. (2020). Spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914-1920. Saint Petersburg: Vladimir Dal. 407 p. (In Russ.).

Razdorsky A. I. (2020) Reference books and historical and statistical descriptions of the Orthodox dioceses of the Novorossian Region of the XIX - beginning XX century. *Nauchnyj vestnik Kryma = Scientific bulletin of the Crimea*. No. 5 (28). P. 1-7. (In Russ.).

Dianova N. M. (2005) Life and activity of the archbishop of Kherson and Taurian Innocent (Borisov). *Istoriya religij v Ukraini: naukovyj shorichnik = History of religion of*

Логос, 2005, Кн. 1. С. 215–221.

Каліновський В. В. Часопис «Таврические епархиальные ведомости»: засіб офіційної пропаганди чи важливе краєзнавче джерело? // Література та культура Полісся. 2009. № 48. С. 169–175.

Кондратська В. Л. Сидоренко І. П. Преса Криму сто років тому // Учениє запіскі Тавріческого национального університєта ім. В. І. Вєрнадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». 2012. Т. 25 (64). № 4. Частина 1. С. 291–297.

Kalinovskiy V. V., Kotov A. E. The Problem of Nihilism on the Pages of the Regional Church Periodicals (based on the Materials of the Editions of the Taurian Diocese of the 1870–1890s) // Bylye gody, Russian Historical Journal. 2018. No. 48 (2). P. 639–646. DOI: 10.13187/bg.2018.2.639.

Ukraine: scientific bulletin. L'vov: Logos. Book 1. P. 215-221. (In Ukr.).

Kalinovskiy V. V. (2009). Journal "Taurian Diocesan Gazette": a means of official propaganda or an important source of local lore? *Literatura ta kul'tura Polissya = Literature and Culture of Polessye*. No. 48. P. 169-175. (In Ukr.).

Kondratskaya V. L., Sidorenko I. P. (2012) The press of Crimea hundred years ago. *Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications = Scientific notes of the Tavrichesky National University named after V. I. Vernadsky. Series "Philologists. Social communications*. Vol. 25 (64). No. 4. Part 1. P. 291-297. (In Ukr.).

Kalinovskiy V. V., Kotov A. E. (2018) The Problem of Nihilism on the pages of the regional church periodicals (based on the materials of the Editions of the Taurian Diocese of the 1870-1890s). Bylye gody. Russian Historical Journal. No. 48 (2). P. 639-646. (In Russ.). DOI: 10.13187/bg.2018.2.639.

Информация об авторе

И. В. Петров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9,
Россия.

Information about the author

I. V. Petrov – Cand. Sci. (History), senior researcher at the Institute of History,
Saint-Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg
199034, Russia.

Вклад автора

Петров И. В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Petrov I. V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 октября 2021 г.; одобрена после рецензирования 17 ноября 2021 г.; принята к публикации 6 декабря 2021 г.

Article info

The article was submitted October 7, 2021; approved after reviewing November 17, 2021; accepted for publication December 6, 2021.

Научная статья
УДК 93/94
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-157-167

Дмитрий Иванович Пихно – редактор-издатель газеты «Киевлянин» (1879–1913 гг.)

Дмитрий Андреевич Федоров

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
dnib.1995@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2291-4642

Аннотация. В статье впервые предпринята попытка изучить роль Дмитрия Ивановича Пихно в качестве редактора-издателя одного из самых популярных периодических изданий Юго-Западного края второй половины XIX – начала XX в. – газеты «Киевлянин». Хронологические рамки исследования (1879–1913 гг.) обусловлены временем непосредственного участия Пихно в качестве главного редактора. Опираясь на архивный материал Российского государственного исторического архива и Российского государственного архива литературы и искусства, а также данные периодической печати и журналов («Киевлянин», «Московские ведомости», «Русское слово», «Новое русское слово», «Исторический вестник», «Голос минувшего», «Северный вестник»), автор последовательно рассматривает предпосылки назначения Пихно главным редактором, особенности его публицистической и издательской работы на этой должности. Дана краткая характеристика самой редакции газеты, перечислены все временные заместители Пихно на посту главного редактора во время его отъездов. Показано, что Пихно вел активную публицистическую деятельность, лично писал передовые статьи и задавал основное направление изданию газеты. Кроме того, автор также обращает внимание на сложный характер взаимоотношений Пихно с цензурным ведомством, что было обусловлено личными качествами своевольного редактора «Киевлянина». Пихно не раз выступал с резкой критикой правительственной политики, а цензура не менее решительно запрещала статьи и грозила ограничениями. Обращается внимание на то, что Пихно с первых дней работы в редакции неизменно отстаивал те идейные принципы, которые заложил основатель этой газеты, В. Я. Шульгин. Публицистический талант и дар организатора позволили Пихно сделать из провинциальной газеты одно из самых популярных всероссийских изданий дореволюционной России.

Ключевые слова: «Киевлянин», Д. И. Пихно, периодическая печать, Юго-Западный край, журналистика, публицистика, цензура, газеты, издательская деятельность

Для цитирования: Федоров Д. А. Дмитрий Иванович Пихно – редактор-издатель газеты «Киевлянин» (1879–1913 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 157–167. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-157-167.

Original article

Dmitry Ivanovich Pikhno - editor-publisher of the newspaper “Kievlyanin” (1879-1913)

Dmitry A. Fedorov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, dnib.1995@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2291-4642

Abstract. The article is the first attempt to study the role of Dmitry Ivanovich Pikhno as editor-publisher of one of the most popular periodicals in the South-West Krai of the second half of the 19th – early 20th centuries, the newspaper “Kievlyanin”. The chronological framework of the study (1879–1913) is due to the time of Pikhno's direct work as editor-in-chief. Grounding on archival data from the Russian State Historical Archives, the Russian State Archives of Literature and Art as well as the data from periodicals and magazines (“Kievlyanin”, “Moskovskie vedomosti”, “Russkoe slovo”, “Novoe russkoe slovo”, “Istoricheskij vestnik”, “Golos minuvshego”, “Severnyj vestnik”) the author consistently examines the prerequisites for the appointment of Pikhno as editor-in-chief, and the features of his journalistic and publishing work in this position. The characteristic of the editorial board itself is given, all Pikhno's temporary deputies in the post of editor during his departure are noted. It is shown that Pikhno was active in publicistic activity, personally wrote leading articles and gave directions to the newspaper publication. In addition, the author draws attention to the nature of Pikhno's relationship with the censorship department, which was due to the personal qualities of the self-willed editor of “Kievlyanin” influenced the complex relationship with this department. Pikhno did not harshly criticize government policies, and the censorship no less decisively prohibited articles and threat-

© Федоров Д. А., 2021

ened with restrictions. Attention is drawn to the fact that from the first days of his work in the editorial office, Pikhno invariably defended the ideological principles that were laid by the founder of this newspaper, V. Ya. Shulgin. The Pikhno's publicist and management talent of lead him to create this newspaper as the one of the most popular all-Russian media in pre-revolutionary Russia.

Keywords: "Kievlyanin", D. I. Pikhno, periodicals, South-west Krai, journalism, publicism, censorship, newspapers, publishing

For citation: Fedorov D. A. (2021) Dmitry Ivanovich Pikhno - editor-publisher of the newspaper "Kievlyanin" (1879-1913). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 157-167. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-157-167.

26 декабря 1878 г. от внезапно обострившейся простуды в Киеве умер главный редактор газеты «Киевлянин», профессор В. Я. Шульгин. Узнав о случившимся, киевский генерал-губернатор М. И. Чертков, в обязанности которого входили общий контроль за выходом газеты и выдача ее редакции правительственной субсидии, отправил срочную телеграмму министру внутренних дел Л. С. Макову с просьбой о временном назначении главным редактором «Киевлянина» доцента Киевского университета Дмитрия Ивановича Пихно, человека, по мнению Черткова, «вполне благонадежного» (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 83). Уже на следующий день (27 декабря) генерал-губернатор получил положительный ответ министра (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 84). Подобная оперативность позволила быстро организовать работу редакции, и очередной выпуск «Киевлянина» вышел без какой-либо задержки.

Право дальнейшего издания «Киевлянина», в силу завещания, по наследству перешло к жене Виталия Яковлевича, тридцатичетырехлетней Марии Константиновне Шульгиной (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 4). Заметим, что назначение Шульгиной издательницей такой крупной провинциальной газеты как «Киевлянин» не оказалось для нее неприятной неожиданностью. Напротив, Шульгин часто привлекал свою жену не только к редакторской работе, но и к участию в крупных общественных мероприятиях в Киеве. Так, например, Шульгина являлась председателем комиссии по сбору одежды для пострадавших славянских семейств Балканского полуострова в 1876 г. (Киевлянин. 1876. 9 октября. С. 1). Подобное положение дел позволило Марии Константиновне смело приступить к самостоятельному изданию газеты (Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 202. Оп. 1. Д. 37. Л. 40).

Тем временем все сильнее вставал вопрос о том, кто же станет новым редактором «Киевлянина»? Впрочем, сама редакция киевской газеты уже давно определилась в своем мнении, и выбор Пихно в качестве временного редактора был не случаен. В пользу молодого доцента Киевского университета по кафедре политической экономии и статистики, магистра полицейского права, коллежского советника двадцати шести лет (род. 1 января 1853 г.) (Биографический словарь…, 1884. С. 553), Дмитрия Пихно высказывался старейший сотрудник «Киевлянина» Н. Х. Бунге, благоволивший к нему как к наиболее способному своему студенту (Витте, 1960. С. 168–169; Абалкин, 2009. С. 59). Не последнюю роль в назначении именно Пихно сыграло и то, что он был любовником Марии Константиновны; их «амуры» были широко известны в Киеве (Из архива С. Ю. Витте…, 2003. С. 148; Котов, 2015. С. 129). После смерти пожилого супруга Мария Константиновна вышла замуж за Дмитрия Ивановича (Более подробно о семейных отношениях Д. И. Пихно см.: Красюков, 2006; Матич, 2017. С. 46–47, 82).

5 января 1879 г. в письме, адресованном в Главное управление по делам печати, Пихно подтвердил, что он окончательно принял на себя временное заведование делами по изданию «Киевлянина» (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 88). И в этот же день он снова обращается в Главное управление с ходатайством не отказать в утверждении его постоянным редактором в связи с настоятельным желанием самой издательницы

газеты (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 87). А 7 января с этой же просьбой в Главное управление написала уже сама Шульгина (Пихно) (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 86).

Однако бюрократические проволочки задержали удовлетворение этого прошения. Начнем с того, что лишь 21 января в Главном управлении было выдано официальное свидетельство о переходе издания «Киевлянина» Шульгиной (Пихно) (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 93). В течение февраля вопрос назначения Пихно главным редактором обсуждался и в III отделении, и киевским генерал-губернатором, и попечителем учебного округа. Кандидатура Пихно была единогласно одобрена чиновниками (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 95, 96, 107). Поэтому, учитывая подобные отзывы, 16 марта Маков окончательно утвердил Пихно в качестве редактора газеты «Киевлянин» (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 110).

Деятельность редактора «Киевлянина» требовала определенной выдержки и большой ответственности, а порой и полной отдачи сил, что напрямую связывалось с коммерческим и читательским успехом газеты. В это время «Киевлянин» из небольшого провинциального издания постепенно превращается в ежедневную всероссийскую газету с многотысячным тиражом. Рост популярности «Киевлянина» при достаточно высокой подписной цене (12 рублей в год) позволил редакции отказаться от правительственной субсидии (Котов, 2016. С. 395–396). Вместе с тем газету постепенно начинают наполнять многочисленные платные объявления, которые все чаще занимают не только традиционно последнюю, но и первую страницу.

Высокий доход, который давала публикация подобных объявлений, позволил в разы увеличить положенный корреспондентам «Киевлянина» гонорар. Ушли в историю времена, когда редакции приходилось экономить каждый рубль, с таким трудом доставшийся газете при Шульгине. Заявив в первом выпуске за 1879 г. о том, что направление газеты остается прежним, редакция посчитала необходимым «…обратиться с покорнейшей просьбой ко всем тем сотрудникам “Киевлянина”, с которыми мы не успели еще объясниться лично, не отказать редакции в своем содействии. Мы надеемся, что добрые отношения и согласие в литературной семье «Киевлянина» сохранятся по-прежнему и что число ее членов возрастет» (Передовая статья // Киевлянин. 1879. 1 января. С. 1). Произнесенные слова в скором времени начали получать конкретное воплощение: издательница Шульгина (Пихно) в письме к корреспонденту «Киевлянина» С. И. Пономареву сообщала, что она будет очень счастлива, если публицист продолжит принимать в газете прежнее участие (РГАЛИ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 361. Л. 2). Свою просьбу Мария Константиновна подкрепляла внушительным для киевской газеты гонораром – 100 рублей, поручив Пихно отправить эти деньги Пономареву (РГАЛИ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 237. Л. 7).

Дмитрий Иванович принялся за издание «Киевлянина» самым энергичным образом, чему существенно способствовали обширные экономические знания и публицистический талант. «Обыкновенно скромный и даже застенчивый в обществе, подчас Пихно проявлял болезненное самолюбие, самомнение и резкость, а в журналистике был страстным полемистом, нетерпимым к мнениям других и считал себя единственным правомочным выразителем общественного мнения Киева» (Сидоров, 1918. С. 133). Пихно, для которого слова Шульгина «Этот край русский, русский, русский!» стали девизом всей его жизни, принялся ревностно отстаивать «русское начало» в Юго-Западном крае, был ярым противником «украинства» и польско-католической пропаганды, но при этом осуждал еврейские погромы (Кауфман, 1907. С. 10–11[1]; Рыбас, 2014. С. 17). Однако порой слишком несдержанный тон статей редактора «Киевлянина» не встретил сочувствия местной цензуры.

Первое столкновение между ними произошло после событий 11 февраля 1879 г., когда в Киеве при штурме полицией тайной типографии были убиты члены местной революционной группы (Новицкий, 1991. С. 92). В силу крайнего раздражения киевского общества против редакции

[1] Кауфман А. Е. Друзья и враги евреев. Д. И. Пихно. СПб. : Правда, 1907. 32 с.

за отсутствие каких-либо сообщений о произошедшем, Пихно просил разрешения напечатать об этом точные сведения (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 98), на что получил однозначный отказ (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 99). Впрочем, подобный итог не поколебал самоуверенности Пихно в продвижении собственных, порой крайне независимых ни от цензуры, ни от Министерства внутренних дел, взглядов. 21 июня 1880 г. киевский цензор в письме в Главное управление по делам печати сообщал, что Пихно самовольно напечатал несколько строк в одной из статей, а также перепечатал из петербургского «Голоса» фрагмент, недозволенный цензурой (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 143 и об.). Усмирить строптивого редактора киевский цензор пытался неоднократными угрозами судебного преследования, которые одна за другой буквально сыпались на Пихно и его редакцию (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 146). Именно в этом противостоянии, по нашему мнению, впервые наиболее ярко проявился вспыльчивый характер молодого, но бойкого на перо редактора, который, вполне возможно, во многом старался походить на первого издателя «Киевлянина», своевольного Шульгина. Впрочем, как и в случае с Виталием Яковлевичем, это своеволие во многом опиралось на поддержку центральных властей (Котов, 2016. С. 396–405).

Помимо того, что Пихно являлся редактором, он по-прежнему преподавал в Киевском университете. К осени 1883 г. руководство университета планировало послать Пихно за границу с 1 сентября 1883 г. в командировку «с научной целью» (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 194). Предупрежденный заранее, Пихно, с одобрения Марии Константиновны (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 193), 27 июня 1883 г. пишет прошение в Главное управление с просьбой о назначении временным редактором профессора А. Я. Антоновича (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 194). Сам Антонович выразил полную готовность взяться за столь ответственное дело (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 195). 20 июля назначение Антоновича было одобрено киевским генерал-губернатором (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 199), 24 июля – в Министерстве внутренних дел (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 411. Л. 198). Решив все необходимые дела, Пихно временно оставил заведование редакцией.

К концу 1883 г. начало стремительно слабеть здоровье Марии Константиновны. Страдая чахоткой, она в начале сентября 1883 г. была вынуждена уехать на лечение во Францию. 8 октября Шульгина (Пихно) скоропостижно скончалась (Киевлянин. 1883. 9 октября. С. 1). Проводить издательницу известной газеты в последний путь собрался весь цвет киевского общества (Шульгин, 2012. С. 36). Гроб Марии Константиновны на руках несли сотрудники «Киевлянина».

Чтобы избежать в будущем возможных недоразумений, Шульгина (Пихно) еще при жизни (5 мая 1883 г.) подготовила текст духовного завещания, в котором «строго настрого» просила всех своих детей отказаться от своих прав по изданию газеты в пользу Пихно (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 23). Таким образом, Дмитрий Иванович после кончины Марии Константиновны стал не только редактором, но и полноправным издателем газеты «Киевлянин».

15 октября 1884 г. Пихно вернулся из заграничной командировки, будучи уже назначенным на должность экстраординарного профессора. В это же время Бунге, ставший с 1 января 1882 г. министром финансов, решил привлечь своего ученика к работе в министерстве. 18 сентября 1885 г. Бунге пишет письмо министру народного просвещения И. Д. Делянову, в котором просил высказать мнение о том, не встречается ли каких-либо препятствий к переходу Пихно на службу по Министерству финансов (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 932. Л. 1). Получив 20 сентября утвердительный ответ (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 932. Л. 2), Пихно уже 24 сентября был определен чиновником особых поручений I класса по финансовому ведомству (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 932. Л. 5), а затем и членом совета при министре путей сообщения. Вместе с тем новое назначение потребовало обязательного присутствия в Петербурге. Обстоятельства, таким образом, снова вынуждают Пихно временно оставить газету и поменять место жительства. 26 сентября 1885 г. в Главном управлении по делам печати рассматривалось прошение Пихно о допущении редактором «Ки-

евлянина» профессора Д. Г. Тальберга (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 10). Разрешение было получено (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 11), но Тальберг вскоре сам был вынужден покинуть Киев. Тогда Пихно 31 мая 1886 г. вторично обратился с просьбой о назначении временного редактора. В качестве кандидатуры он предложил Василия Ивановича Пихно – родного брата Дмитрия Ивановича (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 12; Некролог В. И. Пихно, 1896. С. 707).

Однако в Петербурге обстоятельства для Пихно сложились неудачно. Когда 31 декабря 1886 г. последовало увольнение Бунге, все сильнее стали сказываться принципиальные разногласия между Пихно и И. А. Вышнеградским, новым министром финансов. Осложнение отношений заставило Дмитрия Ивановича отказаться от должности и покинуть столицу (Некролог Д .И. Пихно, 1913. С. 1147). 9 января 1887 г. Пихно был уволен от службы согласно прошению (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 415. Л. 37).

Освободившись от службы в министерстве, Пихно полностью посвятил себя как работе в редакции, так и написанию докторской диссертации о железнодорожных тарифах, которую он успешно защитил 1 апреля 1888 г., получив степень доктора полицейского права. «С этого времени Д. И. Пихно делит свои рабочие часы между кафедрой и газетой, уделяя, правда, и в последней главное внимание экономическим вопросам, откликаясь целым рядом серьезных статей на все злобы дня в хозяйственной жизни страны», – вспоминал сотрудник «Киевлянина», экономист А. Д. Билимович (Билимович, 1913. С. 77).

Возвращение Пихно к непосредственному участию в издании газеты вновь привлекло к себе внимание цензурных чиновников. Особенно остро запретительные меры начинают беспокоить «Киевлянина» с конца 1888 г. 28 декабря киевский цензурный чиновник, обратив внимание на статью с критикой политики Министерства финансов, предложил начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову пригрозить Пихно возможностью запрещения печатать объявления (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 32 об.). 6 января 1899 г. киевский чиновник снова настоятельно просил прибегнуть к угрозам административного воздействия на редакцию киевской газеты (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 33). Впрочем, самонадеянное поведение Пихно, свободно печатавшего запрещенные цензурой строки и даже целые статьи (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 34), позволяло ему и другим сотрудникам газеты часто совершенно игнорировать какие-либо замечания (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 39 и об.).

Показательным примером настойчивости Пихно в отстаивании своих взглядов стали его статьи в «Киевлянине» о развитии отечественной железнодорожной сети, в которых казенному железнодорожному строительству придавалось особое значение. Поэтому не удивительно, что вскоре на страницах «Киевлянина» усилилась критика железнодорожной политики правительства, основное направление которой в пользу развития частного предпринимательства в это время продвигал министр финансов Вышнеградский. 21 августа 1889 г. киевский отдельный цензор запретил Пихно напечатать статью «Правила о прекращении соперничества железных дорог», направленную против политики Министерства финансов (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 48). «Крайне недоброжелательное отношение» редактора «Киевлянина» к финансовому департаменту было замечено и в статье о Курско-Киевской железной дороге (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 51). Наконец, после того как Пихно в целом ряде статей подверг критическому разбору политику преемника Вышнеградского, С. Ю. Витте о железнодорожных тарифах, резкие высказывания о которой стали известны широкому кругу читателей в Киеве (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 53), цензурное ведомство не замедлило принять меры. Феоктистов поручил киевскому цензору Б. М. Юзефовичу относиться строже к экономическим статьям «Киевлянина», «непозволительным по резкости и направлению» (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 71).

Изначально стремившийся вмешиваться в редакционную политику газеты (Котов, 2016. С. 402), Юзефович воспринял подобное поручение по-своему: в начале августа 1893 г. редакции «Киевлянина» прямо запрещалось впредь касаться каких-либо вопросов, имеющих отношение к деятельности Министерства финансов (РГИА.

Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 81). Но и сам Пихно в долгу не остался. Вскоре редактор «Киевлянина» решил не подчиняться сделанному замечанию цензора по поводу статьи о здоровье императора, посчитав подобную меру незаконной (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 88). В ответ Юзефович отказался выдавать типографии «Киевлянина» билет на публикацию очередного выпуска (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 89). На следующий день Пихно без всяких сомнений выпустил газету и без официального разрешения. После многочисленных придирок Юзефович обвинил редакцию в страшном по тем временам проступке – «ополячении», в ответ на что получил от своего петербургского начальника упрек в «полном непонимании «…» обязанностей цензора» и пристрастном отношении к редакции (Котов, 2016. С. 404).

Критический момент наступил 10 февраля 1895 г., когда в «Киевлянине» была напечатана статья «Опасные друзья», текст которой был «…не совсем в том виде, в каком она была дозволена местной цензурой» (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 206). Уже 17 февраля 1895 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново принял решение запретить розничную продажу «Киевлянина» на один месяц (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 209, 212), желая, видимо, нанести ощутимый удар по финансовому благополучию газеты. Однако авторитет «Киевлянина» к этому времени был настолько высок, что противостояние с местной цензурой непременно заканчивалось в пользу киевской газеты. Поэтому уже через два года Пихно удалось избавиться от предварительной цензуры.

17 декабря 1897 г. в Главное управление по делам печати поступило очередное прошение редактора. Почитав уместным напомнить об известном направлении киевской газеты, «никогда не возбуждающей сомнений», Пихно указывал на значительный для провинциального издания круг читателей (до 7000 экземпляров ежедневно), что могло служить гарантией благонадежности «Киевлянина». В силу вышеизложенных соображений Пихно решил обратиться с просьбой об освобождении газеты «Киевлянин» от предварительной цензуры (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 1 и об.). 10 января 1898 г. ходатайство Пихно было удовлетворено Феоктистовым и министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 3–4 и об.).

Учитывая, что в отношении к другим провинциальным изданиям освобождение «Киевлянина» от предварительной цензуры представлялось как исключительная привилегия, не удивительно, что многие восприняли снятие цензуры как «аттестат» за публицистическую деятельность, «удостоверение», что цензура признается для «Киевлянина» излишней (Внутреннее обозрение, 1898. С. 39–40). 5 февраля 1898 г., когда вышел первый выпуск без предварительной цензуры, Пихно, торжествуя победу, поспешил поместить едкий комментарий о том, что несмотря на все ограничения и нападки, направление «Киевлянину» все же дает не цензура, а его редакция (Передовая статья // Киевлянин. № 36. 1898. 5 февраля. С. 2).

В этом же году Пихно поставил на повестку дня вопрос о порядке наследования права издания «Киевлянина». После смерти В. Я. Шульгина полноправными владельцами газеты должны были стать его жена и дети (дочери Павла, Алла и сын Василий, при этом М. К. Шульгина (Пихно) подписалась как наследница и опекун вплоть до совершеннолетия детей (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 19)). Но в завещании не были указаны дети самого Дмитрия Ивановича, что, вероятно, и побудило его самому внести необходимые изменения. Поэтому 31 января 1898 г. Пихно в письме в Главное управление сообщал, что необходимо выдать свидетельство на право издания «Киевлянина» на имя всех несовершеннолетних наследников В. Я. Шульгина, а также самому Пихно (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 19 об.). Поданное прошение было удовлетворено (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 21). Таким образом, наследственное право издания «Киевлянина» распространялось и на детей Дмитрия Ивановича от Марии Константиновны, о чем сообщала лаконичная фраза, помещаемая в каждом выпуске газеты: «Издание наследников М. К. Пихно».

22 декабря 1901 г. Пихно в силу расстроенного здоровья после двадцати пятилетней службы в Киевском университете подал прошение об увольнении его с должности (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 415. Л. 10). И вновь все устремления Дмитрия Ивановича направлены на главное дело его жиз-

ни – газету «Киевлянин». Заметим, что к этому времени «Киевлянин» удерживал доминирующее положение среди периодической печати Юго-Западного края. Газеты «Киевское Слово», «Киевская газета» и прочие местные издания к 1900-м гг. не имели какого-либо серьезного влияния на общественное мнение. Впоследствии сотрудник «Московских ведомостей» Л. Волков, лично знавший Пихно, вспоминал, что в то время «Киевлянин», ввиду его исключительного положения, читали и «друзья и недруги его» (Волков Л. Из воспоминаний о Д. И. Пихно // Московские ведомости. 1913. 10 августа. С. 2).

Начало XX века было отмечено трагической Русско-японской войной 1904–1905 гг. Редакция «Киевлянина» с патриотическим воодушевлением восприняла начало вооруженного конфликта на Дальнем Востоке, внося посильную помощь путем сбора пожертвований для раненых солдат (Киевлянин. 1904. 5 марта. С. 3). При этом и здесь Пихно вновь не удержался от помещения сразу нескольких критических отзывов о действиях командующего состава, что, по мнению цензуры, в настоящий момент трактовалось как явление «совершенно неудобное» (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 135, 137). Вместе с тем внимание редактора «Киевлянина» привлекло и введение в 1904 г. нового проекта «Положения» от 2 апреля 1903 г. об управлении земским хозяйством в девяти западных губерниях. 22 апреля 1904 г. киевский губернатор П. С. Саввич в письме в Главное управление по делам печати сообщал, что Пихно в «Киевлянине» весьма вольно толкует 25 статью «Положения» и упрекает губернскую администрацию в пополнении будущей губернской управы «своими знакомыми» (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 124). Желая внушить Пихно непозволительность подобного тона, Саввич вызвал редактора «Киевлянина» для личного объяснения. Между ними произошел короткий, но резкий разговор: при встрече генерал-губернатор сразу указал Пихно на недопустимость подобных отзывов о земстве. Пихно же напомнил собеседнику, что он, как редактор газеты без предварительной цензуры, обязан давать объяснения только министру внутренних дел. «Значит, говорю ему, нам не о чем разговаривать», – сказал генерал-губернатор. «Совершенно не о чем», – ответил Пихно и ушел, не прощаясь (Сидоров А. А. В Киеве (1904–1909 г.) // Голос минувшего. 1918. № 7–9. С. 134).

Будучи убежденным антимарксистом и врагом революционной деятельности, Пихно встретил бурные политические события 1905 г. резко отрицательно (Павлова Т. О газете «Киевлянин» и ее редакторах // Новое русское слово. 1918. 6 июня. С. 4). После издания «Манифеста» 17 октября, объявление которого для киевской общественности оказалась совершенной неожиданностью, в «Киевлянине» уже 19 октября была напечатана передовая статья с призывом сохранения порядка поскольку «…государство переживает очень тяжелый кризис, который требует от правительства большой энергии и выдержки и возлагает на него очень трудную задачу» (Передовая статья // Киевлянин. 1905. 19 октября. С. 1). Сам Пихно считал «Манифест» большой политической ошибкой (Шульгин, 2020. С. 24–25). Свое негодование редактор «Киевлянина» не раз заявлял в своих письмах автору этого законодательного акта С. Ю. Витте (Дмитриев, 2000. С. 397–405). Выпуская в начале 1906 г. сборник «В осаде», статьи которого обличали «политические авантюры революционного характера», Пихно поместил в нем многозначительное предисловие: «Не для привлечения глаз эта книга озаглавлена словами «В осаде». Редакция «Киевлянина» выдержала тяжелую осаду в прямом и переносном смысле. Ни на одну минуту не спустила она старого русского знамени в древнем Киеве перед красными флагами, перед надвинувшимся революционным психозом» (Пихно, 1906. С. 1).

Стоит сказать, что редакция «Киевлянина» не примкнула к участию печати во «Всероссийской забастовке», когда целый ряд газет в поддержку «освободительного движения» прекратил свое издание (Шульгин, 2020. С. 23). Более того, «Киевлянин» оказался единственной киевской газетой, проигнорировавшей этот призыв. Естественно, что это вызвало ненависть и непонимание местной революционно настроенной толпы. Вскоре Дмитрию Ивановичу стало известно, что типографские наборщики «Киевлянина» серьезно напуганы угрозами возможной расправы над их

семьями в случае продолжения работы (Шульгин, 2020. С. 31). И тем не менее Пихно лично просил наборщиков во что бы то ни стало выпустить обычный номер газеты. «И эти наборщики, окруженные возбужденной толпой забастовщиков, собравшихся возле дома, где помещалась новая редакция и типография газеты, исполнили просьбу «…», сказав: “Делаем это, Дмитрий Иваныч, из любви и уважения к вам”… [Пихно] просидел с ними всю ночь, и газета вышла» (Павлова Т. О газете «Киевлянин» и ее редакторах // Новое русское слово. 1918. 6 июня. С. 4).

Стремительно меняющаяся политическая обстановка требовала от редакции «Киевлянина» предельного напряжения человеческих сил и способностей, мобилизации всех имеющихся средств. Это тем более было необходимо, учитывая, что к 1905 г. общий тираж «Киевлянина» доходил до колоссальной цифры – 24000 экземпляров ежедневно (Борец за русское дело // Московские ведомости. 1913. 31 июля. С. 1). Сам Пихно в эти тревожные дни работал по 17–18 часов в сутки, обедал «на ходу» и практически не прекращал писать. «Впрочем, Дмитрий Иванович в сущности никогда не отдыхал. И не умел отдыхать. Не такая это была натура. Он был окружен любящими людьми, но переделать его и заставить по-настоящему отдохнуть, а тем более полечиться не было никакой возможности. Он был рожден для вечного и беспрестанного труда», – отмечал близко знавший Дмитрия Ивановича публицист А .И. Савенко (Савенко А. Думы и настроения // Киевлянин. 1913. 31 июля. С. 2).

Много требуя от себя и от своих работников, Пихно, чуждый всякой сентиментальности, тем не менее старался поддерживать с сотрудниками и наборщиками особые, теплые отношения. Некоторые их них работали в газете так долго, что по праву признавались как члены семьи. Дмитрий Иванович непременно заботился о том, чтобы каждый наборщик ежегодно был гостем у него в имении, где он сам проводил свой короткий отдых: «В эти дни каждый наборщик освежал свое здоровье, набирался новых сил, оживал, и бодрым брался за труд после столь отрадного отдыха с искренней благодарностью в душе к своему благодетелю-редактору, поистине любя его, как отца, любовно заботящегося о своих чадах» (Наборщики «Киевлянина». Памяти Д. И. Пихно // Киевлянин. 1913. 31 июля. С. 2).

Плодотворная деятельность Пихно и его редакции по осуждению «революционной крамолы» обратила на себя внимание в правительстве. При выборе членов Государственного совета «по назначению» Николай II 23 марта 1907 г. лично написал следующие строки: «При современных обстоятельствах я считаю необходимым назначить членами Государственного Совета людей русских и крепких. Таковым первым моим кандидатом является проф. Пихно – редактор “Киевлянина”» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 415. Л. 1 б.). Снова призванный на поприще государственной деятельности, Дмитрий Иванович был вынужден в очередной раз отойти от непосредственного, повседневного участия в издательской жизни «Киевлянина» (Флоринский Т. На гроб Д. И. Пихно // Киевлянин. 1913. 31 июля. С. 2), хотя сам Николай II выражал надежду, что назначение Пихно членом Государственного Совета не помешает ему продолжить свое «полезное издание» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 415. Л. 3). И тем не менее 27 апреля 1907 г. Пихно написал киевскому губернатору П. Н. Игнатьеву письмо, в котором сообщил, что он слагает с себя обязанности редактора в пользу многолетнего секретаря «Киевлянина», М. М. Ващенко-Захарченко, при полном сохранении программы издания (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 156 и об.). Но и после своего отъезда Пихно не прекращал руководства газетой, продолжал отправлять передовые статьи, давая необходимые указания в письмах и телеграммах.

Ващенко-Захарченко, настроенный к революционным событиям куда более радикально, чем даже Пихно, сразу навлек на себя цензурные взыскания. Так, за перепечатку из «Голоса Москвы» статьи о возможном покушении на Николая II, Ващенко-Захарченко был подвергнут уголовному преследованию (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 165). А за статью корреспондента А. И. Савенко по поводу приема еврейских студентов в ущерб русским киевский губернатор предложил подвергнуть редактора «Киевлянина» штрафу в 100 руб. или замене такового арестом на 2 недели при его неуплате (РГИА. Ф. 776. Оп. 3.

Д. 413. Л. 172 об.). Вскоре и сам Савенко подвергся административным нападкам со стороны Временного комитета по делам печати в Киеве за статью, направленную против представителя еврейско-революционного лагеря Лучицкого, прошедшего в Государственную думу от города Киева (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 174). Становится понятным, что даже после того как Пихно стал членом Государственного совета, цензура не оставила «Киевлянина» без внимания, редакция которого неоднократно получала замечания и предостережения.

Тем временем продолжительная болезнь Ващенко-Захарченко становилась помехой для полноценной редакторской работы. Поэтому в конце апреля 1910 г. киевский губернатор А. Ф. Гирс сообщал в Главное управление о том, что 22 апреля Пихно пригласил в качестве второго редактора газеты сотрудника «Киевлянина», коллежского регистратора Константина Ивановича Смаковского (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 186). Назначение второго редактора оказалось кстати – 9 ноября умирает М. М. Ващенко-Захарченко.

Вместе с тем следует заметить, что не только Пихно, но и его временные заместители являлись лишь номинальными руководителями газеты, основной задачей которых была подготовка передовых статей и определение направления газеты. Всю остальную работу выполняла большая «редакционная семья “Киевлянина”». Выросшие к этому времени дети Шульгина уже вовсю участвовали в редакционной жизни «Киевлянина», воспринимая газету как свое семейное, потомственное дело. В. В. Шульгин, П. В. Могилевская (Шульгина) и др. активно занимались хозяйственной и редакторской работой, писали статьи и заметки (Шульгина, 2019. С. 37).

Неустанная работа без отдыха сильно подорвала здоровье Пихно. 26 апреля 1911 г. Дмитрий Иванович просил известить киевского губернатора о выдаче ему заграничного паспорта для выезда за границу для лечения в мае (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 415. Л. 57). Мягкий климат и лечебные процедуры, видимо, помогли на некоторое время поддержать слабое сердце, но все же не могли поправить расшатанное здоровье. Все чаще Пихно начинали беспокоить острые боли в сердце (Кончина Д. И. Пихно // Русское слово. 1913. 30 июля. С. 2). 29 июля 1913 г. Пихно неожиданно проснулся после 2 часов ночи, почувствовав себя дурно, но успел позвонить прислуге. Традиционный прием сердечных капель прервался потерей сознания. В эту же ночь Дмитрий Иванович Пихно на шестьдесят первом году жизни скоропостижно скончался в своем кабинете (Прибавление // Киевлянин. 1913. 6 сентября).

31 июля по случаю погребения покойного редакция «Киевлянина» была закрыта, а выход очередного номера было решено отложить до 2 августа (Киевлянин. 1913. 31 июля. С. 1). «У гроба покойного, покрытого многочисленными венками, собрались члены его семьи, сотрудники и служащие “Киевлянина”, лица близко знавшие профессора и многочисленные почитатели» (Погребение Д. И. Пихно // Киевлянин. 1913. 31 июля. С. 2). Вынос тела из квартиры производился членами семьи и сотрудниками «Киевлянина», после чего траурная процессия направилась во Владимирский собор. После литургии и отпевания, по завещанию покойного, тело было погребено в имении Агатовка, Острожского уезда, Волынской губернии (Погребение Д. И. Пихно // Киевлянин. 1913. 31 июля. С. 2).

На вокзале перед отправлением траурного поезда были произнесены последние речи о Д. И. Пихно. Наиболее прочувственную речь, по нашему мнению, произнес сотрудник «Киевлянина», публицист Савенко: «Вспомним при каких обстоятельствах возник “Киевлянин”. Это было почти тотчас после второго польского восстания. Тогда наш край считали польским краем, доказывали, что он должен быть присоединен к Царству Польскому […] Проф. В. Я. Шульгин понимал, что для утверждения в нашем крае русской государственности мало одной полиции и одних штыков: нужны еще культурные силы русской общественности, необходимо русское национальное самосознание. Для пробуждения последних он и создал “Киевлянин”, провозгласил в первом номере его, что наш край – исконно русский, русский по истории, по природе, по нраву. Труден был путь проф. Шульгина, на нем лежало много трений и препон. […]. Но проф. Шульгину посчастливилось, посчастливилось, главным образом, тем,

что судьба послала ему блестящего ученика и преемника. 30 лет Дмитрий Иванович стоял у знамени, поднятого В. Я. Шульгиным, и результаты этой огромной и замечательной деятельности мы все видели» (Савенко А. И. Речь, произнесенная у гроба Д. И. Пихно на Киевском вокзале // Киевлянин. 1913. 3 августа. С. 2).

28 сентября 1913 г. киевский губернатор Н. И. Суковкин докладывал в Главное управление по делам печати, что 26 сентября им было выдано свидетельство В. В. Шульгину и П. В. Могилевской (Шульгиной), удостоверяющее их издательские права на «Киевлянин», с условием сохранения прежней программы издания (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 413. Л. 219 и об.). Молодые редакторы вступали в самый тяжелый период истории как для самой газеты, так и для всей России. До закрытия «Киевлянина» оставалось всего шесть лет…

Список источников

Абалкин Л. И. Очерки истории российской социально-экономической мысли. М. ; Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. 225 с.

Билимович А. Д. Памяти Д. И. Пихно // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1913. Ч. XLVIII. С. 73–87.

Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета Св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884. 860 с.

Витте С. Ю. Воспоминания. М. : Соцэкгиз, 1960. Т. 1. 555 с.

Внутреннее обозрение // Северный вестник. СПб., 1898. № 2. С. 25–40.

Дмитриев А. Л. Письма Д. И. Пихно С. Ю. Витте (1906–1907 гг.) // Английская набережная, 4: Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. 480 с.

Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. СПб. : Дм. Буланин, 2003. Т. 1. 523 с.

Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб. : Владимир Даль, 2016. 487 с.

Котов А. Э. Виталий Шульгин и первые годы «Киевлянина» // Вопросы национализма. 2015. № 3 (23). С. 128–136.

Красюков Р. Г. Киевляне Могилевские – внебрачные дети Дмитрия Ивановича Пихно (1853–1913) // Известия русского генеалогического общества. 2006. Вып. 18. С. 46–50.

Матич О. Записки русской американки: Семейные хроники и случайные встречи. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 584 с.

Некролог В. И. Пихно // Исторический вестник. 1896. № 11. С. 707.

Некролог Д. И. Пихно // Исторический вестник. 1913. № 9. С. 1146–1147.

Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М. : Изд-во МГУ, 1991. 254 с.

References

Abalkin L. I. (2009) Essays on the history of Russian socio-economic thought. Moscow; Tambov: Publishing house of TSU im. G. Derzhavin. 225 p. (In Russ.).

Bilimovich A. D. (1913) In memory of D. I. Pikhno. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education.* St. Petersburg. Pt. XLVIII. P. 73-87. (In Russ.).

(1884) Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial University of St. Vladimir (1834-1884). Kiev. 860 p. (In Russ.).

Vitte S. YU. (1960) Memories. Moscow: Publishing house of socio-economic literature, Vol. 1. 555 p. (In Russ.).

(1898) Internal review. *Severnyi vestnik = Northern Bulletin.* St. Petersburg. No. 2. P. 25-40. (In Russ.).

Dmitriev A. L. (2000) Letters from D. I. Pikhno S. Yu. Vitte (1906-1907). *Angliiskaya naberezhnaya, 4: Ezhegodnik S.-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arkhivistov = English embankment, 4. Yearbook of the St. Petersburg Scientific Society of Historians and Archivists.* St. Petersburg. 480 p. (In Russ.).

From the archive of S. Yu. Vitte. (2003) Memories. St. Petersburg: Dm. Bulanin. Vol. 1. 523 p. (In Russ.).

Kotov A. E. (2016) “The Tsar's Way” by Mikhail Katkov: The Ideology of Bureaucratic Nationalism in Political Journalism of the 1860s-1890s. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 487 p. (In Russ.).

Kotov A. E. (2015) Vitaly Shulgin and the first years of «Kievlyanin». *Voprosy natsionalizma = Questions of nationalism*. No. 3 (23). P. 128-136. (In Russ.).

Krasyukov R. G. (2006) Kievans Mogilev - illegitimate children of Dmitry Ivanovich Pikhno (1853-1913). *Izvestiya russkogo genealogicheskogo obshchestva = News of the Russian genealogical society.* Iss. 18. P. 46-50. (In Russ.).

Matich O. (2017) Notes of a Russian American Woman: Family Chronicles and Accidental Encounters. Moscow: New literary review. 584 p. (In Russ.).

Obituary of Pikhno V. I. (1896) *Istoricheskii vestnik = Historical Bulletin.* No. 11. P. 707. (In Russ.).

Obituary of Pikhno D. I. (1913) *Istoricheskii vestnik = Historical Bulletin.* No. 9. P. 1146-1147. (In Russ.).

Novitskii V. D. (1991) From the memoirs of a gendarme. Moscow: Moscow State University. 254 p. (In Russ.).

Пихно Д. И. В осаде. Киев : Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1906. 128 с.

Рыбас С. Ю. Василий Шульгин: судьба русского националиста. М. : Молодая гвардия, 2014. 543 с.

Сидоров А. А. В Киеве (1904–1909 г.) // Голос минувшего. 1918. № 7–9. С. 133–145.

Шульгин В. В. Россия в 1917 году: избранные работы. М. : Посев, 2020. 848 с.

Шульгин В. В. Тени, которые проходят. СПб. : Нестор-История, 2012. 688 с.

Шульгина Е. Г. Конспект моих политических переживаний (1903–1922). М. : Фонд «Связь эпох», 2019. 672 с.

Pikhno D. I. (1906) Under siege. Kiev: Publ. I. N. Kushnerev and Co. 128 p. (In Russ.).

Rybas S. Yu. (2014) Vasily Shulgin: the fate of a Russian nationalist. Moscow: Young Guard. 543 p. (In Russ.).

Sidorov A. A. (1918) In Kiev (1904-1909). *Golos minuvshego = Voice of the Past.* No. 7-9. P. 133-145. (In Russ.).

Shul'gin V. V. (2020) Russia in 1917: Selected Works. Moscow: Seeding. 848 p. (In Russ.).

Shul'gin V. V. (2012) Shadows that pass. St. Petersburg: Nestor-History. 688 p. (In Russ.).

Shul'gina E. G. (2019) Synopsis of my political experiences (1903-1922). Moscow: Foundation “Link of Epochs”. 672 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Федоров – аспирант Института Истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9,
Россия.

Information about the author

D. A. Fedorov – Graduate Student of the Institute of History,
St. Petersburg State University,
7–9**,** Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034,
Russia.

Вклад автора

Федоров Д. А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Fedorov D. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 27 октября 2021 г.; одобрена после рецензирования 22 ноября 2021 г.; принята к публикации 6 декабря 2021 г.

Article info

The article was submitted October 27, 2021; approved after reviewing November 22, 2021; accepted for publication December 6, 2021.

Научная статья
УДК 930:355/359.07
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-168-178

Военно-врачебные заведения Иркутской губернии в 1899 г. (по материалам поездки А. Н. Куропаткина)

Роман Сергеевич Авилов[1, 2]

[1] Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, avilov-1987@mail.ru
[2] Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Аннотация. В статье, на впервые вводимых в научный оборот материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), рассматривается положение дел в военно-врачебных заведениях Иркутской губернии в 1899 году. Именно тогда состоялась поездка военного министра Российской империи А. Н. Куропаткина в Сибирский военный округ. Визит представляет большой научный интерес, так как он состоялся примерно за четыре года до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. и менее чем за семь месяцев до начала мобилизации Сибирского военного округа 8 июля 1900 г. в связи с Боксерским восстанием в Китае. Поездка осуществлялась в целях личного ознакомления военного министра с положением дел созданного незадолго до этого Сибирского военного округа, оценки боеспособности дислоцировавшихся в нем войск, сбора материала для разработки планов дальнейших военных преобразований в Сибири, а также обороны азиатской части Российской империи. Передвигаясь по Транссибирской железной дороге, А. Н. Куропаткин осмотрел войска крупнейших сибирских гарнизонов: Омска, Томска, Красноярска, Иркутска и расположенные в них военно-врачебные заведения. В Иркутске он посетил военный госпиталь, фельдшерскую школу и аптечный склад. В статье публикуются подробные из известных к настоящему времени описаний Иркутского военного госпиталя конца XIX в. и фельдшерской школы. Рассматриваются бытовые условия, организация лечебного и образовательного процессов. Дается оценка положения дел на аптечном складе. Приводится мнение военного министра о состоянии этих военно-врачебных заведений. Анализируются выявленные в ходе визита высоких гостей упущения в работе госпиталя, школы и склада.

Ключевые слова: Сибирский военный округ, Иркутский военный округ, Иркутский военный госпиталь, Иркутская фельдшерская школа, Иркутский аптечный склад, А. Н. Куропаткин, Восточная Сибирь, Забайкалье, Иркутск, русская армия, военная медицина

Для цитирования: Авилов Р. С. Военно-врачебные заведения Иркутской губернии в 1899 г. (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 168–178. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-168-178.

Original article

The military-medical institution of Irkutsk province in 1899 (based on material of the visit of Aleksey N. Kuropatkin)

Roman S. Avilov[1, 2]

[1] Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia, avilov-1987@mail.ru
[2] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Abstract. This article based on a large body of unpublished documents from the Russian State Military Historical Archive (RSMHA). The author analyzes the current situation in military-medical institution of Irkutsk province in 1899. In that year, there was a visit of the War Minister of Russian Empire Aleksey N. Kuropatkin to Siberian Military District. That visit was of historic importance as it took place about 4 years prior the Russo-Japanese War of 1904–1905, and less than 7 months before the Siberian Military District mobilization in response to the Boxer Rebellion in China. Its purpose was personal acquaintance of the War Minister with the recently created Siberian Military District; specifically, evaluation of the actual state and combat readi-

© Авилов Р. С., 2021

ness of the dislocated troops, data gathering to further develop defense plans and regional military reforms in Siberia. Traveling by Trans-Siberian Railway, Kuropatkin inspected troops of the largest Siberian garrisons in cities of Omsk, Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, including military-medical institutions (Irkutsk Military Hospital, Irkutsk Paramedic School, Irkutsk Pharmacy Depot). In this article is first published the most detailed descriptions of Irkutsk Military Hospital in the and of XIX century and educational process in Irkutsk Paramedic School. It has been estimated the condition of Irkutsk Pharmacy Depot, described the placement and life conditions of patients, noted the real situation with the medical process and also the opinion of War Minister about military-medical institution. It has been analyzed the failures in work of the military-medical institutions, which were been found by the high guests.

Keywords: Siberian Military District, Irkutsky Military District, Irkutsk Military Hospital, Irkutsk Paramedic School, Irkutsk Pharmacy Depot, Aleksey N. Kuropatkin, East Siberia, Transbaikal, Irkutsk, Russian Army, military medicine

For citation: Avilov R. S. (2021) The military-medical institution of Irkutsk province in 1899 (based on material of the visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 168-178. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-168-178.

Настоящая статья является продолжением подготовленного на основании материалов Российского государственного военно-исторического архива цикла публикаций по истории поездки в Сибирский военный округ в 1899 г. военного министра Российской империи генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина. Именно тогда он первый раз оказался в Иркутской губернии, где в следующий раз ему удалось побывать только в 1903 г., за полгода до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. Неудивительно в этой связи, что в воспоминаниях современников (Будберг, 2017. С. 284–289) и исследовательской литературе вторая поездка, во время которой министр добрался даже до Японии (Айрапетов, 2010. С. 36–39; Лукоянов, 2008. С. 460–467; Романов, 1928. С. 430–446; Золотарев, 1994. С. 449–453; Саркисов, 2015. С. 240–261), почти полностью заслонила первую, о которой к настоящему времени существуют лишь несколько публикаций: две – посвященные общему ходу поездки (Авилов, 2019) и две – подробно рассматривающие знакомство А. Н. Куропаткина с Иркутской приготовительной школой Сибирского кадетского корпуса (Авилов, 2021a) и Иркутским юнкерским училищем (Авилов, 2021b). В советской военно-исторической литературе (Бескровный, 1977; Бескровный, 1986; Зайончковский, 1973) сведения об этой поездке отсутствуют, несмотря на то, что и П. А. Зайончковский и Л. Г. Бескровный о ней на самом деле знали, а в биографиях А. Н. Куропаткина (Генерал Куропаткин…, 2018; Субботин, 2019) – фигурируют в минимальной степени.

В ходе визита в 1899 г. А. Н. Куропаткин подробно ознакомился с состоянием дел военно-врачебных заведений Сибирского военного округа, расположенных в Иркутской губернии. О них и том, какое впечатление они произвели на А. Н. Куропаткина и сопровождавших его лиц, и пойдет речь в данной статье. Следует подчеркнуть, что эти сведения представляют большой научный интерес, поскольку менее чем через год после его визита военно-медицинская система региона столкнулась с колоссальными перегрузками во время Боксерского восстания и осуществленного для нормализации ситуации в Поднебесной империи Китайского похода 1900–1901 гг. В то же время этот вопрос до настоящего времени остается неисследованным (Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995; Ращупкин, 2003; Авилов, 2014b).

За время пребывания в Иркутске А. Н. Куропаткин внимательно осмотрел Иркутский военный госпиталь с существовавшими при нем фельдшерской школой и аптечным складом. Поскольку ревизоров, в первую очередь, интересовало состояние зданий и коммуникаций, то активное участие в осмотре принял военный инженер полковник Л. И. Безрадецкий, которым и подписаны приложенные к всеподданнейшему отчету А. Н. Куропаткина «Результаты осмотра военно-врачебных заведений Сибирского военного округа и занимаемых ими зданий» (приложение 22) (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 97 об.–100).

Первые военно-медицинские учреждения в Иркутске возникли еще в XVIII в. Официально же Иркутский военный госпиталь ведет свое начало с

5 декабря 1837 г.[1]. Существовавший к началу XX в. комплекс зданий госпиталя был отстроен в 1870–1878 гг. (Романов, 1914. С. 264, 376–377). Именно в них и располагался Иркутский военный госпиталь, когда туда прибыл 20 октября 1899 г. А. Н. Куропаткин (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 34).

По штату госпиталь был рассчитан на 217 мест, что означало наличие 150 штатных и 50 запасных кроватей. В день осмотра в нем находилось 90 больных, из которых 45 человек «сифилитики» и «венерики». По предоставленным главным врачом сведениям оказалось, что, начиная с 1894 г., общее количество поступающих в госпиталь больных постепенно возрастает. Так, в 1894 г. общее число больных было 1133 чел., в 1898 г. – 1881 чел., а в 1899 г. только на 1 октября эта цифра составила уже 2192 чел. Из числа последних 9,7 % приходилось на больных с инфекционными заболеваниями, 22,5 % – «на сифилитиков и венериков». «Столь значительная заболеваемость падает, главным образом, на новобранцев, незачисленных в части войск». Например, в 1899 г. на 2192 чел., зарегистрированных больных, приходилось: больных нижних чинов – 805 чел., новобранцев – 1142 чел., остальные 236 чел. составляли гражданские и арестованные.

Наибольшая заболеваемость отмечалась в зимнее время – в январе, феврале, а также в марте, достигая наибольшего среднего числа дневных больных до 254 чел. В особой записке, представленной военному министру, главный врач госпиталя пояснил, что «показанное число заболеваний не характеризует санитарное состояние Иркутских частей войск, так как в госпиталь попадают больные, подлежащие амбулаторному лечению, тогда как в частях войск, расположенных в Европейской России, подобные больные лечатся при своих частях, и потому не попадают в годовые отчеты о болезненности в частях войск» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 98 об.). При этом усиленную заболеваемость новобранцев главный врач объяснял «задержкою последних в Иркутске при отправлении в Забайкальскую область. В равной мере значительность цифры поступающих в госпиталь больных происходит от поступления в госпиталь новобранцев, опротестованных врачом, как неправильно принятых на службу и подлежащих испытанию» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 98 об.).

Действовавший порядок повторного медицинского освидетельствования новобранцев (в терминологии того времени – переосвидетельствования) был установлен циркуляром Главного штаба № 85 еще в 1886 г., но на периферийных территориях Российской империи, с низким уровнем развития инфраструктуры и системы военно-медицинского обеспечения, постоянно давал сбои. Главный врач Иркутского военного госпиталя тоже находил его не соответствующим и ходатайствовал об изменении таким образом, чтобы «опротестованные новобранцы поступали бы для освидетельствования непосредственно в комиссию по освидетельствованию новобранцев и затем уже, по признанию последнего, в необходимости испытания, направлялись бы в госпиталь», а не наоборот, сначала в госпиталь, а уже потом в комиссию, поскольку комиссий в регионе было заметно больше, чем военных госпиталей. «При таком порядке госпиталь будет освобожден от поступления таких новобранцев, которых подвергать испытанию окажется совершенно излишним по явной непригодности их к службе», – докладывал главный врач (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 98 об.).

Он же объяснял высокопоставленным визитерам, насколько в случае с Иркутском, через который после запуска движения по Великой Сибирской железной дороге шел весь поток новобранцев, направляемых в Забайкалье и на Дальний Восток (в Приамурский военный округ), нерепрезентативна официальная статистика госпиталя по заболеваемости. По существовавшим правилам для подсчета показателей заболеваемости (общего количества заболевших, числа заболевших на 1 тыс. чел. войск и др.) войск, гарнизонов и военного округа в целом, использовались как раз данные учета больных, которые вели в военно-

[1] Именной, от 5 декабря 1837 г. объявленный в приказе Военного Министра «О сформировании второй полуроты подвижной роты № 112, для прислуги при Иркутском военном госпитале» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ РИ II). СПб., 1837. Т. 12. № 10771.

медицинских учреждениях. Однако в гарнизонах, через которые проходил транзит новобранцев, в госпитали попадали не только чины, проходившие службу в месте нахождения госпиталя и его окрестностях, но и все заболевшие, из числа перемещаемых через этот пункт. Так, общее число нижних чинов частей войск, пользующихся Иркутским госпиталем, достигало цифры в 2400 чел., что в сравнении с численностью гарнизона Иркутска было очень много. Когда же в расчет принимались сведения, что ежегодно через Иркутск проходило от 9680 до 9880 новобранцев, все больные из числа которых направлялись в госпиталь и попадали в его статистику, становилось понятно, что никакой сверхвысокой заболеваемости в городе нет. Более того, поскольку новобранцы обычно призывались: Иркутские – в ноябре, а остальные – с 1 января по 4 марта, то иногда, вследствие задержки отправления в Забайкальскую область, в Иркутске скапливалось одновременно до 3000 чел. новобранцев. Общая заболеваемость, а также степень распространения инфекционных заболеваний среди них из-за скученного расположения и не самых лучших социально-бытовых условий размещения, была выше, чем в войсках гарнизона, однако в военно-медицинскую статистику они попадали наравне со всеми. Туда же попадали и лечившиеся в госпитале солдатские жены – до 518 и дети – до 316, ежегодно. Осматривавший госпиталь военный инженер полковник Л. И. Безрадецкий констатировал, что «приведенные … данные отчасти служат объяснением указанной выше заболеваемости нижних чинов и новобранцев» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 98 об.). В результате выводы о высокой заболеваемости в Иркутске в основную часть всеподданнейшего отчета военного министра о поездке в Сибирский военный округ включены не были (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 98 об.).

Куда больше нареканий вызвали здания госпиталя, которые оказались конструктивно не очень удачными, имеющими старые коммуникации и явно не соответствующими современным требованиям военно-медицинской науки, несмотря на все усилия главного врача и персонала по их поддержанию в идеальном состоянии.

Госпиталь занимал каменный двухэтажный флигель, при котором находились: деревянное здание для заразных больных, «анатомический покой» (т. е. морг), летние бараки, здания служб и квартиры персонала. Все это находилось в ведении инженерного ведомства, за счет сумм которого и ремонтировалось после непосредственных распоряжений руководителя госпиталя. При осмотре зданий военный инженер полковник Л. И. Безрадецкий обнаружил заметные «недостатки и погрешности», с которыми явно следовало что-то делать: «*Главное здание.* Перевязочная и операционная комнаты устроены неудовлетворительно; расположены они у площадки входной главной лестницы, не отделенной от госпитального коридора, вследствие чего оперируемых больных приходится переносить через холодную площадку лестницы; нет в непосредственной связи с операционной ванны и покоя для хлороформирования [т. е. палаты анестезиологов. – Р. А.]. В самой операционной помещен камин, дающий обратную тягу, раковины без трапа, пол деревянный, короче сказать как перевязочная (она же операционная с гнойными ранами), так и операционная совершенно примитивного устройства, хотя при осмотре обе комнаты найдены в должном порядке и чистоте.

В палатах потолки деревянные, подшивные, но не окрашены; полы, хотя и отремонтированы, но окрашены не с должною тщательностью, вследствие чего на них заметны пятна со щелями, не заполненными шпаклевкой. В оконных переплетах замечено много составных стекол, что темнит помещения и дает им неопрятный вид; зимние переплеты в коридорах вставлены недостаточно хорошо, шатаются и от окон сильно дует, некоторые из них, по-видимому, не выставлялись и в летнее время. Печные приборы найдены не везде в должном порядке, в особенности топочные дверцы.

Ванные комнаты заслуживают упрека относительно установки ванн, не имеющих прямого выпуска в сточные трубы, что крайне затрудняет их опорожнение и содержание в должной чистоте и порядке. Помимо того как водопроводные, так и сточные трубы давней прокладки весьма неудо-

влетворительной, способствующей к периодическим засорениям и дающим помещениям весьма неопрятный вид.

Отхожие места выносной системы без вытяжек из-под сидений, вследствие чего в этих помещениях замечено было зловоние. Устройство умывальных приспособлений носит характер примитивный, что затрудняет содержание их в чистоте. Как в умывальнях, так и в отхожих местах полы деревянные и помещения эти недостаточно изолированы от больничных палат, вследствие чего в палаты попадает запах от умывальни и отхожих мест. В общей связи с общими палатами находятся палаты для арестованных больных, охраняемые часовыми. Вентиляция этих помещений крайне неудовлетворительна, а так как эти палаты по своим размерам весьма невелики и выход арестованным больным в общий коридор воспрещен, то и воздух в этих палатах недостаточно чист. Помимо того, в ночное время в коридоре против этих палат ставят переносные писсуары, что еще в большей степени содействует порче воздуха, легко попадающего и в соседние палаты обыкновенных больных. Отхожие места общие как для арестованных, так и для обыкновенных больных. Устранение этих неудобств возможно при посредстве более изолированного помещения арестованных, путем постановки стеклянных перегородок и отделением в пользование арестованных части коридора. Следует также озаботиться лучшим изолированием главного коридора от входов с черных лестниц. Помещение аптеки содержится в порядке, хотя полы требуют окраски; замечается бедность аптечной посуды для хранения медикаментов. В главном же здании в полуподвальном этаже помещается баня для заразных и обыкновенных больных; отделение для заразных совершенно излишне, но и баня для обыкновенных больных совершенно не на месте, способствуя сырости здания и порчи в нем воздуха, проникающего в верхние этажи. В полуподвальном этаже размещены и нижние чины госпитальной команды, кухни, столовые, цейхгаузы и кладовые. Общая площадь помещений, занимаемых нижними чинами, достигает 42 кв. саж., а объем 51 куб. саж.; численность же помещающихся в них людей 34 человека, т. е. на человека приходится 1,4 куб. саж., что почти достаточно, но желательно было бы озаботиться лучшим проветриванием помещений.

Плитные полы в полуподвальном помещении ветхи и требуют капитального возобновления. Цейхгаузы содержатся в порядке, но цейхгауз расходного белья сыр, так как не отапливается, и при том укладка белья сделана не рационально, а именно оно расположено непосредственно у наружных стен, что способствует сырости стен и самого белья.

Здание заразного барака. Здание это сравнительно недавней постройки, но по своему плану в должной мере не соответствует назначению, так как палаты для больных слишком маломерны и нет возможности изолировать больных в должной степени по роду болезни; вследствие этого надлежит этот барак в ближайшем будущем перестроить.

Прачечная и сушильня самого простого устройства без всяких усовершенствованных приспособлений как для мытья белья, так и для его сушки. Хотя для сушки белья и имеется в верхнем этаже отапливаемое помещение, но при отсутствии надлежащей вытяжки воздуха, сушка белья в этом помещении идет крайне неуспешно. Вообще это здание достаточно ветхо и требует возобновления с соответствующим обзаведением прачечной более усовершенствованными приборами и приспособлениями.

Здание анатомического покоя находится в удовлетворительном состоянии, но обращает на себя внимание отсутствие надлежащих приспособлений для вскрытия трупов, деревянные плохо окрашенные столы, нет приспособлений для мытья рук теплою водою и надлежащих стоков.

Дезинфекционное здание вполне хорошо и благоустроенно.

Летние бараки хороши, но следовало бы улучшить их проветривание устройством в коньке крыши световых и вентиляционных фонарей.

Все остальные здания госпиталя найдены в удовлетворительном состоянии. Заборы и канализация постепенно возобновляются, и в настоящее время предстоит лишь обратить внимание на скорейшее окончание этих работ с надлежащею планировкою дворов и приданием надлежащих

уклонов от главного здания» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 97 об.–98 об.).

Интересно, что в «общих выводах по оценке осмотренных воинских зданий Сибирского военного округа и строительного дела в округе вообще» (приложение 21), тот же полковник Л. И. Безрадецкий написал, что «не вызывают особых замечаний и здания, занимаемые Иркутским госпиталем» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 94). Вероятнее всего такая эволюция взглядов была связана с финансовыми соображениями, так как далее он писал, что «хотя в видах улучшения некоторых зданий в округе, а также с целью удовлетворения выяснившихся потребностей войск и учреждений и представится необходимость произвести работы по капитальной перестройке некоторых ветхих зданий, а частью и возвести новые, но тем не менее предстоящие на сей предмет расходы находятся в пределах ассигнуемых на Сибирский округ сумм по финансовой смете главного инженерного управления и не вызовут потребности в экстраординарных кредитах; почему и есть полное основание рассчитывать, что все замеченные в воинских зданиях недостатки, будут устранены в ближайшем же будущем» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 94). Таким образом становилось очевидно, что отпускать какие-то дополнительные средства на ремонт и обновление коммуникаций Иркутского госпиталя военное министерство не будет.

В основном тексте всеподданнейшего отчета, предназначенного для Николая II, лишние канализационные подробности опустили, но общая характеристика зданий была оставлена: «Хотя в общем здания госпиталя содержатся в порядке и достаточной чистоте, тем не менее в них есть и недостатки, а именно: полы окрашены не вполне удовлетворительно; в коридорах и палатах много высоких порогов; в полах большие щели, в которые забивается грязь. Операционная и перевязочная комнаты примитивного устройства и содержаны не вполне чисто; расположены они у площадки входной лестницы, вследствие чего оперированных приходится переносить в палаты через холодную площадку лестницы. В оконных переплетах вставлено много мелких стекол, что темнит помещение и дает неприятный вид. Ванные комнаты также не хорошо устроены; ванны не имеют прямого выпуска в сточные трубы, что затрудняет их опоражнивание и содержание в должной чистоте. Ванны медные помяты, недостаточно вылужены; дно в них неровное, что затрудняет содержание их в чистоте. Отхожие места выносной системы без вытяжек, вследствие чего замечается зловоние. Палаты больных арестантов недостаточно вентилируются. Здание заразного барака не соответствует своему назначению, так как палаты для больных маломерны. Прачечная и сушильня ветхи и требуют возобновления. […] В анатомическом покое столы плохо окрашены и нет приспособления для мытья рук теплою водою. Дезинфекционное здание вполне благоустроено. Кухни содержатся в порядке» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 34).

Кроме того, А. Н. Куропаткин обратил внимание, что в целом помещения госпиталя настолько обширны, что могут вместить до 300 больных. Не понравилось ему хирургическое отделение, которое хотя и содержалось в порядке, но все хирургические инструменты оказались образца 1874 г., более новых нет (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 34).

В тот же день военный министр осмотрел и Иркутскую фельдшерскую школу, находящуюся в непосредственной связи с госпиталем. Она была создана на основании утвержденного Александром II 19 мая 1879 г. положения Военного Совета, рассчитана на 60 воспитанников, изначально размещалась в здании госпиталя и обходилась бюджету в 14209 руб. 69½ коп. ежегодно. Цель школы – подготовка младшего медицинского персонала – медицинских и аптечных фельдшеров[2].

К 1899 г. Иркутская фельдшерская школа занимала часть второго этажа главного здания госпиталя, находясь прямо под спальнями учеников. Кроме того, ей были выделены: деревянный одноэтажный дом – под классы; деревянное одноэтажное здание – под кухни, столовую и пекарню,

[2] Высочайше утвержденное 19 мая 1879 г. положение Военного Совета, объявленное Сенату Военным Министром 28 июня «Об учреждении при Иркутском военном госпитале военно-фельдшерской школы» // ПСЗ РИ II. СПб., 1879. Т. 54. № 59663; Приказ по военному ведомству № 161 от 6 июня 1879 г. // Приказы по военному ведомству за 1879 г. СПб. : Военная типография, 1879.

а также несколько других зданий под службы. Такая разобщенность представляла большие неудобства, так как ученикам приходилось постоянно переходить из одного здания в другое через двор. Все упомянутые выше здания школы, за исключением главного здания госпиталя, «достаточно ветхи и не вполне соответствуют своему назначению, да и часть главного здания, занимаемая школой, имеет существенные недостатки, а именно: тесна и по объему не соответствует числу учеников, достигая по объему всего 1.2. куб. саж. на человека в спальнях; в этих же спальнях находятся шкафы с препаратами, которым, конечно, здесь не место. Отхожие места при спальнях выносные и хотя содержатся в значительно лучшем порядке, чем госпитальные, но тем не менее по системе своей неудовлетворительны. Цейхгаузы школы малы по размерам, но содержатся, как и имущество, в полном порядке. Все спальни учеников отремонтированы и найдены в порядке.

Помещения кухонь и столовых содержатся чисто, но при них нет отдельного помещения для нанимаемых поварихи и булочницы.

Здание классов ветхо и предназначено к капитальному восстановлению, на что в сем году и ассигновано 4 тыс. рублей, но к работам, за несдачею их с торгов, еще не приступлено. Важный недостаток классов – это отсутствие при них рекреационного зала и существование темных и не гигиеничных помещений для сторожей. В равной мере неудовлетворительны и классные помещения по отсутствию вентиляции и проветриванию классов.

Прачечная школы весьма тесна и не благоустроена; помещения для сушки белья не имеется. Прочие хозяйственные здания школы соответственны, хотя и заявлена была претензия на неудовлетворительность существующего ледника и на отсутствие помещения для конюха» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 98 об.–99). При этом сам военный министр отмечал, что все помещения содержались достаточно чисто и в порядке (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 34).

По штату школа была расчитана на 60 учеников, однако в день осмотра А. Н. Куропаткиным в ней состояло 66 учеников, 6 из которых – приходящие (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 34). Социальный состав учеников был достаточно пестрый: из дворян – 3, детей чиновников – 5, детей купцов – 1, канцелярских служителей – 3, мещан – 12; нижних чинов – 19, священников – 1, казаков – 7, крестьян – 7 и поселенцев – 2 (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 99). «Наружный вид учеников хороший и толковый», – констатировал военный министр (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 34).

Личный состав школы состоял из 2 воспитателей, 3 учителей, 7 приватных преподавателей, делопроизводителя (он же и бухгалтер), заведующего хозяйством (он же смотритель госпиталя), эконом школы (он же комиссар госпиталя), 3 писарей, унтер-офицера от резервного батальона для строевых занятий и 4 нижних чинов из госпитальной команды. Кроме того, школе отпускается 720 руб. в год на наем 2 прачек, 2 поломоек, 1 буфетчицы, 1 кастелянши, 1 поварихи и булочницы.

Два воспитателя были из числа окончивших курс бывших военных гимназий, 3 учителя – из числа окончивших учительскую школу в Москве, 4 преподавателя – из личного состава врачей Иркутского военного госпиталя, а также 2 фармацевта и 1 священник.

Распорядок дня в школе был следующий: «встают ученики в 6 часов утра, в 7 часов – чай, с 8 час. 30 мин. до 11 час. 50 мин. – три урока каждый в 55 мин., до завтрака – гимнастика или строевое учение или пение, в 12 час. 30 мин. – завтрак, с 1 часу до 3 – две лекции, в 3 час. 15 мин. – обед, с 4 до 5 – рекреация и прогулки, с 5 час. – приготовление уроков с небольшими перерывами до 7 час. 15 мин; до 8 час. 15 мин. – отдых; в 8 час. 15 мин. – вечерний чай, а с 9 час. 15 мин. – ночной отдых» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 99).

На содержание учеников школе отпускался провиант (мука и крупа по окладу нижних чинов) и по 6,6 коп. приварочных денег. За счет этого отпуска воспитанникам давали: «По утрам чай с булками с молоком или с сахаром (таким образом молоко и сахар признаны продуктами эквивалентными); на завтрак тоже чай с булкою; на обед два блюда: щи или суп и мясное (по расчету ¾ фунта мяса на человека); на ужин попеременно чай или супик» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 99–99 об.).

Во время осмотра школы ее начальником было заявлено ходатайство о назначении особого, независимого от госпиталя, заведующего хозяйством, на которого были бы возложены и обязанности эконома школы. Однако было признано, что такое ходатайство «едва-ли представляется уважительным, так как при совместном расположении школы с госпиталем существующий порядок едва-ли вызывает какие бы то ни было существенные неудобства».

Помимо этого начальник школы возбудил ходатайство о распространении на ее чинов «Монаршей милости, изложенной в приказе по Военному Ведомству 1894 года за № 85» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 99 об.). Приказ этот предусматривал производство офицерам и чиновникам, служащим в войсках и военных управлениях Забайкальской области и Иркутского военного округа, усиленных окладов жалованья, которыми пользуются служащие в прочих отдаленных местностях[3]. Следовательно, начальник школы просил о повышении получаемых ее чинами окладов до полуторного размера, наравне с другими воинскими чинами бывшего Иркутского военного округа. На момент подготовки всеподданнейшего отчета ходатайство это должного разрешения не получило и его дальнейшая судьба неизвестна (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 99 об.).

Оба эти ходатайства в основной текст всеподданнейшего отчета А. Н. Куропаткина не вошли, и в общих выводах было указано, что «*Военно-фельдшерская школа* представилась хорошо, но помещение ея неудовлетворительно и требует расширения» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 39). Упомянуты они были лишь в приложении к отчету (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 99 об.).

В общем заключении по осмотру школы военный инженер полковник Л. И. Безрадецкий писал: «В отношении улучшения школы при предстоящих работах по возобновлению некоторых зданий школы предполагалось бы выполнить нижеследующие работы:

а). Дом, занимаемый классами, расширить пристройкою, за счет которой и расширить помещения спален, выведя из главного здания младший возраст, или же переведя в пристройку канцелярию школы; при этом желательно было бы устроить и отдельную залу для гимнастических и строевых занятий.

б). Построить для школы отдельное здание прачечной с сушильнею, или же расширить существующую прачечную путем пристройки.

в). Переустроить отхожие места в госпитале и в общей связи с ними отхожие места школы, обратив внимание на лучшую изоляцию умывален и отхожих мест спален учеников.

г). Улучшить вентиляцию помещений спален устройством вентиляционных каминов, добавлением форточек, с установкою в них сеток Мурея.

Затем в отношении содержания учеников и классных занятий желательно было бы улучшить завтраки и ужины, так как один чай без сахара едва-ли представляется питательным, и увеличить время занятий учеников гимнастикой и строевым образованием» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 99 об.).

20 октября военный министр посетил и Иркутский аптечный склад. Размещался он в зданиях инженерного ведомства, приобретенных покупкой у частных лиц. Это были два каменных здания, недавно капитально отремонтированных. Сопровождавший А. Н. Куропаткина военный инженер полковник Л. И. Безрадецкий отмечал, что «хотя во всех помещениях склада и хранятся различного рода аптечные материалы и имущество, но размер помещений по своей величине значительно превосходит действительную в том потребность. Здания и все помещения содержатся в порядке, равно как и имущество в них хранимое». Общая стоимость последнего достигала 18 тыс. руб., хотя среди хранившихся там предметов были и такие, которые «уже утратили свою ценность по неприменению во врачебной практике». Ежегодный отпуск медикаментов из склада достигал суммы 6 тыс. руб. «При таких скромных оборотах склада и в особенности с упразднением Иркутского военного округа – в дальнейшем существовании склада едва-ли представляется безусловная необходимость», – отмечал Л. И. Безра-

[3] Приказ по военному ведомству № 85 от 22 апреля 1894 г. // Приказы по военному ведомству за 1894 г. СПб. : Военная типография, 1894.

децкий. Он же настаивал, что раз из сумм инженерного ведомства уже назначена к производству работа по устройству каменной лестницы взамен существующей деревянной, то «какое бы назначение склад не получил впоследствии – выполнение этой работы безусловно необходимо. Равно необходима и работа при сохранении склада, по устройству лучшего освещения погреба для легковоспламеняющихся веществ, так как вход в него с огнем представляет опасность в пожарном отношении, а между тем он лишен дневного освещения» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 100).

Еще меньше этот склад понравился самому А. Н. Куропаткину, явно осознавшему, что нынешнее состояние склада – это прямой результат проведенной им ради финансовой экономии в том же 1899 г. крайне неудачной реформы по слиянию Омского и Иркутского военных округов в единый Сибирский военный округ (Авилов, 2014a. С. 28–29; Авилов, 2014b. С. 15–17; Авилов, 2015. С. 7–8). Во всеподданнейшем отчете Николаю II военный министр докладывал: «Склад помещается в зданиях Инженерного ведомства. Здание, а равно хранимое в складе имущество, содержатся в порядке, но для военного времени запасов нет; хранятся только припасы текущей потребности войсковых частей.

Склад подлежит упразднению и это нужно сделать скорее, дабы воспользоваться помещением склада для других потребностей» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 34 об.).

Аналогичная ситуация была и в Омском аптечном складе, т. е. на территории всего Сибирского военного округа. В обоих складах хранилось медицинское имущество только для текущих потребностей войск; «что же касается медицинских запасов на военное время, то значительная часть их еще не выслана, а хирургические инструменты все старого образца и мало пригодные» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 39). Понимания того, что военное время может наступить уже через год, ни в центральном аппарате Военного министерства, ни у самого военного министра не было.

Впрочем, подводя итоги своего осмотра госпиталей и местных лазаретов Сибирского военного округа, А. Н. Куропаткин отмечал: «Забота о больных всюду достаточная, но помещения не всюду удовлетворительные и содержание их требует большей чистоты, особенно в ванных комнатах. В крайне неудовлетворительном состоянии находятся операционные комнаты и их улучшение и устройство соответствующей обстановки безусловно необходимы» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 39).

Несмотря на все выявленные недостатки, испытание мобилизацией войск Сибирского военного округа в 1900 г., сопровождаемой крупномасштабной переброской запасных в Сибирь и сосредоточением их в Иркутске, Китайским походом 1900–1901 гг. и Русско-японской войной 1904–1905 гг., военно-медицинская система Иркутской губернии выдержала с честью. Именно на Иркутский военный госпиталь, военно-фельдшерскую школу и Иркутский аптечный склад, который, к счастью, до начала мобилизации 1900 г. так и не успели упразднить, легли в Иркутской губернии основные нагрузки по лечению и организации санитарного обеспечения проходивших через Иркутск на театр военных действий войск и огромного числа запасных, а также отправляемых из Маньчжурии в обратном направлении раненых и больных. Многие из них были обязаны жизнью и здоровьем, пусть и не идеальным, но все же оказавшимся в нужном месте и в нужное время, военно-медицинским учреждениям Иркутской губернии.

Список источников

Авилов Р. С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Часть 1. Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия лаборатории древних технологий. 2021a. Т. 17. № 1. С. 182–194.

Авилов Р. С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Часть 2. Иркутское юнкерское училище (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Ла-

References

Avilov R. S. (2021a) The military-educational institution of Transbaikal in 1899. Pt. 1. Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 182-194. (In Russ.).

Avilov R. S. (2021b) The military-educational institution of Transbaikal in 1899. Pt. 2. Irkutsk Junker School (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin).

боратории древних технологий. 2021b. Т. 17. № 2. С. 112–126.

Авилов Р. С. Иркутский военный округ (1884–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014a. № 12. С. 26–32.

Авилов Р. С. Омский военный округ (1882–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2015. № 8. С. 3–10.

Авилов Р. С. Поездка военного министра А. Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. и ее результаты // Мир политики и социологи. 2019. № 4. С. 157–176.

Авилов Р. С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014b. № 7. С. 15–21.

Айрапетов О. Р. Автор, время и события «Дневника» // Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. С. 3–75.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М. : Наука, 1977. 615 с.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в начале XX века. М. : Наука, 1986. 238 с.

Будберг А. П., барон. Сибирские воспоминания. Владивосток : ОИАК–ПКО РГО, 2017. 434 с.

Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: коллективная монография / под общей редакцией Сальникова В. П. СПб. : Фонд «Университет», 2018. 370 с.

Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М. : Мысль, 1973. 351 с.

Золотарев В. А. Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. М. : Арбизо, 1994. 583 с.

Копылов В. А., Милюхин В. П., Фабрика Ю. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. 246 с.

Лукоянов И. В. «Не отстать от держав…» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. СПб. : Нестор-История, 2008. 668 с.

Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 207 с.

Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л. : Изд-во Лен. вост. инст., 1928. 606 с.

Романов Н. С. Иркутская летопись 1857–1880 г. Иркутск : Паровая типография И. П. Казанцева, 1914. 418 с.

Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 17. No. 2. P. 112-126. (In Russ.).

Avilov R. S. (2014a) Irkutsk Military District (1884-1899, 1906-1918): pages of history. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military-History Magazine.* No. 12. P. 26-32. (In Russ.).

Avilov R. S. (2015) Omsk Military District (1882-1899; 1906-1918): pages of history *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military-History Magazine.* No. 8. P. 3-10. (In Russ.).

Avilov R. S. (2019) The 1899 visit of the War Minister Gen. Kuropatkin to the Siberian Military District and its results. *Mir politiki i sotsiologii = World of Politics and Sociology.* No. 4. P. 157-176. (In Russ.).

Avilov R. S. (2014b) Siberian Military District (1899-1906): pages of history. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military-History Magazine.* No. 7. P. 15-21. (In Russ.).

Airapetov O. R. (2010) Author, time and the events of the «Diary». *Dnevnik generala A. N. Kuropatkina = The diary of General A. N. Kuropatkin*. Moscow: Russian State Public Historian Library. P. 3-75. (In Russ.).

Beskrowniy L. G. (1977) Russian Army and Fleet in XIX century. Moscow: Nauka. 615 p. (In Russ.).

Beskrowniy L. G. (1986) Russian Army and Fleet in early XX century. Moscow: Nauka. 238 p. (In Russ.).

Budberg A. P., Baron (2017). Siberian Memoirs. Vladivostok: Society for Studies of Amur Region - Primorsky Regional Department of the Russian Geographical Society. 434 p. (In Russ.).

Sal'nikov V. P. (2018) General Kuropatkin - State and Military Leader of the Russian Empire. 170th Anniversary of his Birth: Collective monograph. St. Petersburg: Foundation “University”. 370 p. (In Russ.).

Zaionchkowskiy P. A. (1973) Autocracy and the Russian Army in the late XIX - early XX century. Moscow: Mysl'. 351 p. (In Russ.).

Zolotarev V. A. (1994) Russia and Japan at the rise of XXth century. The analytics of Russian military Oriental studies. Moscow: Abrizo. 583 p. (In Russ.).

Kopilov V. A., Miluhin V. P., Fabrika J. A. (1995) Siberian Military District. First pages of history (1865-1917). Novosibirsk. 246 p. (In Russ.).

Lukoyanov I. V. (2008) “Don’t be late from the Powers…” Russia at the Far East in the late XIX - early XX century. Saint-Petersburg: Nestor-History. 668 p. (In Russ.).

Raschupkin J. M. (2003) Irkutsk Military District in 2nd part of XIX - early XX century: creating, particularity and practice. Irkutsk : East-Siberian Institute of Russian Ministry of Internal Affairs. 207 p. (In Russ.).

Romanov B. A. (1928) Russian in Manchuria (1892-1906). Essays in foreign policy history of autocracy in the era of imperialism. Leningrad: Leningrad Oriental Institute. 606 p. (In Russ.).

Romanov N. S. (1914) Irkutsk annals of 1857-1880. Irkutsk: Steam printing of I. P. Kazantsev. 418 p. (In Russ.).

Саркисов К. О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М. : ОЛМА Медиа Групп, 2015. 704 с.

Субботин Ю. Ф. «Дела на Дальнем Востоке могут привести нас к конфликту с Японией» // Армия и флот в геополитических интересах России. М. : Институт Российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 145–182.

Sarkisov K. O. (2015) Russia and Japan. Hundred years of relations (1817-1917). Moscow: Olma Grupp. 704 p. (In Russ.).

Subbotin Yu. F. (2019) «The matters in the Far East may lead us to a conflict with Japan». *Armiya I flot v geopoliticheskikh interesakh Rossii = Army and Navy in geopolitical interests of Russia*. Moscow: Institute of Russian History RAS, Center of Human Initiative. P. 145-182. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. С. Авилов – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
главный библиотекарь Научной библиотеки,
Дальневосточный федеральный университет,
690095, г. Владивосток, ул. Алеутская, 65-б, Россия.

Information about the author

R. S. Avilov – Cand. Sci. (History),
Senior Researcher,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
Chief Librarian of the Scientific Library,
Far Eastern Federal University,
65b, Aleutskaya St., Vladivostok 690095, Russia.

Вклад автора

Авилов Р. С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Avilov R. S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2020 г.; одобрена после рецензирования 12 марта 2021 г.; принята к публикации 5 апреля 2021 г.

Article info

The article was submitted December 15, 2020; approved after reviewing March 12, 2021; accepted for publication April 5, 2021.

Научная статья
УДК 94(470)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-179-188

12-й гренадерский Астраханский полк в майском и июньском контрударах 1915 г.

Алексей Владимирович Олейников

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия, stratig00@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7208-4715

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному эпизоду кампании 1915 г. на Русском фронте Первой мировой войны – контрударам у Опатова и Красника – и участию в этих событиях 12-го гренадерского Астраханского Императора Александра III полка – одного из старейших и наиболее заслуженных в русской армии. В составе 25-го армейского корпуса полк в 1914 г. отправился на Юго-Западный фронт и сражался в Галицийской битве (5 августа – 13 сентября 1914 г.), а затем участвовал в Варшавско-Ивангородской (15 сентября – 26 октября 1914 г.) и Лодзинской (29 октября – 6 декабря 1914 г.) операциях. Статья начинается с подробного рассмотрения действий полка в ходе позиционной войны зимой – весной 1915 г., (когда боевые действия носили сугубо местный и локальный характер), и завершается анализом майско-июньских событий у Опатова и Люблина – ставших образцом активной обороны русских войск. Боевые действия в мае – июне 1915 г. рассмотрены комплексно – в масштабе дивизии и корпуса, и действия полка, казалось бы, теряются на общем фоне масштабных событий. Но часть сыграла в них заметную роль: когда Германская 47-я резервная дивизия стремилась сбить тот щит (левофланговый участок 25-го корпуса в лице 12-го гренадерского Астраханского полка), под прикрытием которого корпусной резерв развивал свой фланговый удар, именно стойкость астраханских гренадеров стала важной предпосылкой успешного завершения операции. И отряд А. А. Веселовского довершил поражение противника.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русский фронт, контрудары, Опатов, Красник, 12-й гренадерский Астраханский полк, Русская армия, активная оборона, астраханские гренадеры, армейская пехота, Российская империя, кампания 1915 г.

Для цитирования: Олейников А. В. 12-й гренадерский Астраханский полк в майском и июньском контрударах 1915 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 179–188. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-179-188.

Original article

The 12th Grenadier Astrakhan Regiment in the May and June counterattacks of 1915

Alexey V. Oleynikov

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, stratig00@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7208-4715

Abstract. The article is devoted to a little-known episode of the 1915 campaign on the Russian Front of the First World War - the counterattacks at Opatov and Krasnik - and the participation of the 12th Grenadier Astrakhan Regiment in these events. The 12th Astrakhan Grenadier Regiment of Emperor Alexander III is one of the oldest and most honored regiments of the Russian Army. In 1914, as part of the 25th Army Corps, the regiment went to the Southwestern Front and fought in the Battle of Galicia on August 5 - September 13, 1914, and then participated in the Warsaw-Ivangorod, September 15 - October 26, and Lodz, October 29 - December 6, 1914, operations. The article begins with a detailed review of the regiment's actions during the positional war in the winter - spring of 1915 (when the fighting was purely local and had a local nature) and ends with an analysis of the May - June events at Opatov and Lublin - which became a model of active defense of Russian troops. The fighting in May - June 1915 was considered comprehensively - on the scale of the division and corps, and it would seem that the actions of the regiment are lost against the general background of large-scale events. But this troop played a significant role in them: when the German 47th Reserve Division sought to shoot down that shield (the left flank section of the 25th Corps represented by the 12th Grenadier Astrakhan Regiment), under the cover of which the corps reserve developed its flank attack, it was the resilience of the Astrakhan grenadiers that became an important prerequisite for the successful completion of the operation. And the squad of A. A. Veselovsky completes the defeat of the enemy.

Keywords: World War I, Russian Front, counterattacks, Opatov, Krasnik, 12th Astrakhan Grenadier Regiment, Russian Army, Active defense, Astrakhan grenadiers, army infantry, The Russian Empire, campaign of 1915

© Олейников А. В., 2021

For citation: Oleynikov A. V. (2021) The 12th Grenadier Astrakhan Regiment in the May and June counterattacks of 1915. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 179-188. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-179-188.

12-й гренадерский Астраханский Императора Александра III полк – один из старейших и наиболее заслуженных в русской армии (Шенк, 1909; Новицкий, 1911; Леонов, Ульянов, 1998). К началу Первой мировой полк квартировал в Москве и входил в состав 2-й бригады 3-й гренадерской дивизии (Краткое расписание…, 1914. С. 17)[1]. В составе 25-го армейского корпуса 5-й армии он отправился на Юго-Западный фронт. Полком с 17 мая 1911 по 10 ноября 1914 г. командовал полковник Михаил Иларьевич (Илларионович) Пестржевский.

В составе 5-й армии полк сражался в Галицийской битве (5 августа – 13 сентября 1914 г.), а затем в рядах 9-й армии участвовал в Варшавско-Ивангородской (15 сентября – 26 октября) и Лодзинской (29 октября – 6 декабря 1914 г.) операциях.

В предлагаемой статье рассмотрены узловые моменты участия полка в позднейших событиях – кампании 1915 г. Центральным звеном стало его участие в майском и июньском контрударах.

В дореволюционной России было выпущено до 300 книг, посвященных истории конкретных полков. В настоящее время эта традиция возрождена, публикуются как авторские работы (Кручинин, 2000; Крылов, 2014; Лазарева, 2018), так и источники из личных архивов (Рерберг, 2019).

По общему ходу Первой мировой войны на Восточном фронте также сложилась обширная историография (Носков, 1916; Данилов, 1924; Корольков, 1926; Керсновский, 1994). Детали боевой операции разбираются в трудах участников Первой мировой войны, ставших «военными специалистами» Красной армии (Незнамов, 1922; Сапожников, 1923; Сыромятников, 1927; Де Лазари, 1930; Де Лазари, 1940). Весьма информативны и материалы зарубежной историографии (Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions, 1920; Риттер, 1923), опубликованные документы противника (Боевое расписание…, 1915[2]; Состав германских…, 1915[3]; Состав германской армии…, 1915[4]; Гринев, 1974). Автор данного материала ранее также внес свой вклад, опубликовав статью в энциклопедическом издании (Олейников, 2010; Олейников, 2014). И вот теперь мы продолжаем эту тему.

Начало кампании 1915 г. полк встретил в окопах у деревни Мосты под артиллерийским огнем противника (10-см шрапнель с турецкими надписями). Временно установившаяся позиционная война наложила отпечаток на боевые действия в этот период, придав им сугубо местный характер. Так, 6-го января совершили подвиг разведчики ефрейторы 16-й роты Василий Буданов и Алексей Толчаницын: переправившись через р. Нида они подожгли мельницу и сарай у деревни Хойны, вследствие чего бежал караул противника и было уничтожено значительное количество патронов (сарай взорвался) (Российский государственный военно-исторических архив (РГВИА). Ф. 2602. Оп. 2. Д. 765. Л. 1 об.). В период с 7 по 13 января полк находился в дивизионном резерве.

14-го января полк встал на позиции у дер. Соколов Дольны (с 9-м гренадерским Сибирским полком в окопах оказались 1-й и 4-й батальоны астраханцев при 3-х ротах 3-го батальона в резерве; 2-й батальон был зачислен в бригадный резерв). В последующие дни астраханцы на передовой выдержали артиллерийский огонь из орудий всех калибров. В ночь на 20-е января 3-й батальон сменил в окопах 1-й.

В начале февраля полк продолжал оборонять позицию от дер. Соколов Дольний по р. Нида до слияния с р. Чарний Нида против д.д. Бжеги и Жерники. Противник обстреливал (орудиями всех ка-

[1] Краткое расписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1-му февраля 1914 г. СПб., 1914. 256 с.

[2] Боевое расписание Австро-Венгерской армии. Составлено по данным, имевшимся в Разведывательном Отделении Штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта к 25 мая 1915. Б. м., 1915.

[3] Состав германских мобилизованных полевых корпусов, кавалерийских дивизий и резервных корпусов (по сведениям к 1 марта 1915 г.). Сост. Генерального штаба полковник Скалон. Петроград : Типография Штаба Верховного главнокомандующего, 1915. 19 с.

[4] Состав германской армии по сведениям к 1 мая 1915 г. Сост. Генерального Штаба капитан Б. А. Дуров. Варшава, 1915. 97 с.

либров до 12-дюймового включительно) не только позиции, но и глубокий тыл полка, доводя огонь до высокой степени напряжения. Рокировка астраханских подразделений на передовой осуществлялась по плану.

В марте интенсивность обстрелов не снизилась, например, 5-го марта в тылу 4-го батальона упало более 200 снарядов, а 6-го марта на участке 3-й роты около 30 тяжелых бомб.

26-го марта 8-я рота под командой прапорщика Товарова в составе 230 нижних чинов и 6 приданных нижних чинов нестроевой роты была выделена из полка и отправлена на развертывание частей 22-го армейского корпуса.

Апрель полк провел на позициях под огнем противника. На 27-е апреля диспозиция была следующей: на правом фланге позиции против дер. Бржеги – 13-я, 14-я и 15-я роты под командованием подполковника Частухина; в центре, вправо от железной дороги, стояла 5-я рота, а левее 6-я – под командованием подполковника Полунина; на левом фланге, против дер. Бржезно, стояли 9-я, 10-я и 12-я роты, имея в резерве 11-ю роту; участком командовал подполковник Егоров; на полустанке Хенщины в полковом резерве стояли 16-я, 7-я и 8-я роты под командой штабс-капитана Скворцова; один батальон находился в дивизионном резерве (РГВИА. Ф. 2602. Оп. 2. Д. 765. Л. 13об.–14).

Согласно полученному распоряжению, полку следовало занять новую позицию – по высотам правого берега реки Чарна-Нида от фольв. Людавизна до фольв. Войда. Оставив сторожевое охранение, подразделения полка начали сосредоточение на новом фронте. Около 15 часов состоялось столкновение с разведывательными подразделениями противника, которые были отброшены и рассеяны.

Полк в хвосте правой колонны 3-й гренадерской дивизии двинулся на дер. Нестахов. Выполнив арьергардные задачи, в 7 часов 30-го апреля полк перешел: 2-й батальон в дер. Зволя, 1-й и 4-й батальоны в дер. Червона Гура, 3-й батальон с 2 орудиями и пулеметом в дер. Ежов. Полк составил левый авангард 3-й гренадерской дивизии и выставил 2-ю, 5-ю, 12-ю и 15-ю роты в сторожевое охранение на главных путях через Свентокшистские горы.

1-го мая было приказано 1-му, 2-му и 4-му батальонам сосредоточиться в дер. Молина (3-му батальону – прибыть в дер. Костелец). Полк должен был составить левую колонну 3-й гренадерской дивизии под командованием полковника Гришинского. 2-й батальон с подполковником Полуниным должен был составить арьергард этой колонны.

2-го мая астраханцы заняли позицию от дер. Рудиков до г. Опатов и в 15.30 перешли в решительное наступление: 1-й и 4-й батальоны – на д.д. Зохцин – Яловенсы, 2-й и 3-й батальоны – уступом сзади. Малороссийцы двигались правее. В этом бою были пленены 14 офицеров и 408 нижних чинов. 4-я мая полк продолжал преследование, наступая правым флангом на дер. Кохов, а на следующий день поступил в дивизионный резерв в дер. Мирогоновице.

8-го мая около 16 часов полк в составе 1-го и 2-го батальонов с 5 пулеметами убыл в распоряжение генерала Провоторова, а на следующий день занял оборонительную позицию и начал вести разведку. И 10-го мая разведчики-астраханцы столкнулись с разведчиками противника: после удара в штыки были убиты 3 бойца противника и пленены офицер и 9 нижних чинов (потери – 1 гренадер убит и 4 ранены).

На следующий день велась усиленная разведка (боем) в составе: на правом фланге полуроты разведчиков, 9-й и 10-й рот под командой капитана Киселева; перед фронтом 2-го батальона 3 партии ротных разведчиков; перед фронтом 1-го батальона партия батальонных разведчиков и взвод 4-й роты под командой старшего унтер-офицера Романа Лепетовского. Было захвачено 5 пленных, тогда как астраханцы потеряли 2 человек убитыми (в т. ч. Р. Лепетовский), 7 ранеными и 2 контуженными (РГВИА. Ф. 2602. Оп. 2. Д. 765. Л. 20об.).

12–13 мая противник вел локальные атаки по всему фронту, но они легко отбивались артогнем и фланговым огнем разведчиков и гренадер.

В мае – июне полк отличился и героически сражался у Опатова и Люблина, приняв участие в событиях, ставшими образцом активной обороны. Поэтому рассмотрим их комплексно – в масштабе дивизии и корпуса.

После Горлицкого прорыва противника понесшая большие потери 3-я армия отошла, и в соответствии с новой обстановкой оказалась вынуждена это сделать и 4-я армия, находившаяся севернее, (в со-

став которой входили 25-й армейский корпус и, соответственно, 3-я гренадерская дивизия и 12-й гренадерский Астраханский полк).

25-й корпус к вечеру 15-го мая занял указанные ему позиции, и 3-я гренадерская дивизия тремя полками разместилась на рубеже д.д. Петров, Снешковице – госп. дв. Коссовице – д. Рушков до г. Опатов. Полки получили приказ занять боевую линию передовыми подразделениями, основывая оборону на системе опорных пунктов, и действовать активно, маневрируя резервами.

15-го мая 31-й армейский корпус, прикрывавший Опатовское направление, подвергся удару превосходящих сил и с трудом сдерживал натиск австрийцев. Чтобы облегчить положение соседа, командир 25-го корпуса решил нанести поражение соседней германской дивизии Бредова. Тогда как два полка 46-й дивизии должны были удерживаться на позиции, 3-я гренадерская дивизия с полком корпусного резерва должна была нанести удар на д.д. Ежев – Хыбице.

Но утром 16-го мая из штаба 3-й гренадерской пришло донесение: против 12-го гренадерского Астраханского, являвшегося левофланговым полком дивизии, развертывается не менее полка вражеской пехоты. Соответственно план был изменен: дивизии было приказано, прикрываясь частью сил и конницей от пос. Слупя Нова, разгромить Опатовскую группу противника (австрийцы), а затем, прикрывшись от нее пехотным полком и конницей, переключиться на германцев (дивизия Бредова). Закончить первую операцию следовало 16-го, а вторую – 17-го мая.

Решение начдива Н. М. Киселевского выглядело следующим образом: правофланговый 9-й гренадерский Сибирский полк вместе с l,5 батальона 10-го гренадерского Малороссийского полка при поддержке 2-х батарей остается на месте, в то время как ударная группа в составе 11-го гренадерского Фанагорийского полка, 12-го гренадерского Астраханского полка и 2,5 батальона малороссийцев при 4 легких и мортирной батареях атакуют опатовскую группу противника. Полку корпусного резерва (181-й пехотный Остроленский) следовало находиться за правым флангом ударной группы.

Астраханцы и малороссийцы должны были согласовать движение с фанагорийцами. Боевые задачи полков: Фанагорийскому с батареей – наступать на фронт д.д. Буковяны – Ленжице, Малороссийскому с батареей – наступать на фронт д. Ленжице – роща у д. Зохцин, Астраханскому с 2-мя легкими и мортирной батареями – наступать на фронт д. Зохцин – г. Опатов.

Противник утром силами в 3–4 батальона начал наступление на астраханцев, а против малороссийцев вражеские части к 15 часам заняли ф. Рушковец и наступали на лес у ф. Дукляны.

Ударная группа начала действовать. Фанагорийцы, развернувшись в Стрычевицком овраге, в 15 часов перешли в наступление на Зволю – Червону Гуру (правый фланг полка обеспечивался командой разведчиков). Противник, засевший в окопах за оврагом, встретил наступавших сильным огнем. Но был вынужден оставить Зволю, продолжая держаться у Червоны Гуры. Австрийцы открыли в этот момент огонь со стороны д.д. Гарбач Скала и Зоровице Смитов – в тыл правофланговому батальону. Но разведчики, выйдя по оврагу также в тыл противнику, пленили 127 нижних чинов при 2 офицерах. Вскоре удалось преодолеть сопротивление у Червоны Гуры.

Затем фанагорийцы ворвались в лес и в ходе штыковой атаки овладели южной опушкой. В момент выхода из леса, будучи встречены пулеметным огнем почти в упор, при поддержке своих пулеметов, вновь бросились в штыки – и овладели гребнем 162,4, преследуя противника до д.д. Жерняки и Модлиборжице.

Малороссийцы, преодолевая сопротивление у ф. Рушковец, д.д. Неменице, Бискупице, продвинулись на линию высоты 162,4 – д. Яловенсы, а астраханцы заняли с боем д. Яловенсы – ф. Зохцинск. Активно действовали и казаки – 52-й Донской казачий полк и Уральская казачья бригада. В результате 16-го мая полки 3-й гренадерской дивизии встали на путях отхода противника, который наступал на соседа.

В это время 46-я дивизия, обнаружив скопливание немцев (1–2 батальона) у д. Павлов и наступление у д. Домброва на левый фланг Пултусского полка, вступила в бой с противником.

К 13 часам 2 легких, 2 гаубичных и 1 тяжелая германские батареи развили огонь максимальной силы, и около 2 батальонов немцев в густых цепях

начали наступать севернее д. Ржепин. Наступление было остановлено – с большими для противника потерями.

Были остановлены ожесточенные атаки германцев и на участке варшавцев.

В ночь на 17-е мая 3-я гренадерская дивизия получила приказ: «Добить Опатовскую группу и затем обратиться к выполнению поставленной задачи, действуя по обстановке» (Сапожников, 1923. С. 72). Днем астраханцам следовало правым флангом наступать на д. Кохов. Наступление фанагорийцев вначале было успешным, но в дальнейшем продвижение к югу оказалось затруднительно – с западного берега р. Покрживянки противник брал во фланг атакующих гренадер. 7-й Уральский полк лавой двинулся на вражеские окопы – и противник оставил окопы, укрывшись в лесу. В это время малороссийцы и астраханцы продвинулись до шоссе Опатов – Иваниска, где были остановлены соответствующим приказом. Для содействия фанагорийцам, израсходовавшим резервы, были двинуты 2 батальона астраханцев.

Таким образом, Опатовская группа, состоявшая из лучших австрийских войск (25-я дивизия (4-й и 84-й пехотные полки, 10-й, 17-й и 25-й егерские батальоны) и 49-й пехотный полк 4-й дивизии), была разгромлена. Трофеи боя: 99 офицеров и 2853 нижних чинов и 6 пулеметов. Общие потери: 20 офицеров и 977 нижних чинов.

Разгром Опатовской группы отразился на всем фронте от Илжи до р. Вислы: давившие 31-й корпус превосходящие силы противника отступили по всему этому рубежу.

18-го мая начинался новый маневр, в котором командующий армией решил взять общее руководство в свои руки – и в маневре должны были участвовать части гренадерского, 25-го и 31-го корпусов. Но обстановка успела измениться. Из опроса пленных, захваченных в течение 18-го мая, выяснилось: в направлении на Лагов подошла бригада, а к северу от Свентокшишского хребта – германская 4-я ландверная дивизия. К тому же ливень размягчил весеннюю почву и сделал движение затруднительным, войска были утомлены предыдущими действиями. Кое-какие успехи были достигнуты, но противник насторожился, и операция развивалась медленно. Через два дня – ввиду отхода 3-й армии – 4-й армии приказано было также отойти.

Командир 25-го корпуса А. Ф. Рагозы не мог быть вполне самостоятельным в своих действиях, ему приходилось согласовывать свои планы с соседями, что и выражалось, прежде всего, в обращении к ним о содействии в наступлении. Первоначальную задачу приходилось видоизменить по просьбе соседа слева. Мысль командира корпуса была правильная: сначала ударить по наиболее активному противнику – немцам (первоначальная группировка войск корпуса также отвечала этому, вызывая наименьшие перемещения, – три полка резерва могли начать маневр простым фронтальным движением вслед за частями 46-й дивизии).

Действие одного участка на общем фронте обороны было возможно накоротке, иначе фланг (или фланги) рисковали попасть под удары противника, несмотря на наличие на правом фланге маневренной группы конницы (довольно значительной), фланг фанагорийцев все время подвергался удару. Это сильно отражалось на свободе маневра 16–17 мая. Желание убить двух зайцев (разбить 25-ю дивизию и дивизию Бредова) противоречило принципу внезапности. Ведь, естественно, можно было ожидать, что в течение 2 суток противник (победоносный до тех пор) сумеет произвести перегруппировку и подтянуть резервы. Эта же двойственность задачи, несомненно, отражалась на действиях командира 3-й гренадерской дивизии. Весьма вероятно, что та же двойственность задачи повлияла и на комкора, которой мог бы назначить в маневренную группу не 2,5 полка, а 4,5, если бы он ограничился одним ударом – по 25-й дивизии. Еще сильнее двойственность задачи проявилась в действиях 17-го мая, когда левый фланг и центр маневренной группы, почти не встречая противника, едва продвигался (ожидая подхода 83-й дивизии), тогда как энергичное движение этих полков вперед создало бы катастрофу для левого фланга противника, действующего против 31-го корпуса. Вся тяжесть боя легла на фанагорийцев, их поддерживали за счет астраханцев, что вело к потере времени и движению резервов вдоль фронта, тогда как движение хотя бы одного полка корпусного резерва уступом за правым флангом маневренной группы и своевре-

менный ввод его в дело дал бы более существенные результаты.

Борьба на пассивном участке (46-я дивизия) также заслуживала внимания. Несмотря на энергичную атаку немцев, там не пришлось расходовать корпусных резервов, и удар был отражен благодаря маневру (хотя и небольших) частей, разведчиков и частных резервов. Длинные фронты полков (около 6 км), были заняты слабо, а вся оборона основана преимущественно на огне и на маневре. Кода противник ворвался в Калков и занял д. Вюры, маневр левого фланга варшавцев заставил противника оставить эти пункты. После отражения атак, передовые подразделения (боевое охранение) варшавцев заняли д.д. Домброва и Запнев, увеличив глубину оборонительной зоны. Артиллерия была разбита по полкам (боевым участкам), что объяснялось пересеченной местностью (большинство деревень имело сады, сильно стеснявшие кругозор) и незначительными средствами связи у командира артиллерийской бригады. Большое количество батарей в Астраханском полку объяснялось тем, что этот полк был атакован противником до начала маневра, его сосед слева также был атакован – и нужно было остановить противника, не производя нагромождения пехоты.

Число пулеметов доходило всего лишь до 2-х на батальон, в ротах пулеметов не было, и организовать огневую оборону можно было только основываясь на огне артиллерии и цепях стрелков.

Астраханцы вновь погрузились в будни позиционной войны. Так, в ночь на 20-е мая по всему фронту состоялась усиленная разведка: на фронте 3-го батальона действовал зауряд-прапорщик Конин с полуротой 11-й роты, на фронте 2-го батальона – штабс-капитан Скворцов с полуротой разведчиков и 7-й ротой, на фронте 1-го батальона – подпрапорщик Мишкин с 2 взводами 2-й и 4-й рот, на фронте 15-й роты – фельдфебель Ухловский с полуротой разведчиков. Было взято 3 пленных и выяснено присутствие 3-ротного 25-го егерского батальона, роты 84-го пехотного полка и 4-ротного 6-го батальона Польского Легиона (РГВИА. Ф. 2602. Оп. 2. Д. 765. Л. 22 об).

25-й армейский корпус 4-й армии в июне 1915 г. располагался по правому берегу реки Выжница, между Вислой и рекой Уржендовка (183-й, 12-й и 10-й гренадерские полки), имея в резерве корпуса 181-й, 9-й и 11-й гренадерские полки, легкий дивизион артиллерии и Уральскую дивизию в районе Скокув, Годов, Раташин.

8-я дивизия 15-го корпуса 3-й армии располагалась по реке Выжница и далее по линии Красник – Сулиев – Студзянка, между реками Уржендовка и Косаржевка, имея на правом фланге 31-й полк.

Против перечисленных войск действовали австро-германцы. Между Вислой и рекой Уржендовка находилось пять пехотных австрийских полков и один егерский батальон, далее на восток, до Красника, 47-я германская резервная дивизия, и еще далее на восток, до реки Косаржевка, 10-й австрийский корпус, 106-я бригада и 21-я дивизия.

Позиции правого берега были укреплены.

Левый берег реки Выжница командовал правым, причем к русской позиции как с фронта, так и с тыла прилегали группы лесов. Неснятые хлеба еще более способствовали скрытности. Все реки, кроме Вислы, были проходимы вброд.

А. Ф. Рагоза учитывал возможность нанесения австро-германцами удара в стык, и, не надеясь на соседнюю 8-ю дивизию, прилегавшую к стыку, организовал по своей инициативе обеспечение стыка 4-й и 3-й армий. За своим левым флангом в районе Скокув, Годов, Ратошин он расположил отряд из трех родов войск (двух полков, пехоты, дивизиона артиллерии и дивизии конницы).

В случае нанесения удара австро-германцами в стык предполагалось нанесение флангового удара под прикрытием 12-го и 10-го гренадерских полков, занимавших позиции. Для того чтобы повысить обороноспособность Малороссийского и Астраханского полков, им даны были очень небольшие участки. В то время как правофланговый 183-й полк занимал участок протяженностью более 7 км, два названных полка имели: 12-й гренадерский полк – участок длиной около 4 км, а крайний левофланговый, примыкавший к стыку, – менее 3 км. Для непосредственного обеспечения левого фланга корпуса в дивизионном резерве был оставлен за флангом (в районе Задоле) 184-й пехотный полк.

19–20 июня австро-германцы начали наступление против правофлангового участка 3-й армии.

Части 8-й пехотной дивизии были сбиты сначала на участке Красник – Студзянка, а затем и на

остальной позиции дивизии до самого стыка с 25-м корпусом. При этом правофланговый 31-й полк, потеряв командира, отхлынул к дер. Маняки, а остальные войска той же дивизии отскочили на 20 км назад – к линии Боржехов – Недржвице Мала – Дембина – Лесничувка.

В 12 часов 55 мин. 21-го июня, как только стало известно об отходе 8-й дивизии, командир 25-го корпуса приказал начальнику корпусного резерва командиру бригады 46-й дивизии генерал-майору А. А. Веселовскому начать наступление на фронт Вилколаз – Драсник – для удара во фланг и тыл прорвавшемуся противнику.

Спустя час было получено приказание командарма – 4 генерала от инфантерии А. Е. Эверта с указанием той же задачи, но другого направления для удара – на фронт Вилколаз – Собещаны. Для прикрытия люблинского направления путем усиления отскочившей назад 8-й дивизии командарм отобрал у командира 25-го корпуса Уральскую казачью дивизию и полк дивизионного резерва. 184-й полк (армейский резерв) А. Е. Эверт возвратил комкору.

Во исполнение данной задачи начальник корпусного резерва, ставший командиром соответствующего отряда, выслал разведку силами переданных в его распоряжение 2,5 сотен 52-го Донского казачьего полка – для определения направления движения и группировки прорвавшихся сил противника. А затем направил 11-й гренадерский полк через Радлин на Лопенник, 9-й гренадерский и 181-й полки – к дер. Лещина.

К вечеру разведка выяснила, что австрийцы в походных колоннах следуют по шоссе от Красника (левая колонна достигла дер. Вилколаз).

Вследствие темноты и для использования фактора внезапности А. А. Веселовский решает нанести удар на рассвете, для чего приказывает по достижении отрядом исходного района действий (Лопенник – Лещина) считать все три полка в засаде и себя не обнаруживать, пользуясь закрытой и пересеченной местностью.

Для охранения левого фланга отряда и связи с правым флангом 8-й дивизии к дер. Боржехов были выдвинуты 2,5 сотни 52-го Донского казачьего полка.

В 4 часа, когда, по донесениям разведчиков, хвост австрийской колонны стал выходить из деревни Вилколаз, начальник отряда приказал 11-му и 9-му гренадерским полкам перейти в наступление: первому на фронт Собещаны – Вилколаз и второму на фронт Вилколаз – Рудник Шляхецкий; 181-му полку следовать в резерве.

Около 5 часов 11-й гренадерский полк внезапно атаковал австрийский боковой отряд, окружил его, захватил 5 пулеметов, 1000 человек и стал продвигаться вперед. Колонна главных сил австрийцев (как потом выяснилось – 24-й пехотной дивизии) под угрозой фланговой атаки 11-го гренадерского полка свернула с шоссе Красник – Люблин и перешла в контрнаступление с охватом левого фланга полка. 11-й гренадерский полк был вынужден бросить захваченных пленных. Отбивая атаки австрийцев, полк стал медленно отводить свой левый фланг к деревне Клодница, где и закрепил его, в то время как полковой резерв отбросил к востоку обходившую колонну и захватил несколько сотен пленных.

К этому времени подошли из резерва начальника отряда два батальона 181-го полка, направленные во фланг австрийцев, атакующих 11-й гренадерский полк. Батальоны отбросили австрийцев и захватили более 1000 пленных.

В это время 9-й гренадерский полк, быстро продвигаясь вперед, атаковал австрийский батальон прикрытия, рассеял его и захватил 150 пленных и 2 пулемета.

Но с выходом 9-го гренадерского полка на линию Скорчице – Эвунин полк был встречен энергичной контратакой сначала одного, а затем, после полудня, последовательно еще двух полков пехоты (как потом выяснилось – 2-й пехотной дивизии).

Все атаки на фронте 9-го гренадерского полка были отбиты. Но затем австрийцы, пользуясь свободным промежутком на стыке 9-го и 11-го гренадерских полков в районе Беловода, хлынули туда значительными силами, угрожая флангу и тылу 9-го полка.

Начальник отряда направил во фланг прорвавшегося противника последний свой резерв – две роты 181-го полка, которые, при содействии огня артиллерии, вытеснили прорвавшихся австрийцев.

После этого противник несколько раз возобновлял атаки, поддержанные огнем артиллерии, но результатов не достиг.

На рассвете 23-го июня германская 47-я резервная дивизия, смененная австрийскими частями, сосредоточилась в районе юго-западнее дер. Идалин – и затем ударила по 12-му гренадерскому полку, стремясь сбить тот щит, под прикрытием которого корпусный резерв наносил свой фланговый удар. Астраханский полк, понеся большие потери, был вынужден уступить превосходящим силам германцев и перейти на высоту правого берега р. Подлипе, 1,5 км севернее первой позиции. В бою 23-го июня в ходе контратаки погиб командующий ротой Его Величества прапорщик Богатов, целиком переколота 5-я рота, выбыли из строя все офицеры 2-го батальона (РГВИА. Ф. 2602. Оп. 2. Д. 765. Л. 31).

Таким образом, астраханский «щит», под прикрытием которого должен был развить свой удар отряд А. А. Веселовского, был отодвинут, но не сбит германцами.

В 8 часов 8-я дивизия, отскочившая после прорыва на стыке армий на 20 км, перешла в наступление против прорвавшихся и развивших наступление австрийцев, фронт которых в это время оказался повернутым на северо-запад, в сторону войск корпусного резерва.

Это привело к фланговому удару по частям австрийского 10-го корпуса (24-я и 2-я дивизии), скованного с фронта отрядом А. А. Веселовского. Результатом стал захват более 5 тысяч пленных австрийцев и прекращение атак против полков резерва 25-го корпуса.

Последний возобновил наступление, нанося главней удар вновь прибывшим 7-м гренадерским полком армейского резерва на своем левом фланге.

В это время германская 47-я резервная дивизия делает последнюю попытку сбить с позиции 10-й гренадерский полк, чтобы выйти в тыл корпусному резерву, успешно развивавшему наступление во фланг прорвавшихся австрийцев. Ночью, после короткой артиллерийской подготовки, части 47-й резервной дивизии атакуют 10-й гренадерский полк и прорывают его позицию в районе дер. Хруслины. Но вовремя подошедший полк армейского резерва парирует прорыв фланговым ударом, в ходе которого у дер. Бобы перновские гренадеры опрокидывают германцев, нанося им тяжелые потери.

Тем временем совместное наступление с севера и запада против прорвавшихся австрийцев развивалось успешно. Число пленных австрийцев, захваченных только полками резерва 25-го корпуса, уже достигало 10 тысяч человек. Русские летчики доносили о паническом бегстве обозов на юго-восток. Австрийцы по всему фронту начали беспорядочный отход, сведя свой прорыв на стыке 4-й и 3-й армий к нулю.

Рассмотренные события, в которых астраханские гренадеры сыграли знаковую роль, весьма показательны.

Удовлетворившись отскоком 8-й пехотной дивизии в тыл, австро-германцы не находят нужным сковать обнажившийся крайний фланг 25-го корпуса, прилегавший к прорванному стыку, или хотя бы выставить заслон в сторону этого фланга и расположенных за ним резервов, и в походном порядке, без существенных мер охранения и разведки, развивают прорыв на стыке двух армий в глубину в общем направлении на Люблин. Только на следующий день, на рассвете 23-го июня, когда определился удар резерва 25-го корпуса во фланг австрийцев, развивавших прорыв на Люблин, германская 47-я резервная дивизия стремится сбить тот щит (левофланговый участок 25-го корпуса в лице 12-го гренадерского Астраханского полка), под прикрытием которого корпусной резерв развивал свой фланговый удар.

После внезапного флангового удара резерва 25-го корпуса австрийцы, вместо того чтобы определив фланги отряда, направить подавляющие силы в охват или обход одного из флангов или в стык 9-го и 11-го гренадерских полков с целью прорыва, бросают свои войска пачками по мере подхода их к полю боя (силой не свыше полка пехоты), предоставляя вышеуказанным русским полкам бить австрийцев по частям. В результате оправившиеся части 8-й пехотной дивизии переходят в наступление против фланга повернувших фронт австрийцев, скованных действиями корпусного резерва. Вслед за этим возобновляет свое наступление корпусной резерв – отряд А. А. Веселовского – и довершает поражение противника.

Отряд А. А. Веселовского был расположен в таком районе (за флангом корпуса), который по тактическим условиям являлся выгодным исходным положением для удара во фланг прорвавшегося противника (укрытая местность для маневрирования,

наличие на направлении предполагаемого флангового удара выгодных наблюдательных пунктов для наступающего в юго-восточном направлении и др.).

Что мы видим в итоге? Части 10-го армейского корпуса австрийцев 18 июня 1915 г. прорвали русский 15-й армейский корпус у Красника и ринулись на Люблин, что грозило русским большими неприятностями, т. к. лишало важного железнодорожного узла, исключая возможность подвоза подкреплений. Части 25-го армейского корпуса, расположенного по соседству с прорывом, не были оттеснены и мало связаны атаками противника в первый день прорыва. Командир 25-го корпуса позволил австрийцам втянуться в лесные дефиле, скрытно сосредоточив в лесах Лоппеника и Лещины резервы и, когда австрийцы прошли главными силами на Вильколаз, атаковал их, обеспечив операцию справа. В результате – корпус противника разгромлен, русскими взяты в плен несколько тысяч человек и внушительные трофеи.

Список источников

Гринев Г. Оценка австрийцами русских войск к началу 1917 г. // Военная Быль. 1974. № 128. С. 13–18.

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин : Слово, 1924. 396 с.

Де Лазари А. Н. Активная оборона корпуса. Действия XXV армейского корпуса под Опатовым в мае 1915 г. Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, отд. воен. лит., 1930. 94 с.

Де Лазари А. Н. Активная оборона корпуса. Действия XXV армейского корпуса под Опатовым в мае и под Красником в июле 1915 г. Москва : Воениздат, 1940. 144 с.

Керсновский А. А. История Русской Армии. В 4-х томах. М. : Голос, 1994. 368 + 352 с.

Корольков Г. К. Несбывшиеся Канны. М. : Государственное военное изд-во, 1926. 52 с.

Кручинин А. М. Российский полк с финским именем. Очерки истории Оровайского полка (1811–1920). Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2000. 200 с.

Крылов А. Б. 29-й и 67-й Сибирские стрелковые полки на Германском фронте 1914–1918 гг. (по архивным документам). М. : Библио-глобус, 2014. 784 с.

Лазарева Е. Б. Перновские гренадеры в Первой мировой войне. 1914–1918. М. : Минувшее, 2018. 504 с.

Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1855–1918: боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М. : АСТ, 1998. 288 с.

Незнамов А. А. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. М. : Высший военный редакционный совет, 1922. 133 с.

Новицкий В. Ф. Астраханский 12-й гренадерский, Императора Александра III полк // Военная энциклопедия. Т. 3. СПб., 1911. С. 195–197.

Носков А. А. Великая война. 1915 год. Очерк главнейших операций. Русский Западный фронт. Петроград : Издание Б. А. Суворина, 1916. 60 с.

Олейников А. В. Полководец Первой мировой войны: командарм, комадующий фронтом, Верховный

References

Grinev G. (1974) The Austrians' assessment of the Russian troops by the beginning of 1917. *Voennaya Byl'* = *Military History*. No. 128. P. 13-18. (In Russ.).

Danilov Yu. N. (1924) Russia in the World War 1914-1915. Berlin: Slovo. 396 p. (In Russ.).

De Lazari A. N. (1930) Active defense of the corps. The actions of the XXV Army Corps near Opatov in May 1915. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, otdel voennoi literatury. 94 p. (In Russ.).

De Lazari A. N. (1940) Active defense of the corps. The actions of the XXV Army Corps near Opatov in May and near Krasnik in July 1915. Moscow: Voenizdat. 144 p. (In Russ.).

Kersnovskii A. A. (1994) History of the Russian Army. In 4 volumes. Moscow: Golos. 368 + 352 p. (In Russ.).

Korolkov G. K. (1926) Unfulfilled Cannes. Moscow: State Military Publishing House. 52 p. (In Russ.).

Kruchinin A. M. (2000) A Russian regiment with a Finnish name. Essays on the history of the Orovai Regiment (1811-1920). Yekaterinburg: Publishing House of UMTS UPI. 200 p. (In Russ.).

Krylov A. B. (2014) 29th and 67th Siberian Rifle regiments on the German Front 1914-1918 (according to archival documents). Moscow: Biblio-globus. 784 p. (In Russ.).

Lazareva E. B. (2018) Pernovsky grenadiers in the First World War. 1914-1918. Moscow: Minuvshee. 504 p. (In Russ.).

Leonov O. G., Ul'yanov I. E. (1998) Regular infantry 1855-1918: Combat chronicle, organization, uniforms, weapons, equipment. Moscow: AST. 288 p. (In Russ.).

Neznamov A. A. (1922) Strategic essay of the War of 1914-1918. Part 4. Moscow: Vysshii voennyi redaktsionnyi sovet. 133 p. (In Russ.).

Novitskii V. F. (1911) Astrakhan 12th Grenadier, Emperor Alexander III regiment. *Voennaya entsiklopediya* = *Military Encyclopedia.* St. Petersburg. Vol. 3. P. 195-197. (In Russ.).

Noskov A. A. (1916) The Great War. 1915. An outline of the main operations. The Russian Western Front. Petrograd: Izdanie B. A. Suvorina. 60 p. (In Russ.).

Oleynikov A. V. (2010) Commander of the First World War: commander, Front Commander, Supreme Command-

главнокомандующий // Генерал Брусилов (очерки о выдающемся русском полководце). Тула : Гриф и К, 2010. С. 158–224.

Олейников А. В. Таневское сражение 1915 г. // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918 гг. Энциклопедия в трех томах. М. : Политическая энциклопедия, 2014. Т. 3. С. 330–346.

Рерберг Ф. П. Воспоминания о командовании 3-м гренадерским Перновским короля Фридриха Вильгельма IV полком. 1909–1912. М. : Кучково поле, 2019. 368 с.

Риттер Х. Критика мировой войны: наследство графа Мольтке и Шлиффена в мировой войне. Петроград : Военное изд-ство Петроградского военного округа, 1923. 202 с.

Сапожников Н. Оборона в маневренной войне. Курс лекций, читанных в Военной Академии РККА в 1922–1923 г. М. : Высший военый ред. совет, 1923. 81 с.

Сыромятников А. Д. Действия на стыках. М.-Л. : Госиздат, 1927. 131 с.

Шенк В. К. Гренадерские и пехотные полки по 1 апреля 1909 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. 2-е издание СПб. : Тип. Смирнова, 1909. 230 с.

Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions of the German Army which Participated in the War (1914–1918). Washington, 1920. 748 p.

er-in-Chief. *General Brusilov (ocherki o vydayushchemsya russkom polkovodtse) = General Brusilov (essays on an outstanding Russian commander).* Tula: Grif i K. P. 158-224. (In Russ.).

Oleynikov A. V. (2014) The Battle of Tanev in 1915. *Rossiya v Pervoi mirovoi voine. 1914-1918. Entsiklopediya v trekh tomakh = Russia in the First World War. 1914-1918. Encyclopedia in three volumes.* Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. Vol. 3. P. 330-346. (In Russ.).

Rerberg F. P. (2019) Memories of the command of the 3rd Grenadier Regiment of King Frederick William IV of Pernovo. 1909-1912. Moscow: Kuchkovo pole. 368 p. (In Russ.).

Ritter Kh (1923) Criticism of the World War: The legacy of Count Moltke and Schlieffen in the World War. Petrograd: Voennoe izdatel'stvo Petrogradskogo voennogo okruga. 202 p. (In Russ.).

Sapozhnikov N. (1923) Defense in maneuver warfare. A course of lectures given at the Military Academy of the Red Army in 1922-1923. Moscow: Vysshii voenyi redaktsionnyi Sovet. 81 p. (In Russ.).

Syromyatnikov A. D. (1927) Actions at the joints. Moscow; Leningrad: Gosizdat. 131 p. (In Russ.).

Shenk V. K. (1909) Grenadier and Infantry regiments on April 1,1909. Reference book of the Imperial Headquarters. 2nd edition. St. Petersburg: Tip. Smirnova. 230 p. (In Russ.).

Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions of the German Army which Participated in the War (1914–1918). Washington, 1920. 748 p.

Информация об авторе

А. В. Олейников – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История России»,
Астраханский государственный университет,
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20А, Россия.

Information about the author

A. V. Oleynikov – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia,
Astrakhan State University,
20A, Tatischev St., Astrakhan 414056, Russia.

Вклад автора

Олейников А. В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Oleynikov A. V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 августа 2021 г.; одобрена после рецензирования 3 сентября 2021 г.; принята к публикации 13 сентября 2021 г.

Article info

The article was submitted August 1, 2021; approved after reviewing September 3, 2021; accepted for publication September 13, 2021.

Научная статья
УДК 341.33(470.55)(091)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-189-198

Челябинские госпитали Красного Креста в Иркутске в годы Гражданской войны

Владимир Александрович Шаламов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, Wladimir13x@ya.ru, https://orcid.org/0000-0002-9482-9543

Аннотация. В ходе военных действий в Предуралье армия адмирала А. В. Колчака зимой 1918–1919 гг. несла серьезные потери. На помощь ей пришла общественность, с помощью которой были созданы Временный комитет Российского общества Красного Креста, а затем специальные госпитали в прифронтовой полосе. Весной 1919 г. в Челябинске сформированы аптечный склад и тыловые госпитали. Они действовали под руководством уполномоченного С. Н. Постникова. В июле, по мере отступления армии, последние были эвакуированы. Удалось вывезти всех раненых, медицинское имущество и медикаменты. Но руководство Красного Креста не смогло найти новое место для дислокации госпиталей. Тогда С. Н. Постников отправился вдоль Транссибирской магистрали в поисках свободных помещений для развертывания стационаров. Подходящие условия оказались в Иркутске, где госпитали были развернуты в сентябре 1919 г. Специализацию учреждений отстоять не удалось, поэтому медперсонал с хирургическим опытом работы перешел трудиться в другие организации. В конце 1919 г. в Иркутске в ходе восстания власть взял в свои руки Политцентр, которому были подчинены все медучреждения, в том числе и Красного Креста. В начале 1920 г. принимается решение об их ликвидации. Имущество и персонал послужили основой для создания новых лечебных учреждений в Иркутске и в санитарном управлении Красной армии.

Ключевые слова: история здравоохранения, история медицины, Челябинский госпиталь Красного Креста, Гражданская война в Сибири, Иркутск в годы Гражданской войны, С. Н. Постников, Временное главное управление Российского общества Красного Креста, беженство, эвакуация

Для цитирования: Шаламов В. А. Челябинские госпитали Красного Креста в Иркутске в годы Гражданской войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 189–198. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-189-198.

Original article

Chelyabinsk hospitals of the Red Cross in Irkutsk in the years of the Civil War

Vladimir A. Shalamov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, Wladimir13x@ya.ru, https://orcid.org/0000-0002-9482-9543

Abstract. During the military operations in the Urals, the army of Admiral A. V. Kolchak in the winter of 1918–1919 suffered high losses. The public came to the aid of the army, which created a Temporary Committee of the Russian Red Cross Society. In the spring of 1919, rear hospitals and a pharmacy warehouse were organized in Chelyabinsk. They acted under the leadership of the commissioner S. N. Postnikov. In July, as the army retreated, the hospitals were evacuated. During the evacuation it was possible to take out all the wounded and all medical equipment and medicines. The leadership of the Red Cross could not appoint a new location for the hospitals. Then the commissioner S. N. Postnikov took the initiative into his own hands and went with hospitals along the Trans-Siberian railway in search of free premises for the deployment of hospitals. Suitable conditions were found in Irkutsk, where hospitals were deployed in September 1919. The specialization of the institutions could not be defended, so the medical staff with surgical experience moved to work in other institutions. At the end of 1919, during the uprising in Irkutsk, power passed into the hands of the Political Center, to which all medical institutions, including the Red Cross, were subordinated. At the beginning of 1920, it was decided to liquidate the Red Cross institutions. Chelyabinsk hospitals were disbanded. Their property and personnel served as the basis for the formation of new medical institutions in Irkutsk and in the sanitary department of the Red Army.

Keywords: history of healthcare, history of medicine, Chelyabinsk Red Cross Hospital, Civil War in Siberia, Irkutsk during the Civil War, S. N. Postnikov, Temporary Main Directorate of the Russian Red Cross Society, flight, evacuation

© Шаламов В. А., 2021

For citation: Shalamov V. A. (2021) Chelyabinsk hospitals of the Red Cross in Irkutsk in the years of the Civil War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 189-198. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-189-198.

В советский период тема Гражданской войны получила сильное развитие как в художественной, так и в исторической литературе, чего нельзя сказать о Первой мировой. Вместе с тем влияние идеологии, неприятие взглядов противоположной стороны, методологическая ограниченность, наличие цензуры все-таки не позволяли всесторонне рассмотреть одно из крупнейших событий отечественной истории. Однако, несмотря на наличие свободы слова и методологического плюрализма, в постсоветское время не удалось закрыть все «белые пятна». Одним из них является вопрос оказания медицинской помощи раненым и больным военнослужащим. Нельзя сказать, что эта проблематика нова. Тем не менее она привлекает все новых и новых исследователей. Сегодня идет активный процесс написания истории Российского общества Красного Креста. В частности, многих ученых волнуют события Гражданской войны на Востоке России. Среди них И. А. Асеев (Асеев, 2012; Асеев, 2016), С. И. Голотик (Голотик, 2001), В. О. Ореховский (Ореховский, 2015) и некоторые другие, объясняющие события с точки зрения тех организаций Красного Креста, которые оказались под контролем Советской власти. Однако остается непонятным, что происходило по другую сторону баррикад. И здесь приходит на помощь С. С. Ипполитов с работами, в которых он систематизировал материалы по деятельности Временного главного управления Российского общества Красного Креста (ВГУ РОКК) (Ипполитов, 2013; Ипполитов, 2018). Указанные издания имеют обзорный характер, что мешает понять, каким образом функционировали учреждения на местах. Отчасти эту проблему поднял С. Д. Батоев. Он в своей публикации рассмотрел деятельность лазарета Красного Креста в Верхнеудинске (Батоев, 2016). При всей полезности данной статьи она все же не позволяет почувствовать атмосферу создания и функционирования медицинского учреждения в авральном режиме военного времени, что определило задачу подготовки данной статьи.

Во время сбора информации по истории здравоохранения Иркутска автор этих строк обратил внимание на многочисленные, но крайне лаконичные сведения в сибирских архивах и газетах, где упоминалось бы о наличии в городе Челябинских госпиталей. Из разрозненных сведений невозможно было представить каким образом они оказались в Иркутске, кто ими руководил, какую работу они проводили. Обращение к вышеупомянутым изданиям по истории Красного Креста ничего не дало. Логично было обращение к трудам исследователей здравоохранения на Урале и в Сибири периода Гражданской войны. Такие историки как В. М. Рынков (Рынков, 2007) и Л. А. Яньшин (Яньшин, 2014) делают обзор санитарно-медицинских служб белых правительств в Сибири. Е. В. Мячина концентрируется на медико-санитарном обслуживании армии адмирала А. В. Колчака (Мячина, 2010). Однако даже в статье Г. Н. Шапошникова, посвященной истории здравоохранения на Урале в 1917–1919 гг. (Шапошников, 2020), не удалось обнаружить каких-либо сведений по интересующему нас вопросу. Пожалуй, загадку так и не удалось бы разгадать, если бы не обнаружение в недрах Государственного архива Российской Федерации неопубликованных материалов, проливающих свет на деятельность Челябинских госпиталей в годы Гражданской войны. Их возникновение плотно связано с началом её активной фазы в России. Небезызвестно, что в мае 1918 г. произошло восстание Чехословацкого корпуса. Челябинск был одним из его центров (Вторушин, 2017. С. 21–22). Неизбежно появились раненые. Первоначально их помещали в гражданские лечебные учреждения, но мест в них не хватало. Возникли проблемы с медикаментами. Осложнились отношения с населением, которое оказалось лишено нормальной медицинской помощи.

Нужно сказать, что люди в Челябинске не были равнодушными к тяжелым событиям в стране и неоднократно приходили на помощь в годы всех военных конфликтов начала XX в. (Семячкова, 2009). Гражданская война не стала исключением.

Челябинские кооперативы, магазины, увеселительные заведения и частные лица стали участвовать в благотворительности. Только в марте 1919 г. союз кредитных и ссудосберегательных товариществ пожертвовал 35 тыс. руб. (Ипполитов, 2013. С. 61). Однако в условиях гражданской смуты процесс консолидации сил затянулся.

Только в декабре 1918 г., после переворота под руководством А. В. Колчака, случайно оказавшиеся в Сибири члены распущенного Главного комитета Российского общества Красного Креста образовали Временный комитет. Вскоре они получили задание организовать медико-санитарные службы в ближайшем тылу армии (Ипполитов, 2013. С. 57, 61). В Челябинске к весне 1919 г. было сформировано сразу три госпиталя.

Район относился к ближайшему тылу, поэтому был назначен уполномоченный ВГУ РОКК Сергей Несторович Постников. На этом посту он оказался неслучайно. Постников был сыном врача, основавшего кумысолечебницу в Самарской губернии. Получил военное образование, но предпочел заниматься политической деятельностью. С 1905 г. был многолетним городским головой Самары. После установления власти Комуча он предпочел бежать в Сибирь, где оказался среди наиболее активных работников Красного Креста (Алексушин, 1999. С. 23–168).

В Челябинске при помощи американцев и из местных источников удалось сформировать приличный аптечный склад и аптеку при госпитале № 2, которые обслуживали медицинские учреждения, а также санитарные поезда. Аптека была оснащена даже лучше, чем любая из существовавших когда-либо в городе (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 4. Л. 230). Челябинск, Екатеринбург и Омск приняли на себя львиную долю раненых колчаковской армии.

В конце зимы и весной 1919 г. в Челябинске вспыхнула мощная эпидемия сыпного и брюшного тифа. В регион прибывали русские, возвращавщиеся из германского плена. В городе стали ощущаться перебои с продовольствием, одеждой и предметами первой необходимости (Нарский, 2001. С. 32–155). В какой-то степени само колчаковское правительство создало такую ситуацию, арестовав главу городской думы врача Ф. Т. Розенгауза (Калинкина, 2000. С. 125–127). Вскоре его вернули, но испуганные гласные предпочитали не проявлять своей активной позиции.

К тому времени в ходе Челябинской операции (17 июля – 4 августа 1919 г.) Красной армии удалось обойти белых, и они вынуждены были отступить. Распоряжение об эвакуации госпиталей из Челябинска было получено 15 июля, а уже 24 красные вступили в город (Скробов, 2006. С. 163–164). Времени оставалось мало, но раненых было так много, что бросить их не решились. Их число постоянно росло, поскольку лечебные учреждения военного ведомства задолго до возникшей угрозы были вывезены в тыл. Более того, для учреждений Красного Креста было обещано 33 вагона, но в полном объеме их не оказалось. Пришлось на месте выходить из тупиковой ситуации. Не имея распоряжения свыше, имущество госпиталей, персонал и раненых С. Н. Постников тем не менее приказал помещать в теплушки бывшего изоляционно-пропускного пункта, переформированного в санитарный поезд № 102. Он как раз в это время заканчивал его комплектование и загрузку больных. И сумел все это сделать успешно.

Центральный склад из-за недостатка места погрузить не удалось. В последний момент нашли три вагона. Было решено оставить трех служащих с санитарами, которые успели, незадолго до оставления Челябинска, погрузить содержимое склада и выехать на Восток. Обоз госпиталя был реквизирован еще раньше Управлением Челябинского уезда для своих нужд (ГАРФ. Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 4. Л. 224). При эвакуации из-за громоздкости не смогли вывезти 77 пудов серы, 3 пуда 11 фунтов нафталина, 750 фунтов азотной кислоты и 6 глиняных банок. В пути случилась небольшая авария на станции Антибесской (недалеко от Мариинска), в результате чего произошел значительный бой посуды с формалином, йодом, а также мензурок и стеклянных спиртовок. Некоторое количество материала было похищено в пути или потрачено на свой же заболевший персонал. По прибытию в Иркутск были сданы на центральный склад Красного Креста 150 мисок, 100 столовых ложек. 5 жестяных чайников, 10 подкладных суден и 6 тазов. В Иркутске

ощущался дефицит с металлической посудой (ГАРФ. Ф. р-1845. Оп. 1. Д. 37. Л. 71-72).

Эвакуация из Челябинска учреждений Красного Креста сильно осложнила ситуацию в городе, охваченном тифозной эпидемией, которая тут же перекинулась на воинов Красной армии. Пришлось в авральном порядке создавать чекатифы и мобилизовать весь имеющийся медперсонал для борьбы с инфекцией (Островкин, 2019. С. 81–83). Таким образом, нейтральная по замыслу организация оказалась игрушкой в руках противоборствующих сторон. Бегство из Челябинска способствовало ухудшению ситуации, что являлось нарушением врачебной этики, но страх за свою жизнь, а зачастую и политические пристрастия работников Красного Креста, состоявшего по большей части из политических беженцев из Поволжья и Предуралья, делали свое дело.

Первоначально предполагалось, что госпитали будут развернуты в Куломзино, куда состав прибыл 23 июля. В журнале ВГУ РОКК № 13 от 26 июля 1919 г. значится: «В связи с большой эвакуацией на ст. Куломзино (8 верст от Омска) скопилось большое количество поездов: и с ранеными, и с больными, и со свернутыми фронтовыми лазаретами, госпиталями, летучками и проч. и все прибывающими беженцами… первые дни совершенно негде было развернуть лечебные заведения, прибывшие с фронта…» (ГАРФ. Ф. р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 27). В этот же день принимается решение: Челябинские госпитали № 1 и № 2 отправить в Томск, а № 3 – развернуть на ст. Лебяжье (между Курганом и Петропавловском). Однако в Томске выяснилось, что свободных помещений для развертывания госпиталей нет. Даже вмешательство известнейшего в Сибири врача М. Г. Курлова не помогло.

Зная острую нужду в санитарных поездах на фронте, Постников разгружает санитарный поезд № 102, который тут же пошел на Запад. К этому времени, в связи с отступлением армии, уральские города покидали служащие со всем казенным имуществом, а также обыватели, тянущие за собой многочисленные телеги с утварью, и даже рабочие промышленных предприятий. Передвигаясь по железной дороге, эти массы людей стремились найти хотя бы какую-то крышу над головой, что обострило жилищный вопрос (Рынков, 2014. С. 106). Это все усугублялось разрухой на железнодорожном транспорте, который не мог справиться со столь громадным наплывом беженцев с их грузами (Цветков, 2021. С. 124–126).

Перегрузив имущество и персонал в обычный поезд, С. Н. Постников решается выехать на узловую станцию Тайга в надежде добиться необходимых квартир, но и здесь он не получил ни указаний, ни квартир. В силу этого он решает взять инициативу на себя. Им был издан приказ двигаться на Восток, по пути исследуя крупные станции, с надеждой найти то, что подойдет для длительной работы на месте. В ходе такого путешествия выяснилось, что все сибирские города забиты до предела и добиться помещений в добровольном порядке просто невозможно (ГАРФ. Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 4. Л. 224 об.). Хорошо видна неорганизованность тыловых служб колчаковской администрации, которая действовала только с оглядкой наверх, абсолютно безынициативной, что было особенно заметно иностранцам.

Наконец, поезд добрался до крупнейшей станции Восточной Сибири – Иннокентьевской. В случае неудачи оставалось Забайкалье с атаманом Г. М. Семеновым во главе, про которого в Сибири ходила дурная слава. Видимо это сыграло не последнюю роль в активизации уполномоченного. Постников обратился к Иркутским учреждениям Красного Креста. Через них он вышел на члена ВГУ РОКК М. Г. Кушнира, который был отправлен в Иркутск для организации госпиталей и нового склада Красного Креста. Нужно сказать, что для Кушнира Челябинские госпитали оказались спасением, поскольку имелась острая необходимость в медперсонале и госпитальном оборудовании. К моменту приезда челябинцев только в вагонах санитарных поездов и летучках находилось свыше 6000 больных и раненых воинов. Разместить их было некуда, т. к. имевшиеся лечебные учреждения были полностью забиты.

Челябинские госпитали имели специальное оборудование и персонал. Большой госпиталь специализировался на хирургии, малый – на терапии. Между тем была невероятная потребность в госпитале-распределителе с мощным инфекционным отделением, поскольку значительная часть прибывающего контингента была инфицирована тифом.

Кушнир попытался развернуть Челябинские госпитали в бараках при ст. Иннокентьевской для приема и распределения инфекционных больных. Однако Постников с этим решением не согласился. Он не терял надежды, что его учреждения могут вернуться в ближайшее время на фронт. Кроме того, ему не хотелось терять штат узких специалистов, которых весьма тяжело было найти в Сибири (ГАРФ. Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 4. Л. 225).

В конечном итоге Постникову удалось отстоять специализацию госпиталей. Он нашел несколько помещений в Иркутске для реквизиции под лечебные учреждения. Однако на эти здания претендовали и другие учреждения. В итоге Красному Кресту выделили малопригодные небольшие торговые помещения, в которых и пришлось устроиться с 7 сентября 1919 г. 1-й госпиталь разместился в двух местах: в помещениях товариществ В. Морозова (60 коек) и «Проводник» (75 коек). 2-й госпиталь занял сразу три здания: помещения товариществ «Треугольник» (135 коек), Невской ниточной мануфактуры (100 коек) и художественного театра «Летучая мышь» (160 коек). Все упомянутые учреждения располагались по Большой улице (ныне – К. Маркса).

В своем докладе ВГУ РОКК в октябре 1919 г. профессор Н. Д. Бушмакин сообщал, что все эти помещения не годятся для лечебных целей. В качестве подходящего здания он называл Базановский воспитательный дом по Амурской улице, поскольку там имелся водопровод, ванны и все необходимое для размещения 300 коек. Его поддерживал управляющий санитарной службой армии контр-адмирал О. О. Рихтер. Для 80 воспитанников предлагалось здание спортивного клуба. Однако управляющий губернией П. Д. Яковлев, находившийся не на лучшем счету у колчаковского правительства, выступил резко против. Его мнение поддержал командующий Иркутским военным округом генерал-лейтенант В. В. Артемьев, обязанный Яковлеву своим назначением (Скорикова, 2007. С. 77). В силу такого сопротивления госпитали остались в неудобных помещениях, что сказывалось на результатах работы. Еще один пример неудовлетворительной работы колчаковской государственной машины. По отзыву Бушмакина, худшим зданием было помещение «Летучей мыши», откуда он предполагал в первую очередь вывезти больных. В госпиталях было занято до 600 коек инфекционными пациентами, что говорит о перегрузе учреждений. Ощущался дефицит белья и предметов ухода. Бушмакин предлагал для оптимизации объединить два учреждения в один сводный госпиталь (ГАРФ. Ф. р-1845. Оп. 1. Д. 124. Л. 15 об.). Для персонала госпиталей было выделено три комнаты в доме Патушинского на углу улиц Саломатовской (Либкнехта) и Преображенской (Тимирязева) (ГАРФ. Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 3. Л. 77).

В местных газетах уполномоченный РОКК С. Н. Постников благодарит иркутян за отзывчивость. С первых дней жители города стали делать добровольные пожертвования, которые несколько смягчали недостаток средств и материалов, приносили кипяток, чай, сахар, печенье, ягоды. «Пренебрегая опасностью заражения, многие порывались оказывать помощь личным трудом, например, по перевозке больных с повозок в госпиталь», – писал он (ГАРФ. Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 4. Л. 237). Дополнительные трудности вызывало отсутствие в городе достаточного количества топлива и теплой одежды. Приходилось всего добиваться самыми необычными способами. В основном поступления шли от Красного Креста, военного ведомства, городских властей (ГАРФ. Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 4. Л. 226 об. – 227).

Неожиданные осложнения возникли в кадровом составе. Уже в Томске С. Н. Постников вынужден был отправить зубного врача Р. А. Агузину и несколько сестер милосердия сопровождать санпоезд № 102. Они вернулись только в октябре. Из-за развернувшейся пандемии тифа несколько человек из персонала тяжело заболели. Так, в начале ноября 1919 г. больными числились зубной врач О. И. Левитто и четыре сестры милосердия из двадцати имеющихся (ГАРФ. Ф. р-1845. Оп. 1. Д. 98. Л. 37). Не пережил сыпной тиф и уполномоченный С. Н. Постников, он скончался 27 декабря. В Иркутске без средств осталась его семья. Все дела передали новому уполномоченному доктору И. П. Михайловскому (ГАРФ. Ф. р-1845. Оп. 1. Д. 37. Л. 50). В начале ноября, в связи с высокой заболеваемостью, был поставлен вопрос об организации специального отделения для женского медперсонала. Судя по отправке женщин именно в этот гос-

питаль, такое отделение действительно было организовано (ГАРФ. Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 3. Л. 85). Для пополнения кадров главный врач госпиталя делал запросы в Иркутскую Мариинскую общину Красного Креста. Уже 11-го сентября оттуда была прислана сестра милосердия Е. Ивлева, 19-го – Т. Беляевская, а 24-го – А. Иванова, Л. Россомахина и Л. Федорова (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 290. Оп. 1. Д. 58. Л. 152 об., 155, 162).

Немало проблем возникло и с санитарами. В ходе объявленной мобилизации военное ведомство, невзирая на многочисленные ходатайства, забирало вольнонаемных работников. С огромным трудом удавалось добиться получения людей, хотя бы в ограниченном количестве. Иногда прибегали к их найму в городе, но годных к работе санитарами было немного. Впрочем по отзывам руководителей Красного Креста ситуация в Иркутске была более благоприятной, чем в Западной Сибири (ГАРФ. Ф. р-1845. Оп. 1. Д. 98. Л. 183–187 об.).

Еще более угрожающее состояние возникло из-за потерь врачебного персонала, на котором держалась вся медицинская работа. Сразу по прибытию в Иркутск был вызван в Омск главный врач 2-го Челябинского госпиталя доктор Ф. В. Яблонский. Это был опытный хирург, контактировавший с Красным Крестом еще в годы своей работы в Самарской губернии. Оттуда он эвакуировался с войсками в Челябинск, где и участвовал в организации госпиталя. Он отсутствовал в самую горячую пору развертывания своего учреждения в Иркутске, но вскоре вернулся. Вынужденная работа в качестве главы инфекционного госпиталя сказалась на судьбе этого человека. В последующем он стал ассистентом терапевтической клиники Иркутского университета (Российский медицинский список…, 1916. С. 560[1]; Список медицинских врачей…, 1925. С. 779[2]).

После отъезда Яблонского главный врачом стал хирург А. Г. Бржозовский. Он имел похожую судьбу со своим предшественником: многие годы работал земским врачом в Саратовском земстве, бежал от большевиков, в последующем стал профессором хирургической клиники Астраханского мединститута (Российский медицинский список…, 1916. С. 54[1]; Список медицинских врачей…, 1925. С. 282[2]). Ввиду того, что в этот период в Челябинских госпиталях не было хирургического отделения, Бржозовский оказался не востребованным. Зато его пригласили в качестве хирурга в формирующийся Клинический госпиталь, на что он охотно согласился, оставив вместо себя врача общей практики А. А. Черкасову. Женщины-врачи редко становились во главе медицинских учреждений. Поэтому это назначение свидетельствовало об исчерпании кадрового резерва врачей в данном лечебном заведении. Многие опасались контактировать с инфекционными больными. Черкасова имела богатый опыт, поскольку работала в Обуховской больнице в столице. В последующем она вернулась в Челябинск и еще долго трудилась гинекологом в амбулатории (Российский медицинский список…, 1916. С. 661[1]; Список медицинских врачей…, 1925. С. 198[2]).

Бржозовецкий увлек с собой и часть хирургического персонала – врача М. И. Ламсадзе, фельдшерицу А. Д. Митрофанову, сестер милосердия А. П. Мазурову и В. И. Шипунову. В Иркутске к госпиталю были прикомандированы молодые женщины-врачи Е. Н. Гордеева, А. М. Каплан, С. И. Коган, В. Н. Сазонова. Практически все были выходцами с Поволжья. Состав стал почти полностью женским: фельдшерицы С. В. Каменецкая и А. А. Протопопова, сестры милосердия Е. К. Яковлева, А. В. Мысовская, К. А. Макарова, А. М. Грохульская, А. А. Петрова, П. И. Уланова, Р. И. Кузнецова, зубные врачи О. И. Левитто и О. М. Гальперин. Из мужчин был прикомандирован Н. Г. Юдин, прибывший из Якутска, к сожалению, умерший от тифа в эту зиму, а также заваптекой М. М. Лившин и аптекарский фельдшер С. И. Волков (ГАРФ. Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 4. Л. 225 об.). Черкасова смогла до приезда Яблонского пополнить персонал и по мере возможности организовать работу. В последующем кадровый состав кардинально не менялся.

[1] Российский медицинский список, изданный управлением главного врачебного инспектора МВД, на 1916 г. (Списки врачей, ветеринарных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям на апреля 1916 г.). СПб. : Тип. МВД, 1916. 668 с.

[2] Список медицинских врачей СССР (На 1 января 1924 года). М. : Издание Наркомздрава, 1925. 827 с.

Практически с самого начала госпиталь оказался забит больными с инфекционными заболеваниями. В госпитале № 1 на 14 ноября из 130 коек 113 было занято; на 14 декабря – 110 коек. Движение больных было приличным. Так, на 7 декабря в учреждении имелось 112 пациентов, за неделю прибыло 17 новых, 19 выписалось и 6 умерло. На конец недели оставалось 105 человек. Еще более внушительные цифры имелись в госпитале № 2: на 1 декабря было занято 219 коек из 232 имеющихся, за неделю прибыло 105 новых пациентов, было выписано 80 и умерло 6. На конец недели оставалось 239 человек (ГАРФ. Ф. р-1845. Оп. 1. Д. 98. Л. 33, 41, 118, 119, 122).

Неудачно сложилась судьба аптеки при Челябинских госпиталях. Во время эвакуации удалось вывезти почти все материалы и со сравнительно небольшими потерями доставить в Иркутск. Аптеку разместили вместе с канцелярией РОКК в помещении аптеки В. В. Жарникова. На месте оказалось, что все учреждения Красного Креста, включая Клинический госпиталь, не имеют аптек. Центральный склад РОКК только формировался и не мог обеспечивать все больницы. На заседании руководителей всех организаций, подведомственных ВГУ РОКК в сентябре 1919 г., С. Н. Постникову предложили предоставить возможность учреждениям Красного Креста получать медикаменты из аптеки Челябинских госпиталей. Он дал согласие при условии, что в ответ аптека будет пополняться из всех возможных источников. После совещания М. Г. Кушнир отдал устное распоряжение перевезти аптеку в помещение Яково-Александрийской общины сестер милосердия (на ул. Котельниковской), где он в это время формировал одно из отделений Центрального аптечного склада РОКК. Постников отказался передавать аптеку в чужие руки. «Я находил и нахожу совершенно невозможным разрушение налаженного уже дела… ибо в случае выезда из Иркутска, формирование в короткий срок… почти невозможно…», – писал он. В итоге Кушнир отказался отпускать медикаменты для челябинцев, и они вынуждены были вести заготовки самостоятельно, что только осложняло их существование (ГАРФ. Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 4. Л. 230 с об.). Довольно напряженные дни пережили челябинские учреждения во время декабрьских событий 1919 г. Однако после смерти Постникова и смены власти аптеку было решено все же передать Красному Кресту. Заведующий аптекой М. Лившин писал, что она находится в одном помещении с канцелярией и, учитывая поток посетителей, он не ручается за целостность всего имущества. Он обратился 18 января 1920 г. к заведующему Центральной аптеки Красного Креста и 20 числа получил согласие на прием (ГАРФ. Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 5. Л. 11–12).

В конце декабря 1919 г. – начале января 1920 г., в результате восстания в Красноярске, перестали прибывать санитарные поезда с ранеными и больными солдатами с фронта. Лечебные учреждения Красного Креста стали довольно быстро высвобождаться. Учитывая острую потребность в свободных помещениях, топливе и прочем, власти ставят вопрос об уплотнении существующих госпиталей и даже о ликвидации колчаковских учреждений, в число которых входило и ВГУ РОКК. Наскоро сформированный военно-гражданский комиссариат здравоохранения Политцентра во главе с доктором Ф. В. Гусаровым потребовал от уполномоченного ВГУ РОКК по Иркутскому району доктора И. П. Михайловского цифровые сведения о положении всех учреждений Красного Креста. 23 января Михайловский их предоставил, а также некоторые соображения по дальнейшей деятельности. Так он предлагал два Челябинских госпиталя, суммарно имеющих 500 коек, 11 врачей, 6 фельдшеров, 30 сестер милосердия, 120 санитаров, 10 разнорабочих и 7 канцеляристов, объединить в сводный госпиталь на 205 коек, где оставить 8 врачей, 2-х фельдшеров, 25 сестер милосердия, 98 санитаров, 12 рабочих и 7 канцеляристов. Оставление большого числа медперсонала объяснялось неясностью обстановки. В случае необходимости госпиталь в любой момент можно было бы развернуть. Михайловский предлагал всех больных из госпиталя № 7 перевести в Челябинский госпиталь, а высвободившиеся помещения нагорных школ вернуть для прямого использования. За Челябинским госпиталем оставить лишь помещения мануфактуры Морозова и товарищества «Проводник» (дом Ф. В. фон-Люде), высвободив помещения в домах В. В. Жарникова и А. С. Первунинского (ГАРФ. Ф. р-5000. Оп. 1. Д. 2. Л. 18–18а).

Доводы доктора И. П. Михайловского членами бюро военно-гражданского комиссариата здравоохранения были учтены. 28 января и 4 февраля 1920 г. принимается решение о расформировании ВГУ РОКК и его исполнительной комиссии. Все лечебные учреждения подлежали передаче военному ведомству, а склады Красного Креста – военно-гражданскому комиссариату здравоохранения. С 11 февраля по 8 марта работала ликвидационная комиссия, председателем которой был назначен доктор Н. Г. Юдин (ГАРФ. Ф. р-4452. Оп. 1. Д. 18. Л. 179 с об.). Как госпитали Красного Креста, челябинские учреждения перестали существовать. С вступлением 5-й Красной армии в Иркутск в марте 1920 г. все лечебные учреждения военного ведомства были переподчинены военно-санитарному управлению.

В заключение отметим, что сама по себе полезная деятельность Красного Креста не подвергалась сомнению. Советскую власть не устраивали лица, которые участвовали в его организации. Они, в основном, сохранили дореволюционную структуру и принципы действия, несмотря на то, что Первая мировая война показала неудовлетворительную организацию Красного Креста. Требовалась более оперативная и четкая система, гибко приспосабливающаяся к обстоятельствам военного времени. Это хорошо видно на примере разобранного нами материала о Челябинских госпиталях. Они показали себя с лучшей стороны в Челябинске, персонал не разбежался при первых же слухах об опасности, более того, руководство вместе с медработниками обеспечило полноценную эвакуацию из прифронтовой зоны. Далее мы видим массу просчетов, которые в итоге привели к низкой эффективности в работе этих учреждений. ВГУ РОКК, военное ведомство и в конце концов колчаковское правительство не позаботились о направлении эвакуации, обеспечении в точке прибытия помещениями и всем необходимым. Уполномоченный самостоятельно вынужден был искать выход из создавшегося положения. Вместе с тем он до последнего цеплялся за самостоятельность учреждения, что отражалось на снабжении медикаментами как иркутских, так и Челябинских госпиталей. Попытка сохранить специализацию госпиталя и персонал также ничего не дала, кроме лишней переписки и задержки в приеме инфекционных больных. Все это свидетельствует о непонимании представителями власти и части общественности значения мобильной медицинской помощи в Российской армии.

Список источников

Алексушин Г. В. Во главе Самары. Самара : Самарский дом печати, 1999. 365 с.

Асеев И. А. Гуманитарно-правовая деятельность Российского общества Красного Креста в годы Гражданской войны (1918–1920) // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2012. Т. 4. № 2. С. 180–187.

Асеев И. А. Российское общество Красного Креста в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.): гуманитарно-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 183–185.

Батоев С. Д. Верхнеудинский лазарет Красного Креста в истории здравоохранения Забайкалья (1904–1924 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 1. С. 21–34.

Вторушин М. И. Чехословацкий корпус в Гражданскую войну на Востоке России // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 1. С. 21–26.

Голотик С. И., Ипполитов С. С. Российское общество Красного Креста (1917 – 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 237–250.

References

Aleksushin G. V. (1999) At the head of Samara. Samara: Samara Printing House Publ. 365 p. (In Russ.).

Aseyev I. A. (2012) Humanitarian and legal activities of the Russian Red Cross Society during the Civil War (1918-1920). *Aktualnyye problemy prava i gosudarstva v XXI veke = Actual problems of law and state in the XXI century*. Vol. 4. No. 2. P. 180-187. (In Russ.).

Aseyev I. A. (2016) Russian Red Cross Society during the Civil War (1918-1920): Humanitarian and Legal Aspect. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal = Eurasian Law Journal*. No. 2 (93). P. 183-185. (In Russ.).

Batoyev S. D. (2016) Verkhneudinsky Red Cross infirmary in the history of healthcare in Transbaikalia (1904-1924). *Lokus: lyudi, obshchestvo, kultury, smysly = Locus: people, society, cultures, meanings*. No. 1. P. 21-34. (In Russ.).

Vtorushin M. I. (2017) The Czechoslovak Corps in the Civil War in the East of Russia. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*. No. 1. P. 21-26. (In Russ.).

Golotik S. I. [i dr.] (2001) Russian Red Cross Society (1917 - 30s). *Novyy istoricheskiy vestnik = New Historical Bulletin*. No. 2 (4). P. 237-250. (In Russ.).

Ипполитов С. С. Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1918–1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. № 1 (35). С. 56–68.

Ипполитов С. С. «Я видел мертвых…»: Российское общество Красного Креста и Американский Красный Крест в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. // Россия и современный мир. 2018. № 1 (98). С. 100–112.

Калинкина Е. А. Ф. Т. Розенгауз – врач и общественный деятель // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. Т. 1. № 1. С. 125–131.

Мячина Е. В. Организация медико-санитарного обслуживания армии адмирала А. В. Колчака в 1918–1919 гг. // Известия АлГУ. 2010. № 4–2 (68). С. 171–173.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : Росспэн, 2001. 632 с.

Ореховский В. О. Деятельность Российского общества Красного Креста в 1917–1921 гг. // Парадигма пізнання: гуманітарні питання. 2015. № 1 (4). С. 16–30.

Островкин Д. Л. Становление советских органов здравоохранения на Урале и их роль в преодолении эпидемий в регионе в годы революции и Гражданской войны (1917 – начала 1921 гг.) // Вестник Академии наук Башкортостана. 2019. Т. 32. № 3 (95). С. 81–91.

Рынков В. М. Санитарно-медицинские службы на Востоке России в антибольшевистский период Гражданской войны (вторая пол. 1918 – 1919 гг.) // Чтения памяти проф. Е. П. Сычевского: сборник докладов. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. Вып. 7. С. 232–249.

Рынков В. М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на Востоке России в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 101–115.

Семячкова В. В. Деятельность Уральских комитетов Российского общества Красного Креста в период русско-японской войны 1904–1905 гг. // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 45–48.

Скорикова Н. А. Политика Управляющего Иркутской губернией П. Д. Яковлева на последнем этапе борьбы с колчаковщиной // Вестник Ирутского государственного технического университета. 2007. № 1 (29). С. 76–81.

Ippolitov S. S. (2013) Russian Red Cross Society in Siberia and the Far East: Organization and Assistance to the Army and the Population (1918-1920). *Novyy istoricheskiy vestnik = New Historical Bulletin*. No. 1 (35). P. 56-68. (In Russ.).

Ippolitov S. S. (2018) “I Saw the Dead…”: The Russian Red Cross Society and the American Red Cross in Siberia and the Far East in 1918-1920. *Rossiya i sovremennyy mir = Russia and the modern world*. No. 1 (98). P. 100-112. (In Russ.).

Kalinkina Y. A. (2000) F. T. Rosengauz - doctor and public figure. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. Vol. 1. No. 1. P. 125-131. (In Russ.).

Myachina Y. V. (2010) Organization of medical and sanitary services for the army of Admiral A. V. Kolchak in 1918-1919. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*. No. 4-2 (68). P. 171-173. (In Russ.).

Narskiy I. V. (2001) Life in a disaster: Everyday life of the population of the Urals in 1917-1922. Moscow: Rosspen. 632 p. (In Russ.).

Orekhovskiy V. O. (2015) Activities of the Russian Red Cross Society in 1917-1921. *Paradigma piznannya: gumanitarni pitannya = The paradigm of knowledge: humanitarian nutrition*. No. 1 (4). P. 16-30. (In Russ.).

Ostrovkin D. L. (2019) Formation of Soviet health authorities in the Urals and their role in overcoming epidemics in the region during the Revolution and the Civil War (1917 - early 1921). *Vestnik Akademii nauk Bashkortostana = Bulletin of the Academy of Sciences of Bashkortostan*. Vol. 32. No. 3 (95). P. 81-91. (In Russ.).

Rynkov V. M. (2007) Sanitary-medical services in the East of Russia during the anti-Bolshevik period of the Civil War (second half of 1918 - 1919). *Chteniya pamyati prof. Y. P. Sychevskogo: sbornik dokladov = Readings in memory of prof. E. P. Sychevsky: collection of reports*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. Iss. 7. P. 232-249. (In Russ.).

Rynkov V. M. (2014) “Siberian run”: forced migrations in the east of Russia during the Civil War (1918-1922). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = News of Irkutsk State University. Series: History*. Vol. 9. P. 101-115. (In Russ.).

Semyachkova V. V. (2009) Activities of the Ural Committees of the Russian Red Cross Society during the Russian-Japanese War of 1904-1905. *Uralskiy istoricheskiy vestnik = Ural Historical Bulletin*. No. 3 (24). P. 45-48. (In Russ.).

Skorikova N. A. (2007) The policy of the Governor of the Irkutsk province P. D. Yakovlev at the last stage of the fight against Kolchak region. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta = Proceedings of Irkutsk State Technical University.* No. 1 (29). P. 76-81. (In Russ.).

Скробов В. С. Военное поражение контрреволюции на Урале (ноябрь 1917 – август 1919 г.) // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 147–168.

Цветков В. Ж. «… Паровозы замерзнут, надвигается голод, появился сыпняк…»: Железные дороги Великого Сибирского похода: 1919–1920 гг. // История и архивы. 2021. № 1. С. 121–138.

Шапошников Г. Н. Медицина на территории белых правительств Западного и Среднего Урала // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 1. С. 39–46.

Яньшин Л. А. К истории медицинского обеспечения войск белого движения на Востоке России (1918–1920 гг.) // Военно-медицинский журнал. 2014. Т. 335. № 7. С. 55–63.

Skrobov V. S. (2006) Military defeat of the counter-revolution in the Urals (November 1917 - August 1919). *Rossiya i ATR = Russia and the APR*. No. 4. P. 147-168. (In Russ.).

Tsvetkov V. Zh. (2021) "… The locomotives will freeze, hunger is approaching, a sypnyak has appeared …": Railways of the Great Siberian campaign: 1919-1920. *Istoriya i arkhivy = History and archives*. No. 1. P. 121-138. (In Russ.).

Shaposhnikov G. N. (2020) Medicine on the territory of the White governments of the Western and Middle Urals. *Istoriya i sovremennoye mirovozzreniye = History and modern worldview*. Vol. 2. No. 1. P. 39-46. (In Russ.).

Yanshin L. A. (2014) On the history of medical support for the troops of the White movement in the east of Russia (1918-1920). *Voyenno-meditsinskiy zhurnal = Military Medical Journal*. Vol. 335. No. 7. P. 55-63. (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Шаламов – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия.

Information about the author

V. A. Shalamov – Cand. Sci (History), Associate Professor Department of the History of Russia,
Irkutsk state University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia.

Вклад автора

Шаламов В. А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Shalamov V. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 4 июля 2021 г.; одобрена после рецензирования 10 августа 2021 г.; принята к публикации 30 августа 2021 г.

Article info

The article was submitted July 4, 2021; approved after reviewing August 10, 2021; accepted for publication August 30, 2021.

Научная статья
УДК 94(437)(57)«1914/20»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-199-207

Боевые действия в Восточной Сибири и Куйтунское соглашение 7 февраля 1920 г.

Юрий Александрович Петрушин[1], Денис Владиславович Воронцов[2]

[1] Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутск, Россия,
yurypetrushin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3993-5498
[2] Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия,
vorontsov_uu@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3414-5887

Аннотация. В статье рассматривается Куйтунское соглашение 7 февраля 1920 г. между властями Советской России и командованием Чехословацкого корпуса на широком фоне предшествующих событий, а также учитывается историографический контекст. Первая мировая война потребовала от России чрезвычайных усилий и ранее невиданного напряжения. Поэтому была востребована любая помощь, и исключительное значение приобретали союзники. Показано, что Чехословацкий корпус изначально создавался для борьбы с Австро-Венгрией и Германией, но в 1918–1920 гг. сражался с Красной гвардией, красными партизанами и Красной армией в Сибири. Чехословацкие легионеры были союзниками антибольшевистских («белых») русских сил, но преследовали свои собственные цели – выжить и живыми вернуться домой. Ход Гражданской войны в России в 1920 г. показал неготовность большевиков противостоять национальным армиям, вскрыв ложность претензий классового подхода на общемировую универсальность. Рассмотрены кадровые перестановки в командовании 5-й Красной армии и роль белых военачальников. Обзорно рассмотрены как боевые действия под Красноярском, Нижнеудинском, г. Зима и Иркутском, так и финальный уход белых за Байкал, также кратко охарактеризовано поведение местного населения. 7 февраля 1920 г. в 9 часов по московскому времени на станции Куйтун было подписано мирное соглашение между Правительством РСФСР и Командованием Чехословацкого корпуса. Предусматривалась нейтральная зона между чехословацким арьергардом и советским авангардом на расстоянии от депо до депо. Боевые действия в нейтральной зоне не допускались. Все железнодорожные сооружения следовало передавать в сохранности советской стороне, подвижной состав возвращать. Для контроля назначалась совместная комиссия. Заключенное в Куйтуне соглашение явилось позитивным шагом, удалось сохранить многие жизни. Чехи получили возможность эвакуироваться через Владивосток на родину.

Ключевые слова: Россия, Чехословацкий корпус, Первая мировая война, Гражданская война, Восточная Сибирь, белые войска, Красная армия, В. О. Каппель, С. Н. Войцеховский, станция Куйтун, Иркутская губерния, мирное соглашение, боевые действия

Для цитирования: Петрушин Ю. А., Воронцов Д. В. Боевые действия в Восточной Сибири и Куйтунское соглашение 7 февраля 1920 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 199–207. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-199-207.

Original article

Fighting in Eastern Siberia and the Kuitun Agreement on February 7, 1920

Yurii A. Petrushin[1], Denis V. Vorontsov[2]

[1] Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia, yurypetrushin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3993-5498
[2] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia,
vorontsov_uu@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3414-5887

Abstract. The article reveals the Kuitun Agreement of February 7, 1920 between the authorities of Soviet Russia and the command of the Czechoslovak Corps on the broad background of previous events, and also takes into account the historiographical context. The First World War required extraordinary efforts and unprecedented tension from Russia. Therefore, any help was in demand, and allies gained exceptional importance. It is shown that the Czechoslovak Corps unit under consideration was initially created to fight against Austria-Hungary and Germany, but in 1918–1920 fought with the Red Guards, the Red Partisans and the Red Army in Siberia. Czechoslovak legionaries were allies of anti-Bolshevik ("White") Russian forces, but pur-

© Петрушин Ю. А., Воронцов Д. В., 2021

sued their own goals – to survive and return alive. The course of the Civil War in Russia in 1920 showed the unwillingness of the Bolsheviks to resist the national armies, revealing the falsity of the claims of the class approach to global universality. Personnel changes in the command of the 5th Red Army and the role of White military leaders are considered. Both the fightings near Krasnoyarsk, Nizhneudinsk, Zima and Irkutsk, as well as the final departure of the Whites behind Lake Baikal, are reviewed, and the behavior of the local population is also briefly characterized. February 7, 1920 at 9 o'clock Moscow time, a peace agreement was signed at Kuytun station between the government of the RSFSR and the Czechoslovak troops. A neutral zone was envisaged between the Czechoslovak rearguard and the Soviet vanguard at a distance from depot to depot. Fighting in the neutral zone was not allowed. All railway structures should have been handed over to the Soviet side in safety, and the rolling stock should have been returned. A joint commission was appointed for control. The agreement concluded in Kuitun was a positive step, many lives were saved. The Czechs were able to evacuate through Vladivostok to their homeland.

Keywords: Russia, Czechoslovak Corps, World War I, Civil War, Eastern Siberia, White troops, Red Army, V. O. Kappel, S. N. Wojciechowski, Kuitun station, Irkutsk province, peace agreement, fighting

For citation: Petrushin Yu. A., Vorontsov D. V. (2021) Fighting in Eastern Siberia and the Kuitun Agreement on February 7, 1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 199-207. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-199-207.

В ясные морозные дни февраля 1920 г. на куйтунской земле произошли события, значимо вошедшие в историю Гражданской войны в Сибири и ставшие важным рубежом в истории России и Чехословакии – «Куйтунское соглашение» (Куйтунское соглашение…, 1983). Данная статья призвана рассмотреть этот договор между властями Советской России и Командованием чехословацкого корпуса на широком фоне предшествующих военных событий и боевых действий, принципиально учитывая историографический контекст (Гинс, 1921; Курас, 2008).

Повсеместно названная современниками «Великой», а в России объявленная «Второй Отечественной», Первая мировая война потребовала от нашей страны чрезвычайных усилий и ранее невиданного напряжения. До 1 800 000 солдат и офицеров русской армии отдали в ней свои жизни. Поэтому, как никогда, была востребована любая помощь, и в этой ситуации исключительное значение приобретали союзники. Чехи и словаки добивались независимости от Австро-Венгерской империи, бывшей одновременно и противником России. Идея славянского братства дополнилась взаимными прагматичными расчетами.

Проживавшие до войны в России чехи и словаки создали в октябре 1914 г. национальный батальон – «Чешскую дружину», насчитывавшую 26 русских офицеров, 744 чешских и 133 русских солдата. Действуя в составе Русской императорской армии, дружина в феврале 1916 г. развернулась в Чехословацкий полк, затем в бригаду в 5000 бойцов. Напротив чехи и словаки, призванные в австро-венгерскую армию, массово сдавались русским войскам, усиливая их успехи и уменьшая потери. Так, в полном составе капитулировали 28-й и 36-й полки. Часть подобным образом сдавшихся с 1915 г. добровольно вступила в Русскую армию.

Отметим, что власти Российской империи относилось к сепаратизму даже в стане противника весьма настороженно, а решение о развертывание Чехословацкой бригады в 1916 г. стало расчетливым ответом на формирование в Австро-Венгрии еще в 1914 г. трех бригад польских легионеров. Предполагается, что Россия планировала присоединить Словакию, а в Богемии образовать союзное королевство.

При этом если Чешская дружина выполняла задачи разведки и пропаганды, то Чехословацкая стрелковая бригада полковника Троянова вела уже полномасштабные боевые действия, опрокинув у г. Зборов на Украине в июне 1917 г. втрое сильнейшего противника, пленив 62 офицера и 3150 солдат, захватив 21 орудие, 40 пулеметов, а сама потеряла 185 бойцов убитыми и 800 ранеными. В награду бригаду было решено развернуть в корпус, а ее полки получили названия и Георгиевские ленты на знамена.

В конце мая 1918 г. Чехословацкий корпус, возглавляемый русскими генералами и офицерами, выступил против большевиков. Это позволило антибольшевистским силам выйти из подполья и сформировать Сибирскую армию. Совместными усилиями этой армии и корпуса в июне – августе

1918 г. Советская власть в Сибири была свергнута (Новиков, 2005. С. 63–99; Новиков, 2018. С. 32–33). Значимым вкладом в это достижение стали бои чехов и словаков с Красной гвардией в Иркутске 26 мая 1918 г., 15 июля у д. Култук, 6 августа у станции Мурино, 8 мая 1919 г. с партизанами в Тайшете. Убитые и умершие в этих боях чехословаки были похоронены в Иркутске.

Таким образом Чехословацкий корпус изначально создавался для борьбы с Австро-Венгрией и Германией, но в 1918–1920 гг. сражался уже с Красной гвардией, красными партизанами и Красной армией в Сибири. Чехословацкие легионеры были союзниками антибольшевистских («белых») русских сил, но преследовали свои собственные цели – выжить и живыми вернуться домой (Kutílkové, 2003; Baxa, 2016; Baxa, 2017).

В Пекине в 1921 г. были изданы воспоминания Г. К. Гинса. В главе 28 «Уроки интервенции» он писал: «Роковая затяжка гражданской войны произошла из-за оставления чехами фронта в период, когда силы красных легко могли быть сломлены. Развал тыла в немалой степени обязан пассивности интервентов в отношении к внутренним большевикам…» (Гинс, 1921. С. 587–588). Схожие оценки давал и генерал К. В. Сахаров, публиковавшийся с 1923 г. в Германии (Сахаров, 1923). Обширна и чехословацкая историография (Skácel, 1923; Skácel, 1926; Скацель, 2018).

По нашему мнению, ход Гражданской войны в России в период с осени 1919 г. по осень 1920 г. показал неготовность большевиков «бросать вызов» национальным армиям, вскрыв ложность претензий классового подхода на общемировую универсальность. Военно-организационные мероприятия большевиков в начале 1920 г. отложили широкомасштабную победу в Гражданской войне (Воронцов, 2021. С. 252).

Но вернемся в Восточную Сибирь. Наступивший 1920 год принес жителям новые волнения и тревоги. Широкомасштабная Гражданская война вторично (первый раз летом 1918 г.) пришла в Восточную Сибирь. Под ударами Красной армии колчаковцы и чехи откатывались на восток.

По мнению современного исследователя Р. А. Бадикова, отходя от Новониколаевска и Томска белые еще имели шанс остановить красных на рубеже Енисея (Бадиков, 2017. С. 239)[1]. Сохранились распоряжения А. В. Колчака об отводе за Енисей ввиду утраты устойчивости войск. Красноярская операция в исторической литературе именуется «Красноярской катастрофой» (белых), а Бадиков называет ее «Седаном» колчаковской армии, ставшей смертельным ударом для антибольшевистской диктатуры, претендовавшей на общероссийское значение.

Боевые действия проходили в тяжелейших погодных условиях (морозы до -35 градусов, глубокий снег, бураны) и в малоосвоенной местности (бездорожье, обилие таежных и болотистых пространств), а также масштабной эпидемии тифа.

По оценкам Р. А. Бадикова, предметно изучившего документы управлений Восточного фронта и 5-й армии, разработку планов боевых операций (до Красноярской включительно) вело именно фронтовое командование (командующий Восточным фронтом В. А. Ольдерогге и начальник штаба фронта В. Е. Гарф). Сменивший 25 ноября 1919 г. М. Н. Тухачевского во главе 5-й армии Г. Х. Эйхе (ранее командовал 26-й стрелковой дивизией) лишь детализировал распоряжения фронтовой инстанции (вскоре, 15 января 1920 г., упраздненной), но выступил инициатором ряда кадровых решений, санкционировав их с высшими партийными властями (Бадиков, 2015; Бадиков, 2016). В итоге если сотрудники штаба 5-й армии (И. Н. Устичев, Н. В. Яковский, Е. О. де Монфор и другие) продолжили службу на прежних должностях (начальник штаба Ивасиов умер 20 декабря 1919 г.), то на уровне четырех начальников (26-й, 27-й, 30-й и 35-й) наступающих дивизий последовательно замена проведена в трех (26-й, 27-й и 30-й). Кадровые перестановки не коснулись и начальников, выведенных в резерв еще в ноябре 1919 г. 5-й и 51-й дивизий и формируемой под Омском 62-й стрелковой дивизии. Не оказалось претензий и к возглавлявшему 35-ю дивизию латышу К. А. Нейману.

[1] Бадиков Р. А. Военно-управленческая деятельность Г. Х. Эйхе в период Гражданской войны на востоке России (1918–1921 гг.): дисс. … канд. ист. наук. Челябинск, 2017. 410 с.

Начальником 26-й стрелковой дивизии Эйхе 26 ноября 1919 г. назначил латыша Я. П. Гайлита. Весьма характерным для советской политической практики (на словах классовой, а в данном примере откровенно этнократичной) является снятие с должностей начальников 27-й и 30-й дивизий, бывших подполковников русской армии И. Ф. Блажевича (с 7 марта 1920 г. начальник 59-й стрелковой дивизии, действовавшей в составе Семипалатинской группы войск против сил атамана Б. В. Анненкова) и Е. Н. Сергеева (стал начальником штаба 3-й армии, преобразованной в 1-ю (Уральскую) трудовую), которые были заменены соответственно литовцем В. К. Путной и латышом А. Я. Лапиным. Таким образом дивизии 5-й армии возглавили преимущественно представители балтийского «землячества».

4 января 1920 г. части 2-й белой армии подошли к станции Минино в 30 км от Красноярска, здесь расположился штаб генерала В. О. Каппеля. Было решено брать Красноярск с боем. Действиями руководил командующий генерал С. Н. Войцеховский. Группа генерала Г. Вержбицкого, ночевавшая в селе Зеледеево, получила задачу атаковать Красноярск с севера (Пучков, 2004. С. 270).

Как отмечает красноярский историк А. Мармышев, группа Петрова смогла выставить около 2400 бойцов, кавалерийская дивизия насчитывала 500 шашек. Главной ударной силой стали 680 ижевцев (Мармышев, Елисеенко, 2008. С. 228). Им противостоял красноярский гарнизон численностью 8 тысяч пехоты, 200 кавалеристов, 40 пулеметов и 5 артиллерийских батарей.

5 января на рассвете конные части 2-й армии с западного направления атаковали Красноярск. Однако, по словам генерала П. Петрова, войска продвигались крайне медленно, а 1-я кавалерийская дивизия завязла в снегу. Части генерала Г. Вержбицкого не поддержали атаку и весь день простояли у села Зеледеево. Однако, несмотря на это, группа генерала П. Петрова сумела занять железнодорожный переезд и Алексеевскую слободу. Защитники Красноярска бросили против ижевцев последние резервы. Артиллерийские части сделали несколько выстрелов и прекратили огонь. Казалось бы, город вот-вот будет взят. Но на путях наступающих белых войск неожиданно появился бронепоезд, на котором развивался красный флаг. Позже оказалось, что бронепоезд был польский. Бронепоезд внес смятение в ряды атакующих. Артиллерия красных открыла усиленный огонь, полковник И. Макри отдал приказ об отходе.

Генерал П. Петров готовил новую атаку, однако вечером стало известно о приближении регулярных частей Красной армии. Белые войска оказались под угрозой полного окружения. Белое командование опасалось, что бои под Красноярском затянутся. Неуверенность в успехе побудила генерала В. О. Каппеля обойти Красноярск с севера. 6 января 1920 г. каппелевцы вышли со станции Минино в направлении деревни Дрокино, но там уже находились красные. Завязался упорный бой, длившийся несколько часов. Сражение едва не закончилось окружением и гибелью всей армии, но 2-я и 4-я Уфимские дивизии помешали красным перерезать пути отхода, а Красноярский гарнизон не предпринял усилий по окружению группировки Каппеля. По словам советского историка Л. М. Спирина, «бой был яростный, белогвардейцы были окружены со всех сторон, но оказали ожесточенное сопротивление, местами переходя в контратаки» (Спирин, 1957. С. 366). Уже к 15 часам к деревне Темерино подошла 4-я Уфимская дивизия, а в ночь на 7 января в село Есаулово пробилась вся группа генерала Войцеховского (Ефимов, 2004. С. 348–349). Однако командование уже утратило контроль над распадающейся армией.

Многие предпочли сдаться большевикам и Красноярская тюрьма к вечеру 6 января была полна пленных. В это время вечером 6 января к Красноярску подошла 3-я армия генерала С. Н. Барышникова. На совещании штаба армии было принято решение обходить Красноярск с севера. Генерал В. М. Молчанов вместе с частями Ижевской дивизии и остальными частями 3-й армии двинулись на север. Вновь возле деревни Дрокино завязался ожесточенный бой. Село охранял кавалерийский эскадрон 269-го Богоявленского стрелкового полка. Красное охранение было быстро сбито и едва не выбито полностью из поселка. Ижевский конный полк захватил несколько повозок с золотом.

Утром 7 января части 3-й армии достигли села Частоостровское, где встретились и снова соединились с частями 2-й армии. Связь 3-й армии с гене-

ралом В. О. Каппелем была восстановлена. Тем не менее белые мемуаристы сражение под Красноярском называют катастрофой и признают, что вместе с беженцами в плен к красным сдалось около 60 тысяч человек. По данным советских историков, в плен сдалось 50 тысяч человек, захвачено 200 орудий, 100 паровозов. После этой катастрофы остатки колчаковских войск не представляли серьезной угрозы для Красной армии. Основная же группа белых, решившая продолжать борьбу, двинулась на восток по реке Кан.

Переговоры о перемирии начались по инициативе чехословацкой стороны в январе 1920 г. в Красноярске, когда чехи почувствовали первые мощные удары Красной армии. При условии разоружения чехословацким войскам гарантировались неприкосновенность и возвращение на родину. Чехословацкое командование отклонило эти условия. 21 января 1920 г. командование Красной армии сняло свое требование сдачи оружия, но переговоры не состоялись.

Одновременно отступающие белые рассеяли небольшой заслон красных у станции Ук и заняли город Нижнеудинск, где получили кратковременный отдых. Состояние генерала В. О. Каппеля резко ухудшилось и фактическое командование войсками взял на себя генерал С. Н. Войцеховский, которого Каппель назначил своим заместителем. 23 января В. О. Каппель созвал военное совещание, на котором было принято решение «двигаться двумя колоннами армиями на Иркутск, чтобы по возможности внезапно овладеть городом, освободить Верховного правителя, золотой запас, а затем, установив соединение с Забайкальем, пополнить и снабдить белые части в Иркутске, занять западнее Иркутска боевой фронт» (Новиков, 2005. С. 194). Главнокомандующим 2-й армии был назначен генерал Г. Вержбицкий, а 3-й армией – генерал К. В. Сахаров (Пучков, 2004. С. 283).

26 января 1920 г. на разъезде Утай чуть западнее Тулуна главнокомандующий белыми войскам В. О. Каппель умер от воспаления легких. Смерть его потрясла белые войска. Его останки будет следовать с отступающими вплоть до окончания всего Великого Сибирского похода в Чите, а оттуда будут вывезены в Харбин (прах перезахоронен в Москве в декабре 2006 г.) (Гагкуев, 2007. С. 111). Войска возглавил генерал-майор С. Н. Войцеховский. В память командующего белые войска стали (до 25000 чел.) именовать себя «каппелевцами».

Военная ситуация в Иркутской губернии была сложной. Железная дорога от Нижнеудинска до Иркутска, относившаяся к Томской железной дороге, находилась под контролем чехов. Вдоль железной дороги по Московскому тракту отступали белые. Разъезды каппелевцев рыскали далеко от столбовой дороги и, если не встречали отпора партизан, то вели себя по отношению к мирному населению жестко и бесцеремонно. Крестьяне прятали дочерей, угоняли скот на дальние таежные заимки, скрывали фураж и продовольствие. Хозяйственная жизнь в Куйтунской волости на время замерла. Прекратилась торговля, закрывались лавки. Прервалось торговое сообщение по Жигаловскому тракту, ведущему на золотые прииски. Притаежную тишину нарушали лишь гудки паровозов, да днем колокольный звон местных церквей (Петрушин, 2008. С. 82; Петрушин, 2017).

В связи с приближением «каппелевцев» Иркутский военно-революционный комитет, отстранивший от власти Политцентр, оказался в трудном положении. Было решено направить против каппелевцев западную группу Восточно-Сибирской Красной армии во главе с А. Г. Нестеровым из 1300 человек при двух 76-мм орудиях, а также партизанские отряды численностью около 1200 человек: 1-й Ангарский полк под командованием Т. С. Игнатова и 3-й Илимский С. С. Куклина. Всего западная группа насчитывала около 2500 человек.

30 января 1920 г. белые части приближались к станции Зима, где их поджидала Западная группа советских войск. Утром белые – 3-я Иркутская и 15-я Воткинская стрелковые дивизии под командованием полковника В. А. Ракитина, выступили к деревне Ухтуй (2–3 версты к северо-западу от Зимы).

К 12 часам дня белые начали наступление на успевших окопаться красных. Завязался бой, который продолжался более пяти часов. Полковник В. А. Ракитин отправил для удара в левый фланг красным 11-й Нижнеудинский стрелковый полк. Бойцы западной группы дрогнули, резервов на парирование удара у них не осталось. В результате советские части начали отступать к станции Зима, где находились чехословаки, которые по приказу

начальника 3-й чешской дивизии Л. Прхалы разоружили часть беглецов. В результате западная группа была разгромлена и ее остатки отступили.

Незадолго до этого чехи после потерь, понесенных от красных под Нижнеудинском, возобновили переговоры. Чешское командование и политический уполномоченный правительства чехословаков доктор Благож предложили Иркутскому ревкому послать на фронт навстречу авангарду 5-й армии смешанную делегацию для заключения мирного договора. Иркутский военно-революционный комитет принял это предложение. Была сформирована мирная делегация. В нее вошли от чехословацкой стороны поручик Губ, от большевистского партийного комитета В. В. Рябиков (он оставил об этом интересные воспоминания) (Рябиков, 1949. С. 174–184) и представитель ревкома.

Охранная грамота поручику Губ была выдана доктором Благожем, который находился в Иркутске и представлял Чехословацкую республику. Вагон делегатов на фронт прицепили в хвост грузового состава. Всего в вагоне ехало 9 человек с проводником и охраной. Делегатов снабдили сухим пайком (хлебом и консервами). С собой они взяли пропагандистскую литературу на чешском языке. Начало поездки было благоприятным. Поручик Губ оказался общительным человеком. Но когда заходил разговор и споры о политической ситуации, среди делегатов возникала напряженность. На остановках в вагон заходили представители местных партийных организации и рабочие железнодорожных депо. Они рассказывали о боевых стычках каппелевцев с отрядами рабочих и партизан, о зверствах отступающих белых. Из окна вагона делегаты видели многочисленные обозы отступающих колчаковцев. Активизировались партизанские группы в Куйтунской волости, насчитывавшие чуть более 100 бойцов.

На станции Зима каппелевцы попытались арестовать делегацию, но чехи не дали этого сделать. При приближении к фронту обстановка накалялась. Колчаковцы явно не хотели мира, выхода чехов из войны. На одной из станций вагон был разгромлен, исчезла вся политическая литература, уведена охрана. Увеличивались задержки на станциях. Только к 1 февраля делегация прибыла на станцию Нюра. Дальше делегаты до Тулуна двигались пешком вдоль железнодорожной насыпи, по тайге.

В Тулуне начались переговоры о мире с чехами с членами Реввоенсовета 5-й армии. Реввоенсовет имел рекомендации В. И. Ленина заключить мирный договор с чехами. Он был необходим и Красной армии, ведущей боевые действия на два фронта. Делегация согласовала основные пункты мирного договора и вернулась назад, на восток, догонять чешский арьергард, чтобы согласовать условия мирного договора и передать информацию и проект договора в Иркутск. Встреча с чехами произошла на станции Куйтун, промежуточном пункте между Тулуном и г. Зима (Рябиков, 1949).

К этому времени в селе Куйтун было 375 дворов, проживали 2206 человек. Более 100 жителей занимались извозом. В Куйтуне располагалось волостное правление, школа, 10 питейных заведений, семь лавок, три мельницы, три кузницы. С проведением железной дороги в 3,6 км южнее села Куйтун была построена станция 5-го класса с почтой, сберегательной кассой, буфетом на вокзале. При станции начал расти станционный поселок, соединенный с селом шоссированной дорогой (Петрушин, 2017). Здесь-то и было подписано 7 февраля 1920 г. в 9 часов по московскому времени мирное соглашение между Правительством РСФСР и Командованием чехословацкого корпуса.

Предусматривалась нейтральная зона между арьергардом чехословацких и авангардом советских войск на расстоянии от депо до депо. Боевые действия в нейтральной зоне не допускались. Нейтральная зона определялась расстоянием от станций Зима – Половина – Иннокентьевская – Слюдянка – Мысовая и следующими деповскими станциями. Чешское командование обязывалось быстро продвигаться на восток. Для четкой организации движения к чехам прикреплялся представитель Реввоенсовета 5-й армии. Реввоенсовет 5-й армии также командировал в Черемхово своего представителя, как и чешское командование, чтобы поднять добычу угля и распределять его для чешских эшелонов.

Основными требованиями к чехам были оставить адмирала Колчака, его имущество и сторонников, а также золотой запас Иркутскому ревкому и не вмешиваться в его действия. Чехи должны

были следовать на восток в составе войсковых соединений под общим союзным командованием.

Все мосты, водокачки, железнодорожные постройки и туннели следовало передавать в сохранности местным советским властям, подвижной состав возвращать. Для контроля назначалась комиссия – по 2 представителя с обеих сторон. Представители являлись неприкосновенными и имели право беспрепятственно пользоваться телеграфом для связи со своим штабом.

Чехи, румыны, латыши и юго-славяне, по не зависящим от них причинам оставшиеся на территории Советской России, уходят вместе с последним эшелонами. Соглашение вступало в силу с момента подписание его членами Реввоенсовета 5-й армии Н. Н. Смирновым и представителем чехословацких войск поручиком Губ. (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 308. Л. 53–54).

Вернемся к движению каппелевцев. 6 февраля 1920 г. конный авангард 2-й армии под командованием генерала Г. А. Вержбицкого безуспешно пытался взять села Олонки и Пономарево, пытаясь прорваться на Александровский тракт. Когда белая армия приближалась к Иркутску, генерал С. Н. Войцеховский выдвинул его гарнизону ультиматум, в котором он обещал не штурмовать город, если будут выполнены следующие условия: освобождение Верховного правителя, выдача золотого запаса, удовлетворение войск одеждой и продовольствием. Около 5 часов утра 7 февраля большевики расстреляли А. В. Колчака и премьер-министра В. Н. Пепеляева.

Вечером 7 февраля авангард 3-й белой армии занял станцию Иннокентьевскую (6 км западнее Иркутска), захватив 2 орудия и обоз красных, пытавшийся вывозить военное имущество с обширных складов. Каппелевцы начали подготовку к штурму Иркутска. Генерал С. Н. Войцеховский назначил атаку на 12 часов следующего дня, было послано распоряжение во 2-ю армию наступать на Иркутск с севера. Однако утром чехословаки потребовали не занимать Глазковское предместье и не преследовать железнодорожников, угрожая при неисполнении атаковать белых.

В Иннокентьевской Войцеховский собрал военный совет. Практически все собравшиеся высказались против штурма Иркутска, идею атаки города поддержали лишь командир Енисейской казачьей бригады генерал-майор А. И. Феофилов и командующий 3-й армией генерал-лейтенант К. В. Сахаров, остальные высказывались за обход Иркутска и уход в Забайкалье. В итоге генерал С. Н. Войцеховский отдал приказ о дальнейшем движении в обход Иркутска с юга. В 23 часа 8 февраля 1920 г. каппелевцы начали движение двумя колоннами, впереди шла 3-я армия. Войска следовали вдоль железной дороги и, не доходя до Глазковского предместья, направились в направлении села Смоленское (ныне Смоленщина). К 19 часам 9 февраля каппелевцы достигли села Лиственичное на берегу Байкала. Далее белые колонны проследовали в село Большое Голоустное. 11–12 февраля 1920 г. остатки белой армии начали переходить через замерзший Байкал.

* * * * *

Заключенное в Куйтуне соглашение явилось позитивным шагом в решении самых сложных вопросов военного времени. Удалось сохранить жизни многих воюющих с обеих сторон. Чехи получили возможность эвакуироваться через Владивосток на родину. 23 февраля авангард 5-й Красной армии – 30-я стрелковая дивизия вошла на станцию Иннокентьевская (Иркутск-Сортировочный), а 7 марта ее встречал Иркутск. С эвакуацией Чехословацкого корпуса из Владивостока (осень 1920 г.) Куйтунское соглашение, в основном соблюдавшееся обеими сторонами, утратило свою силу.

Список источников

Бадиков Р. А. Генрих Христофорович Эйхе // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 45–59.

Бадиков Р. А. Застарелая «болезнь» предубежденного отношения к партизанам. Взаимоотношения командующего 5-й армией РККА Г. Х. Эйхе и повстанческого контингента Западной Сибири (1919–1920 гг.) // Вест-

References

Badikov R. A. (2015) Heinrich Khristoforovich Eikhe. *Voprosy istorii = Questions of History.* No. 1. P. 45-59. (In Russ.).

Badikov R. A. (2016) The old “disease” of a prejudiced attitude towards the partisans. The relationship between the commander of the 5th Army of the Red Army G. H. Eikhe and the insurgent contingent of Western Siberia

ник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 70–75.

Ваха Д. Бытовая повседневность чехословацкого корпуса в 1917–1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2. С. 122–130.

Ваха Д. Досуг чехословацких легионеров в России и на пути домой в 1919–1920 гг. / пер. С. Магида // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 88–118.

Воронцов Д. В. Эволюция советской историографии Гражданской войны (на материалах востока России) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 245–254.

Гагкуев Р. Г. Генерал Каппель // Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М. : Посев, 2007. С. 12–127.

Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. 606 с.

Ефимов А. Г. Ижевцы и Воткинцы // Великий Сибирский ледяной поход / сост. С. В. Волков. М. : Центрполиграф, 2004. С. 320–393.

Куйтунское соглашение 1920 : энциклопедия / под ред. С. С. Хромова // Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 312.

Курас Л. В. Отечественная историография Октябрьской революции в Западном Забайкалье // Октябрьская революция и Гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения / Л. В. Курас, И. В. Наумов, Т. А. Немчинова, П. А. Новиков; под ред. Б. В. Базарова. Улан-Удэ, 2008. С. 6–33.

Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск : Версо, 2008. 416 с.

Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 415 с.

Новиков П. А. Боевой путь 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии белых войск // Вестник гуманитарного образования, Вятка. 2018. № 2. С. 31–38.

Петрушин Ю. А. Куйтун – начало мира в гражданской войне в Сибири // Земля Иркутская. 2008. № 2 (35). С. 82.

Петрушин Ю. А. Сибирская Кубань: очерки истории Куйтунского района. Иркутск : Оттиск, 2017. 359 с.

(1919-1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University.* No. 413. P. 70-75 (In Russ.).

Vakha D. (2017) Everyday life of the Czechoslovak corps in 1917-1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 13. No. 2. P. 122-130. (In Russ.).

Vakha D. (2016) Leisure of Czechoslovak legionnaires in Russia and on the way home in 1919-1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* No. 3. P. 88-118. (In Russ.).

Vorontsov D. V. (2021) Evolution of the Soviet historiography of the Civil War (based on the materials of the East of Russia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologi = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 17. No. 3. P. 245-254. (In Russ.).

Gagkuev R. G. (2007) General Kappel. *Kappel' i kappelevtsy = Kappel and kappelevtsy.* Moscow: Sowing. P. 12-127. (In Russ.).

Gins G. K. (1921) Siberia, Allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918-1920 (Impressions and thoughts of a member of the Omsk government). Beijing. 606 p. (In Russ.).

Efimov A. G. (2004) Izhevsks and Votkints. *Velikii Sibirskii ledyanoi pokhod = The Great Siberian Ice Hike.* Moscow: Tsentrpoligraf. P. 320-393. (In Russ.).

(1983) Kuytun Agreement 1920. Encyclopedia. *Grazhdanskaya voina i voennaya interventsiya v SSSR = Civil War and military intervention in the USSR*. Moscow. P. 312. (In Russ.).

Kuras L. V. (2008) Domestic historiography of the October Revolution in Western Transbaikalia. Oktyabr'skaya revolyutsiya i Grazhdanskaya voina v Zapadnom Zabaikal'e: otechestvennaya istoriografiya i istochniki lichnogo proiskhozhdeniya / L. V. Kuras, I. V. Naumov, T. A. Nemchinova, P. A. Novikov; pod red. B. V. Bazarova = The October Revolution and the Civil War in Western Transbaikalia: domestic historiography and sources of personal origin (L. V. Kuras, I. V. Naumov, T. A. Nemchinova, P. A. Novikov; edited by B. V. Bazarov). Ulan-Ude. P. 6-33. (In Russ.).

Marmyshev A. V., Eliseenko A. G. (2008) Civil War in the Yenisei province. Krasnoyarsk: Verso. 416 p. (In Russ.).

Novikov P. A. (2005) Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 415 p. (In Russ.).

Novikov P. A. (2018) The combat path of the 3rd Irkutsk Siberian Rifle Division of the White Troops. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya = Bulletin of Humanitarian Education.* Vyatka. No. 2. P. 31-38. (In Russ.).

Petrushin Yu. A. (2008) Kuitun - the beginning of peace in the Civil War in Siberia. *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk Land.* No. 2 (35). P. 82. (In Russ.).

Petrushin Yu. A. (2017) “Siberian Kuban”: essays on the history of the Kuytunsky district. Irkutsk: Imprint. 359 p. (In Russ.).

Пучков Ф. А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе // Великий Сибирский Ледяной поход / сост. С. В. Волков. М. : Центрполиграф, 2004. С. 242–299.

Рябиков В. В. Центросибирь. Новосибирск, 1949. 256 с.

Сахаров К. В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920). Мюнхен, 1923. 325 с.

Скацель Г. «Братья сбились с пути»: воспоминания Генриха Скацеля // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 1. С. 155–165.

Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. М., 1957. 368 с.

Kutílkové D. K problematice stejnokrojů Československého vojska na Rusi 1919–1920, in: Historie a Vojenství 2, 2003, C. 397–420 (In Czech.).

Skácel J. S generálem Syrovým v Sibiři. Praha, 1923. 250 c. (In Czech.).

Skácel J. Československá armáda v Rusku a Kolčak (protibolševický boj v roce 1918–20), Praha, 1926. C. 3–6. (In Czech.).

Puchkov F. A. (2004) 8th Kama Rifle Division in the Siberian ice campaign. *Velikii sibirskii ledyanoi pokhod = Great Siberian Ice Campaign*. Moscow: Tsentrpoligraf. P. 242-299. (In Russ.).

Ryabikov V. V. (1949) Centrosibir. Novosibirsk. 256 p. (In Russ.).

Sakharov K. V. (1923) White Siberia (Internal War of 1918-1920). Munich. 325 p. (In Russ.).

Skatsel' G. (2018) “Brothers lost their way”: memoirs of Heinrich Skacel. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 1. P. 155-165. (In Russ.).

Spirin L. M. (1957) The defeat of Kolchak's army. Moscow. 368 p. (In Russ.).

Kutílkové D. K problematice stejnokrojů Československého vojska na Rusi 1919-1920, in: Historie a Vojenství 2, 2003, Pp. 397-420 (In Czech).

Skácel J. S generálem Syrovým v Sibiři. Praha, 1923. 250 c. (In Czech.).

Skácel J. Československá armáda v Rusku a Kolčak (protibolševický boj v roce 1918-20), Praha, 1926. Pp. 3-6. (In Czech.).

Информация об авторах

Ю. А. Петрушин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия.

Д. В. Воронцов – соискатель кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

Information about the authors

Yu. A. Petrushin – Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Irkutsk State Transport University,
15, Chernyshevsky St., Irkutsk 664074, Russia.

D. V. Vorontsov – Candidate of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 октября 2021 г.; одобрена после рецензирования 9 ноября 2021 г.; принята к публикации 22 ноября 2021 г.

Article info

The article was submitted October 1, 2021; approved after reviewing November 9, 2021; accepted for publication November 22, 2021.

Научная статья
УДК 94(47).084.8
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-208-218

Институт-завод № 172 НКЦМ в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Ольга Анатольевна Горощенова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, goroshionov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена деятельности завода № 172 в Иркутске в годы Великой Отечественной войны. Он был организован на базе научно-исследовательского института «Гинзолото» в 1942 году и всю войну находился в ведении управления «Главолово». Его коллектив сумел в короткие сроки перестроить свою работу в актуальное для военного времени русло. Иркутская доводочная станция завода № 172 стала ведущим предприятием цветной металлургии. Основными разделами производственной работы нового военного завода стали: производство хлористого и металлического лития; доводка до промышленных кондиций оловянных, вольфрамовых/вольфрамитовых и шеелитовых концентратов, хлористых солей лития; производство массовых минералогических, спектральных и пробирных анализов для предприятий НКЦМ; научно-исследовательские работы по профилю; консультативная и техническая помощь предприятиям НКЦМ; организация профильных лабораторий на предприятиях НКЦМ. Кроме того, по просьбе партийных органов в институте было организовано производство препарата для медицинских целей – основного азотнокислого висмута. Он использовался в аптечной сети, а также в иркутских госпиталях для лечения раненых бойцов как кровоостанавливающее, наружно дезинфицирующее, противоожоговое средство. Сотрудниками «Гинзолота», а затем завода № 172 проводились комплексные научные исследования по заданию трестов «Якутзолото», «Запсибзолото», «Енисейзолото», «Балейзолото», «Лензолото», «Баргузинзолото», «Амурзолото», «Башзолото», «Каззолото», «Алтайзолото», «Верхамурзолото», «Хакзолото», «Приморзолото», «Дарасунзолото» и др. Несмотря на все трудности военного периода, достижения были очевидны: институт-завод приумножил свой научный потенциал, решал производственные задачи, сохранил кадры и в целом структуру «Гинзолота», оказал существенную помощь предприятиям цветной металлургии Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: СССР, Россия, Великая Отечественная война (1941–1945), промышленность, металлургия, «Главолово», «Гинзолото», завод № 172, доводочная станция, технологические процессы, Иргиредмет

Для цитирования: Горощенова О. А. Институт-завод № 172 НКЦМ в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 208–218. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-208-218.

Original article

Institute-plant No. 172 PCNFM in the Great Patriotic War (1941-1945)

Olga A. Goroshchenova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, goroshionov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the activities of the plant No. 172 in Irkutsk during the Great Patriotic War. The plant was organized from the research institute “Ginzoloto” in 1942 and was under the jurisdiction of the “Glavolovo” administration throughout the war. The Research Institute for Gold was able to quickly reorganize its work in a direction relevant to wartime. Irkutsk finishing station of plant No. 172 has become a leading non-ferrous metallurgy enterprise in this direction. The main sections of the production work of the new military plant were: production of lithium chloride and metallic lithium; adjustment to industrial conditions of tin, tungsten / wolframite and scheelite concentrates, lithium chloride salts; production of mass mineralogical, spectral and assay analyzes for PCNFM (People's Commissariat of Non-Ferrous Metallurgy) enterprises; research work on the profile; consulting and technical assistance to PCNFM enterprises; organization of specialized laboratories at PCNFM enterprises. In addition, at the request of the Communist Party organs, the institute organized the production of a drug for medical purposes – the main bismuth nitrate. It was used in the pharmacy network, as well as in Irkutsk hospitals to treat wounded soldiers as a hemostatic, externally disinfectant, and anti-burn agent. Employees of “Ginzoloto”, and then of plant No. 172 carried out comprehensive scientific research on the instructions of the trusts “Yakutzoloto”, “Zapsibzoloto”, “Ye-

© Горощенова О. А., 2021

niseizoloto", "Baleizoloto", "Lenzoloto", "Barguzinzoloto", "Amurzoloto", "Bashzoloto", "Kazzoloto", "Altayzoloto", "Verkhamurzoloto", "Khakzoloto", "Primorzoloto", "Darasunzoloto" and many others. Despite all the difficulties of the war period, the achievements were obvious: the institute-plant increased its scientific potential, learned how to solve production problems, retained the personnel and the overall structure of Ginzoloto, provided substantial assistance to non-ferrous metallurgy enterprises in Central Asia, Siberia and the Far East.

Keywords: USSR, Russia, Great Patriotic War (1941-1945), industry, metallurgy, Glavolovo, Ginzoloto, plant no. 172, Finishing station, technological processes, Irgiredmet

For citation: Goroshchenova O. A. (2021) Institute-plant No. 172 PCNFM in the Great Patriotic War (1941-1945). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 208-218. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-208-218.

В истории Иркутска немало славных страниц, одна из которых относится к периоду Великой Отечественной войны. Общие процессы, проходившие в СССР и Восточно-Сибирском крае, были отражены в обширной специализированной литературе советского и постсоветского времени (Кузнецов, 1974; Патриотизм трудящихся…, 1965[1]; Иркутская область в годы Великой Отечественной войны, 1995; «Все для фронта, все для Победы!», 2011[2]; Кузнецов, 1982; Шалак, 1998 и др.).

Иркутская область оказалась в глубоком тылу, в регион были эвакуированы 22 предприятия машиностроения и легкой промышленности, 10 трестов, более 25 тыс. рабочих, специалистов, деятелей науки и культуры. В Приангарье были развернуты 38 эвакуационных госпиталей, обеспечивших высококвалифицированную медицинскую помощь 103 тыс. раненым бойцам. За сбор средств для танковой колонны «Сибиряк» на сумму 19773 тыс. рублей, 16503 тыс. руб., – деньгами и 81737 тыс. рублей – облигациями госзаймов в фонд помощи освобожденным районам жители Иркутской области получили благодарность от И. В. Сталина (рис. 1).

Указом Президента РФ В. В. Путина от 2 июля 2020 г. № 444 «За значительный вклад жителей в достижение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., обеспечение бесперебойного производства военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, проявленные при этом массовый трудовой героизм и самоотверженность» Иркутску было присвоено почетное звание «Город трудовой доблести».

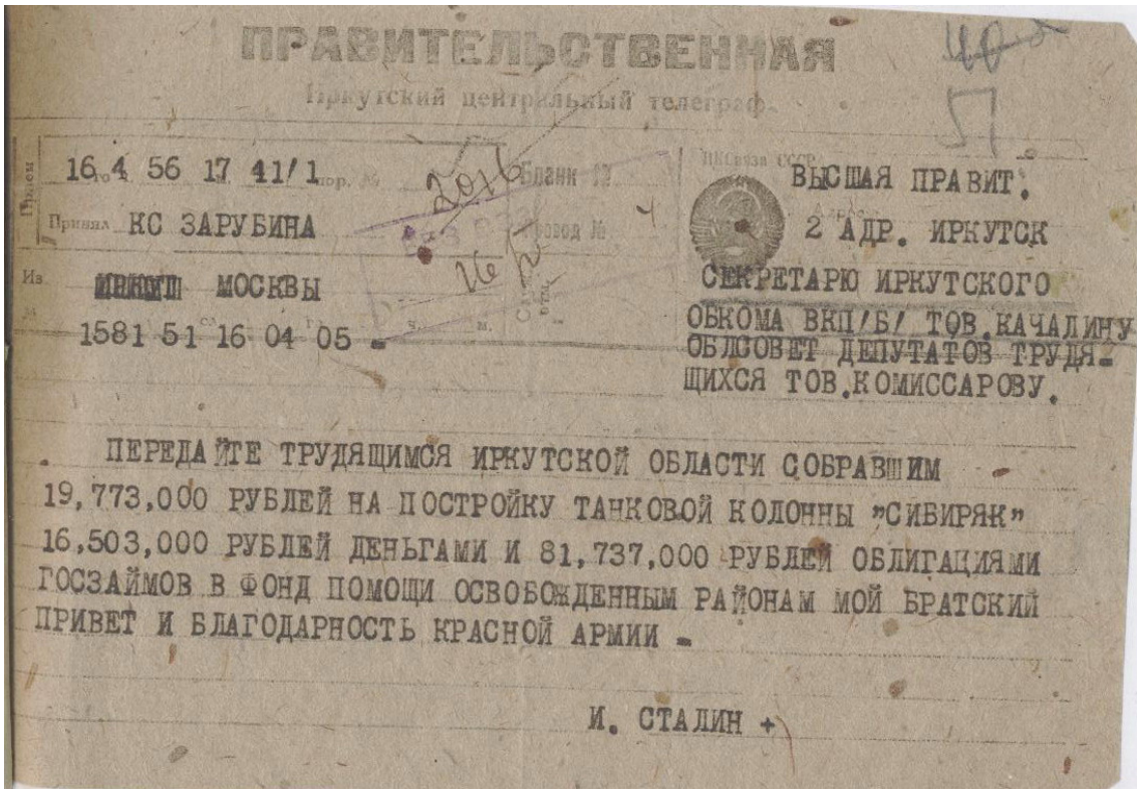
Малоизвестным фактом истории Сибири была деятельность засекреченного завода № 172, созданного на базе научно-исследовательского института «Гинзолото».

Всесоюзный государственный научно-исследовательский институт по золоту и спутникам («Гинзолото») был создан в Иркутске в 1932 г. на базе Сибирского отделения центрального научно-исследовательского института «Гинцветмет» (Москва) в 1930 году. В свою очередь основой для открытия «Сибгинцветмета» послужила Иркутская золотосплавочная лаборатория (1871) – первое научно-исследовательское учреждение Восточной Сибири. Институт располагался в нескольких деревянных корпусах на набережной Ангары, а опытно-промышленные технические работы проходили в бывшей золотоплавильне – здании, построенном на средства купцов-золотопромышленников в 1870 г. В настоящее время учреждение носит название АО «Иргиредмет», а в 2021 г. институт отметил свой 150-летний юбилей (Дементьев, 2021. С. 14).

Государственный научно-исследовательский институт Всесоюзного значения «Гинзолото» в годы войны активно искал способы приложения своих возможностей: необходимо было перепрофилировать научно-исследовательскую деятельность на выпуск оборонной продукции. Этому вопросу было посвящено расширенное совещание коллектива института под председательством директора Л. А. Лазовникова. Собравшиеся оценили материальную базу, возможности коллектива, предложи-

[1] Патриотизм трудящихся Иркутской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сб. док. и мат. к 20-летию Великой Победы / сост.: И. И. Кузнецов, А. В. Неганова, А. Я. Шапранова. Иркутск : Вост.- Сиб. кн. изд-во, 1965. 392 с.

[2] «Все для фронта, все для Победы!»: сборник документов из фондов Государственного архива новейшей истории Иркутской области. Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2011. 512 с.


ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
Иркутский центральный телеграф

16 4 56 17 41/1
Принял КС ЗАРУБИНА
Из МОСКВЫ
1581 51 16 04 05

ВЫСШАЯ ПРАВИТ.
2 АДР. ИРКУТСК
СЕКРЕТАРЮ ИРКУТСКОГО ОБКОМА ВКП/Б/ ТОВ.КАЧАЛИНУ ОБЛСОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ТОВ.КОМИССАРОВУ.

ПЕРЕДАЙТЕ ТРУДЯЩИМСЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ СОБРАВШИМ 19,773,000 РУБЛЕЙ НА ПОСТРОЙКУ ТАНКОВОЙ КОЛОННЫ "СИБИРЯК" 16,503,000 РУБЛЕЙ ДЕНЬГАМИ И 81,737,000 РУБЛЕЙ ОБЛИГАЦИЯМИ ГОСЗАЙМОВ В ФОНД ПОМОЩИ ОСВОБОЖДЕННЫМ РАЙОНАМ МОЙ БРАТСКИЙ ПРИВЕТ И БЛАГОДАРНОСТЬ КРАСНОЙ АРМИИ.

И. СТАЛИН

Рис. 1. Телеграмма от И. В. Сталина
Fig. 1. Telegram from I. V. Stalin

ли варианты выпуска полезной фронту продукции, а также озвучили темы научно-исследовательских работ, особенно важных в военное время (Томилов, 1971. С. 26; Дементьев, Замятин, Баликов, 2001. С. 3).

В 1941 г. сотрудниками И. С. Стахеевым, А. Ф. Ли, А. С. Ивойловым («Гинзолото») и В. Г. Глазачевым («Главолово») был предложен проект по технической модернизации имеющейся полузаводской установки «Гинзолота» в доводочную станцию для массовой переработки некондиционных оловянно-вольфрамовых концентратов. Многообразие минерального состава сырья различных месторождений Советского Союза требовали огромной гибкости технологического процесса, который был осуществлен посредством различных комбинаций – электромагнитной и электрической сепарации, обжига, гравитационных методов обогащения и флотации. Уже в ноябре 1941 г. станция начала выпускать качественную продукцию с содержанием олова не ниже 64 %, а вольфрамовые концентраты – не ниже 62 % окиси вольфрама. Всего станция в 1941 году выпустила 80,65 тонны высококачественных касситеритовых, вольфрамовых и шеелитовых концентратов. К началу 1942 г. ее производительность составляла уже 400 тонн в год (Черняк, 2007. С. 251).

Иркутская доводочная станция стала ведущим предприятием цветной металлургии в этом направлении. Переработке подвергались сложные комплексные грубые 95–98 % концентраты «Востсиболово», Ононского и Хапчерангинского комбинатов, «Таджиколоворедмета», «Калбаолово», «Дальстроя» и многих других. Все выпускаемые концентраты соответствовали по содержанию примесей техническим условиям: оловянные концентраты не выпускались с содержанием ниже 64 % олова и в среднем характеризовались содержанием олова 69,3 %; вольфрамовые концентраты не выпускались с содержанием ниже 62 % окиси вольфрама и в среднем характеризовались содержанием 69,8 %.

Во время Великой Отечественной войны доводочную станцию возглавлял А. Ф. Ли. Изучением минерального сырья и концентратов, физическими и аналитическими методами анализа занимались А. С. Ивойлов, О. А. Шубина, Я. Д. Райхбаум (Кавчик, 2020. С. 6).

В связи с переходом на производственную деятельность Приказом НКЦМ[3] СССР № 168 от 06.08.1942 г. «Гинзолото» было передано из системы «Главзолото» в управление «Главолово» и переименовано в завод № 172 (Томилов, 1995. С. 11) (рис. 2).

Руководителем предприятия в годы Великой Отечественной войны был Леонид Александрович Лазовников, а заместителем директора по научной работе и главным инженером – Иван Степанович Стахеев.

Руководил «Главоловом» Павел Иванович Галченко – выпускник Восточно-Сибирского горного института цветных металлов и золота (ныне ИРНИТУ) 1935 г. До поступления в Сибирский горный институт в 1930 г. он работал на приисках Зейского района Дальневосточного края и в старательских артелях Якутии. Служил в армии. В 1935 г. – по окончании института – был назначен начальником участка, зам. начальника Риддерского рудника; 1940 г. – гл. инженер, зам. начальника «Главзападзолота», объединяющего предприятия Урала, Казахстана и Западной Сибири. В 1941–1949 гг. – начальник «Главолова». В 1949–1951 гг. – зам. начальника «Главолова». В 1951 г. – начальник управления оловянной промышленности «Главолова». В 1957 г. – первый заместитель председателя Приморского совнархоза. В 1960–1976 гг. – главный специалист в Госэкономсовете и Госплане СССР. В 1950 г. ему присвоено персональное звание горного генерального директора III ранга. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета» (по материалам музея истории ИРНИТУ) (рис. 3).

Переход на военные рельсы коренным образом изменил структуру и профиль завода № 172. Были закрыты некоторые научно-исследовательские направления в связи с сокращением государственного финансирования.

В 1941/1942 гг. структура «Гинзолото», еще не преобразованного в военный завод, выглядела следующим образом: группа обработки руд (В. К. Смирнов), россыпная группа (В. Г. Глазычев), аналитическая группа (зам. И. С. Ощерина), минералогическая группа (А. Ф. Ли), пробирная лаборатория Е. П. Рутина), мастерская, автотранспорт, гужевой (конный) транспорт с полными затратами в 940559, 27 руб. В 1941 г. при «Гинзолоте» был ор-

Рис. 2. Слева-направо: директор завода № 172 Л. А. Лазовников и зам. директора, главный инженер И. С. Стахеев в годы Великой Отечественной войны

Fig. 2. From left to right: Director of Plant No. 172 L. A. Lazovnikov and Deputy. Director, Chief Engineer I. S. Stakheev during the Great Patriotic War

[3] НКЦМ – Народный комиссариат цветной металлургии СССР, Наркомцветмет.

Рис. 3. П. И. Галченко
Fig. 3. P. I. Galchenko

ганизован геолого-разведочный сектор, в него вошли работники поисково-разведочных партий, занятых на камеральных работах (Томилов, 1995. С. 27; Хренов, Горощенова, 2018).

В 1942 г. в связи с изменением профиля научно-исследовательского института в военное производство научно-исследовательские лаборатории были перепрофилированы в цеха. В 1942 г. на заводе числились семь цехов и группа обогащения россыпей.

В 1943 г. числились: 1) литиевый (10,5 ставки), 2) доводочный (6 ставок), 3) «анализы» (18 ставок), 4) научно-исследовательские работы (17 ставок), 5) механическая мастерская (3 ставки), 6) ремонтно-строительная группа (3 ставки).

В 1944 г. в цех № 3 вошли химическая, минералогическая и пробирная лаборатории, выполнявшие в годы войны как внутренние, так и внешние аналитические работы. В конце мая 1944 г. был принят в эксплуатацию цех № 5 по получению металлического лития.

Основными разделами производственной работы нового военного завода стали:

1. Производство хлористого и металлического лития.

2. Доводка до промышленных кондиций оловянных, вольфрамовых/вольфрамитовых и шеелитовых концентратов.

3. Производство массовых минералогических, спектральных и пробирных анализов для предприятий НКЦМ.

4. Научно-исследовательские работы.

5. Консультативная и техническая помощь предприятиям НКЦМ.

6. Организация профильных лабораторий на предприятиях НКЦМ.

Характерной для работы завода-института в военное время была организация производственных цехов, в связи с чем значительно увеличился удельный вес работ, проводимых непосредственно на самом предприятии, до 47,2 %.

Вся деятельность «Гинзолота» была пересмотрена в сторону увеличения работ, касающихся редких элементов. «Главзолото» было вынуждено сократить план научных исследований на 367 тыс. руб., в том числе по золотой тематике. Важные исследования проводились на предприятиях оловянной промышленности. Основной задачей завода № 172 в военное время стало выполнение программы по доводке оловянных и вольфрамовых концентратов до промышленных кондиций.

В конце 1941 г. – начале 1942 г. по просьбе местных партийных органов в институте было организовано производство препарата для медицинских целей – основного азотнокислого висмута. Он использовался в аптечной сети, а также в иркутских госпиталях для лечения раненых бойцов. Внутренне его применяли для вяжущих, противовоспалительных и кровоостанавливающих процессов в желудке и кишечнике, а наружно – как дезинфицирующее и противоожоговое средство.

В декабре 1941 г. институт приступил к строительству цеха по производству хлористых солей лития. Общий план института был выполнен на сумму 1 172 440 руб., или 113,6 %, несмотря на то, что были отозваны темпланы, а часть работников призвана в армию.

В начале 1945 г. завод еще продолжал выпускать продукцию, производившуюся ранее хлористый литий, но уже в январе-феврале перешел по указанию «Главолова» на производство углекислого лития (64 %) в связи с хроническим износом механического и электрического оборудования цеха № 1, отчасти цеха № 2, а также механической мастерской. В цехе № 1 по этой причине несколько раз был изменен технологический процесс, а выпуск литиевых продуктов значительно снизился.

Одновременно на заводе № 172 проводилось извлечение и изучение высококондиционных цирконовых, ильменитовых, литиевых и других концентратов. Все эти производства функционировали

до окончания Великой Отечественной войны, а производство оловянных, вольфрамовых концентратов – до середины 1946 г. Выпуск концентратов в тоннах за 1942–1945 гг. завода № 172 представлен на диаграмме (рис. 4).

Большой объем научных и производственных проблем нужно было решать сотрудникам института-завода в военные годы. За это время научно-технический состав и вспомогательные категории рабочих завода № 172 совершили трудовой подвиг, работая круглосуточно на доводочной станции, занимаясь научно-исследовательской деятельностью, внедряя в производственные предприятия горно-металлургической промышленности страны свои авторские разработки, выполняя анализы всевозможных минералов и руд по заказам предприятий (Дементьев, 2011. С. 5; Томилов, 2008. С. 40).

В 1941 г. Иркутским горкомом ВКП(б) был создан комитет по оказанию помощи промышленным предприятиям, который возглавил бывший сотрудник «Гинзолота», а затем заведующий кафедрой обогащения полезных ископаемых Иркутского горно-металлургического института доцент Г. П. Славнин, тесно сотрудничавший с «Гинзолото» в 1930–1940 гг. (Горощенова, 2015. С. 102).

Сотрудниками «Гинзолота», а затем завода № 172 проводились комплексные научные исследования по заданию трестов «Якутзолото», «Запсибзолото», «Енисейзолото», «Балейзолото», «Лензолото», «Баргузинзолото», «Амурзолото», «Башзолото», «Каззолото», «Алтайзолото», «Верхамурзолото», «Хакзолото», «Приморзолото», «Дарасунзолото» и мн. др. В 1943–1944 гг. сотрудниками завода № 172 были проведены масштабные изыскания молибденовых руд «Верхамурзолота» и «Лензолота», вольфрамовых руд «Калбаредмета» и «Запсибзолота», ртутных руд «Запсибзолота», руд «Ойротзолоторедмета», а со второй половины 1943 г. – руд «Синанчаолово», Хрустального, Ононского, Хапчерангинского оловокомбинатов и т. д. (Неганов, 2021).

В это же время значительно расширилось производство анализов для предприятий оловянной и редкометалльной промышленности. Для новых технологий обогащения аналитики разрабатывали методики спектрографического и химико-спектрального анализов технологических переделов, включая растворы, и готовой продукции для металлургической промышленности. Оказывалась всесторонняя консультативная, практическая, аналитическая, технологическая и техническая помощь золотоизвлекательным фабрикам, драгам, профильным лабораториям золотой промышленности страны.

Важными научно-исследовательскими и техническими разработками стали конструирование, освоение и внедрение в промышленность процесса электростатической сепарации; разработка новой технологии флотации сподумена; изучение кинети-

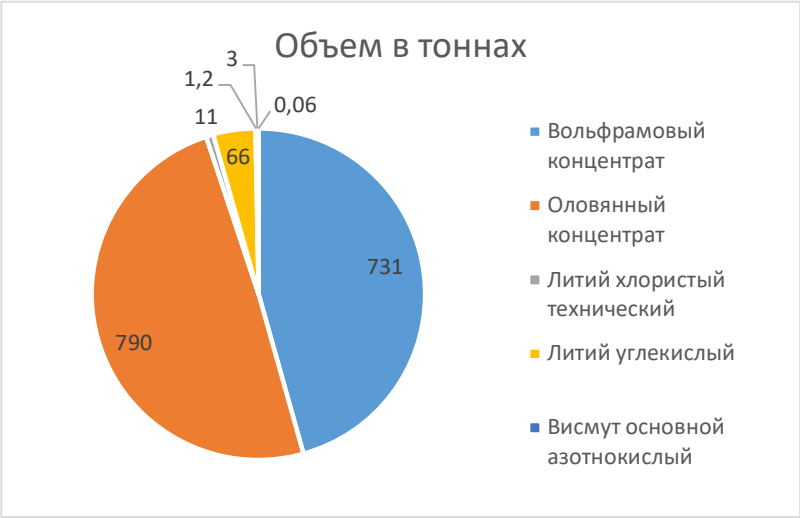


Рис. 4. Выпуск концентратов в 1942–1945 гг.
Fig. 4. Production of concentrates in 1942-1945

ки цианирования золотых руд, содержащих окисленные свинцовые минералы; разработка и промышленное освоение процесса спекания сподумена с сульфатом натрия в присутствии сырого известняка при производстве препаратов; изучение вопросов цианирования золото-сурьмянистых руд, спектральный анализ цианистых растворов на золото, а также разработка комбинированных методов спектрохимического анализа на олово и редкие металлы; вопросы рационализации и изобретательства.

За все годы войны научный и производственный планы постоянно перевыполнялись, благодаря умелой организации труда и высокому уровню сознательности, патриотизма сотрудников предприятия. Коллектив завода участвовал в социалистическом соревновании и занимал первые места. Несмотря на изменение довоенных направлений научных исследований и появление других производственных задач, коллектив быстро адаптировался к новым условиям и стал играть важную роль в промышленном производстве. В то же время институт продолжал свою деятельность в области геологических изысканий так необходимых стране металлов стратегического назначения.

Для сравнения: в 1941 г. было проведено научно-исследовательских работ на 791,3 тыс. руб., а в 1945 году – на 664,0 тыс. руб.; объем массовых анализов в 1941 г. исчислялся 282,1 тыс. руб., а в 1945 г. – 119,0 тыс. руб. Только за январь – февраль 1944 г. коллектив завода № 172 перевыполнил план на 20 % (Иркутский государственный научно-исследовательский институт..., 1970). В целом объем НИР в 1941–1945 гг. представлен на диаграмме (рис. 5).

Отсутствие централизованного снабжения оборудованием, материалами, реактивами создавало большие материально-технические трудности. Материальная часть завода-института на протяжении всей Великой Отечественной войны находилась не в лучшем состоянии: износ оборудования, отсутствие необходимых поставок реагентов, кислот, посуды, фильтровальной бумаги, жесткая экономия средств и мн. др. не могло не сказаться на выполнении плановых заданий предприятия (Иркутский государственный научно-исследовательский институт..., 1970).

По воспоминаниям Д. И. Когана, у института-завода № 172 имелось «старое деревянное здание, нескольких мастерских, сарай; преимущественно дореволюционное оборудование, лопаты, ломы, лабораторные мензурки и реактивы. Во дворе находился сарай с лошадьми и пролетками. В мастерских производили литиевые порошки для военной промышленности» (Горощенова, 2020. С. 8). Подтверждением тому может служить сохранившаяся в архивах ведомость 1945 г. на списание «за полным износом» материальных ценностей с остаточной стоимостью 35337,59 руб. Среди них не только мелкий хозинвентарь, но и лабораторные столы, дробилка Доджа, столы Вильфлея, компрес-

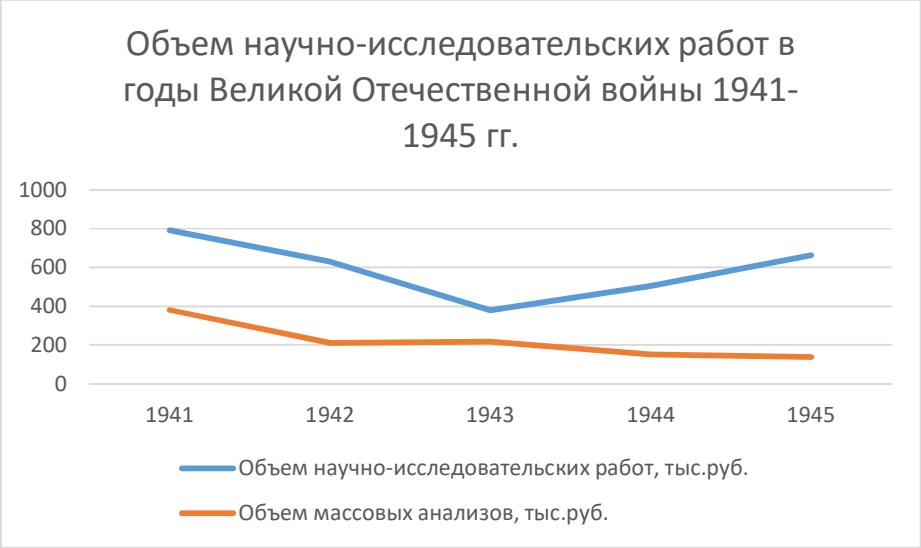


Рис. 5. Объем научно-исследовательских работ в годы войны
Fig. 5. The volume of research work during the war

сор, бочки, шкафы, сита, кровельные ножницы, паровые котлы, центробежный насос и даже библиотечные ценности и др.

В 1945 г. изношенность транспортного оборудования завода № 172 составляла 45 % времени, а простои автомашин из-за ремонта – 360 машино-дней; затраты на текущий ремонт доходили до 9000 руб. Предприятия, не имея централизованных поставок оборудования, часто производили взаимообмен. Так, среди безвозмездно принятых материальных ценностей (в основные средства) в 1945 г. числятся две шаровые мельницы, флотомашина, подаренные Ононским оловокомбинатом; автомашина ЗИС-21 – подарок Дарасунского Оловотранса на общую сумму 143 031 руб. (износ – 40374,22 руб.). В свою очередь завод № 172 передал комбинату «Востсиболово» трансформатор и паровую мельницу, а комбинату «Хинганолово» арифмометр системы Одиера, общей стоимостью 48077, 58 руб.

Среднесписочный состав сотрудников института 1941 г. составил 127 чел. против 152 чел., утвержденных штатным расписанием. Всего в 1941 г. штатных научно-технических сотрудников насчитывалось 44 чел. В 1942 г. из кадровых работников было два кандидата наук. Два штатных научных сотрудника подготовили диссертационные работы и сдали кандидатские экзамены (Я. Д. Райхбаум и В. К. Смирнов). В 1944 г. цехом № 1 руководил Виктор Федорович Ескевич, цехом № 2 – Адриан Федорович Ли, № 3 – Инна Сергеевна Ощерина, № 4 – Виктор Константинович Смирнов. На 1 января 1946 г. в «Гинзолоте» числилось 117 работников, из них 72 женщины.

Зарплата директора и заместителя директора института составляла 1800–2100 руб. в месяц; начальника цеха 1200–1500 руб.; сменного инженера, заведующего отделением, лабораторией, электромеханика – 900–1000 руб.; спектографа – 850 руб., инженера-минералога, химика-аналитика – 700 руб., лаборанта – 500–600 руб. Фактическая сдельная зарплата была в среднем 700–1000 руб.

В военное время остро не хватало квалифицированных сотрудников, рабочей силы, лаборантов-исследователей, слесарей, чернорабочих и др., была большая текучесть кадров. Причинами этого стали: призыв в армию, сокращение штатов, увольнения, переход сотрудников на другое место работы. Случались и нарушения трудовой дисциплины. В 1941 г. три сотрудника находились под арестом.

Имели место несчастные случаи на производстве. Так, например, электромонтер неправильно включил в сеть мотор с вентилятором, в результате чего чуть не лишился ноги; кучеру при перевозке угля лошадь выбила несколько зубов ударом подковы; регистрировались ожоги и отравления хлором и щелочными металлами во вредных цехах. Соблюдение охраны труда обсуждалось на каждом производственном совещании.

Несмотря на все сложности, в первый же военный месяц 1941 г. было организовано массовое движение стахановцев и ударников среди действующих подразделений: обработки руд, обогащения россыпей, аналитической, минералогической, пробирной лабораторий, механической мастерской, хозяйственно-строительного, административно-управленческого отделов, что обеспечило увеличение трудовых норм больше чем на 100 %. Уже в июле 1941 г. стахановцев и ударников насчитывалось 86 человек. В 1945 г. завод № 172 12 раз (ежемесячно) заносился в Книгу Почета Кировского района Иркутска и 8 раз – на городскую Доску Почета. Однажды работа была отмечена постановлением жюри соцсоревнования Наркомцветмета.

Помимо производственных задач, заводчане успешно решали и острые бытовые проблемы. Они работали круглосуточно, на износ, отчисляли деньги в фонд обороны, на танковые колонны, вели подписку на облигации государственных займов, трудились без полноценного отдыха, лишь бы приблизить День Победы. Кроме того, они оказывали помощь подшефному госпиталю, помогали семьям погибших фронтовиков, собирали подарки для фронта (теплые вещи, табак, обувь, кисеты и пр.).

В сводках Иркутского обкома партии «О сборе теплых вещей для Красной Армии за период с 10 по 25 сентября 1941 г. говорится: «На 27 сентября 1941 г. собрано 19 065 вещей. Лучшие коллективы, которые обеспечили 100 % охват по сбору теплых вещей и с хорошим качеством: Восточно-Сибирское управление речного пароходства, военизированная охрана речного пароходства, «Леспродторг», «Гинзолото», Бассейновое управление речного пароходства, Облархив и ряд других. В

этих организациях не осталось ни одного работающего, не сдавшего какой-либо теплой вещи».

В выходные дни сотрудники завода № 172 ездили за углем и дровами, чтобы обогревать помещения в холодные сибирские зимы. Работали на подсобном хозяйстве, сажали овощи, охотились на птицу и зверя, чтобы прокормить себя и свои семьи. Практически все заводчане были членами Осоавиахима, участвовали в патриотической работе, обучались военным специальностям, были значкистами ГТО и ПВХО, занимались агитационной работой, выпускали стенгазету.

Трудовой и человеческий подвиг совершался на пределе сил. Паек составлял 400–600 г. хлеба, за которым приходилось простаивать часами. Питание в заводской столовой было праздником, а каша – «мать наша» – уходила на ура. Собирали черемшу, крапиву, лебеду, одуванчики, коренья, ягоды, грибы – все, что давала природа для пропитания человека.

Несмотря на трудности военного времени, сотрудники военного завода № 172 не падали духом, верили в Победу. В одной из иркутских газет за 26 октября 1944 г. мы встречаем следующую публикацию: Сегодня радио принесло радостную весть: войска 3-го Белорусского фронта прорвали укрепленную линию противника и вступили на территорию Восточной Пруссии. Наши красные герои проникли в самое логово смертельно раненного фашистского зверя! Слава нашим героям! Новая победа Красной Армии выдвигает еще большие задачи перед тружениками тыла – усилить напряжение сил для обеспечения фронта, снабжать всем нужным для скорейшего разгрома фашистской Германии и победы прогрессивного человечества.

Мы, рабочие, инженерно-технические работники и служащие, берем на себя обязательства: досрочно выполнить взятые в предоктябрьском соревновании обязательства по выполнению производственного плана. К 1 ноября завершить все работы, связанные с подготовкой завода к зиме. Дружно подпишемся на Четвертую денежно-вещевую лотерею, не менее 22 процентов к месячному фонду заработной платы. Пусть эти средства пойдут на постройку новых танков, самолетов, орудий, несущих смерть врагу.

Да здравствует наша доблестная Красная Армия и ее вождь Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин! Смерть фашизму!

По поручению митинга рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода, где директором т. Лазовников, подписали: Ли, Смоль-

Рис. 6. Сотрудники завода № 172 в День Победы, 9 мая 1945 г.
Fig. 6. Employees of plant number 172 on Victory Day, May 9, 1945

ская, Максимова, Шахабутдинов и др. (Иркутская область в 1944 г. …)[4] (рис. 6).

День Победы заводчане встречали со слезами на глазах. За самоотверженный труд в грозные годы войны многие работники награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», среди них Л. А. Лазовников, И. С. Стахеев, И. В. Чипанин, А. С. Ивойлов, О. А. Шубина, Я. Д. Райхбаум, Е. А. Райкова, Е. Л. Мороз, Н. И. Холмовская и многие другие. Всю войну пробыли на фронте и вернулись в родной институт К. В. Соломин, А. В. Венский, Ф. С. Климова, М. Н. Зырянов (Горощенова, Соломон, 2020; 2021).

Несмотря на все трудности военного периода, достижения сотрудников предприятия были очевидны: институт-завод приумножил свой научный потенциал, научился решать производственные задачи, сохранил кадры и в целом структуру «Гинзолота», оказал существенную помощь предприятиям цветной металлургии Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока (Дементьев, 2011. С. 5).

[4] Иркутская область в 1944 г. в зеркале прессы. [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/irkutskaya_oblast_v_1944_godu_v_zerkale_pressy (дата обращения 24.01.2020).

Список источников

Горощенова О. А. Мне судьба подарила жизнь. К 99-летию Когана Давыда Исаевича // Золотодобыча. 2020. № 4 (257). С. 8–11.

Горощенова О. А. От навигацкой школы к техническому университету (1754–2015): монография. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2015. 241 с.

Горощенова О. А., Соломон Е. Ш. Во имя Победы: сборник научно-художественных произведений. Иркутск : Издательство ИРНИТУ, 2020. 278 с.

Горощенова О. А. Иргиредмет: золотые годы, золотые люди: сборник научно-публицистических произведений. Иркутск : Изд-во АО «Иргиредмет», 2021. 296 с.

Дементьев В. Е. Иркутский научно-исследовательский институт благородных и редких металлов и алмазов: 150 золотых лет! // Золотодобыча. 2021. № 1. С. 14–16.

Дементьев В. Е. Иркутскому научно-исследовательскому институту благородных и редких металлов и алмазов – 140 лет // Горный журнал. 2011. С. 5–7.

Дементьев В. Е., Замятин О. В., Баликов С. В. 130 лет работы в золотодобывающей промышленности России // Цветные металлы. 2001. № 5. С. 1–8.

Иркутский государственный научно-исследовательский институт редких и цветных металлов. Материалы Научно-технической конференции молодых специалистов, посвященной 100-летию Иргиредмета (1871–1971). Иркутск, 1970. 131 с.

Кавчик Б. К. Иргиредмет – завод-институт в годы Великой Отечественной войны // Золотодобыча. № 4. 2020. С. 6.

Кузнецов И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1974. 510 с.

References

Goroshchenova O. A. (2020) Fate gave me life. To the 99th anniversary of Kogan Davyd Isaevich. *Zolotodobycha = Gold Mining*. No. 4 (257). P. 8-11. (In Russ.).

Goroshchenova O. A. (2015) From the Navigation School to the Technical University (1754-2015): monograph. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 241 p. (In Russ.).

Goroshchenova O. A., Solomon E. Sh. (2020) In the name of Victory: a collection of scientific and artistic works. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 278 p. (In Russ.).

Goroshchenova O. A. (2021) Irgiredmet: golden years, golden people: collection of scientific and journalistic works. Irkutsk: AO “Irgiredmet”. 296 p. (In Russ.).

Dementyev V. E. (2021) Irkutsk Research Institute of Precious and Rare Metals and Diamonds: 150 Golden Years! *Zolotodobycha = Gold Mining*. No. 1 (266). P. 14-16. (In Russ.).

Dementyev V. E. (2011) The Irkutsk Scientific Research Institute of Precious and Rare Metals and Diamonds is 140 years old. *Gornyi zhurnal = Mining Journal.* P. 5-7. (In Russ.).

Dementyev V. E., Zamyatin O. V., Balikov S. V. (2001) 130 years of work in the gold mining industry in Russia. *Tsvetnye metally = Non-Ferrous Metals*. No. 5. P. 1-8. (In Russ.).

(1970) Irkutsk State Research Institute of Rare and Non-Ferrous Metals. Materialy *Nauchno-tehnicheskoj konferencii molodyh specialistov, posvjashhennoj 100-letiju Irgiredmetam* (1871-1971) = *Materials of the Scientific and technical conference of young specialists dedicated to the 100th anniversary of Irgiredmet (1871-1971).* Irkutsk. 131 p. (In Russ.).

Kavchik B. K. (2020) Irgiredmet - a plant-institute during the Great Patriotic War. *Zolotodobycha = Gold Mining*. No. 4. P. 6. (In Russ.).

Kuznetsov I. I. (1974) Eastern Siberia during the Great Patriotic War 1941-1945. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 510 p. (In Russ.).

Кузнецов И. И. Золотые Звезды иркутян: очерки. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1982. 352 с.

Кузнецов И. И. Иркутская область в годы Великой Отечественной войны. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 48 с.

Неганов В. П. Полвека с Иргиредметом. Воспоминания. Ч. 1, 2. Иркутск, 2021. 148 с.

Томилов В. Д. На путях научно-технического прогресса (к 125-летию института «Иргиредмет»). Иркутск: Улисс, 1995. 95 с.

Томилов В. Д. Что было, то было...: воспоминания горняка-исследователя. Иркутск : Оперативная типография «На Чехова», 2008. 350 с.

Томилов В. Д. 100 лет на службе цветной металлургии: краткая история Иргиредмета 1871–1971. Иркутск, 1971. 64 с.

Томилов В. Д. Иркутский научно-исследовательский институт редких и цветных металлов // Приангарье: годы, события, люди. Иркутск, 1995. С. 9–13.

Хренов П. М., Горощенова О. А. Судьба геолога: монография. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2018. 212 с.

Черняк А. С. О научном творчестве. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2007. 273 с.

Шалак А. В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. 183 с.

Kuznetsov I. I. (1982) Golden Stars of Irkutsk: essays. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 352 p. (In Russ.).

Kuznetsov I. I. (1995) Irkutsk region during the Great Patriotic War. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 48 p. (In Russ.).

Neganov V. P. (2021) Half a century with Irgiredmet. Memories. Ch. 1, 2. Irkutsk. 148 p. (In Russ.).

Tomilov V. D. (1995) On the paths of scientific and technological progress (to the 125th anniversary of the Irgiredmet Institute). Irkutsk: Uliss. 95 p. (In Russ.).

Tomilov V. D. (2008) What was it was ...: Memories of an explorer-miner. Irkutsk: Operativnaya tipografiya “Na Chekhova”. 350 p. (In Russ.).

Tomilov V. D. (1971) 100 years in the service of non-ferrous metallurgy: a short history of Irgiredmet 1871-1971. Irkutsk. 64 p. (In Russ.).

Tomilov V. D. (1995) Irkutsk Research Institute of Rare and Non-Ferrous Metals. *Priangar'e: gody, sobytiya, lyudi = Angara region: years, events, people*. Irkutsk. P. 9-13. (In Russ.).

Khrenov P. M., Goroshchenova O. A. (2018) The fate of a geologist: monograph. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 212 p. (In Russ.).

Chernyak A. S. (2007) About scientific creativity. Irkutsk: Irkutsk State University. 273 p. (In Russ.).

Shalak A. V. (1998) Living conditions and everyday life of the population of Eastern Siberia during the Great Patriotic War (1941-1945). Irkutsk: Baikal State University. 183 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. А. Горощенова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

Information about the author

O. A. Goroshchenova – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

Вклад автора

Горощенова О. А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Goroshchenova O. A.carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 сентября 2021 г.; одобрена после рецензирования 25 ноября 2021 г.; принята к публикации 6 декабря 2021 г.

Article info

The article was submitted September 28, 2021; approved after reviewing November 25, 2021; accepted for publication December 6, 2021.

Научная статья
УДК 796.894(571.53)«1945/1960»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-219-230

История развития силовых видов спорта в Иркутской области в 1945–1960 гг.

Сергей Александрович Тигунцев

Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск, Россия,
sergey038@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-3281-3079

Аннотация. В статье дан исторический анализ развития силовых видов спорта в Иркутской области в 1945–1960 гг. Подробно изложен послевоенный этап становления бокса, борьбы, фехтования на фоне нехватки материальных ресурсов и отсутствия квалифицированных кадров. Проанализирована нормативно-правовая база в сфере физической культуры и спорта, ее значение в развитии физкультурно-спортивного движения в СССР. Выделены ключевые указы и постановления партийных и советских органов власти, реализация которых оказала значительное влияние на становление спортивных единоборств в Иркутской области. Выявлены условия, которые привели к смещению вектора в развитии силовых видов спорта – с военно-прикладного в сторону спортивного. Указаны объективные и субъективные причины уменьшения или увеличения численности людей, занимавшихся в каждом из силовых видов спорта. Проведена взаимосвязь между выходом советских спортсменов на международную арену и актуализацией олимпийских видов спортивных единоборств в СССР и Иркутской области. Доказано влияние успешного выступления иркутян – борца К. Г. Вырупаева и боксера В. К. Сафронова на Олимпийских играх в Мельбурне 1956 г. – на развитие этих видов спорта в Приангарье. Определена значимость добровольных спортивных обществ и спортивных школ в формировании борцов и боксеров высокой квалификации. А также роль спортсменов и тренеров, которые оказали влияние на популяризацию, формирование и развитие отдельных видов единоборств. В статье представлены следующие методы исторического исследования: статистический и ретроспективный, историко-системный, а также причинно-следственный анализы связей между историческими событиями. Были обобщены и введены в научный оборот статистические данные из Государственного архива Иркутской области и Государственного архива новейшей истории Иркутской области. В статье использованы монографии, авторефераты, научные статьи, научно-популярная литература и периодическая печать, относящиеся к теме и периоду исследования.

Ключевые слова: Иркутская область, Иркутск, единоборства, история единоборств, бокс, борьба, фехтование, популяризация, добровольные спортивные общества, спортивные школы, чемпионат, первенство, спортсмены

Для цитирования: Тигунцев С. А. История развития силовых видов спорта в Иркутской области в 1945–1960 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 219–230. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-219-230.

Original article

The history of development of combat sports in Irkutsk Oblast in 1945-1960

Sergey A. Tiguntsev

Irkutsk State Medical University, Ikrutsk, Russia, sergey038@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-3281-3079

Abstract. The article provides a historical analysis of the development of combat sports in Irkutsk Oblast in 1945–1960. It gives a detailed overview of the post-war development of such sports as boxing, wresting, fencing amid insufficient funding and shortage of qualified trainers, and brings to light the factors which led to a change of perception of combat sports as health-promoting and competitive rather than military-oriented activities. It is told about the regulatory framework in the field of physical culture and sports, about its importance in the formation of the physical culture and sports movement in the USSR, and as a consequence about the role of decrees and resolutions in the development of martial arts in the Irkutsk region The article analyzes objective reasons for quantitative increase and decrease of participants in each sport and shows correlation between our entering the international sports arena and the growing significance of the Olympic combat sports, as well as underscores the positive influence of wrestler K. G. Vyrupaev's and boxer V. K. Safronov's successful performances in the 1956 Melbourne Olympic Games on further development of boxing and wrestling in Irkutsk Oblast. The article gives a comprehen-

© Тигунцев С. А., 2021

sive account of the role that voluntary sports societies and sport schools played in training highly-qualified athletes and expands on the personal contribution of trainers and sportsmen of Irkutsk Oblast to the promotion of combat sports and outlining trends in their development. The article presents the following methods of historical research: causal analysis of the links between historical events, historical-system analysis, statistical and retrospective methods. The data from the State Archive of the Irkutsk Region and the State Archive of the Modern History of the Irkutsk Region were analyzed and put into scientific circulation for the first time. Also, abstracts, scientific articles, popular science literature and periodicals related to the research topic were used.

Keywords: Irkutsk Oblast, Irkutsk, combat sports, history of combat sports, boxing, wrestling, fencing, popularization, voluntary sports societies, sport schools, championship, sportsmen

For citation: Tiguntsev S. A. (2021) Development of combat sports in Irkutsk Oblast in 1945-1960. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 219-230. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-219-230.

Начало Великой Отечественной войны коренным образом изменило развитие физической культуры и спорта в СССР и Иркутской области. 25 июня 1941 г. вышло Постановление Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР «О работе физкультурных организаций по военной подготовке» (Чудинов, 1959. С. 288). Этим документом ставилась задача организовать работу в военно-прикладном аспекте. Уже в июле 1941 г. Наркомат Просвещения РСФСР ввел военно-физическую подготовку в старших классах школ, средних специальных и высших учебных заведениях (Зуев, Логинов, 2008. С. 110). Силовым видам спорта придавалось особое значение.

Основная нагрузка по поддержанию тренировочного процесса ложилась на тренеров-энтузиастов, которые, несмотря на практически полное отсутствие необходимого инвентаря, материальной поддержки и специального образования, смогли сохранить и преумножить секционную работу с подрастающим поколением во время войны (Переверзин, 1985. С. 12).

В послевоенный период происходит реорганизация всех спортивных инфраструктур, идет активное формирование физкультурно-массового сектора в СССР (Голощапов, 2001. С. 34). Преодолев трудности военного времени, из занимающихся школьников и учащихся профтехучилищ был создан значительный потенциал для дальнейшего планомерного развития силовых видов спорта (Ооржак, 1995. С. 43). В Иркутской области активно начали развиваться такие силовые виды спорта как бокс, борьба классическая (греко-римская), вольная и национальная, фехтование (Дамешек, 1995. С. 484).

Ключевым моментом в перестройке системы физической культуры и спорта СССР в послевоенный период стал выход 27 декабря 1948 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указаний партии и правительства о развитии массового физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов» (Бреева, Кочергин, Давыдов, Королева, 2015. С. 164). Это позволило вывести силовые виды спорта в Иркутской области на более высокий уровень.

Новый показатель был достигнут в результате пополнения тренерского состава за счет демобилизовавшихся специалистов и выпускников Иркутского техникума физической культуры. Кадровый вопрос решался в сжатые сроки. На увеличение числа занимающихся боксом и борьбой оказало влияние открытие секций в близлежащих к Иркутску городах: Тулуне, Черемхово, Усолье-Сибирском, Ангарске, а также в сельских районах Приангарья. Большую роль в популяризации силовых видов спорта сыграло открытие в Иркутске в 1945 г. спортивной школы для молодежи с отделением бокса и классической борьбы. В 1946 г. в Иркутской области насчитывалось 6 ДЮСШ (детско-юношеских спортивных школ), в которых, наряду с другими видами спорта, были организованы 2 группы по боксу в количестве 20 человек. Тренировал их специалист с высшим образованием И. Кирзнер. Значительную часть работы по популяризации и подготовке спортсменов-единоборцев взяли на себя добровольные спортивные общества (ДСО). Бокс, борьба, фехтование и рукопашный бой развивались в таких спортобществах как «Спартак», «Локомотив», «Бу-

ревестник», «Урожай», «Динамо», «Авангард», «Большевик», «Пищевик», «Трудовые резервы», «Наука», «Искра», «Крылья советов».

Основателем послевоенной школы классической борьбы в Иркутской области по праву считается Георгий Александрович Ибятов (1908–1998 гг.) (Шохирев, Ацута, Чирков, Москвитин, 2019. С. 172). В 1946 г. он был назначен завучем, а с 1950 г. – директором Иркутского техникума физкультуры (ИТФК). Георгий Александрович сумел организовать секцию классической борьбы и успешно работать с её воспитанниками. Кроме того, ему удалось много сделать для популяризации этого вида спорта среди молодежи. В 1948 г. секция получила статус школы классической борьбы. Это событие имело ключевое значение для пропаганды этого вида спорта и формирования кадрового спортивного резерва (Ширшиков, 2005. С. 161).

Г. А. Ибятов родился в городе Зима Восточно-Сибирского края. С детства занимался легкой атлетикой и гимнастикой. Поступив в Московский институт физкультуры, начал активно заниматься борьбой под руководством вице-президента Федерации борьбы СССР А. Кутулина, став чемпионом РСФСР и призером СССР по классической борьбе. Также Г. А. Ибятов увлекся популярным в то время рукопашным и штыковым боем, и в 1935 г. стал чемпионом СССР. После окончания института, по распределению, Г. А. Ибятова направили в Казань, где назначили главным тренером республики Татарстан по борьбе.

Став участником двух войн (с Финляндией в 1939–1940 гг. и с Германией в 1941–1945 гг.), являясь командиром взвода пулеметной роты, он был ранен и попал в плен в 1943 г. Находясь в концлагере Дахау, проявил себя как один из руководителей подпольной группы Движения Сопротивления. После побега из плена старший лейтенант Г. А. Ибятов прошел проверку (фильтрацию), был восстановлен в прежнем звании, впоследствии награжден орденом Красной Звезды (в 1965 г.) за мужество и стойкость в борьбе с фашизмом.

В 1950 году Г. А. Ибятов, являясь директором Иркутского ТФК, возглавил Областную федерацию классической борьбы, максимально активизировав пропаганду этого вида спорта среди молодежи (рис. 1). В этом же году на зональных соревнованиях юношеская сборная по борьбе заняла командное второе место. По их итогам иркутские борцы И. Моглиценко и Н. Кравченко были включены в состав юношеской сборной РСФСР. Тренерскую деятельность Г. А. Ибятов совмещал с работой в президиуме федерации борьбы РСФСР и являлся судьей Всесоюзной категории (рис. 2).

Под руководством Г. А. Ибятова начал свою спортивную деятельность специалист и популяризатор этого вида спорта Адольф Иосифович Скшидло. После учебы в Иркутском ТФК он заочно окончил Омский институт физической культуры и спорта и в 1949 г. приступил к преподавательской деятельности на кафедре физвоспитания Иркутского сельскохозяйственного института. На его базе был организован зал борьбы, где Скшидло воспитал 24 мастера спорта СССР и одного мастера спорта международного класса по классической борьбе (рис. 3).

Рис. 1. Занятия школы классической борьбы, тренер-преподаватель Г. А. Ибятов показывает прием в партере
Fig. 1. Classes of the school of classical wrestling, coach-teacher G. A. Ibyatov shows reception in the stalls

Рис. 2. Основатель иркутской школы греко-римской борьбы, участник Великой Отечественной войны, директор Иркутского ТФК (1960–1960 гг.) Г. А.Ибятов
Fig. 2. Founder of the Irkutsk school of Greco-Roman wrestling, participant of the Great Patriotic War, director of the Irkutsk TPF (1960-1960) G. A. Ibyatov

Рис. 3. Чемпионы зональных соревнований 1948 года: *(слева направо) Я. И. Бердников – штанга (завод им. Сталина), чемпион РСФСР по боксу З. Х. Мигеров (ДСО «Спартак»), чемпион РСФСР по боксу В. Н. Полодухин (ТФК) и А. И. Скшидло – борьба (ТФК)*

Fig. 3. Champions of zonal competitions in 1948: *(from left to right) Ya. I. Berdnikov - barbell (plant named after Stalin), champion of the RSFSR in boxing Z. Kh. Migerov (DSO "Spartak"), boxing champion of the RSFSR V. N. Polodukhin (TPK) and A. I. Skshidlo - wrestling (TFK)*

В 1950 г. в Иркутск приехал чемпион Кузбасса, член сборной РСФСР по классической борьбе Е. И. Потапов и начал свою тренерскую деятельность на базе ДСО «Динамо». Объединив усилия, Г. А. Ибятов, А. И. Скшидло и Е. И. Потапов сумели воспитать целую плеяду мастеров этого вида спорта, таких как К. Вырупаев, Ф. Беймуратов, Р. Вадутов, В. Михалев, Н. Моглиценко и многих других (Ширшиков, 2005. С. 46).

Одним из показателей эффективной работы тренерского состава, и как следствие увеличения роста популярности классической борьбы в Иркутской области, стало проведение в Иркутске в 1951 году первенства Сибири и Дальнего Востока. В этих соревнованиях приняли участие спортсмены Новосибирской, Омской, Томской, Кемеровской, Читинской областей, а также Красноярского края и Бурят-Монгольской АССР (Санданов, 1968. С. 112).

В 1955 г. в Ростове-на-Дону на первенстве РСФСР по классической борьбе, крупнейшем по количеству участников (более 300 спортсменов), принимала участие и команда Иркутской области. В полулёгком весе борец из Ангарска, двукратный чемпион Иркутской области О. Татаринов выиграл у всех своих соперников и стал чемпионом РСФСР. В наилегчайшем весе звание чемпиона РСФСР завоевал иркутянин студент ТФК Е. Михалев (Восточно-Сибирская правда. 1955. № 52. 3 марта).

С 1947 г. начал заниматься в секции классической борьбы К. Г. Вырупаев у тренера Е. Потапова, под руководством Г. А. Ибятова и О. И. Скшидло (рис. 4). Константин Григорьевич Вырупаев (1930–2012 гг.) родился в Иркутске, после окончания 4-го класса школы поступил в ремесленное училище № 1 по специальности «кузнец». Работал на Иркутском заводе тяжелого машиностроения им. В. В. Куйбышева. В 1950 г. был призван в армию в пограничные войска, где продолжил занятия спортом. После демобилизации в 1954 г. окончил Иркутский ТФК и Омский институт физической культуры. Успешно выступил на соревнованиях Сибири и Дальнего Востока (1954, 1955 гг. – 1 место), чемпионате СССР (1954 г. – 2 место), Спартакиаде народов РСФСР (1956 г. – 1 место). Это позволило ему впервые в Иркутской области выполнить норматив мастера спорта СССР и добиться включения в олимпийскую сборную СССР. На Олимпийских играх в Мельбурне в 1956 г. К. Г. Вырупаев стал чемпионом, завоевав золотую медаль (Хавин, 1985. С. 21). В 1960 г. на XVII Олимпийских играх в Риме он стал бронзовым призером в весовой категории до 63 кг (Сергеев, 2011. С. 47).

В марте 1956 г. положением Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР было учреждено звание «Заслуженный тренер СССР», что являлось для тренерского состава дополнительным стимулом для подготовки спортсменов, выступающих на международных соревнованиях. Так за успешную подготовку к участию в Олимпийских играх и за плодотворную деятельность по воспитанию спортсмена высокой ква-

Рис. 4. Чемпион XVI Олимпийских игр в Мельбурне, бронзовый призер XVII Олимпийских игр в Риме, ЗМС СССР, Заслуженный тренер РСФСР по греко-римской борьбе, Почетный гражданин г. Иркутска К. Г. Вырупаев

Fig. 4. Champion of the XVI Olympic Games in Melbourne, bronze medalist of the XVII Olympic Games in Rome, ZMS USSR, Honored Trainer of the RSFSR in Greco-Roman wrestling, Honorary Citizen of Irkutsk K. G. Vyrupaev

лификации Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР присвоил звание «Заслуженный тренер СССР» иркутянину Евгению Ивановичу Потапову (ДСО «Буревестник»).

В послевоенное время в развитии бокса в Иркутске прослеживались значительные успехи. Учебно-спортивная работа в этом виде спорта проводилась в ДСО «Авангард», «Наука», ТФК, заводе им. Сталина (авиазавод) и других физкультурных коллективах (Восточно-Сибирская правда. 1949. № 128. 2 июля). Уже в 1946 г. под руководством талантливого педагога Вадима Петровича Хардина (1911–1953 гг.), основателя школы бокса Иркутской области, была подготовлена команда боксеров из трех человек, на первое послевоенное первенство РСФСР в г. Иваново: З. Мигеров, В. Полодухин и К. Савицкий. На этих соревнованиях успешно дебютировал Закарья Мигеров, став первым чемпионом РСФСР от Иркутской области. Сам В. Хардин завоевал бронзу в тяжелом весе. В 1948 г. еще один его ученик А. Ринчинов стал чемпионом РСФСР в наилегчайшем весе среди юношей (рис. 5).

В. П. Хардин родился в 1911 г. В 1936 г. поступил в Высшую школу тренеров при Государственном Центральном ордена Ленина институте физкультуры имени Сталина и через два года получил аттестат первой категории. В течение года он работал тренером по боксу на московском автозаводе имени Сталина (ЗИС), но в ноябре 1939 г. вернулся в Иркутск. Трудился сначала на должности инспектора по тяжёлой атлетике областного комитета физкультуры и спорта, затем начальника учебно-спортивного отдела. Во время Великой Отечественной войны возглавлял областной совет ДСО «Авангард», активно тренировался сам и вел педагогическую работу с юными боксерами (Азербаев, 2003. С. 173). В 1943 г. он был призван в ряды Советской Армии, проходил службу в Забайкальском военном округе, где дважды (в 1944 и 1945 гг.) побеждал на чемпионате Забайкальского округа по боксу в тяжелом весе (Кушкин, Проходовский, 2015. С. 96). В память об этом талантливом тренере в Иркутске с 1958 г. проводятся турниры по боксу.

Рис. 5. Основатель послевоенной школы бокса в Иркутской области В. П. Хардин проводит тренировку
Fig. 5. The founder of the post-war boxing school in the Irkutsk Oblast' V. P. Hardin doing a workout

В начале 1947 г. открылись самостоятельные секции бокса в ДСО «Спартак», «Труд» и «Трудовые резервы». Постепенно бокс в Иркутске становится массовым видом спорта. В 1947 г. успешно выступила команда иркутских спортсменов на первенстве СССР по боксу в г. Горьком, под руководством В. П. Хардина. Так, боксер В. Н. Полодухин, студент ТФК, завоевал звание чемпиона РСФСР среди юношей. В последствии он перешел к тренерской деятельности, стал наставником чемпиона XVI Олимпийских игр 1956 г. по боксу Владимира Константиновича Сафронова (1934–1979 гг.), получил звание «Заслуженный тренер РСФСР». Студент ТФК А. С. Копытин, в последующем талантливый наставник многих спортсменов и Заслуженный тренер РСФСР, на этих же соревнованиях занял II место среди взрослых. Боксер З. Х. Мигеров завоевал «золото», выиграв все свои бои досрочно (Восточно-Сибирская правда. 1947. № 111. 8 июня).

Закарья Хасанович Мигеров (1928–2006 гг.), единственный иркутский боксер, который 7 раз (1946–1953) становился чемпионом РСФСР (рис. 6). В 1951 г. на чемпионате СССР он стал серебряным призером (Восточно-Сибирская правда. 1940.

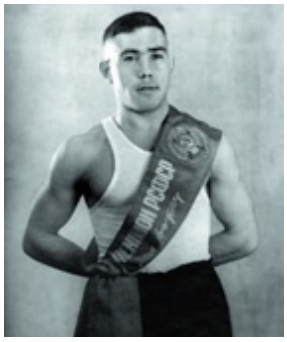


Рис. 6. Закарья Мигеров, семикратный чемпион РСФСР по боксу. Заслуженный мастер спорта СССР по боксу, член сборной СССР
Fig. 6. Zakarya Migerov, seven-time boxing champion of the RSFSR. Honored Master of Sports of the USSR in boxing, member of the USSR national team

№ 14. 17 января). В военные годы подростком работал сборщиком моторов на авиазаводе, а в 1945 г. поступил в Иркутский авиационный техникум, совмещая учебную и трудовую деятельность с тренировочным процессом под руководством своего первого тренера Игоря Кизнера (Шохирев, 2006. С. 132)[1].

В 1949 г. удачно сложился дебют на юношеском первенстве РСФСР в Воронеже у студента ТФК Аскольда Константиновича Лясоты (1931–2001 гг.), занявшего первое место в среднем весе. Боксом Лясота начал заниматься в спортивной секции Дворца пионеров Иркутска у В. П. Хардина, с 1948 г. – в «Трудовых резервах» у тренера Г. Г. Степанова. Чемпион СССР 1957 г. во втором среднем весе, 1958 и 1960 гг. в полутяжёлом весе (Лясота, 1974. С. 32). В дальнейшем А. К. Лясота добился значительных результатов, выступая за сборную СССР, став трёхкратным чемпионом национального первенства, шестикратным чемпионом РСФСР и получил звание «Заслуженный мастер спорта СССР». На закате спортивной карьеры активно занимался тренерской деятельностью, проявил себя как журналист и писатель, также неоднократно снимался в кино. Награждён медалью «За доблестный труд» (рис. 7).

Здесь нужно подчеркнуть, что, несмотря на успехи отдельных боксеров, этот вид спорта в Иркутской области к середине 1950-х гг. переживал кризис, связанный со снижением количества занимавшихся в ДСО и низовых коллективах Иркутской области, а также кадровыми и материально-техническими проблемами. Не проявляли интереса к боксу председатель городского комитета по физкультуре и спорту Каштанов и старший инспектор учебно-спортивного отдела Облспорткомитета Красильников (Восточно-Сибирская правда. 1954. № 249. 21 октября), который возглавлял отделение бокса, борьбы и тяжелой атлетики с 1950 г. (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2826. Оп. 1. Д. 5. Л. 57). Если в Иркутске в 1946 г. насчитывалось 367 боксеров, то к 1954 г. их число сократилось до 216. В борьбе же наблюдался прирост занимающихся, если в 1946 г. количество борцов не превышало 211 человек, то к 1954 г. их стало 480 (ГАИО. Ф. Р-2826. Оп. 1. Д. 5. Л. 57–57 об.). Увеличение числа занимающихся борьбой объяснялось притоком в город сельского населения, увлекавшихся бурятской борьбой и борьбой вольной (Фомин, Мантуров, 2002. С. 64). Соотношение борцов классического стиля к борцам вольной и национальной борьбы в то время составляло 25 % к 75 %.

Рис. 7. Крайний слева, шестикратный чемпион РСФСР, член сборной СССР, заслуженный мастер спорта СССР по боксу, киноартист, писатель А. К. Лясота
Fig. 7. Far left, six-time champion of the RSFSR, member of the USSR national team, Honored Master of Sports of the USSR in boxing, film actor, writer A. K. Lyasota

Дальнейшее развитие бокса в Иркутске связано с деятельностью Виктора Никифоровича Полодухина (1928–2006 гг.). В 1952 г., после окончания Ленинградского института физической культуры и спорта имени Ф. Лесгафта, он возглавил федерацию бокса Иркутской области (на этой должности он пробыл 42 г.) и тренировал учащихся спортивной школы молодежи. Благодаря ему бокс в Иркутске продолжал развиваться. Всего Виктором Полодухиным было подготовлено 12 мастеров спорта СССР. Большое значение он придавал развитию бокса в районах области. Он открыл для бокса чемпиона Олимпийских игр В. Сафронова, бронзового призера Олимпийских игр А. Пакеева, победителя первенства СССР 1955 г. среди юношей в тяжёлом весе Анатолия Столярова, призёров чемпионатов СССР В. Донова, В. Колтырина, А. Белоуса, С. Ткача, Ю. Верхозина, В. Котовщикова, Л. Шапошникова, Г. Чубарина, В. Абрамовича. Под его руководством в 1953 г. боксеры Иркутска выезжали на зональные состязания Сибири в Дальнего Востока, где чемпионами стали В. Сафронов,

[1] Шохирев В. В. Спортивные организации и массовое физкультурное движение Иркутской области в конце XIX – середине XX в. : дис. … канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2006. 170 с.

В. Белых, В. Забелин. В 1954 г. боксеры З. Мигеров, В. Белых, В. Сафронов были приглашены для участия в первенстве СССР.

В 1955 г. Иркутская команда боксёров ДСО «Авангард», под руководством В. Н. Полодухина, впервые участвовала во Всесоюзных соревнованиях на первенство центрального совета спортобщества «Авангард» по боксу и заняла первое командное место (Восточно-Сибирская правда. 1955. № 208. 2 сентября). По результатам всех проведенных соревнований В. Сафронов был включен в сборную команду СССР для подготовки к международным встречам с боксерами социалистических стран (Румынии, Польши, Венгрии).

В. К. Сафронов родился в г. Улан-Удэ, в 1951 г. поступил в Иркутское художественное училище. Совмещая обучение в училище, начал тренировочный процесс под руководством В. Н. Полодухина, Сафронов стал чемпионом по боксу Иркутской области, Сибири и Дальнего Востока, ВЦСПС, попал в сборную команду Сибири. В 1953 г. принят в сборную СССР. В 1955 г. был призван в армию, служил в Забайкальском военном округе. Из армии был откомандирован в олимпийскую сборную СССР. В дальнейшем он выиграл две встречи с боксерами Румынии, продолжил тренироваться в Москве, у заслуженного тренера СССР Градополова (Шохирев, 2006. С. 132)[1].

В 1956 г. В. К. Сафронов вошёл в состав сборной команды СССР. На Олимпийских играх в Мельбурне он выиграл золотую медаль, став первым олимпийским чемпионом среди советских боксёров. Нужно отметить, что к этому моменту у Сафронова был лишь первый разряд по боксу, но по итогам Олимпиады ему присвоили звание «Заслуженный мастер спорта». Окончив художественное училище в Иркутске и оформительский факультет Московского полиграфического института в 1963 г., он работал художественным редактором в издательстве «Физкультура и спорт» в Москве. Награждён орденом «Знак Почёта» (рис. 8).

Еще один уроженец Иркутской области из с. Бохан, боксер В. Баранников, проходил подготовку у тренера Р. Ринчинова (ученика В. П. Хардина) в Улан-Удэ. В 1954 г. стал чемпионом РСФСР среди юношей. В 1957 г. победил на первой Спартакиаде народов СССР среди студентов. Став

Рис. 8. В. К. Сафронов – первый советский Олимпийский чемпион по боксу (Мельбурн, 1956 г.), Заслуженный мастер спорта СССР
Fig. 8. V. K. Safronov - the first Soviet Olympic boxing champion (Melbourne, 1956), Honored Master of Sports of the USSR

студентом МВТУ имени Баумана, продолжил занятия спортом, победив на VI Всесоюзных студенческих играх по боксу в Москве в 1959 г., после чего начал свою карьеру в сборной СССР. В 1960 г. участвовал на Олимпийских играх в Риме, а на Олимпийских играх 1964 г. в г. Токио стал серебряным призером.

Фехтование, штыковой и рукопашный бой имели большое распространение среди населения во время Великой Отечественной войны вплоть до конца 1940-х гг., ввиду мобилизационно-военизированной составляющей физкультурного движения (табл.). Однако популярность рукопашного и штыкового боя ближе к середине 1950-х гг. начинает резко снижаться. Во многом это связано с выходом Постановления Совета Министров СССР от 7 мая 1951 г. «О создании Национального Олимпийского Комитета (НОК) СССР» и актуализацией олимпийских видов спорта в стране (Долгов, 2016. С. 8)[2].

Выступления по фехтованию в то время проводились по программе троеборье, в которое входили: фехтование на эспадронах (колющее и рубящее клинковое холодное оружие, разновидность шпаги), рапире и штыковое фехтование, а также и по каждому виду фехтования в отдельности. Секции, в которых культивировался этот вид

[2] Долгов С. Н. Деятельность государственных и общественных организаций СССР по подготовке и проведению олимпийских игр (1951–1980 гг.): автореф. дисс. … докт. ист. наук. Казань, 2016. 52 с.

Таблица. **Число занимающихся в спортивных секциях в 1946 г. в Иркутской области**
Table. **The number of people engaged in sports sections in 1946 in the Irkutsk region**

		ВИДЫ СПОРТА												
						Борьба								
		Авто-мото	Альпинизм	Баскетбол	Бокс	Французская	Вольная и национальная	Велоспорт	Волейбол	Гимнастика	Городки	Гребли	Конный	Легкая атлетика
всего занимающихся		212	45	325	367	17	194	858	2831	2157	875	402	54	11424
имеют спортивный разряд	I	7		12	8			12	24	14		8		2/3
	II	6	3	30	23	4		18	38	25		16		137
	III	82	18	276	72	5		111	568	52		27		4226
из них колхозники							56	178		576	312			1272

Составлена по: ГАИО. Ф. Р-2826. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.

спорта, функционировали в таких ДСО как «Динамо» и «Буревестник», не в полную силу работали в этом направлении спортобщества «Спартак» и ДСО «Профсоюзы».

В 1950–е гг. фехтование было очень популярно в студенческой среде и активно пропагандировалось на спортивных базах Иркутского государственного университета им. Жданова, Иркутского медицинского, Финансового-экономического и сельскохозяйственного институтов (Тигунцев, Нефедьева, Демаков, Мицкевич, 2019. С. 147). Регулярно проводились соревнования по рапире и эспадронам среди студентов вузов (Восточно-Сибирская правда. 1951. № 97), где первое место традиционно занимала команда медицинского института, тренировавшаяся под руководством В. Пхайко и В. Бурляева. К городским и областным соревнованиям по фехтованию также активно привлекались военнослужащие Иркутского гарнизона, ввиду большого количества разрядников по этому виду спорта в рядах Вооруженных Сил. Тем не менее, по мнению председателя областного комитета по делам физкультуры и спорта М. П. Козырева, фехтование относилось к отстающим видам спорта в Иркутской области, ввиду небольшого количества спортсменов-разрядников, способных выступать на соревнованиях высокого уровня (ГАИО. Ф. Р-2826. Оп. 1. Д. 5. Л. 21).

Стимулирующее значение для популяризации силовых видов спорта не только в Иркутской области, но и в целом в СССР имели победы на XVI Олимпийских играх в Мельбурне в 1956 г. боксера В. Сафронова и борца классического стиля К. Г. Вырупаева (Ширшиков, 2010. С. 100). На своем примере они доказали, что любой юноша при наличии спортивного трудолюбия и поставленной цели может добиться олимпийских высот. Их успешное выступление на международной арене повлекло за собой приток молодежи в секции.

С начала 1950-х гг. военизация физкультурно-спортивного движения уступила место видам спорта олимпийской направленности, к которым относились бокс, классическая и вольная борьба, фехтование. Все это положительно сказалось на качестве тренировочного процесса, более эффективном проведении соревновательных мероприятий, ведения учета спортсменов и формирования спортивного резерва. Так, если в 1954 г. в Иркутской области боксом занималось 775 человек, из которых мастером спорта СССР был только 1 спортсмен (ГАИО. Ф. Р-2826. Оп. 1. Д. 22. Л. 5), то уже к 1958 г. количество занимающихся этим видом спорта выросло до 1772 человек, а мастеров спорта СССР достигло 4 человек (ГАИО. Ф. Р-2826. Оп. 1. Д. 61. Л. 8). В борьбе произошел также значительный прирост занимающихся, так в 1954 г. секции классической борьбы посещало 913 человек, мастеров спорта не было подготовлено (ГАИО. Ф. Р-2826. Оп. 1. Д. 22. Л. 5), а к 1958 г. показателем качества работы тренерского состава

стала подготовка 8 мастеров спорта СССР по классической борьбе, на 1149 человек, занимающихся этим видом спорта в Иркутской области (ГАИО. Ф. Р-2826. Оп. 1. Д. 61. Л. 8).

В конце 1950-х – в начале 1960-х гг. в сфере развития физической культуры и спорта в Иркутской области произошли дальнейшие изменения. Это было обусловлено выходом Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 января 1959 г. «О руководстве физической культурой и спортом в стране» (Зуев, Астафьев, 2012. С. 239). В соответствии с ним Комитет по физической культуре и спорту СССР был упразднен и создан Союз спортивных обществ и организаций СССР. Целью этой реформы было улучшить координацию физкультурного движения за счет делегирования полномочий партийных органов профсоюзам, комсомольским организациям, общественным и негосударственным структурам на основе творческой инициативы и самодеятельности широких масс физкультурников. Как показало время, это было ошибочное решение. У вновь созданного органа не было широкого спектра прав и возможностей для успешного развития физкультурно-спортивного движения.

Ключевое значение имел в этот период выход советских спортсменов на международную арену, благодаря которому физкультурно-спортивное движение в СССР получило олимпийскую направленность, что не могло не сказаться на развитии единоборств как составной части массового спорта в СССР. В связи с этим происходило массовое открытие секций бокса и борьбы во многих городах Иркутской области: Ангарске, Усолье-Сибирском, Черемхово, Свирске, Нижнеудинске и др. Строились новые спортивные сооружения, успешно решался кадровый вопрос (Тигунцев, Изотова (Шикота), Ацута, Кельдасов, 2020. С. 250). Все это положительно отразилось на динамике повышения массовости в боксе, фехтовании и борьбе. В 1960 г. количество штатных тренеров в Иркутской области по видам единоборств составляло: бокс – 23; борьба классическая – 11; борьба вольная – 2, борьба самбо – 4 человека.

По сравнению с предыдущим периодом, к 1960-м годам в единоборствах, как и в других видах спорта, за счет увеличения количества занимающихся, появляется конкурентная составляющая. Ступенчатый принцип отбора спортсменов в сборные команды позволял выбрать лучших на уровне города, области, территориальных зон, РСФСР и СССР. Также формировались команды и календарный план мероприятий во всех спортивных организациях в масштабах страны.

Важную роль в увеличении массовости физкультурно-спортивного движения сыграло постановление Совета Министров СССР о проведении летом 1956 г. I Спартакиады народов СССР (Зуев, Логинов, 2008. С. 110). Традиционными стали проведения различных спартакиад: народов РСФСР, северных районов, школьные спартакиады и др. В их программу, наряду с другими видами спорта, были включены бокс, классическая и вольная борьба, фехтование. Все эти факторы положительно влияли на рост мастерства спортсменов и результаты их выступлений.

Но в начале 1960-х гг. в развитии спортивных единоборств в Иркутской области обозначился и ряд проблем. Например, отрицательными фактами было то, что у ДСО «Локомотив» не было своего боксерского зала, а в ДСО «Динамо», по вине председателя общества Толкачева, секция бокса и вовсе прекратила свою работу. Остальные ДСО культивировали бокс в силу своих возможностей, обеспечив охват почти всех крупных городов Иркутской области. При ДСО «Труд», по инициативе областной секции, вновь открывается ранее закрытое отделение бокса в школе спортивного мастерства. Все это в целом сказывалось на результатах учебно-тренировочной работы.

Секции классической борьбы работали в ДСО «Буревестник», «Труд», «Спартак», «Динамо» в городах: Ангарск, Усолье-Сибирское, Братск, Бодайбо и Мамско-Чуйском районе. Не культивировалась классическая борьба в ДСО «Локомотив» (хотя спортивная база для занятий борьбой в спортобществе имелась) и ДСО «Урожай». Не было секций в городах: Черемхово, Тайшет, Шелехов.

Вольная борьба, как и национальные виды борьбы, развивалась в области очень посредственно, и в основном в ДСО «Урожай» за счет проведения Спартакиады колхозников, сельских

игр и национальных праздников. Энтузиасты этого вида спорта видели причину в нежелании руководителей ДСО развивать вольную борьбу среди населения в низовых коллективах (Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. Р-2861. Оп. 1. Д. 32. Л. 28).

Фехтование, хотя и являлось олимпийским видом спорта, но приоритетным в области так и не стало. Секции, в которых культивировался этот вид спорта, функционировали в таких ДСО как «Динамо» и «Буревестник». Не в полную силу работали в этом направлении спортобщества «Спартак» и ДСО «Профсоюзы». Малочисленность занимающихся не позволяла проводить соревнования выше уровня города, и как следствие, почти полное отсутствие конкурентной борьбы привело к стагнации в этом виде спорта.

В целом в 1946–1960 гг., в становлении физкультурно-спортивного движения в Иркутской области произошли качественные изменения. Главным фактором стал выход советских спортсменов на международную спортивную арену, с последующим планированием участия в XV Олимпийских играх в 1952 г. (Хельсинки, Финляндия) и как следствие – актуализация олимпийских видов спорта (Шохирев, 2007. С. 140). Введение четырехлетних олимпийских циклов во все системы подготовки физической культуры и спорта СССР обеспечило появление новых тенденций в советском спортивном движении. Все это не могло не сказаться на определении дальнейшего курса в развитии силовых видов спорта.

Список источников

Азербаев Э. Г. Иркутский спорт в XX веке: литературно-документальная летопись. Иркутск : Изд-во «Облмашинформ», 2003. 512 с.

Бреева Ю. Д., Кочергин В. А., Давыдов А. С., Королева Л. А. Реализация постановления ЦК ВКП(б) «О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указаний партии и правительства о развитии массового физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов» в СССР (по материалам Пензенской области) // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4. Ч. 2. С. 164–167.

Голощапов Б. Р. История физической культуры и спорта. М. : Издательский центр «Академия», 2001. 312 с.

Дамешек Л. М. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М. : Прогресс, 1995. 544 с.

Зуев В. М., Астафьев Н. В. Спортивное право в стратегии управления сферой физической культуры и спорта советского периода // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. Ч. 1. С. 237–241.

Зуев В. М., Логинов В. А. Нормативно-правовое регулирование отечественной сферы физической культуры и спорта. Москва : Советский спорт, 2008. 349 с.

Кушкин П. П., Проходовский Р. Я. Не думай о секундах с высока… Иркутск : ООО Оперативная типография «На Чехова», 2015. 367 с.

Лясота А. К. Три золотых года. 1957. 1958. 1960: документальная повесть. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1974. 118 с.

References

Azerbaev E. G. (2003) Irkutsk sports life in the 20th century: literary documentary chronicle. Irkutsk: Oblmashinform. 512 p. (In Russ.).

Breeva Yu. D., Kochergin V. A., Davydov A. S., Koroleva L. A. (2015) Execution of the Resolution by the Central Committee of the Communist Party (of Bolsheviks) “On the progress of fulfilling the directives of the Party and the Government on the development of mass sports movement in the country and improving Soviet sportsmen’s skills by the Committee for Physical Education and Sports” in the USSR (based on materials of Penza Oblast). *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern Scientific Research and Innovations.* No. 4. Part 2. P. 164-167. (In Russ.).

Goloshchapov B. R. (2001) The history of physical culture and sports. Moscow: Akademiya. 312 p. (In Russ.).

Dameshek L. M. (1995) The history of Ust-Buryat autonomic region. Moscow: Progress. 544 p. (In Russ.).

Zuev V. M., Astaf'ev N. V. (2012) Sports legislation and strategies on management in physical culture and sports during the Soviet period. *Vestnik tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Tyumen State University Herald*. No. 3. Part 1. P. 237-241. (In Russ.).

Zuev V. M., Loginov V. A. (2008) Legislation in physical culture and sports in our country. Moscow: Soviet Sports. 349 p. (In Russ.).

Kushkin P. P., Prokhodovskii R. Ya. (2015) “Do not be thinking lightly of split seconds”. Irkutsk: On Chekhova. Printing House. 367 p. (In Russ.).

Lyasota A. K. (1974) Three Golden Years. 1957. 1958. 1960: documentary story. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 118 p. (In Russ.).

Ооржак Х. Д-Н. Педагогическое содержание физической культуры народов Южной Сибири. Кызыл : Тувинское книжное изд-ство, 1995. 227 с.

Переверзин И. И. Физическая культура и спорт в СССР: Факты и цифры. М. : Знание, 1985. 63 с.

Санданов Б. Д. Физическая культура и спорт в Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-тво, 1968. 162 с.

Сергеев М. Д. (ред.) Историко-краеведческий словарь. Иркутск : Сибирская книга, 2011. 596 с.

Тигунцев С. А., Изотова (Шикота) И. И., Ацута А. Д., Кельдасов Т-Х. Д. К вопросу об организации физкультурного движения и спорта в СССР на примере Иркутской области в период 1985–1991 гг. // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. Санкт-Петербург : НГУ им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 12 (190). С. 250–254.

Тигунцев С. А., Нефедьева В. С., Демаков В. И., Мицкевич Д. И. О студенческом спортивном движении в Иркутской области // Физическая культура и спорт в структуре профессионального образования: ретроспектива, реальность и будущее: материалы региональной конференции (Иркутск, 29 ноября 2019 года). Иркутск : Изд-во Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 146–151.

Фомин В. А., Мантуров С. В. Вековой путь физической культуры и спорта в Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 72 с.

Хавин Б. Н. Все о советских олимпийцах. М. : Физкультура и спорт. 1985. 464 с.

Чудинов И. Г. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. Москва : Физкультура и спорт, 1959. 302 с.

Ширшиков А. Г. История физической культуры и спорта Приангарья. Иркутск : Принт Лайн, 2010. 310 с.

Ширшиков А. Г. От Кротона до Иркутска. Иркутск : Иркутская областная типография № 1, 2005. 191 с.

Шохирев В. В. Становление и развитие спортивных организаций Иркутской области в конце XIX – середине XX в. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. 162 с.

Шохирев В. В., Ацута К. А., Чирков В. А, Москвитин С. К. Основатель иркутской школы греко-римской борьбы Георгий Ибятов // Физическая культура и спорт: актуальные проблемы, тенденции и пути оптимизации: материалы Международной научно-методической конференции (Иркутск, 14 июня 2019

Oorzhak Kh. D-N. (1995) Pedagogical content of physical culture of the peoples of South Siberia. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 227 p. (In Russ.).

Pereverzin I. I. (1985) Physical culture and sports in the USSR: Facts and figures. Moscow: Znanie. 63 p. (In Russ.).

Sandanov B. D. (1968) Physical culture and sports in Buryatia. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 62 p. (In Russ.).

Sergeev M. D. (red.) (2011) Dictionary of local lore and history. Irkutsk: Sibirskaya Kniga. 596 p. (In Russ.).

Tiguntsev S. A., Izotova (Shikota) I. I., Atsuta A. D., Kel'dasov T-Kh. D. (2020). On the question of the organization of physical culture and sports in the USSR on the example of the Irkutsk region in the period 1985-1991. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta = Scientific notes of the P. F. Lesgaft University.* St. Petersburg: National State University of Physical Education, Sports and Health named after P. F. Lesgafta. No. 12 (190). P. 250-254. (In Russ.).

Tiguntsev S. A., Nefed'eva V. S., Demakov V. I., Mitskevich D. I. (2019) On student sports movement in the Irkutsk region. *Fizicheskaya kul'tura i sport v strukture professional'nogo obrazovaniya: retrospektiva, real'nost' i budushchee. Materialy regional'noi konferentsii = Physical culture and sport in the structure of professional education: retrospective, reality and the future. Materials of the regional conference (Irkutsk, November 29, 2019).* Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. P. 146-151. (In Russ.).

Fomin V. A., Manturov S. V. (2002) A century-long way of physical culture and sports in Buryatia. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of Siberian Department of the Academy of Science. 72 p. (In Russ.).

Khavin B. N. (1985) All about Soviet Olympic sportsmen. Moscow: Fizkul'tura i sport. 464 p. (In Russ.).

Chudinov I. G. (1959) Main resolutions, orders and regulations on physical culture and sports 1917-1957. Moscow: Fizkul'tura i sport. 302 p. (In Russ.).

Shirshikov A. G. (2010) The History of physical culture and sports in Pryangarye. Irkutsk: Print Lain. 310 p. (In Russ.).

Shirshikov A. G. (2005) From Kroton to Irkutsk. Irkutsk: Irkutskaya oblastnaya tipografiya No. 1. 191 p. (In Russ.).

Shokhirev V. V. (2007) Formation and development of sports organizations in Irkutsk Oblast from the end of the 1990s to the middle of the 2000s. Irkutsk: Baikal State University. 162 p. (In Russ.).

Shokhirev V. V., Atsuta K. A., Chirkov V. A, Moskvitin S. K. (2019) The founder of Irkutsk School of Greco-Roman Wrestling Georgy Ibyatov. *Fizicheskaya kul'tura i sport: aktual'nye problemy, tendentsii i puti optimizatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii* (Irkutsk, 14 iyunya 2019 goda) = *Physical Culture*

года). Иркутск : Иркутский государственный университет. 2019. Ч. 2. С. 172–175.

and Sport: Problems, Tendencies and Ways of Optimization. Records of International Scientific Methodical Conference (Irkutsk, June 14, 2019). Irkutsk: Irkutsk State University. Part 2. P. 172-175. (In Russ.).

Информация об авторе

С. А. Тигунцев – старший преподаватель кафедры физвоспитания,
Иркутский государственный медицинский университет,
664003, г. Иркутск, ул. Красного Восстания, 1, Россия.

Information about the author

S. A. Tiguntsev – Senior Lecturer of the Department of Physical Education,
Irkutsk State Medical University,
1, Krasnogo Vosstaniya St., Irkutsk 664003, Russia.

Вклад автора

Тигунцев С. А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Tiguntsev S. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17 октября 2021 г.; одобрена после рецензирования 20 ноября 2021 г.; принята к публикации 30 ноября 2021 г.

Article info

The article was submitted October 17, 2021; approved after reviewing November 20, 2021; accepted for publication November 30, 2021.

Научная статья
УДК 94(470)+323.329(571.52)«1980/1990»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-231-239

Культурная миссия творческой интеллигенции Тувы в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Юлия Константиновна Троякова[1], Надежда Яковлевна Артамонова[2]

[1, 2] Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия
[1] troyackova.julia@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4559-8109
[2] lazar1918@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена истории культурной миссии творческой интеллигенции одного из национальных регионов Южной Сибири – Тувы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. На основе архивных источников, газетных иллюстраций и научных публикаций раскрыта роль национальной интеллигенции сибирской провинции в культурном преобразовании общества. Раскрыто понятие «культурная миссия». Данный термин употребляется авторами в значении «роль», «предназначение». Выделены три основных этапа в процессе возрождения тувинской национальной культуры. Осуществлен краткий анализ каждого из них. Используя историко-системный, сравнительно-исторический методы научного анализа, авторы акцентируют внимание на нравственной значимости интеллигенции, эмоциональной направленности ее поведения и деятельности в сфере культурных преобразований. Руководящая роль в этих мероприятиях отводилась интеллигенции как наиболее образованной и активной части общества. Авторы показывают, что в указанный период на волне перестройки и гласности стала повышаться социально-политическая активность представителей национальной интеллигенции: появлялись общественные инициативы, создавались общественные и общественно-политические организации и движения, проводились фестивали культуры, ставились вопросы о возрождении традиционных тувинских праздников и обрядов. Одними из первых начали появляться инициативы по возрождению музыкальных традиций тувинцев исполнения горлового пения – хоомея. К возрождению своих традиционных духовных ценностей стремились не только тувинцы, но и алтайцы, хакасы. Исследование позволило прийти к выводу, что культурная миссия заключается в определяющей роли интеллигенции регионов Южной Сибири по сохранению самобытной культуры своего народа, передаче прогрессивных традиций культурного наследия в условиях полиэтнического общества, формировании целостной системы историко-культурных ценностей, воспитании национального самосознания, патриотизма и гражданственности молодежи.

Ключевые слова: культурная миссия, культурное наследие, творческая интеллигенция, музыкальная культура, хоомей, перестройка, театр, традиционные праздники, Тува

Для цитирования: Троякова Ю. К., Артамонова Н. Я. Культурная миссия творческой интеллигенции Тувы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 231–239. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-231-239.

Original article

The cultural mission of the creative intelligentsia of Tuva in the late 1980s - early 1990s

Julia K. Troyakova[1], Nadezhda Ya. Artamonova[2]

[1, 2] Khakas State University named after N. F. Katanov, Abakan, Russia
[1] troyackova.julia@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4559-8109
[2] lazar1918@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the cultural mission of the creative intelligentsia of one of the national regions of Southern Siberia – Tuva in the late 1980s – early 1990s. On the basis of archival sources, newspaper illustrations and scientific publications, the role of the national intelligentsia of the Siberian province in the cultural transformation of society is revealed. The concept of “cultural mission” is revealed. This term is used by the authors in the meaning of “role”, “purpose”. There are three main stages in the process of the revival of Tuvan national culture. A brief analysis of each of them has been carried out. Using the historical-systemic, comparative-historical methods of scientific analysis, the authors focus on the moral

© Троякова Ю. К., Артамонова Н. Я., 2021

significance of the intelligentsia, the emotional orientation of its behavior and activities in the field of cultural transformations. The leading role in these events was assigned to the intelligentsia as the most educated and active part of society. The authors show that during this period, on the wave of Perestroika and Glasnost, the socio-political activity of representatives of the national intelligentsia began to increase: public initiatives had been appeared, public and socio-political organizations and movements were created, cultural festivals were held, questions on the revival of traditional Tuvan holidays and rituals were raised. Initiatives to revive the musical traditions of Tuvans for the performance of throat singing, Khoomei, were among the first to appear. Not only Tuvans, but also Altaians and Khakass aspired to revive their traditional spiritual values. The study made it possible to conclude that the cultural mission consists in the decisive role of the intelligentsia of the regions of Southern Siberia in preserving the original culture of their people, transferring progressive traditions of cultural heritage in a multiethnic society, forming an integral system of historical and cultural values, fostering national identity, patriotism and civic consciousness of youth.

Keywords: cultural mission, cultural heritage, creative intelligentsia, musical culture, Khoomei, Perestroika, theater, traditional holidays, Tuva

For citation: Troyakova Ju. K., Artamonova N. Ya. (2021) The cultural mission of the creative intelligentsia of Tuva in the late 1980s - early 1990s. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 231-239. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-231-239.

Период с конца 1980-х по первое десятилетие XXI века в России был насыщен радикальными изменениями общественно-политической системы российского государства, что повлекло за собой переосмысление интеллигенцией своей роли и места в обществе. На январском пленуме в 1987 г., был объявлен новый курс под названием «перестройка», следствием которой стало смягчение идеологического надзора во всех звеньях общественных систем, включая культурные. Важное место в этом процессе отводилось творческой интеллигенции одного из национальных регионов Южной Сибири – Тувы.

Изучение научной литературы по истории культурной миссии творческой интеллигенции Тувы свидетельствует о том, что данная тема ранее была слабо освещена в науке. Бесспорно, выяснить глубину и сложность метаморфоз в сфере культуры и искусства в изучаемый период без учета данного предмета исследования невозможно. Так, история культуры и интеллигенции Тувы, ее отдельных аспектов была рассмотрена в работах таких ученых, как Ч. Даргын-оол (Даргын-оол, 2003), Е. Карелина (Карелина, 2006), А. Кужугет (Кужугет, 2006), В. Сузукей (Сузукей, 2007), А. Хертек (Хертек, 2007), М. Харунова (Харунова, 2010), Ш. Майны (Майны, 2013), З. Кыргыс (Кыргыс, 2016), Э. Чамзы (Чамзы, 2016), В. Ооржак (Ооржак, 2018), Н. Артамонова (Артамонова, 2019), И. Осинский (Осинский, 2019), Ж. Айжы (Айжы, 2020), Ю. Троякова (Троякова, 2021) и др.

Данная статья посвящена изучению роли интеллигенции в сохранении культурно-исторического наследия коренных народов в период обретения нового конституционно-правового статуса через понятие «культурная миссия». В научной литературе, словарях встречаются множество толкований этого понятия. В «Кратком словаре современных понятий и терминов» (Краткий словарь, 1995)[1] содержится следующее определение: «миссия – ответственное задание, поручение, предназначение, призвание» (Краткий словарь, 1995. С. 249)[1]. В данном исследовании термин «культурная миссия» употребляется в значении «роль», «предназначение». Иными словами, культурная миссия заключается в определяющей роли интеллигенции по сохранению самобытной культуры своего народа, передаче прогрессивных традиций национального культурного наследия в условиях полиэтнического общества, формировании целостной системы историко-культурных ценностей, воспитании национального самосознания, патриотизма молодежи.

В указанный период на волне перестройки и гласности стала повышаться социально-политическая активность представителей национальной интеллигенции в виде дискуссий, выдвижения и отстаивания новых точек зрений по тому или иному вопросу. Зарождались гражданские

[1] Краткий словарь современных понятий и терминов. 2-е изд. / сост. и общ. ред. В. А. Макаренко. М. : Республика, 1993. 510 с.

инициативы и движения, проводились фестивали культуры, ставились вопросы о возрождении традиционных тувинских праздников и обрядов (например, Шагаа – празднование Нового года и др.). Руководящая роль в этих мероприятиях отводилась интеллигенции как наиболее образованной и активной части общества. Как справедливо отметил профессор Л. Н. Коган, «формирование духовных потребностей населения зависит от органического единства работы в этом направлении общественных организаций, учреждений культуры, творческих союзов» (Коган, 1989. С. 6). В этой связи первоочередной стала миссия творческой интеллигенции Тувы по возрождению, сохранению и распространению национальной культуры своего народа в условиях перестройки. По данным вопросам проводились активные дискуссии, в которых участвовали представители творческой интеллигенции.

По мнению исследователя А. Кужугет, «возрождение национальной культуры стало общим элементом в региональной политике большинства народов бывшего Советского Союза, поскольку именно культура действительно является одним из определяющих и наиболее четко ощутимых факторов модернизационных процессов общества» (Кужугет, 2006).

Это можно отнести и к национальным регионам Южной Сибири. К возрождению своих традиционных духовных ценностей стремились алтайцы, тувинцы, хакасы. Так, в конце 1980-х гг. прошла череда праздников алтайских, хакасских сеоков (родов). В Горном Алтае были проведены всенародные игры – Эл Ойын, возникли бурханистские религиозные общины (Ак Буркан и др.), возродились старинные праздники (Чага Байрам и др.) (Екеева, 2012. С. 68). По мнению исследователя Н. М. Екеевой, «данные события свидетельствовали о начале естественного процесса этнической самоидентификации алтайцев на основе возрождения традиционных культурных ценностей» (Екеева, 2012. С. 68). Этому благоприятствовали, по мнению автора, «сохранившиеся предметы материальной культуры и элементы традиционных обычаев, верований и культов» (Екеева, 2012. С. 68).

В Туве одной из первых к изучению этнокультурных процессов в исследуемый период обратилась историк М. М.-Б. Харунова. Автором была разработана классификация этапов возрождения самобытной культуры тувинцев (Харунова, 2010. С. 63). С ней по этому вопросу солидарна исследователь Ш. Б. Майны, представив эту классификацию в своей диссертации.

По мнению исследователя В. Сузукей, «одними из первых начали появляться инициативы по возрождению музыкальных традиций тувинцев исполнения горлового пения – хоомея» (Сузукей, 2007. С. 49). В научном плане, попытка изучения данного феномена была предпринята еще в середине 60-х гг. прошлого века. В 1981 г. был проведен первый республиканский фестиваль мастеров горлового пения «Хоомей». С тех пор данный фестиваль был неотъемлемой частью смотров-конкурсов изготовителей национальных музыкальных инструментов.

Исследователь С. С. Хертек указывает на то, что «хоомей – феномен культуры сразу нескольких народов Центральной Азии, и своим бытованием на большом пространстве он лишний раз подтверждает давность и многосторонность этнокультурных связей между ними» (Хертек, 2007. С. 209). Далее автор говорит о том, что «лучше всего исполнение такого специфического горлового пения получается у тувинцев» (Хертек, 2007. С. 209).

Данным феноменом заинтересовались и зарубежные этномузыковеды. Так, с 1987 по 1988 гг. по инициативе Союза композиторов СССР в Туве была организована российско-американская фольклорная экспедиция. Целью экспедиции стал сбор материалов для пластинок, которые были изданы фирмой «Мелодия» в СССР и США. Были записаны около 500 мелодий горлового пения, колыбельных песен, сказаний и легенд. Как отмечает М. М.-Б. Харунова, «неоценимую помощь в организации экспедиции оказали сотрудники Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ), в частности, ученый-этномузыковед З. К. Кыргыс». С ее подачи в 1988 г. был создан фольклорный ансамбль «Тыва».

Для сравнения, в соседнем регионе – Горном Алтае в 1986 г. был создан первый национальный ансамбль «Алтай» (руководитель В. Е. Кончев). В

состав ансамбля входили танцоры, певцы, инструменталисты, драматические артисты. Репертуар коллектива в основном состоял из песен разных народов, включая произведения алтайских композиторов, инструментальные и хореографические композиции, концерты-спектакли по мотивам алтайского эпоса, национальных обрядов и т. д. В Хакасии, на базе Абаканского концертно-эстрадного бюро Красноярской краевой филармонии в 1989 г. открылась филармония (Первые шаги филармонии // Тувинская правда. 1989. 28 сентября). Потребность в открытии филармонии возникла уже давно, так как одаренные выпускники музыкального училища вынуждены были уезжать в другие регионы, не находя себе работы в родном крае. Основой репертуара стало народное, национальное искусство хакасов. Творческий коллектив стал пропагандировать также традиционную культуру коренного населения сибирской провинции. Можно сказать, что исследуемый период открыл новые возможности для культурного развития национальных регионов России, в том числе для Тувы, Горного Алтая и Хакасии. Это выражалось в стремлении к сохранению родного языка и культуры, повышению интереса к истории своего народа, возрождению социально значимых традиций в условиях поликультурного общества.

Опыт работы научных сотрудников ТНИИЯЛИ в составе экспедиций уже был. Так, например, в 1988 г. в Кызыльском училище искусств были подведены итоги работы музыкально-фольклорной экспедиции (В поисках талантов // Тувинская правда. 1988. 6 августа). Группа специалистов, среди которых были научный сотрудник сектора культуры ТНИИЯЛИ, музыковед В. Ю. Сузукей, выпускница института им. Гнесиных, лауреат Всероссийского конкурса исполнителей народной песни Л. О. Намчылак и др., побывала в разных районах республики. Целью экспедиции являлся поиск народных талантов, выступающих в академической, народной и эстрадной манере, а также исполнителей горлового пения в стилях сыгыт, хоомей и каргыраа. Результаты поиска не прошли даром: многие самодеятельные артисты были рекомендованы для поступления в училище.

Обучение горловому пению происходило и на уровне общего образования. Преподавание хоомея стало осуществляться в кружках, школах и др. Впервые набор в класс хоомея состоялся в 1989 г. в одной из детских музыкальных школ республики. По данным исследователя Н. Т. Ултургашевой, «на 2011 г. в Туве официально насчитывалось около 500 исполнителей хоомея, в том числе 10 женщин» (Ултургашева, 2011. С. 52).

В начале 1990-х гг. проблема возрождения национальных традиций тувинцев стала одной из основных тем обсуждения в Министерстве культуры Тувинской АССР с участием представителей творческой интеллигенции. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 26.05.1990 г. за № 580 «О разработке проекта государственной программы развития культуры в СССР» и на основании Постановления Совета министров Тувинской АССР от 03.09.1990 г. № 156 «О разработке проекта республиканской программы развития культуры в Тувинской АССР» комиссия подготовила предложения к проекту концепции развития культуры (ГБУ «Национальный архив Республики Тыва» (ГБУ НА РТ). Ф. 372. Оп.1. Д. 638. Л. 97). Одним из таких предложений стало формирование условий для сохранения преемственности в развитии национальной культуры, сбережении, приумножении и возрождении культурного наследия народа (ГБУ НА РТ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 638. Л. 97).

В 1991 г. был создан государственный национальный центр традиционной культуры «Хоомей» (при Министерстве культуры) (ГБУ НА РТ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 642. Л. 36.). Центр осуществлял свою деятельность на основании программы «Возрождение культуры российского села» и Конституции Тувинской АССР (ГБУ НА РТ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 642. Л. 36). Основными направлениями центра стали:

– сохранение и развитие обрядово-праздничной культуры тюрко-монгольских народов: «Дерево жизни» или «Мировое дерево», «Шагаа», «Наадым», национальных игр;

– воссоздание забытых художественных промыслов, народных ремесел;

– сохранение религий шаманизма и буддизма;

– участие в создании региональных программ возрождения традиционной культуры (ГБУ НА РТ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 642. Л. 36.).

Кроме центра «Хоомей» был создан сектор по изучению самобытного фольклора тувинцев на ба-

зе Республиканского научно-методического центра культурно-просветительной работы и народного творчества (РНМЦ КПР и НТ). Сотрудники сектора тесно контактировали с оркестром тувинских национальных инструментов, театром, художественными мастерскими по изготовлению национальных инструментов, украшений и одежды (ГБУ НА РТ. Ф. 372. Оп.1. Д. 642. Л. 37.). Следует отметить, что на протяжении многих лет творческая интеллигенция, а именно: композиторы, научные сотрудники ТНИИЯЛИ, писатели, художники и др., оказывали всяческую помощь научно-методическому центру. Особенно их деятельность активизировалась в связи с потребностью в возрождении и популяризации самобытной культуры тувинцев.

Творческая интеллигенция одна из первых поддержала идею об открытии в республике классов по обучению народным инструментам. Так, по мнению исследователя Л. Л. Пыльневой, «в начале 1990-х гг. в Кызылском училище искусств им. А. Б. Чыргал-оола появились отделения «Тувинские национальные инструменты»» (Пыльнева, 2012. С. 140).

Активная научно-исследовательская деятельность Центра «Хоомей» способствовала возрождению традиционных праздников, например, Шагаа (данный праздник был запрещен в Туве с 1930-х гг.). Впервые праздник Шагаа, по мнению исследователя А. Кужугет, «был проведен в 1987 г. тувинской интеллигенцией, в частности, научными сотрудниками научно-исследовательского института языка, литературы и истории, работниками Тувинского музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола, местного телевидения – ГТРК «Тыва»» (Кужугет, 2006. С. 256). Далее автор утверждает, что «одной из главных проблем этого периода было то, что инициативы эти часто шли вразрез с мнением власти» (Кужугет, 2006. С. 196). Затем она утверждает, что «после проведения праздника Шагаа в 1987 г., Тувинский областной комитет КПСС выразил свое отрицательное отношение к данному факту, обвинив инициаторов проведения праздника в национализме» (Кужугет, 2006. С. 196). После распада СССР данная традиция была возрождена. Конечно, не без помощи и участия в этом процессе представителей творческой интеллигенции. В начале 90-х гг. XX в. многие традиционные тувинские народные праздники официально получили статус государственного праздника.

По мнению исследователя Хертек, «другим ярким примером легитимации народных традиций является тот факт, что группе тувинских мастеров: Э. Б. Байынды, Д. Х. Дойбухаа, Б. С. Дупур, К. М. Саая в 1992 г. было присвоено высокое звание «Лауреат Государственной премии Российской Федерации» за высокий вклад в развитие российского искусства и создание высокохудожественных произведений камнерезного искусства» (Хертек, 2006. С. 32).

В начале 1992 г. Совет министров Республики Тыва одобрил республиканскую программу «Культура-95», над созданием которой длительное время работали не только работники Министерства культуры, но и представители творческих союзов (Союз композиторов Тувы, Союз писателей Тувы и др.) (Журавлев В. Программа «Культура-95» // Тувинская правда. 1992. 11 января). В результате реализации этой программы были заложены основы для возрождения прикладных видов народного творчества, праздников, обрядов, обычаев, национальных традиций. Следует сказать, что действительно традиции национальной культуры стали выполнять главную адаптационную функцию для общества в условиях системного кризиса, когда вся страна погрузилась в хаос и беспорядок.

С изменениями политической и экономической жизни страны, в начале 1990-х гг., вопрос о национально-этнических отношениях, самоопределении народов вновь стал одним из главных. Одним из примеров активизации и роста национального самосознания стал вопрос о сохранении языка коренных народов Южной Сибири. Так, на одной из сессий Верховного Совета Тувы поэт В. У. Хомушку отметил, «что многие горожане не знали тувинского языка – поэтому любой ценой нужно было сделать тувинский язык государственным» (О проекте Закона Тувинской АССР «О языках в Тувинской АССР» // Тувинская правда. 1990. 15 декабря). Было принято решение о том, что тувинский язык будет государственным.

Следует отметить, что язык является основой развития национальной культуры любой народности. На родном языке, отмечает исследователь Карелина, «говорят 97,5 % тувинцев» (Карелина,

2009. С. 232). В отличие от других национальных регионов Южной Сибири, в частности Хакасии, на родном языке говорят гораздо меньше. Учитывая, что число коренных жителей-хакасов в республике составляет всего лишь 12 % от общего числа населения (Карелина, 2009. С. 232). Численность и удельный вес хакасов среди общего населения практически оставался на том же уровне, что и в советские годы.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессы возрождения национальной культуры тувинцев происходили в условиях глубочайшего социально-экономического кризиса. Кризис не мог обойти сферу культуры и искусства. Основной причиной кризисных явлений стало недостаточное финансирование сферы культуры. В апреле 1992 г. Правительством Республики Тыва было принято Постановление «О мерах государственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ». Республика получила средства на строительство жилья, объектов культуры, социальное обустройство работников культуры и искусства. Однако данных средств явно было недостаточно. Не было ярких спектаклей, почти не издавались художественные произведения. Примерно такое же положение было и в изобразительном искусстве республики.

Особенно остро кризис отразился на развитии профессиональной музыки. Сложная общественно-политическая и экономическая ситуация в стране, уход из жизни известных композиторов в 1989 г. А. Чыргал-оола, а в 1993 – Р. Кенденбиля и Х. Дамба, отъезд в 1991 г. из республики дирижера Б. Нухова, исключение из рядов Союза композиторов Республики Тыва музыковеда В. Сапельцева сам факт дальнейшего существования композиторской организации в Туве поставили под сомнение (Карелина, 2006. С. 75).

Нелегкие времена переживал и музыкально-драматический театр в Туве в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Традиционной проблемой в деятельности театра была нехватка кадров, преимущественно таких специалистов как дирижер, артист балета, оркестрантов. Следовательно, музыкальное направление по сравнению с драматическим было выражено слабее. В театре не было помощника главного режиссера по литературной работе, поскольку не нашлось того, кто в совершенстве владел бы и тувинским, и русским языками, чтобы оказывать помощь начинающим драматургам, помогать дорабатывать свои пьесы. Не хватало и режиссеров, поэтому приходилось руководству театра приглашать людей из других регионов. Среди начинающих тувинских режиссеров можно было отметить И. И. Лопсан, О. Дамба-Хуурак и др. Острыми проблемами театра стала низкая посещаемость зрителей, плохое качество декораций, слабое материально-техническое оснащение, высокая текучесть кадров и др.

Значительное место в репертуаре театра занимали пьесы местных национальных авторов (Ч. Ондар, Е. Танова, Вл. Серен-олл, А. Даржай и др.). Следует отметить, что основу репертуара драматических театров сибирской провинции составляли национальные пьесы, основанные на фольклоре и исторической тематике. Интерес к фольклорному творчеству коренных народов сибирской провинции показал проведенный в Кызыле в 1989 г. семинар драматургов народов Сибири с участием московских специалистов (Козлова С. Материал для работы есть // Тувинская правда. 1989. 5 октября.). Со своими новыми произведениями в Кызыл приехали драматурги из Якутии – В. Васильев, В. Мекуминов, из Хакасии – А. Кызласова, А. Котожеков, из Горного Алтая – А. Юданов, Н. Паштаков, С. Санашев и др. Туву на семинаре представляли В. Серен-оол, Ч. Ондар, А. Даржай, Ч. Куулар, Э. Донгак и др. Следует отметить, что региональный семинар тюркоязычных драматургов Сибири проводился по инициативе Союза театральных деятелей Тувинской АССР.

Как показывает анализ литературы и архивных источников, тематика представленных текстов для обсуждения в основном была философская, обращенная к истории и фольклору тувинского, алтайского, хакасского народов, к древним тибетским источникам. Более половины рассмотренных произведений были созданы на основе легенд, преданий и сказок. Зрители оценили два тувинских спектакля: «Пиршество» В. Серен-оола в постановке тувинской группы музыкально-драматического театра и «В сетях Сатаны» по повести А. Даржая, а также работу экспериментального молодежного театра.

Участие в семинаре молодых драматургов принесло многим уверенность в себе и популярность в регионе. Так, например, в 1990 г. в Кызыле прошел первый региональный фестиваль национальных театров Сибири. Театр представил в нем спектакль «Кровавые следы» Ч. Ондара, получивший одобрение со стороны московских специалистов на семинаре драматургов народов Сибири.

Таким образом, миссия заключалась в определяющей роли творческой интеллигенции Тувы в процессе возрождения национальной культуры сибирской провинции, в том числе, прикладных видов народного творчества, праздников, обрядов, обычаев, традиций. Решающее значение в этом процессе имела политика гласности, а также смягчение или частичный пересмотр некоторых постулатов официальной идеологии. С целью возрождения, сохранения и приумножения культуры коренных народов Южной Сибири перед представителями творческой интеллигенции стала актуальной проблема поиска национальных форм в изобразительном и театральном творчестве.

Список источников

Айжы Ж. Э. Женское лицо тувинского камнерезного искусства: Раиса Аракчаа, Елизавета Байынды, Лариса Норбу // Ермолаевские чтения : материалы IV научно-практической конференции. Кызыл: Издательский отдел Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва, 2020. С. 111–118.

Артамонова Н. Я. Национальная борьба в культурном наследии коренных народов Республик Тыва и Хакасия: историографический обзор // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 1 (35). С. 102–107.

Даргын-оол Ч. К. Культура как основа социального развития регионов России (на примере Тувы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 40–43.

Екеева Н. М. Горный Алтай в XX – начале XXI в.: традиционная культура в изменяющихся условиях // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации : материалы международной научной конференции 25–27 ноября 2012 г./ под ред. Т. К. Щегловой, Г. Ф. Габдрахмановой. Барнаул : АлтГПА, 2012. С. 64–71.

Карелина Е. К. Музыка в культуре постсоветской Тувы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 101. С. 229–236.

Карелина Е. К. Профессиональная композиторская школа Тувы: история поколений // Культура Тувы: прошлое и настоящее: сборник материалов научно-практической конференции (г. Кызыл, 31 марта 2004 г.) / ред. сост. И. В. Подик. Кемерово, 2006. Вып. 1. С. 75–77.

Коган Л. Н. Основные направления перестройки культуры советского общества // Перестройка в духов-

References

Aizhy Zh. E. (2020) The female face of Tuvan stonecutting art: Raisa Arakchaa, Elizaveta Bayindy, Larisa Norbu. *Ermolaevskie chteniya. Materialy IV nauchno-prakticheskoi konferentsii. = Ermolaevskie Readings. Materials of the IV scientific-practical conference.* Kyzyl: Izdatel'skii otdel Natsional'noi biblioteki im. A. S. Pushkina Respubliki Tyva. P. 111-118. (In Russ.).

Artamonova N. Ya. (2019) National Struggle in the Cultural Heritage of the Indigenous Peoples of the Republics of Tuva and Khakassia: Historiographic Review. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of Social and Economic Development of Siberia*. No. 1 (35). P. 102-107. (In Russ.).

Dargyn-ool Ch. K. (2003) Culture as the basis of social development of Russian regions (on the example of Tuva). *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia.* No. 3. P. 40-43. (In Russ.).

Ekeeva N. M. (2012) Gorny Altai in the XX - early XXI century: traditional culture in changing conditions. *Etnokul'turnye vzaimodeistviya v Evrazii: prostranstvennye i istoricheskie konfiguratsii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 25-27 noyabrya 2012 g. = Ethnocultural interactions in Eurasia: Spatial and historical configurations. Proceedings of the International scientific conference on November 25-27, 2012.* Barnaul: AltGPA. P. 64-71. (In Russ.).

Karelina E. K. (2009) Music in the culture of post-Soviet Tuva. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen.* No. 101. P. 229-236. (In Russ.).

Karelina E. K. (2006) Professional Composer School of Tuva: the history of generations. *Kul'tura Tuvy: proshloe i nastoyashchee: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Kyzyl, 31 marta 2004 g.) = Tuva culture: past and present. Collection of materials of the scientific and practical conference (Kyzyl, March 31, 2004).* Kemerovo. Iss. 1. P. 75-77. (In Russ.).

Kogan L. N. (1989) The main directions of the restructuring of the culture of Soviet society. *Perestroika v du-*

ной сфере: сущностные черты, проблемы и пути их решения : материалы региональной научно-практической конференции. Красноярск : Книжное издательство, 1989. С. 4–7.

Кужугет А. К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово: КемГУКИ, 2006. 320 с.

Кыргыс З. К. I Международная научно-практическая конференция по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья (24–27 июля 2016 г., г. Кызыл) // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. С. 146–156.

Майны Ш. Б. Народные игры в традиционной праздничной культуре Тувы // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 4 (36). С. 87–92.

Ооржак В. О. О. Добыча чонар-даша: традиционная технология и элемент экологической культуры тувинцев // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 210–234.

Осинский И. И. Интеллигенции Тувы в сфере материального производства // Евразийство и мир. 2019. № 2. С. 34–54.

Пыльнева Л. Л. Музыкальная культура Бурятии, Тувы и Якутии в 1990–2000-е гг. // Идеи и идеалы. 2012. № 1 (11). С. 137–144.

Сузукей В. Ю. Тувинское горловое пение «хоомей» в контексте современности // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 2. С. 48–51.

Троякова Ю. К. Театральная интеллигенция Южной Сибири в годы перестройки // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 4 (32). С. 95–100.

Ултургашева Н. Т. Музыкальный фольклор тувинцев и проблемы его исследования // Вестник КемГУКИ. 2011. № 17. С. 50–56.

Харунова М. М.-Б. Проблемы возрождения национальной культуры в Туве в постсоветский период // Новые исследования Тувы. 2010. № 2. С. 62–70.

Хертек А. С. От народного к профессиональному (традиции и преемственность) в изобразительном искусстве Республики Тува // Культура Тувы: прошлое и настоящее: сборник материалов науч.-практ. конференции (г. Кызыл, 3 марта, 31 марта 2004 г.) / Кызылское училище искусств им. А. Б. Чыргал-оола; ред.-сост. И. В. Подик. Кемерово : КЕмГУКИ, 2006. Вып. 1. С. 28–33.

Хертек С. С. Тувинский рок в контексте мировой популярной музыки // Вестник Евразии. 2007. № 2. С. 206–228.

khovnoi sfere: sushchnostnye cherty, problemy i puti ikh resheniya: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Perestroika in the spiritual sphere: essential features, problems and ways to solve them. Materials of the regional scientific and practical conference. Krasnoyarsk: Knizhnoe izdatel'stvo. P. 4-7. (In Russ.).

Kuzhuget A. K. (2006) Spiritual culture of Tuvans: structure and transformation. Kemerovo: KemGUKI. 320 p. (In Russ.).

Kyrgys Z. K. (2016) Ist International Scientific and Practical Conference on the Revival of Applied Arts, Crafts and Beliefs of the Sayan-Altai Uplands (July 24-27, 2016, Kyzyl). *Novye issledovaniya Tuvy = New Explorations of Tuva.* No. 3. P. 146-156. (In Russ.).

Mainy Sh. B. (2013) Folk games in the traditional festive culture of Tuva. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts.* No. 4 (36). P. 87-92. (In Russ.).

Oorzhak V. O. O. (2018) Chonar-dasha mining: traditional technology and an element of the ecological culture of Tuvans. *Novye issledovaniya Tuvy = New Explorations of Tuva.* No. 4. P. 210-234. (In Russ.).

Osinskii I. I. (2019) Tuvan intelligentsia in the sphere of material production. *Evraziistvo i mir = Eurasianism and the World.* No. 2. P. 34-54. (In Russ.).

Pyl'neva L. L. (2012) Musical culture of Buryatia, Tuva and Yakutia in the 1990s - 2000s. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. No. 1(11). P. 137-144. (In Russ.).

Suzukei V. Yu. (2007) Tuvan throat singing "Khoomei" in the context of modernity. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education.* No. 2. P. 48-51. (In Russ.).

Troyakova Yu. K. (2021) Theatrical intelligentsia of southern Siberia during the years of Perestroika. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Scientific review of Sayano-Altai.* No. 4 (32). P. 95-100. (In Russ.).

Ulturgasheva N. T. (2011) Musical folklore of Tuvinians and problems of its research. *Vestnik KemGUKI = Bulletin of KemGUKI.* No. 17. P. 50-56. (In Russ.).

Kharunova M. M.-B. (2010) Problems of the revival of national culture in Tuva in the post-Soviet period. *Novye issledovaniya Tuvy = New Explorations of Tuva.* No. 2. P. 62-70. (In Russ.).

Khertek A. S. (2006) From folk to professional (traditions and continuity) in the fine arts of the Republic of Tuva. *Kul'tura Tuvy: proshloe i nastoyashchee: sbornik materialov nauch.-prakt. konferentsii (g. Kyzyl, 3 marta, 31 marta 2004 g.) = Tuva culture: past and present. Collection of materials of the scientific and practical conference (Kyzyl, March 3, March 31, 2004).* Kemerovo: KEmGUKI. Iss. 1. P. 28-33. (In Russ.).

Khertek S. S. (2007) Tuvan rock in the context of world popular music. *Vestnik Evrazii = Bulletin of Eurasia.* No. 2. P. 206-228. (In Russ.).

Чамзы Э. Т. Тувинские шахматы в камнерезном искусстве малых форм // Инновационная наука. 2016. № 3–4. С. 144–146.

Chamzy E. T. (2016) Tuvan chess in small-scale stone-cutting art. *Innovatsionnaya nauka = Innovative Science.* No. 3-4. P. 144-146. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. К. Троякова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 655017, г. Абакан, пр. Ленина, 92, Россия.

Н. Я. Артамонова – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 655017, г. Абакан, пр. Ленина, 92, Россия.

Information about the authors

Ju. K. Troyakova – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Khakas State University named after N. F. Katanov, 92, Lenin Avenue, Abakan 655017, Russia.

N. Ya. Artamonova – Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Khakas State University named after N. F. Katanov, 92, Lenin Avenue, Abakan 655017, Russia.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 9 октября 2021 г.; одобрена после рецензирования 26 ноября 2021 г.; принята к публикации 6 декабря 2021 г.

Article info

The article was submitted October 9, 2021; approved after reviewing November 26, 2021; accepted for publication December 6, 2021.

Рецензия

Рецензия
УДК 93/94
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-240-245

Важный материал по истории Русской Православной Церкви

Православная церковь и русский национализм. Вторая половина XIX – начало XX века. Под ред. А. А. Иванова. СПб. : Владимир Даль, 2021. 799 с.

Александр Сергеевич Пученков[1], Николай Николаевич Смирнов[2]

[1, 2] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
[1] a.puchenkov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5321-2574
[2] n.n.smirnov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2890-9473

Аннотация. В статье характеризуется недавно вышедшая антология, посвященная взаимоотношениям православного духовенства и русского национализма. Работа выполнена авторским коллективом под руководством А. А. Иванова. Указано, что поднятая проблематика до последнего времени оставалась неизученной, несмотря на очевидную актуальность. Рассмотрены особенности отбора текстов для антологии, отмечено их значение. Авторами использовались материалы епархиальных ведомостей и публикации в светской прессе, а также архивные документы. Антология существенно расширяет представления о месте русского национализма в деятельности православного духовенства, разрушая ряд существующих мифов и стереотипов.

Ключевые слова: православие, национализм, русский национализм, духовенство, Российская империя, Гражданская война, рецензия

Благодарности: статья подготовлена при поддержке проекта РНФ № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Пученков А. С., Смирнов Н. Н. Важный материал по истории Русской Православной Церкви : рец. на книгу «Православная церковь и русский национализм. Вторая половина XIX – начало XX века» // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 240–245. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-240-245.

Review

Review

Important material by the history of the Russian Orthodox church

The Orthodox Church and Russian Nationalism. Second half of the 19th - early 20th century. Ed. A. A. Ivanov. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2021. 799 p.

Alexander S. Puchenkov[1], Nikolai N. Smirnov[2]

[1, 2] St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
[1] a.puchenkov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5321-2574
[2] n.n.smirnov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2890-9473

Abstract. The article characterizes the recently published anthology devoted to the relationship between the Orthodox clergy and Russian nationalism. The work was carried out by a team of authors under the leadership of A. A. Ivanov. It is indicated that the issues raised until recently remained unexplored, despite the obvious relevance. The features of the selection of texts for the anthology are considered, their significance is noted. It is noted that the authors used materials from diocesan records and publications in the secular press, as well as archival documents. The anthology significantly expands the understanding of the place of Russian nationalism in the activities of the Orthodox clergy, destroying a number of existing myths and stereotypes.

© Пученков А. С., Смирнов Н. Н., 2021

Keywords: Orthodoxy, nationalism, Russian nationalism, clergy, Russian Empire, Civil war, review

Acknowledgements: the article was prepared with the support of the Russian Science Foundation project № 21-18-00266 “The religious factor in Russia during the Civil War: the phenomenon, significance and regional specificity”, carried out at the St. Petersburg State University.

For citation: Puchenkov A. S., Smirnov N. N. (2021) Important material by the history of the Russian Orthodox church : review of the book “The Orthodox Church and Russian Nationalism. Second half of the 19th - early 20th century”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 240-245. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-240-245.

Вопросы теории и истории национализма по праву относятся к числу насущных проблем, которые стояли перед Россией на различных этапах развития государства. Не потеряли они своей актуальности и сегодня. Российская Федерация является одним из наиболее полиэтничных государств в мире. Это нашло свое отражение и в Конституции РФ, где указывается, что население страны составляет «многонациональный народ», который представляет собой сформировавшуюся общность, несмотря на существующие региональные, культурно-языковые и религиозные различия. По этой причине тематика национализма становится не только предметом обсуждения для современных публицистов и специалистов по безопасности, но и для историков, которые пытаются осмыслить опыт прошлого, в том числе для недопущения тех ошибок в национальной политики, которые стали фатальными для России на прежних этапах истории. Пристальное внимание в работах исследователей традиционно уделяется последним годам существования Российской империи и Советского Союза, когда национальная нетерпимость становилась одной из базовых причин распада государств.

В названных исторических исследованиях особое место занимает проблематика русского национализма. Неслучайно один из признанных специалистов в данной тематике профессор А. И. Миллер выделяет вопрос об отношениях русского национализма и империи подчеркивает, что «у этих отношений была сложная динамика – империя Романовых не только использовала националистический ресурс, но и упорно сопротивлялась «национализации» в течение большей части XIX века. Русский национализм в различных его версиях мог выступать союзником самодержавия и его противником» (Миллер, 2006. С. 13).

Православное духовенство Российской империи советской исторической наукой традиционно воспринималось как сословие, бывшее одним из главных союзников монархии. В ряде работ церковь называлась «служанкой самодержавия», выполнявшей малейшие капризы правящей династии. Другим навязывавшимся на протяжении десятилетий стереотипом было представление о православном духовенстве как стопроцентно черносотенном и стоящим на радикальных националистических и ксенофобских позициях. Церковь, как и другие сложные структуры, не была однородной, и в ней были представлены различные точки зрения на самые разные вопросы общественно-политической жизни России (хотя, разу-

меется, в синодальную эпоху среди духовенства преобладали подобающие этому сословию консервативные и охранительские идеи).

Рецензируемая антология, по нашему мнению, как раз и призвана продемонстрировать весь спектр взглядов православного духовенства синодального периода на русский национализм. Она состоит из вступительной статьи, четырех разделов, приложения и комментариев. Руководителем авторского коллектива и редактором издания стал автор ряда важных публикаций по истории русского национализма и «правых» сил в Российской империи, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета А. А. Иванов. Компетентность авторского коллектива не вызывает вопросов. Стоит отметить, что выходу антологии предшествовало появление цикла статей, в которых характеризовались общие вопросы отношения православного духовенства к национализму (Иванов, Чемакин, 2018), позиция по этому вопросу конкретных священнослужителей и иерархов (Амбарцумов, 2019; Иванов, Амбарцумов, 2020; Иванов, 2019a; Иванов, 2019b; Калиновский, 2019; Калиновский, 2020; Котов, 2019; Чемакин, 2020), проблемам национального воспитания (Амбарцумов, 2020), сосуществованию в православном мировоззрении проблем национального и вселенского (Иванов, 2020), а также другим родственным проблемам.

Несомненно, авторами проделана большая работа по выявлению и осмыслению огромного массива текстов, в основном опубликованных ранее в церковной и светской периодической печати. Интерес представляют и фрагменты публичных выступлений православных священнослужителей, впервые вводимые в научный оборот. Значительный корпус материалов, представленных в антологии – это тексты из епархиальной периодики, по преимуществу – епархиальных ведомостей различных регионов Российской империи. Среди этих публикаций важное место занимают проповеди, произносившиеся с церковных амвонов. Внимательное отношение к этим текстам – важная черта рецензируемого издания, которую, безусловно, можно считать исследовательским достижением. Важно понимать, что долгое время проповеди считались преимущественно богословскими сочинениями и не рассматривались учеными в качестве исторического источника. Между тем многие проповеди были реакцией на события в стране и выражали позицию представителей духовного сословия по отношению к происходившим процессам и явлениям. Авторами тщательно проработаны комплекты епархиальных ведомостей, что позволило показать, насколько синхронно тематика национализма становилась важной для священнослужителей и архиереев из разных уголков империи в определенные моменты отечественной истории (наиболее ярко это проявилось во время революционных событий 1905–1907 гг.).

Другая важная группа материалов, вошедших в антологию – это выступления православного духовенства в светской периодике. Представленные публикации также разрушают стереотип о том, что священнослужители сотрудничали исключительно с «правой» периодикой. Среди статей, презентованных в рецензируемом издании, имеются и те, которые появлялись в тех газетах, которые принято относить к либеральному лагерю. И это лишний раз свидетельствует о том, что православное духовенство в Российской империи было неоднородным сословием, чьи взгляды и политические предпочтения зачастую были диаметрально противоположными – от консервативных до революционно-социалистических.

Предваряющая публикацию вступительная статья, подготовленная пятью авторами – известными историками, вводит читателя в курс рассматриваемых проблем. Справедливо отмечается, что на первый план сегодня выдвигается проблематика национализма, поскольку именно она остается одной из самых острых и обсуждаемых. Церковная среда в конце XIX – начале XX века оказалась вовлеченной в публичную полемику о теории и практике русского национализма, его характере и содержании.

Авторский коллектив прекрасно осведомлен в историографии вопроса, при этом учитываются публикации как отечественных, так и зарубежных авторов – историков, политологов, философов. Правда, в обзоре недостаточно освещены публикации прошлого века. Создается впечатление, что исследуемая проблема получила научное осмысление лишь в начале XXI века.

Несомненно, вводная статья успешно решает проблему введения читателя в круг документов и материалов, составивших антологию. Эта часть работы может считаться самостоятельным и основательным научным исследованием, которое раскрывает не только сущность взаимоотношений православного духовенства Российской империи с русским национализмом. Введение в антологию – пример добросовестного исследования, которое презентует историографические и источниковедческие аспекты заявленной проблемы.

Каждый раздел рецензируемой антологии охватывает определенную эпоху, которая сказывалась на националистических настроениях среди духовного сословия. Структура публикации логична, сомнений не вызывает. Несомненно, удачно выбраны хронологические рамки антологии. Они позволяют проследить развитие проблемы в динамике, акцентируя внимание на наиболее важном содержании отдельных исторических этапов. Первая из приведенных проповедей датирована 1865 годом, последняя – 1919-м, таким образом охвачено более полувека, что делает возможным проследить все метаморфозы генезиса националистических идей в духовной среде. В воззвании «К русским людям», автором которого значится архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), подчеркивалось, что русские люди должны «объединиться в дружную братскую семью для защиты державных прав русского народа и самобытных прав казачества в его историческом укладе – во имя восстановления Церкви Христовой в нетленной чистоте Ея и государства нашего в прежнем его могуществе и единстве». Из этого можно сделать вывод, что для духовенства в период «Русской Смуты» русский национализм не был сугубо этническим явлением. Для этнического грузина, урожденного князя Абашидзе, русское государство в союзе с Православной церковью представляло собой абсолютную ценность[1].

Интересны документы и материалы, помещенные составителями в приложение. В ту часть антологии были включены публикации, авторами которых были не представители духовного сословия, а лица, тесно связанные с церковью и синодальными структурами – богословы, преподаватели, чиновники и другие лица. Достаточно часто в их публицистических и иных выступлениях приводились рассуждения о связях православия с русским национализмом. Так интересен приведенный в книге фрагмент из трактата известного богослова, профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковского, в котором ученый отвергает утверждение о том, что «православие есть известная националистическая форма христианства», отмечая объединяющий характер этого религиозного направления.

Высокой оценки заслуживают комментарии антологии. Они содержат как сведения об основных участниках событий, так и развернутые исторические, философские, филологические характеристики проблемы. Каждой приведенной публикации сопутствуют также внимательно составленные биографические справки об их авторах. Благодаря квалифицированным комментариям становятся понятными контекст эпохи, обстоятельства появления той или иной проповеди, содержащиеся в текстах цитаты из Евангелия или художественных произведений.

Отметим наличие в публикации списка сокращений. Однако вызывает сожаление отсутствие в антологии Именного указателя и Географического указателя. Их наличие, несомненно, украсило бы данную публикацию. Впрочем, это нисколько не умаляет той работы, которая была проделана авторским коллективом во главе с А. А. Ивановым. Рецензируемая антология – это важный вклад в исследования по истории русского национализма, Русской православной церкви, общественной мысли в России. В известной степени рецензируемое издание возвращает забытые ныне имена священнослужителей, их богословские и публицистические сочинения. Появление подобного издания закрывает ряд существующих историографических лакун и, несомненно, может быть полезным для исследователей.

[1] Пученков А.С., Калиновский В.В. О политических взглядах архиепископа Димитрия (Абашидзе). 2020.

Список источников

Амбарцумов И. В. Священник Николай Гепецкий – русский националист и защитник церковных интересов в Государственной думе // Научный диалог. 2019. № 8. С. 208–225.

Амбарцумов И. В. Тема национального воспитания в российской церковной публицистике конца XIX – начала XX века // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 220–231.

Иванов А. А. «Ни эллина, ни иудея»: трактовка слов апостола Павла в русской церковной публицистике конца XIX – начала XX века // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 232–247.

Иванов А. А. Православный консерватизм архиепископа Никона (Рождественского) против «язычествующего» национализма М. О. Меньшикова // Христианское чтение. 2019a. № 4. С. 193–206.

Иванов А. А. Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) // Русин. 2019b. № 58. С. 58–78.

Иванов А. А., Амбарцумов И. В. Апология и критика русского национализма в публицистике епископа Андрея (Ухтомского) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 255–283.

Иванов А. А., Чемакин А. А. Православное духовенство и русский национализм в начале XX в. // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 153–166.

Калиновский В. В. Взгляды архиепископа Николая (Зиорова) на национальный вопрос // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 237–250.

Калиновский В. В. «Вопрос об отношении Церкви к национальности не есть вопрос отвлеченный»: проблематика национализма в церковной публицистике в годы Первой мировой войны // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 197–205.

Котов А. Э. Священник Иосиф Фудель и полемика о национализме // Russian Colonial Studies. 2019. Вып. 2. С. 56–75.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М. : НЛО, 2006. 320 с.

Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб. : Владимир Даль, 2020. 407 с.

Чемакин А. А. Священники-черносотенцы между русским и украинским национализмом: на примере архиепископов Алексия (Дородницына), Агапита (Вишневского) и протоиерея Нестора Шараевского // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 335–354.

References

Ambartsumov I. V. (2019) Priest Nikolai Gepetsky - Russian nationalist and defender of church interests in the State Duma. *Nauchnyi dialog = Scientific dialogue.* No. 8. P. 208-225. (In Russ.).

Ambartsumov I. V. (2020) The theme of national education in Russian church journalism of the late XIX - early XX century. *Tetradi po konservatizmu = The journal "Essays on conservatism"*. No. 1. P. 220-231. (In Russ.).

Ivanov A. A. (2020) "Neither Hellene nor Jew": the interpretation of the words of the Apostle Paul in Russian church journalism of the late 19th - early 20th centuries. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*. No. 5. P. 232-247. (In Russ.).

Ivanov A. A. (2019a) Orthodox conservatism of Archbishop Nikon (Rozhdestvensky) against the "pagan" nationalism of M. O. Menshikov. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*. No. 4. P. 193-206. (In Russ.).

Ivanov A. A. (2019b) Problems of Russian nationalism in the articles and sermons of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). *Rusin*. No. 58. P. 58-78. (In Russ.).

Ivanov A. A., Ambartsumov I. V. (2020) Apology and criticism of Russian nationalism in the journalism of Bishop Andrey (Ukhtomsky). *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 3. P. 255-283. (In Russ.).

Ivanov A. A., Chemakin A. A. (2018) Orthodox clergy and Russian nationalism at the beginning of the XX century. *Voprosy istorii = History questions.* No. 9. P. 153-166. (In Russ.).

Kalinovskii V. V. (2019) Views of Archbishop Nicholas (Ziorov) on the national question. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*. No. 5. P. 237-250. (In Russ.).

Kalinovskii V. V. (2020) The question of the attitude of the Church to nationality is not an abstract question": the problem of nationalism in church journalism during the First World War. *Tetradi po konservatizmu = The journal "Essays on conservatism"*. No. 1. P. 197-205. (In Russ.).

Kotov A. E. (2019) Priest Joseph Fudel and the controversy about nationalism. *Russian Colonial Studies.* Iss. 2. P. 56-75. (In Russ.).

Miller A. I. (2006) The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research. Moscow: NLO. 320 p. (In Russ.).

Puchenkov A. S., Kalinovskii V. V. (2020) Spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914-1920. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. 407 p. (In Russ.).

Chemakin A. A. (2020) Black Hundred priests between Russian and Ukrainian nationalism: on the example of Archbishops Alexy (Dorodnitsyn), Agapit (Vishnevsky) and Archpriest Nestor Sharaevsky. *Tetradi po konservatizmu = The journal "Essays on conservatism"*. No. 1. P. 335-354. (In Russ.).

Информация об авторах

А. С. Пученков – доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, Россия.

Н. Н. Смирнов – доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, Россия.

Information about the authors

A. S. Puchenkov – Dr. Sci. (History), Professor by the Department of Modern History of Russia, Institute of History,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russia,
e-mail: a.puchenkov@spbu.ru

N. N. Smirnov – Dr. Sci. (History), Professor by the Department of Modern History of Russia,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russia.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 ноября 2021 г.; одобрена после рецензирования 27 ноября 2021 г.; принята к публикации 6 декабря 2021 г.

Article info

The article was submitted November 7, 2021; approved after reviewing November 27, 2021; accepted for publication December 6, 2021.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований. Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом 6000–9000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. ***Имена, отчества и фамилии авторов:*** располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Благодарности.*** После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. ***Английский перевод*** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. ***Раздел «Список источников».*** Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например, статья в журнале: Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.; статья в научном сборнике: Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; монография: Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. ***Раздел «References»*** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (https://translit.net/ru/bsi/), все остальные данные перевести на англий-

ский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. ***Раздел «Информация об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. ***Раздел «Вклад авторов».*** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: ***«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;*** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.
Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.
The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.
ISSN 2415-8739
The Journal was founded in 2003
Founder: Irkutsk National Research Technical University
Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces. The heading "Review" accepts articles with a volume of 6000-9000 symbols.
The manuscript should have the following order.
2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.
2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.
2.3. ***Names, patronymics and surnames of authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.
2.4. ***The organization and its address:*** are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).
located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).
If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.
2.5. ***Abstract*** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.
2.6. ***Acknowledgments.*** After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.
2.7. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.
Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.
2.8. Section ***"Список источников (List of sources)".*** It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article: Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.; article in a scientific collection: Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Меж-

дународной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph: Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.
2.9. Section ***«References»*** is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (https://translit.net/ru/bsi/), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.
2.10. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:
Information about the author
Name N. Family name,
Academic degree, academic title, position,
Organization,
Postal address (building, street, city, postal-index, country)
e-mail
2.11. ***Section "Criteria of authorship".*** After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."
2.12. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".
2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines
Page and paragraph settings**:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.
Text settings**:** MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.
Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.
Numbers should be typewritten in tables.
All ***tables*** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.
Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.
References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations
Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.
Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.
For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.
The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov
Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 4 (41) 2021

16+

Редакторы Н. Е. Мелихова, Н. Н. Куклина
Ответственный за выпуск О. Н. Валериус
Перевод на английский язык А. В. Тетенькина
Верстка О. Н. Валериус

Дата выхода в свет 30.12.21. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 31,75.
Тираж 500 экз. Заказ 210. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А